

К дискуссии о генплане ¹

Дискуссия по генеральному плану уже развернулась. Мы слушали уже дважды на Малом и на Большом Президиуме Госплана доклад т. Ковалевского о предварительных итогах подготовительных работ по генплану, которые в течение более пяти лет велись комиссией генплана. Затем этот доклад им был сделан также в Госплане РСФСР и на специальном совещании Всероссийского съезда плановых органов. Доклад тов. Ковалевского, выставившего рабочую гипотезу по составлению генерального плана (над которой он продолжает работать) для удобства пользования мы отпечатали на правах рукописи в 500 экземплярах.

Вы знаете, что год тому назад мы опубликовали брошюру тов. Сабсовича «СССР через 15 лет».

В Институте экономических исследований Госплана СССР было поставлено обсуждение представленного доклада. Прения, которые имели там место, настолько интересны, что их следует опубликовать, чтобы начать еще более широкое публичное обсуждение этого вопроса, значение которого трудно преувеличить.

Я попробую в беглых штрихах коснуться тех основных моментов, которые уже выявились в самом начале дискуссии. Начнем с методологии. Очень хорошо, что товарищи обращаются к первоисточникам — к Марксу, к Энгельсу и Владимиру Ильичу. Разбираясь в методологии, товарищи прежде всего хотят ответить на такой вопрос: надо ли идти от частного к общему, от анализа конкретной действительности к некоторым обобщениям, или наоборот, т.-е. надо ли идти аналитическим или синтетическим методом. При этом ссылаются на то место из Маркса, в котором он характеризует период «первоначального накопления» в общественных науках. Берется правильная цитата, в которой Маркс, действительно, констатирует, что охват конкретной действительности является гораздо более удачным уже после того, как первоначально накопленная сумма знаний дала возможность опереться на некоторые абстрактные обобщения, с помощью которых дальнейший анализ самой пестрой действительности принимает гораздо более стройную форму. Само построение «Капитала» является блестящей иллюстрацией такого рода метода. Отсюда делается вывод, что

¹ Переработанная стенограмма речи на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР (февраль 1930 г.).

при построении планов и генплана, в особенности, надо применять также и аналитический метод. Тов. Ковалевский, например, пробует построить в своей рабочей гипотезе схему обобщающих показателей, оперирование с которыми, по его мнению, дает возможность удобным математическим методом нащупать искомые варианты основных показателей генерального плана.

При этом некоторые товарищи забывают, что над аналитическим и синтетическим методами стоит третий решающий метод — метод диалектического материализма. Диалектический подход к действительности требует, прежде всего, такого проникновения в сущность явления этой действительности, при котором она выявлялась бы как некоторый процесс, развивающийся «из себя», что, разумеется, возможно лишь в том случае, когда на каждой фазе этой развертывающейся действительности будут наглядны ее конкретные ведущие звенья.

Мне кажется, что те 10—15 лет, в которые мы входим в полосу генерального плана, являются действительностью совсем особого порядка, при том как раз такого порядка, предвосхищение которого является делом величайшей трудности. Это будет, действительно, период развернутых великих работ и решительной социалистической перестройки отношений человека к природе и человека к человеку. Это период своеобразного торжества новейшей техники и своеобразного построения всей живой энергетики. Перед нами, быть может, лишь самые небольшие звенья этой будущей новой действительности. Не равновато ли перехлестывать эту действительность скороспелыми обобщениями и математическими расчетами. Вспомним, прежде всего, то, чему нас учил Владимир Ильич. Кому-кому, а уже ему-то нельзя отказать в одинаковом мастерстве как аналитического расчленения изучаемого предмета, так и в глубоком синтезе, превосходном умении перекрывать частности ясным и ярким обобщением. Тем не менее, вспомните, с какой осторожностью подходил он к выявлению особенностей нашей революционной действительности, с какой настойчивостью он рекомендовал изучать местный опыт и какую умелость особенностей нашей революционной действительности, с какой настойчивостью он рекомендовал изучать местный опыт и какую умелость проявлял в оценке таких звеньев этого опыта, которые на первый взгляд являлись как бы мельчайшими звеньями. Вспомните, например, его известный наказ об организации местных органов, вспомните его статьи о первых субботниках, его замечания о социалистическом соревновании и т. д. Следуя этому примеру, мы заранее должны объявить себя весьма скромными учениками той богатой новым великим творчеством эпохи, в которую мы вступаем. Такого действенного времени человечество еще не переживало. Вот когда мы можем сказать без всяких колебаний: в начале дело, а не слово. Перед нами не просто хозяйственная деятельность, а деятельность хозяйственно-политическая, строительство под знаком обостряющейся борьбы, долженствующей развернуться в борьбу миров. Перед лицом такой действительности

сти странное впечатление производит утверждение, что на основании уже известных звеньев этого строительства возможно перебросить на 10—15 лет вперед некоторые математические мосты. Так ли это? Не опасная ли эта линия? Скажите, чем являются в настоящее время наши тракторы? Что это — скромное орудие, двигатель нового сельского хозяйства, или настоящий социалистический пулемет? Возможно ли в таких условиях несколько пренебрежительное отношение к технике и горделивое заявление, что для коммунистов «экономика важнее всего», как это делают некоторые товарищи?

Будем осторожны: свое место науке и ее обобщениям. Но нажим нам придется сделать на глубокий анализ этой своеобразной действительности, на некоторую переоценку ценностей. Эта переоценка — весьма трудная задача. Сдвиги решающего значения нередко будут начинаться с количественно малых величин и, тем не менее, будут знаменовать рождение нового качества всей нашей хозяйственной обстановки. В свое время, конечно, придет и полнокровный синтез, но разве опыт пятилетки не показывает вам, как мы еще слабы именно в синтетическом охвате действительности. Поближе к этой действительности, чтобы не впадать в пустую схоластику, — занятие самое опасное для экономистов, работающих методом диалектического материализма. Для того, чтобы dorости до необходимого синтеза, нам еще немало придется повариться в соку этой действительности, пройти еще ряд этапов нашего строительства, в котором мы должны будем преодолеть не только сопротивление материальной среды, но и тех пережитков, которые живут в нас самих.

Не упускайте из виду, что и по отношению к нашим планам мы должны соблюдать основной лозунг всей полосы решающей социалистической реконструкции, лозунг борьбы за качество продукции. Требуя высококачественной продукции от всех производственных органов, острение этого требования направим прежде всего на самих себя. Установка на наименьшие потери — одна из основных установок всего нашего строительства — не забудем применить эту установку и по отношению к нашим работам. Приобретено уже немало, а дорога длинная. Нам предстоит всестороннее форсирование плановой работы, и под'ем к генеральному плану — крутой под'ем, с рядом обрывов по сторонам. Давайте крепить наш багаж.

Примерно через год исполнится десять лет нашей плановой работы. Это несомненно, целый исторический этап, представляющий свои уже неотъемлемые достижения и завоевания. Не верьте нытикам, скептически расценивающим и эти достижения, и роль такого органа, каким является Госплан СССР. Не верьте тем, кто склонен недооценивать значения планово-социалистических работ в условиях такой бурной оперативной полосы, которую мы переживаем. Я убежден в том, что еще никогда не было такого благоприятного времени для развернутых парусов плановой работы. Разве вы не замечаете, что в целом ряде наших хозяйственно-политических позиций мы как бы вновь возвращаемся

к постановке тех самых вопросов, которые мы прорекламировали в первый, военно-боевой период Октябрьской революции. Но к этим вопросам мы подходим на этот раз с новыми предпосылками, с новыми шансами успеха. Теперь мы осуществляем то, что на первых порах мы только декретировали. Это не перебои действительности, это ее диалектическое развертывание. Не подлежит сомнению, что в ряде этих позиций, позиции борьбы за план в ближайшие годы должно быть отведено особо почетное место. В этом смысле самые грани между оперативной и плановой работой приобретают все более и более относительное значение.

Мы слышали здесь на съезде заявление товарища из ВСНХ, говорившего, что в Плановый отдел ВСНХ в настоящее время направляются многочисленные делегации рабочих от станка. Товарищ хотел таким путем подчеркнуть некоторую самостоятельность ВСНХ в системе плановых органов. Товарищ может быть уверен, что мы вместе с ним радуемся такой увязке плановой работы с миром трудящихся. Он ошибается только в том отношении, что думает таким путем аргументировать в пользу некоторой экстерриториальности планового органа ВСНХ в системе плановых органов. Он не отдает себе отчета, повидимому, в том, что таким же путем пойдет и работа всей этой системы.

Какой же важнейший вывод отсюда? Да будет этим выводом, прежде всего, то чувство величайшей ответственности, которое должно нас всех охватывать в нашей плановой работе. Мы проводим резкую грань между нашим плановым строительством и всем тем, что делается или предполагается делать в этом направлении за нашим рубежом. Мы знаем, что и «Лига Наций», и энергетические конференции порой как-будто бы пишут на те же темы, на какие пишем мы. Но мы не литераторы и не конкурируем с ними в этом отношении. Мы должны свою работу вести так, чтобы наши планы как бы вырубались из нашей жизни и чтобы мы имели право сказать всему миру, подобно тому, как когда-то сказал поэт, что «кровь есть жидкость особого рода», — что наши планы не литература, а документы, продиктованные нашей творческой действительностью. В особенности это надо иметь в виду по отношению к такому документу, которым должен явиться наш генеральный план.

Не только внутри нашей страны, но и за нашим рубежом начинают по новому считаться и с нашими контрольными цифрами и с нашими перспективными планами. Пятилетка стала таким же непереводаемым словом, как и слово совет; так прямо и пишут на всех языках: пятилетка, советы... Это, товарищи, не только документы нашей борьбы, но и нашей защиты. Значение этих документов нашей борьбы и защиты трудно переоценить.

Никто из нас не сомневается, что наше время не имеет ничего общего с пацифизмом, что мы живем в условиях разгорающейся борьбы. Наша мирная передышка по своей длительности находится в прямой пропорциональности с ростом актива действительных борцов за

социализм, с ростом актива Третьего Интернационала. Не случайно, что спрос на пятилетку, на трактовку тех тем, которые связаны с нею, непрерывно возрастает среди интернационального пролетариата. А ведь именно этот актив борцов за действительное построение социализма один только в силе ломать хищнические зубы акул капиталистического мира. Вот, товарищи, в каком направлении идет наша работа. Вот откуда то чувство ответственности, которым должны быть проникнуты наши плановые работники.

Небезынтересны для нас и отзывы наших врагов. Вот, что, например, пишет орган плутократии «Анналист»: «В самом деле, было очень мало в истории экспериментов, которые бы могли претендовать на такой интерес, как п я т и л е т к а. Неужели, при отсутствии необходимых иностранных кредитов, можно собрать такие внутренние капитальные ресурсы, которые бы могли одолеть столь изумительную программу? Неужели к концу 1933 г. мы увидим Россию самодостаточной промышленной страной? План (1929—30 г.) базируется на предположении, что производство будет постепенно прогрессировать, увеличившись на 21,9% в первый год и на 22,6%, по сравнению с предыдущим годом, в последний. Возможности, создаваемые централизацией всех форм капитала, объединением всех видов экономической деятельности в стране, рационализацией и стандартизацией в невиданных масштабах, очевидны».

Со стандартизацией и рационализацией автору этих строк не повезло, но дело не в этих частностях, а в общем тоне этого заявления. В самом деле, какую позицию могут занять по отношению к нам наши недруги? Известны следующие три приема. Первое, что они хотели бы сделать, это замолчать то, что им неприятно учитывать. Замолчать чисто литературный документ—дело не особой трудности, но замолчать такие документы, которые вытекают из жизненной борьбы целого народа,—не так-то легко. Это легче сделать в том случае, когда данный народ можно, так сказать, снять со счетов.

Монополистический капитализм переживает сейчас не легкое время. С рынками ему становится тесненько; скинуть со счетов такой союз народов, который охватывает одну седьмую часть земной суши,—дело безнадежное. Политику замалчивания приходится отбросить. Тогда остается второй путь — оболгать, оклеветать. Пробовали поработать в этом направлении. Наши планы назывались блефом, бессмыслицей. Их появление объясняли своеобразным безумием, охватившим целую нацию. Но неправдоподобность подобного объяснения слишком бросается в глаза. Тогда остался только тот третий путь, который мы в настоящее время слышим в хоре голосов, аналогичных голосу «Анналиста»: нельзя не признаться, но нельзя и не сознаться. Это—максимальный успех, на который мы можем рассчитывать у наших недругов.

Прочитав вам еще один любопытный документ, сообщенный нам Отделом Печати Амторга. Вот, что нам пишет этот Отдел Печати:

«Книга «Совет Юнион Луск Ахед», превосходно изданная через посредство крупного американского издательства «Хорас-Ливерайт», составлена была на основе первого тома «Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства», выправленного арифметически, а также дополненного статьями о планировании народного хозяйства в СССР и о советско-американской торговле. Книга эта, выпущенная первым изданием в количестве 2.500 экз. для Америки и 500 для Англии, была встречена американскими торгово-промышленными и финансовыми кругами, а также академическим миром чрезвычайно приветливо. Полученные нами сотни писем и появившиеся в печати рецензии говорят за то, что издание пятилетки будет иметь большое положительное влияние на развитие советско-американских хозяйственных связей. Промышленников и рецензентов поразила детальная цифровая разработка пятилетнего плана, который до тех пор они считали лишь общими указаниями. К настоящему времени книга разошлась почти полностью не только в Америке и Англии, но также и в Германии, Австрии и друг. странах. В САСШ книга попала в руки руководителей основных фирм и банков, участвующих в советско-американской торговле, а также виднейших американских политических и хозяйственных деятелей и экономистов».

Приветливую встречу мы оставим на ответственности нашего корреспондента, но что деловой мир Америки должен считаться с возможностями нашего рынка — это верно и это относится к тем противоречиям, которыми переполнен современный капиталистический мир.

У нас, товарищи, тоже есть свои «противоречия»; но есть разница между противоречиями капиталистического мира и нашими противоречиями. Противоречия, охватывающие капиталистический мир, ведут его в тупик, противоречия, на которые наталкиваемся мы, ведут нас вперед. Одно из противоречий капиталистического мира — хищная злоба по отношению к Советскому Союзу и непреодолимое желание использовать рынок этого Союза. Конъюнктура современного капитализма такова, что чистоган сегодняшнего коммерческого расчета нередко превалирует над перспективой. При составлении таких планов, каким должен явиться наш генплан, нельзя упускать из виду и этого момента.

Конечно, товарищи, мы отнюдь не самообольщаемся насчет наших достижений в плановом охвате нашего хозяйства. Наш съезд показывает, что работы его идут под знаком самокритики. И все же мы можем определенно утверждать, что в наших плановых работах нам не приходится учиться у Запада. Обращаю ваше внимание на такой поразительный документ, каким являются работы комиссии Гувера, первый том которых вышел под наименованием: «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов». Какое поразительное сочетание интереснейших цифр и фактов и наивно-ханжеской трактовки экономических вопросов. Попробуйте перелистать вновь четвертое издание известной книги К. Баллода: «Государство будущего», в которой

этот автор выступает во всем своем фашистском облике и пробует составить генеральный план не то социалистического, не то фашистского преобразования Германии. Каким наивным лепетом кажется нам теперь эта книга.

И так, товарищи, нам приходится быть пионерами: почетное и трудное дело. Мы можем предохранить себя от целого ряда перебоев в нашей работе, если крепче наляжем на рычаг диалектического подхода к нашей хозяйственной действительности. Наш генеральный план должен вырастать из диалектики генеральных линий строительства нашего хозяйства. Он будет реальным планом как раз в меру своего соответствия этой решающей предпосылки всей его компановке.

Сама наша плановая работа в своей совокупности представляет своеобразный диалектический процесс. Как мы начали? Мы начали с генерального плана, с плана ГОЭЛРО. По обстоятельствам времени мы должны были перейти как бы к партизанской плановой работе на отдельных хозяйственных фронтах: этого требовала борьба с разрухой, наступившей в послевоенный период. Через несколько лет такой работы мы приступили к составлению первых опытов по контрольным цифрам. Лишь пятилетняя работа над контрольными цифрами приблизила нас к некоторому стандарту в этом отношении. Базируясь на опыте контрольных цифр, мы приступили к компановке пятилетнего плана. Профиль плана нам удался, но до стандарта мы еще далеки.

Переход к генеральному плану является, таким образом, естественным очередным этапом. К этому этапу нас неудержимо толкают обстоятельства нашего действительного хозяйственного строительства. Масштабы этого строительства таковы, что мы уже не можем укладываться по самому их размеру ни в пределах контрольных цифр, ни в пределах пятилетних планов. В самом деле, возьмем хотя бы строительство нынешнего Днепровского комбината, охватывающего и проблему Нижнего Днепра, и сопоставим его с теми наметками, которые связывались с Днепровской гидроэлектрической станцией в плане ГОЭЛРО. Не ясен ли колоссальный прирост масштаба строительства?

Самый масштаб заданий строительства Днепровского комбината теперь уже таков, что он перерастает рамки пятилетия. Его народно-хозяйственная оценка никак не укладывается в рамки пятилетнего плана и возможна только в перспективе плана генерального.

Берем другую важнейшую проблему нашего строительства. Возьмем транспортное строительство в его целом. Если сопоставить возможные перспективы нашего грузооборота применительно к конкретным географическим данным нашей страны — с грузооборотом САСШ, то без особых трудностей можно доказать, что перспективно перед нашим транспортом стоит задача гораздо более грандиозная, чем перед транспортом САСШ. Отсюда колоссальная программа и строительства, и рационализации транспорта, взвесить которую в рамках пятилетнего плана совершенно невозможно.

Случайно или не случайно, такие районы, как Сибкрай, Закавказье, Нижняя Волга, Урал имеют уже свои черновые эскизные проекты генерального плана. Не случайно: большому кораблю большое и плавание. Масштаб экономики наших крупнейших районов таков, что в рамках пятилетнего плана ему явным образом тесно.

К тому же самому вопросу мы можем подойти и с несколько иной стороны. На наших плановых съездах мы как-будто бы прочно установили три оси, три основных стержня нашего планирования: контрольные цифры, пятилетка и генеральный план. Чему учит наш опыт? Имеем ли мы какие-нибудь основания для отказа от этой основной схемы? Мне кажется, что никаких оснований налицо не имеется. В этих осях планирования мы имеем как бы три оси координат, ориентируясь по которым, мы находим для всей плановой системы в целом такое выявление, которое делает ее мощной основой всей нашей хозяйственной практики. Каждая из этих координат развертывает перед нами свои счета, каждая из них имеет свои цифры — показатели, свои балансовые счета, свои «допуски» погрешностей. Потрудитесь сосчитываться во всех этих направлениях, и тогда вы действительно сумеете находить такое оформление наших хозяйственных планов в пространстве и времени, которое соответствует нашим объективным нуждам. Мы видим, таким образом, что и с этой стороны мы, так сказать, прижаты к работам по составлению генерального плана.

Сомневается ли кто-нибудь из нас, что наша пятилетка была как бы преддверием к компановке генерального плана, что наличность такого генерального плана могла бы придать и для работ по пятилетке такой плюс, который избавил бы нас от многих ее нынешних недочетов, от той лихорадочной, ударной работы, к которой мы вынуждены в настоящее время прибегать именно в силу дефектов нашей пятилетки. Наконец, последнее соображение: что вытекает из лозунга «пятилетка — в четыре года»? Выполнение этого лозунга означает, что 1931/32 г. явится конечным годом нашей пятилетки. В таком случае к составлению новой пятилетки мы должны приступить уже в 1930/31 г. Если эта новая пятилетка не будет подкреплена хотя бы эскизным проектом генерального плана, то ее дефекты будут еще больше, чем дефекты нынешней пятилетки. Это совершенно ясно, если поразмыслить, как быстро растет объем тех статей, которыми мы охватываем наш пятилетний перспективный план, как усложняется все наше хозяйственное строительство все новыми и новыми законными заданиями. А так как работы по генеральному плану, в виду грандиозности этого плана, займут не менее двух лет, то отсюда вывод — приступить к работам по этому плану мы должны немедленно, т.е. уже в текущем 1929/30 г. Вот те немногие замечания, которые, с моей точки зрения, достаточны, чтобы охарактеризовать всю актуальность работ по генеральному плану.

Тов. Ковалевский считает, что в этом сочетании работ по пятилетке с работами по генеральному плану — методологически это выпол-

не оправдывается — необходимо опереться на нашу старую пятилетку. Но, тем самым, он предлагает влить вино новое в мехи старые. Операция смелая, но состояние этих старых мехов таково, что едва ли в данном случае это будет целесообразно. Лучше проиграть несколько во времени, но выиграть в качестве. А это качество, мне кажется, будет обеспечено лишь в том случае, когда мы работы по генплану свяжем уже с новой пятилеткой.

Ответственность задачи требует особой осторожности. Что такое генеральный план такого строительства, каким является наше строительство? Владимир Ильич называл наш первый генеральный план второй программой партии. Если это было справедливо по отношению к плану ГОЭЛРО, то тем более, будет справедливо к наметкам нового генплана, который мы будем выполнять громадным коллективом по тем же ленинским вехам для решающего по своему историческому значению отрезка классовых боев пролетариата с его противниками. Такой план — ведущее начало для многих миллионов борцов. Он должен явиться генеральным заданием для передового отряда интернационального пролетариата, на плечи которого выпала великая нагрузка этих решающих боев. Можно ли такой план писать, что называется, «легким» пером? Не думаю. Может ли явиться такой план результатом некоторой легкой игры ума? Не забудьте, что этот план, примерно, охватывает решающий участок того переходного времени из царства необходимости в царство свободы, который нам предстоит пройти до первых этапов коммунизма. Не ясно ли, что для этого периода наша свобода продолжает быть ограниченной пределами познания известной необходимости. Свободная игра ума может быть весьма занимательна и остроумна, но правильно сказано, что голое остроумие — это чихание ума. А знаете, товарищи, такое чихание в плане до добра нас не доведет. На первый раз нам могут сказать — «здравствуйте», но при повторении уже наверно скажут — «на всякое чихание не наздравствуешься». Нет сомнений, что нам нужны пламенные борцы, нужны люди решительные, люди горячего темперамента. Но люди горячего темперамента весьма легко простуживаются. Вот вам небольшое предостережение, товарищи.

Как же при всем том нам быть, товарищи?

Трудность составления генплана на переходный период настолько велика, что правильно утверждение, по которому нет такого гениального ума, единоличным размахом которого можно было бы разрешить эту труднейшую из трудных задач. Однако, своеобразие нашего времени и наших дел таково, что в нем мы делаем ставку не на гениев, а на коллектив. То, что невозможно любому гению, то может оказаться возможным для достаточно мощного коллектива.

О необходимости немедленно приступить на другой день после социального переворота к составлению единого хозяйственного плана достаточно выразительно говорили и Маркс, и Энгельс. Однако, теперь, перечитывая вновь и вновь знакомые места этих основополож-

ников научного социализма, открываешь в этих строках нечто новое. Послушайте, например, следующую тираду из «Гражданской войны во Франции» К. Маркса и скажите — не говорит ли она теперь вам более, чем говорила раньше? Говоря о нападках идеологов буржуазии на первых коммунаров-повстанцев 1870 г., Маркс пишет:

«Однако, нашлись же среди господствующих классов люди — и их не мало — которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство — не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии — неизбежные при капиталистическом производстве — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?».

Посмотрите, как отчетливо здесь связан коммунизм с тем строем цивилизованных кооператоров, о котором нам говорил т. Ленин, и как определенно подчеркнуто, что национальное производство будет организовано по общему плану ассоциациями производителей. Не ясно ли вам, что те установки, которые недавно вам приходилось слышать здесь же относительно своеобразной, сложной кооперации плановых и оперативных хозяйственных органов, являются безоговорочно марксистскими. Да, многое из того, что нам приходится сейчас говорить, является уже сказанным. Вот, например, что писал Энгельс в своем письме Конраду Шмидту в июне 1891 года: «Ваш план — переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только в результате продолжительной работы. Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются. Каждый новый трест, например, изменяет их, и пункты для атак совершенно меняются даже в течение десятилетий».

А ведь 1891 г. был как раз кануном такого развертывания потенции электротехники, всю мощность которого мы можем оценить лишь в настоящее время. Именно, на электрической основе начались те сдвиги технологических процессов, в самых основах физико-химического познания материальной среды, революционное значение которых трудно переоценить. В этом смысле позиция наших атак еще более подвижна, чем в те времена, в которые писал эти строки Фридрих Энгельс. Нам прямо следует сказать, что в нашем генеральном плане нам придется идти сознательно на некоторый «недорисованный портрет». Дорисован он будет на этот раз, конечно, не веками, а некоторым рядом лет, но этот ряд лет, во всяком случае, будет рядом изрядного характера.

Наш генеральный план — так прямо и скажем — лишь некоторый экскурс для синтетического охвата важнейших генеральных линий на-

шего строительства и только. А товарищам до последней степени хочется получить, насколько я могу судить по уже развернувшейся дискуссии, готовую модель первых этапов коммунистического общества в СССР. Некоторые товарищи, например, прямо так и утверждают, что технические установки в таком плане — вещь, так сказать, малозначащая, что генплан апеллирует к планированию высшего порядка, и этот высший порядок они характеризуют, между прочим, тем, что настаивают на необходимости заглянуть в утопистов и кое-что у них позаимствовать. Позвольте сказать вам, товарищи, что с моей точки зрения подобное заигрывание с утопистами до добра довести не может. Как вы думаете, к кому должны мы обращаться при работах по генплану как к высшему судье? Я думаю, что таким арбитром может быть лишь авангард нашего революционного пролетарского интернационала. Что же может потребовать от нас в этой работе авангард рабочего класса по своей пролетарской совести? Думаю, что он не спросит с нас большего, чем рабочий класс Франции семидесятых годов спрашивал от своих коммунаров. А это, в свою очередь, прекрасно развито Марксом в той же его блестящей работе, посвященной первой коммуне. Вот какие выразительные строки писал на эту тему Карл Маркс: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммун. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей, и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества».

Думаю, что эти строки должны быть написаны крупным шрифтом, как эпиграф нашего генплана. Они должны предохранить нас от опрометчивой адресовки к утопистам и от случайностей, приводящих к выдаче своего рода фальшивых векселей. Ограничив свою задачу рамками такого постулата Маркса, мы можем обеспечить себе тот здоровый минимум генплана, который является вполне для нас сильным.

Позволю себе при этом оговориться — это не значит, что мы в нашем генплане можем освободиться от того «загада», о котором в свое время говорил Владимир Ильич. Но, если такой загад и необходим, то ошибки по его линии и неизбежны, и простительны. Зато непростительны будут те ошибки, которые мы будем делать в анализе потенций ресурсов, имеющихся уже налицо, в силу всей предшествовавшей стадии капиталистической хозяйственной эпохи. В этом разрезе и может, и должен быть дан чеканно твердый рисунок высвобождения на социалистический простор тех сил, которые уже созрели

в недрах капиталистического общества, с особенной зоркостью должны быть выделены те элементы в этих силах, качество и порядок величин которых находятся в явном антагонизме с частно-хозяйственным укладом. Это, и только именно это, мне здесь хотелось бы подчеркнуть.

Обращусь теперь непосредственно к концепциям, развитым товарищами Ковалевским и Сабсовичем. Нам, прежде всего, приходится выразить им благодарность за те рабочие гипотезы генплана, которые развиты ими каждым по своему. Эти смелые пионеры дали нам благодарнейший материал для дискуссии. Работы их — весьма полезный почин, но и только. Вспомните книжку т. Сабсовича «СССР через 15 лет». Читаешь эту книжку, и сердце радуется. Местами попадает в плен и рассудок, а разум — нет. Горячо и убедительно пишет тов. Сабсович, говорит конкретным языком, не любит абстракций, взятых самих по себе, и тем не менее, в общем и целом, какой абстрактный подход к трактовке генплана. Вот перед нами картина работ одного 1942/43 хозяйств. года, вполне конкретная картина, если не вдаваться в методологию всей этой работы по существу (Сабсович: Я уже отказываюсь — колоссально преуменьшил). И он утверждает, что он колоссально преуменьшил. Мы, — говорит он, — в 1942/43 г. развернем такое строительство, которое будет равно по своей мощности 240 Магнитостроям, при чем по одному электростроительству мы дадим за этот один год 48 Днепростроев. Вот каков этот преуменьшенный рисунок. Ну, как же тут не сказать, что тов. Сабсович весьма смелый мужчина. И все же, тов. Сабсович, я должен вам сказать, что вы не убедили мой разум в достоверности такой ставки. (Сабсович: Через 2 года убедитесь). Нет, по-моему причина такой неубедительности в неправильной методологии всего построения, в технико-экономической необоснованности ваших экстраполяций.

Тов. Ковалевский дерзает повысить ставки (и его лавры уже, очевидно, изрядно беспокоят т. Сабсовича). Вот какие прикидки он нам дает. Покончив с пятилеткой в 4 года, он включает ее в генеральный план, в качестве первого этапа; весь генплан он намечает на период 12—15 лет от начала первой пятилетки. По его подсчетам выходит, что наша продукция в 1937 г. будет, примерно, в 2 раза выше современной продукции САСШ, при чем в 1939/40 г. наши производственные фонды уже превзойдут фонды САСШ: 750 млрд. руб. против 705 млрд. руб. На двадцать шестом году пролетарской революции мы будем иметь более чем ушестеренную американскую продукцию при двойных, по сравнению с САСШ, фондах.

Насколько убедительны все эти расчеты? Подводит ли к ним т. Ковалевский таким путем, что значительная часть сомнений отпадает. Ведет ли он свои расчеты таким образом, что одно хозяйственное звено цепляется за другое и что один хозяйственный этап вытекает из предыдущего вследствие его диалектически правильного разветвления. Вот этого-то как раз и нет, а это и лишает выкладки

тов. Ковалевского той убедительности, на которую он рассчитывал. Особенно это резко бросается в глаза, если мы возьмем первый этап расчетов т. Ковалевского, ближайший к нам по времени отрезок. Он утверждает, что к началу шестнадцатого года революции, к 1932/33 г. мы будем иметь, примерно, 50 % теперешней американской продукции. Запомним эту ставку и в дальнейшем анализе вернемся к ней для того, чтобы показать, насколько она является рискованной.

Однако, не все те упреки, которые приходится слышать по адресу т. Ковалевского, являются обоснованными. Некоторые товарищи утверждают, что т. Ковалевский сосредоточился на технической стороне генплана, игнорируя его экономику. Такое утверждение несправедливо вдвойне. Техничко-экономический анализ плана, наоборот, пока как раз самая слабая сторона в работе т. Ковалевского. По этому технико-экономическому анализу, на мой взгляд, он лишь скользнул математическим галопом. Математика частенько нам дает возможность переброски мостов через те провалы, которые существуют в нашем положительном знании. Однако, от математической истины до математического парадокса — только один шаг. Недаром учение о корреляции играет такую большую роль, когда мы пытаемся воспользоваться математическими приемами, как практически годным рычагом. Перебрасывать же спасительные мосты через провалы в нашем познании окружающей нас исключительной действительности, той действительности, которая на наших глазах превращает мелкое и мельчайшее в великое и движущее, — занятие вдвойне рискованное.

По аргументации товарищей, упрекающих т. Ковалевского в переоценке фактора техники, мелькают прямые подчеркивания, что для нас, коммунистов, на первом месте должна стоять экономика. Выходит так, что техника, с одной стороны, экономика — с другой, или — или. Другого не полагается. Так ли это на самом деле? Для того, чтобы не быть голословным, приведу здесь обстоятельную цитату на эту тему из письма Энгельса к Штаркенбургу. Думаю, что в виду ее исключительного интереса — вы не посетуете на меня за ее длину. Вот что писал Энгельс в 1894 г.:

«Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят все, что требуется для поддержки их жизни и как они это произведенное обменивают (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта. Эта техника, согласно нашему мнению, определяет также и способ обмена, затем распределение продуктов, а, следовательно, после разложения родового строя, также и разделение на классы, а, следовательно, отношения господства и подчинения, а, следовательно, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается и географическая основа, на которой эти отношения возникают и существуют, и перешедшие в действительности от прошлого остатки прежних экономических

эпох, которые продолжают сохраняться или по традиции, или в силу инерции, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII в.в. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как-будто бы науки свалились с неба».

Мне кажется, что здесь относительно взаимоотношений техники и экономики сказано с такой определенностью, что дальнейших комментариев не требуется. В нашей работе техника и экономика должны быть спаяны единством, а это единство делает технико-экономический анализ как раз решающим анализом и как раз в этом пункте тов. Ковалевский пока не дал того, что он мог дать. (Ковалевский: Это у меня еще впереди, доложены только первые главы). Не забывайте, т. Ковалевский, что рабочие гипотезы генплана в нашем понимании не первые главы, а синтез синтезов.

Вытекает ли из моих слов, что в развертывании генплана я предлагаю вам ограничиться, так сказать, технологическим рисунком. Конечно, нет. Конечно, нет никакой возможности отрывать общественные отношения от их технологической базы. Но я хотел бы здесь подчеркнуть, что наше положение далеко не равноценное в том случае, когда мы пытаемся дать некоторое развертывание этой технологической базе, и в том случае, когда мы сосредоточиваем свою мысль на диалектике общественных отношений. В первом случае под нами совершенно твердая почва. В наших руках великолепные документы прошлого и настоящего, те документы, которые вручены нам зенитами достижений капиталистической практики. Но как только мы переходим к общественной надстройке, нам приходится переходить немедленно из положения учителей в положение учащихся.

Мне кажется, что по временам у нас проскальзывает до некоторой степени народническое отношение к рабочему классу. Между тем, мы должны отчетливо сознавать, что в целом ряде направлений мы идем к этому рабочему классу именно, как учителя. Вспомните, например, как вел себя Владимир Ильич на заре нашей партийной работы в борьбе с меньшевиками всех разновидностей, с узкими «экономистами» того времени, с различными разновидностями махаевцев. Вспомните, с какой решительностью он настаивал на том, что мы не можем предоставить рабочий класс самотеку, что этот самотек легко впадает в фарватер узкой цеховщины и тред-юнионизма. Образовы-

вая нашу партию, мы шли в рабочий класс в целях пропитания его сознания началами научного социализма, шли как учителя, и не ошиблись в своих расчетах. Мы на деле доказали, что именно таким путем кует свою политическую партию пролетариат. Этого урока из нашего прошлого мы никогда не должны упускать из виду. И тем не менее — мы не только учителя, но мы и выученики. И очень многому мы учимся у нашего же рабочего класса.

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация. Понимая под электрификацией развертывание энергетического хозяйства в его целом, мы многому и многому можем научить пролетариат, научить как раз в этом энергетическом разрезе нашей работы. Но как только мы переходим к трактовке тех трансформаций нашей общественной среды, которые связаны с подъемом всего комплекса общественных отношений, покрываемых понятием советская власть, из положения учителей мы немедленно переходим в положение скромных учеников. Здесь нам приходится учиться и переучиваться, руководствуясь великим опытом нашего трудового коллектива. Весь успех компановки плана — в отсутствии разрыва в этом месте, в создании как раз здесь возможно полного диалектического единства. Как раз здесь наибольшие трудности, преодоление которых может быть только относительным. Как раз здесь еще нет и не может быть, так называемой, научной уверенности, как раз здесь место тому ленинскому «загаду», о котором он в свое время говорил. Но отсюда же — и та особая роль, которая выпадает во всем нашем генплане учению энергетики.

(Продолжение следует)

В. А. Левин

Система контрольных цифр 1930/31 г.¹

I

Народнохозяйственный план на 1930/31 г. нам придется составлять в обстановке нового этапа социалистического строительства в нашей стране. Новый этап выдвигает перед народнохозяйственным планом ряд новых задач и заставляет по-новому поставить ряд старых задач, которые были у нас в поле зрения до сих пор, но которые мы решали несколько по-старому, несколько в несоответствии или в неполном соответствии с требованиями новой обстановки и новым подходом, который диктуется этой новой обстановкой.

Все перспективные планы, которые мы составляли до сих пор, в том числе и последний пятилетний план, исходили из той основной предпосылки, что обобществленный сектор народного хозяйства будет одним из элементов народнохозяйственного целого, что он будет из года в год расти, но расти так, что будет уживаться с одновременным существованием внутри народного хозяйства частно-капиталистического сектора с теми общественными классами, которые представляет этот частно-капиталистический сектор народного хозяйства.

В пятилетнем плане у нас было запроектировано, что к концу пятилетия будет такое-то количество кулаков в деревне, которые будут производить такую-то продукцию, частный сектор в производстве и в товарообороте будет занимать такой-то удельный вес в таких-то областях и т. д. Эта основная предпосылка теперь изменяется. Линия партии на ликвидацию кулачества как класса, установка на то, что эта кампания должна быть концентрированной ударной кампанией, рассчитанной на короткий отрезок времени, ставит этот вопрос по-новому. Мы подошли вплотную к такому построению наших народнохозяйственных планов, при котором обобществленный сектор народного хозяйства будет не частью народнохозяйственного целого, которая уживается с частно-капиталистическим сектором народного хозяйства, а когда все основные отрасли народного хозяйства, все основные элементы народного хозяйства будут обобществлены. И это — первое новое, что внесено в наши планы.

Ликвидация кулачества есть не только политический лозунг, не только политическая программа, — это есть программа, которая дол-

¹ Доклад на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР (февраль 1930 г.).

жна получить свое конкретное хозяйственное выражение, — этот лозунг нужно превратить в конкретную хозяйственную программу, рассчитанную на определенный срок исполнения и дифференцированную по отдельным районам страны. Это — новая задача плановых органов страны и она будет перед нами стоять в полном объеме, когда будем составлять народнохозяйственный план на 1930/31 г.

Новое мы имеем и внутри рабочего класса. Наши перспективные планы исходили до сих пор из предпосылки, что формы организации труда в стране будут в основном теми же, как были до сих пор. Последний год внес сюда очень много нового. Мы еще очень далеки от той организации труда, о которой говорил т. Ленин, характеризуя социалистическое общество, но мы идем по пути этой формы организации труда гораздо более быстрым темпом, чем мы это предполагали год-полтора года тому назад. Такие явления, которые характеризуют в этой области нынешний год, — коммунистические цеха и заводы, как ударничество, социалистическое соревнование, введение непрерывного производства, широкая тяга к обобществлению быта, обобществлению заработной платы на предприятиях, введение единой для целого цеха расчетной книжки — все это новые формы организации труда, значительно приближающиеся к тем, которые нам мыслятся в социалистическом обществе, — это и есть то новое, что характеризует этап, который мы переходим, и это должно получить конкретное выражение в тех народнохозяйственных планах, которые мы проектируем.

Это новое в социальных отношениях сопровождается гораздо более быстрым темпом роста народного хозяйства, чем мы до настоящего времени предполагали. Цифры я называть не буду — вы их знаете. Вы знаете, что когда ныне утвержденная пятилетка рассматривалась в Госплане, нам тогда казалось, что запроектированные в ней темпы роста являются совершенно исключительными по своему размаху. Но вы также знаете, что первые два года выполнения показали насколько эти темпы оказались минимальными и что мы идем гораздо более быстрым темпом в развитии народного хозяйства.

Совершенно новое, что не было предусмотрено раньше, это те явления в области сельского хозяйства, те высокие темпы обобществления, которые мы имеем. В этой области мы сильно перевыполнили план. Но это не есть только количественная разница по сравнению с нашими прежними наметками. В пятилетие мы запроектировали обобществить 22 млн. га в колхозах, или $\frac{1}{5}$ всей посевной площади, мы хотели получить к концу пятилетия от обобществленного сектора сельского хозяйства около 40% товарной продукции зерновых. Но от этих установок, в свое время называвшихся исключительно смелыми, мы переходим к принципиально совершенно иным установкам — к сплошной коллективизации сельского хозяйства. Это — новая программа, новая установка, которая до сих пор в наших планах в таком виде не фигурировала.

Ликвидация в деревне кулачества как класса лишает частный капитал в городе его производственной базы. Отсюда гораздо более высокие темпы вытеснения частного сектора и в городе по сравнению с теми, которые казались нам максимальными всего лишь год тому назад. Все эти моменты, вместе взятые, по новому ставят вопрос о рынке, о регулировании потребления. От рыночных отношений, хотя и регулируемых пролетарским государством, мы переходим к прямому продуктообмену между городом и деревней.

Это является логическим и нормальным завершением и выражением того нового, что мы имеем в области коллективизации в деревне, того нового, что мы имеем в области производства в городе и в области роста обобщественного сектора во всем народном хозяйстве.

Какой можно сделать отсюда общий вывод? Общий вывод мы формулируем так: мы вплотную подошли к построению социалистического общества в нашей стране, при чем подошли вместе со всей массой трудящихся страны, в частности, со всею массою бедняцко-середняцкого крестьянства. Мы уже вступили в тот период ускоренного движения вперед, о котором Ленин говорил еще на XI съезде партии. Я не буду приводить много цитат из Ленина по этому вопросу, но Ленин еще в 1921 г. говорит о том, что рыночные отношения, ставка на хозяйственную инициативу мужика — это является результатом того, что мы еще не восстановили нашу тяжелую индустрию, которая у нас находилась тогда на очень низком уровне. Если мы достигнем того, что наша тяжелая индустрия сможет обслуживать все народное хозяйство и, особенно, сельское хозяйство в тех широких размерах, какие необходимы для быстрого проведения технической и социальной реконструкции его, тогда темп роста хозяйства будет у нас более высокий и экономическая политика будет иной. Ленин еще тогда, в 1921 г., определял этот срок, примерно, в десяти лет.

Мы в настоящее время вступили в этот период и это нашим плановым органам нужно учесть. Если же мы этого не учтем, то будем плестись в хвосте событий; если не дадим этим новым явлениям конкретное цифровое выражение в планах, которые мы строим, тогда мы не разрешим поставленных перед нами задач и сделаем наши планы нереальными. Мы подошли к периоду, когда нужно более конкретно намечать отдельные этапы строительства социалистического общества. Общие директивы и указания об этом мы имеем у Ленина и Маркса. Они вполне достаточны для того, чтобы на их основе строить конкретный рисунок отдельных этапов строительства социалистического общества. Ленин не раз говорил, что построение социалистического общества в конкретном рисунке будет результатом творчества миллионов масс. Нам, плановым органам, нужно эти миллионные массы организовать для этой задачи, нужно поставить перед ними конкретные задачи, чтобы, учитывая их опыт и инициативу, дать конкретное выражение в народнохозяйственном плане.

Мы стоим перед необходимостью провести коренные изменения и в области форм и методов нашей работы. То, что мы сделали в отношении реорганизации системы управления промышленностью, создание НКЗема СССР, реорганизация НКТорга — все это отдельные части общей программы реконструкции организационных форм и методов управления народным хозяйством для того, чтобы привести их в соответствие с новым этапом, с требованиями периода коренной реконструкции всего народного хозяйства. Мы эту работу только начали. Народнохозяйственные планы не могут и не должны пройти мимо реконструкции организационных форм и методов управления народным хозяйством. Это есть составная часть наших планов. В плане должны быть даны в этой области совершенно конкретные задания отдельным отраслям хозяйства. Это опять-таки то новое, что вносится в нашу плановую работу по сравнению с тем, что было до сих пор.

Какие практические выводы для плановых работников вытекают из всего сказанного? В результате этого, прежде всего, в корне меняется роль и задачи наших планов. Наши планы от общей желательной программы, от общих балансовых суммарных расчетов все более становятся оперативным заданием отдельным отраслям народного хозяйства. По мере того, как происходит рост обобщественного сектора народного хозяйства, рабочее государство получает дополнительные к тем, которыми оно располагало, новые рычаги для планового воздействия на развитие народного хозяйства. Все большее количество областей хозяйственной и культурной жизни страны начинает подчиняться плановому регулированию. Наши народнохозяйственные планы суть выражение организованной воли рабочего государства и отсюда все возрастающее оперативное значение наших планов. Такую роль играли уже в значительной мере контрольные цифры 1929/30 г., эта новая роль и значение контрольных цифр должны еще более усугубить их в 1930/31 г.

Мы стоим перед необходимостью постановки в плане на 1930/31 г. целого ряда специальных, вытекающих из всей объективной обстановки, проблем. Возьмем, хотя бы, районно-комплексные проблемы и проблемы размещения производства. Это — вопросы не новые для истории мирового хозяйства, много и у нас говорилось об этом. Однако, был ли Урал разработан как комплексная проблема с точки зрения того социалистического общества, которое мы строим? Или возьмем Сибирь. Существует ли у нас какая-либо наметка развертывания будущей сибирской коммуны? И так по другим районам страны. Нет, до сих пор мы этого не делали. Теперь нужно поставить эти проблемы более глубоко и в этом — новая роль контрольных цифр 1930/31 г. Если мы не поставим эти вопросы с должной глубиной и принципиальной обоснованностью, то в результате, вероятно, придется произвести значительные затраты, которые не оправдываются необходимостью. Или еще один старый вопрос, который должен быть

поставлен и разрешен по-новому. Это — вопрос об энергетической базе для развития народного хозяйства. Энергификация есть основа технической реконструкции народного хозяйства — это положение как будто бесспорное. Разработан ли, однако, вопрос энергификации хозяйства и отдельных его отраслей во всей полноте? Мы планомерно подошли к вопросу о накоплении механической энергии в народном хозяйстве. Я думаю, что нам предстоит еще очень большая работа в этом направлении. У нас намечается, что начиная с 1932 г. рост механической тяговой силы в сельском хозяйстве будет из года в год стремительно повышаться. Ведь это означает коренное перевооружение сельского хозяйства громадной страны в невиданный в истории быстрый срок. Ведь это сейчас же ставит вопрос об использовании имеющихся в сельском хозяйстве многих миллионов лошадей. И не только лошадей, а инвентаря, построек и т. д. Ведь здесь нужен тщательно разработанный план применительно к условиям отдельных районов страны. Вопросы электрической пахоты, несомненно, имеющие большую будущность. Эти вопросы мы планомерно не разработали. А это будет новая и очень актуальная задача в условиях крупного обобществленного хозяйства.

Все эти вопросы нуждаются в большой разработке, а время не ждет. Ответить на эти вопросы нужно уже в контрольных цифрах будущего года.

В результате сплошной коллективизации мы вместо 26 млн. отдельных крестьянских хозяйств имеем уже теперь десятки, а может быть, и больше тысяч колхозов своеобразных размеров и типов. Есть ли у нас какой-нибудь стандартный тип построения колхоза в том или другом хозяйственном районе, применительно к которому мы строим эту сплошную коллективизацию, технический и экономический стандарт хозяйства? Нет, такого стандартного типа мы еще не выработали. Но подойдя вплотную к сплошной коллективизации, мы этих вопросов не ставить не можем. Если мы ставим вопрос о сплошной коллективизации, например, Сев. Кавказа, мы должны также поставить вопрос о том, какой тип сельского хозяйства будет применяться в этом районе, к какому типу мы должны стремиться и какие общие указания мы даем в этой области для Сев. Кавказа, Нижней Волги или другого района, где проводится сплошная коллективизация. Необходимо все эти вопросы планомерно разрешить во всей широте уже для 1930/31 г.

В последнее время возникла большая дискуссия по вопросам использования местного топлива, сверхмагистрализации железных дорог, газификации хозяйства и т. д. Ведь, от того или иного решения этих вопросов зависят размеры и направления капитальных вложений, темпы развертывания хозяйства отдельных районов страны, большие вопросы технической реконструкции отдельных отраслей хозяйства и, в частности, промышленности и транспорта и т. д. Ведь это вопросы исключительной важности и в решение их нужно внести максималь-

ную ясность. Нерешенными такие вопросы остаться не могут. А решить их нужно уже теперь, решить обоснованно и, прежде всего, это касается плановых органов. Практическое разрешение этих вопросов должны получить в контрольных цифрах на 1930/31 г.

По-новому встают перед нами вопросы труда. Мы вплотную подходим к необходимости построить сводный план организации труда в стране. Самостоятельно приток из деревни в город рабочей силы теперь, в связи со сплошной коллективизацией, вероятно, уменьшится. Уже теперь в ряде районов наблюдается отлив рабочей силы из города в деревню.

Не исключено, что часть ныне работающих в Донбассе рабочих предпочтут работу в колхозе работе в шахте, а ведь нам надо не только сохранить ныне работающие кадры, но и обеспечить постоянный приток рабочих в Донбасс.

Само собою разумеется, что говоря о Донбассе, я привожу лишь пример. Эта проблема стоит не только перед Донбассом (здесь она стоит может быть острее), но и перед другими промышленными центрами страны. Все более и более актуальной становится проблема проверки социального состава рабочего класса и меры по его регулированию, а, наряду с этим, ликвидация кулачества как класса во всей широте ставит перед планом на 1930/31 г. проблему использования сотен и тысяч рабочих рук ликвидируемых кулацких хозяйств. Практического разрешения требует также вопрос использования избыточной рабочей силы, образующейся в результате очень быстрого вытеснения частно-капиталистического сектора в городе. Сюда же относится и проблема целесообразного с народнохозяйственной точки зрения использования рабочих рук местечкового населения. Во всех этих областях требуется конкретный план, которого мы, плановые органы, пока еще не имеем, но который необходим уже в будущем году.

Я думаю, что в области труда мы вплотную подошли к необходимости организованного планового распределения и перераспределения рабочей силы между городом и деревней в соответствии с потребностями отдельных отраслей хозяйства и с интересами индустриализации страны. Это — новая постановка вопроса. Ведь до сих пор вопросы труда в контрольных цифрах перед нами так не стояли. То внимание, которое плановые органы уделяли до сих пор вопросам труда, находится в резком несоответствии с тем значением, которое эти вопросы теперь приобретают. Если мы вопросам труда в контрольных цифрах на 1930/31 г. уделим столько же внимания, сколько мы им уделяли до сих пор, нас ожидают самые неожиданные сюрпризы в ходе выполнения плана. Плановые органы должны эти вопросы поставить и, прежде всего, проработать у себя.

Я попробовал перечислить лишь некоторые старые проблемы и поставить некоторые новые проблемы, которые вытекают из нового этапа работы. Все они должны получить определенное отражение в плане будущего года. Я далеко не исчерпал списка этих вопросов,

но и поставленные дают, мне кажется, представление о тех новых задачах и трудностях, которые встают перед нами в плане будущего года.

Новая роль наших планов, высокий удельный вес обобществленного сектора в народном хозяйстве дают возможность охватить плановым регулированием ряд новых областей хозяйственной и культурной жизни страны. Дальше я специально остановлюсь на проблеме планового регулирования процессов технической реконструкции и рационализации хозяйства и на плановом регулировании научно-исследовательских работ в стране. К этим вопросам мы теперь подошли вплотную. Поставить на службу делу планового руководства народным хозяйством работу всех научно-исследовательских учреждений страны, начиная с таких, как Академия Наук и ее учреждения и кончая крупнейшими лабораториями на заводах, является в настоящее время особо важной задачей. Это диктуется всей объективной обстановкой, в которой мы находимся. Именно новая роль наших планов, как система оперативных заданий отдельным отраслям хозяйства, ставит во всю ширь вопрос о большей научной обоснованности наших планов. Мы ведь до сих пор работаем, как кустари, без единой методологии, — каждый так, как ему кажется более правильным. Мы до сих пор ничего не имеем по такому вопросу, как теория планирования хозяйства. Нет у нас необходимой в такой сложной и ответственной работе научной дисциплины в работе.

Наряду с необходимостью более глубокой научной обоснованности наших планов, перед нами все более актуально встает задача большего учета в наших планах практического опыта широких трудящихся масс страны. Тот энтузиазм, широкую инициативу и самостоятельность, которые имеются в широких массах трудящихся, необходимо использовать при составлении наших народнохозяйственных планов. Необходимо обеспечить широкое привлечение рабочих масс не только к выполнению народнохозяйственного плана, но и к активному участию в процессе выработки народнохозяйственного плана и к доведению народнохозяйственных планов до заводов, цехов, агрегатов и до каждого отдельного рабочего.

Наши контрольные цифры внешне как-будто сбалансированы; но если вы попытаетесь сбалансировать внутри наш народнохозяйственный план, вы столкнетесь с рядом провалов. Я не думаю, чтобы мы уже на данном этапе нашей плановой работы могли представить законченный народнохозяйственный баланс и в этом виде дать наши контрольные цифры. На данном этапе это, повидимому, невозможно. Но приблизиться к народнохозяйственному балансу, более тщательно проработать отдельные элементы народнохозяйственного плана и более тщательно увязать их между собою — это задача, от которой мы уйти не можем. Мы должны в плане более тщательно, чем раньше, проработать проблему расширенного воспроизводства в разрезе социальных секторов хозяйства. Мало вытеснить частно-капиталистиче-

ский сектор хозяйства, мало показать в плане снижение его удельного веса, надо при этом определенными расчетами показать, как мы замещаем это вытеснение частно-капиталистического сектора народного хозяйства в условиях расширенного воспроизводства.

Особое внимание в плане должно быть уделено вопросам дальнейшего углубления и развертывания форм производственной смычки между городом и деревней. Дальнейший решительный переход от регулируемых государством рыночных отношений к прямому продуктообмену между городом и деревней ставит по-новому вопрос об обеспечении города продуктами производства сельского хозяйства, а сельское хозяйство — продуктами производства социалистической промышленности. Не исключено, что уже в будущем году у нас отдельные сел.-хоз. коллективы будут прикреплены к определенным городам, к определенным промышленным предприятиям, которые будут снабжать их продуктами производства промышленности в обмен на продукцию сельско-хозяйственных коллективов.

Вот тот круг общих вопросов, которые встают перед нами, когда мы говорим о задачах плановых органов по составлению контрольных цифр на 1930/31 г.

Перехожу к общей характеристике плана будущего года, как он нам теперь представляется. Оговариваюсь, что на отдельных проблемах подготовки плана будущего года я буду останавливаться во второй части доклада. Прежде всего о масштабе производства, о масштабе работы хозяйства. Масштаб производства в будущем 1930/31 г. предопределен, собственно говоря, тем масштабом, который мы приняли в 1929/30 г. Новые темпы роста хозяйства, принятые в плане 1929/30 г., представляют собою не эпизод. Это есть конкретное цифровое выражение роста хозяйства в условиях нового этапа. Капитальные вложения в планируемую промышленность в размере около 4 млрд. руб., 32 % роста промышленности в 1929/30 г. предопределяют объем роста продукции 1930/31 г. Если мы в 1929/30 г. выполним 32 % роста продукции, то, несомненно, что 1930/31 г. даст нам еще более высокие темпы роста продукции промышленности, чем то, что мы имеем в 1929/30 г. Называют цифру, несколько превосходящую 40 %. Я думаю, что эта цифра во всяком случае не преувеличена.

Темп роста обобществленного сектора в сельском хозяйстве в 1930/31 г. будет гораздо более высокий, чем в этом году. В будущем году будет стоять вопрос о сплошной коллективизации не двух-трех областей, а основных сельско-хозяйственных районов страны. Теперь уже называют цифры коллективизации посевов для 1929/30 г. в размере 55 млн. га. Не исключено, что и эта цифра будет перевыполнена. Отсюда можно сделать вывод, какие темпы обобществления будут в будущем году.

Теперь вопрос о напряжении плана будущего года.

Все говорит за то, что план 1930/31 г. будет значительно более напряженным, чем план 1929/30 г. В связи с этим особую актуальность

приобретает вопрос о соотношении между потреблением и накоплением в плане будущего года.

Некоторые экономисты полагают, что быстрая индустриализация страны требует на данном этапе уменьшения потребления. Это, конечно, не верно. Речь может и должна идти лишь о неравномерности темпов роста. Темпы роста накопления будут более высокими, чем темпы роста потребления. Заявлять же, что усиление темпов индустриализации требует уменьшения потребления, значит покрывать шапкой теоретических обоснований подлинно троцкистскую установку. Этот тезис ничего общего не имеет с линией партии. Став на эту точку зрения, мы сорвали бы те высокие темпы индустриализации страны, которые мы проводим и будем проводить в будущем году.

Как стоит вопрос о потреблении и накоплении в будущем году? Возьмем проблему накопления. По предварительным прикидкам, сделанным в Госплане и в некоторых наркоматах, в будущем году объем капиталовложений в обобществленный сектор хозяйства должен составить сумму порядка около 2 десятков млрд. руб. Таковы примерные прикидки. А что мы имеем в текущем году? Народный доход в 1929/30 г. составляет в неизменных ценах около 33 млрд. руб. и капиталовложения в обобществленный сектор — 10 с небольшим млрд. руб. (капиталовложения во все народное хозяйство составляют 13,5 млрд. руб.). Если 20 млрд. руб. капиталовложений в обобществленный сектор хозяйства в будущем году будут корреспондировать свыше 10 млрд. руб. этого года, то это значит, что в будущем году надо бросить в накопление на 10 млрд. руб. больше текущего года, что требует 30% роста народного дохода по сравнению с текущим годом, при условии, если фонд потребления в стране будет стабилен и если потребление на душу будет понижаться по мере роста населения страны. Такой расчет, однако, не верен, потому что по мере вытеснения частного сектора хозяйства, особенно при нынешних темпах обобществления, будет снижаться не только удельный вес капиталовложений частного сектора, но и абсолютные размеры этих вложений. Поэтому 20 млрд. руб. капиталовложений в обобществленный сектор хозяйства в будущем году корреспондируют не 10 млрд. руб. в текущем году, а цифре, вероятно, средней между 10 и 13,5 млрд.; но и при учете этой поправки для реализации программы в 20 млрд. руб. капиталовложений в обобществленный сектор хозяйства при стабильности фонда потребления потребуется рост народного дохода процентов на 25.

Перейдем теперь к вопросу о потреблении. Можем ли мы ставить вопрос о стабильности фонда потребления в будущем году? Конечно, нет. Есть, так сказать, какая-то предельная черта, бронированный минимум потребления, ниже которого мы идти не можем. Было бы нелепо строить высокие темпы индустриализации страны на понижающемся потреблении основных масс трудящихся страны. С другой стороны, надо учитывать, что сплошная коллективизация ставит и в области потребления ряд новых вопросов. Бедняк и маломощный середняк

в индивидуальных хозяйствах, естественно, не могли более или менее значительно расширять свое потребление — им это не позволял размер и состояние их хозяйства. Они ели редко мясо и подчас забывали о молоке и яйцах. Тот же самый бедняк и маломощный середняк, вошедшие в колхоз, будут вправе потребовать от нас и мы должны им дать молоко, яйца, определенное количество хлеба. Кроме этих продуктов, они потребуют от нас большего количества мануфактуры, они потребуют сапоги. Нельзя же мыслить такое положение, при котором количество тракторов в деревне будет увеличиваться теми темпами, которые у нас намечаются, а крестьянин будет ходить оборванный, в лаптях вместо сапог. Само собой разумеется, что выполнение этой программы повышения уровня благосостояния трудящихся в деревне не есть программа одного года. Само собой разумеется, что в 1930/31 г. перед нами очень серьезно встанет задача регулировать потребление деревни таким образом, чтобы оно не выходило за рамки реального и возможного в условиях приводимых нами высоких темпов индустриализации. Тем не менее ясно, что в 1930/31 г. известные сдвиги в потреблении деревни будут иметь место.

А как же сложится вопрос с заработной платой, в частности, с заработной платой рабочих? Будем ли мы повышать в 1930/31 г. заработную плату рабочих в городе? Несомненно да и значительно. Уровень потребления рабочих в будущем году должен быть повышен. Можем ли мы повышать уровень потребления рабочих за счет прочих слоев городского населения? Конечно, можем и должны. В городе мы имеем, примерно, 30 млн. населения, из них на рабочих и их семьи падает около 18 млн., в т. ч. рабочих и их семей около 12 млн. и служащих и их семей около 6 млн. Нам придется в будущем году значительно углубить классовую дифференциацию в отношении предметов потребления. Нам придется поставить в более жесткие рамки те слои населения, которые не выносят на своих плечах тяжесть высоких темпов индустриализации страны. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что частный сектор будет занимать в 1930/31 г. относительно небольшой удельный вес в народном хозяйстве и за его счет сколько-нибудь значительно поднять уровень потребления рабочего класса и коллективизированного крестьянства, разумеется, нельзя будет. Кроме того, кроме рабочих, служащих и их семей в городах живет большое количество прочего трудового населения (кустари, безработные, стипендиаты, армия и т. д.), нормы потребления которых также требуют к себе специального внимания. Следовательно, не может идти речи о стабильности фонда потребления в будущем году.

Следовательно, для реализации указанной выше программы накопления при повышении фонда потребления необходим в будущем году рост народного дохода значительно выше 25%.

Вот общая грубая характеристика напряженности плана будущего года. Как же быть?

Ведь, с одной стороны, нам необходим такой уровень накопления, который допускал бы покрытие вырисовывающегося объема капиталовложений, а с другой стороны, нам надо повысить фонд потребления. Некоторые, быть может, скажут, что выход — в сокращении темпов индустриализации на будущий год. Но это — не наша линия. Да и для такой постановки вопроса нет решительно никаких объективных оснований. Принятые нами темпы индустриализации могут быть и должны быть сохранены и в 1930/31 г. Для этого имеются все необходимые предпосылки, надо только до конца осознать, что так работать в качественном отношении, как мы работаем в 1929/30 г., — в 1930/31 г. нельзя будет. Качественные показатели требования качества работы, качества хозяйствования в 1930/31 г. должны быть неизмеримо более высокими, чем в 1929/30 г.

Я не буду называть никаких цифр, полагая, что цифры будут прорабатываться потом. Мы будем давать в мае директивы и там цифры будут названы. Во всяком случае, одно ясно, что будущий 1930/31 г. предъявит исключительно высокие качественные требования ко всем отраслям народного хозяйства. Только при условии выполнения этих качественных требований, при условии коренной перестройки качества нашей работы, мы сможем осилить те высокие темпы индустриализации страны, которые должны быть и будут запроектированы в плане на 1930/31 г.

Перед нами во всю ширь и более резко, чем когда-нибудь, встанет вопрос об организации труда в стране, в частности, вопрос об организации труда в сельском хозяйстве, о повышении производительности труда. Как Ленин ставил вопрос? Он говорил, что производительность труда есть основная проблема в движении к социализму. Можно ли, однако, сказать, что мы уделяем этому вопросу достаточно внимания? Нет и нет. На это дело нужно поднять массы, нужно в корне перестроить наши методы и способы работы в низовых звеньях, в той части, в которой они мешают развертыванию этой работы по повышению производительности труда. Лучшая организация труда, повышение его производительности, качественно иные установки, чем в 1929/30 г., — вот два требования, которые необходимы для того, чтобы поднять в 1930/31 г. те исключительно высокие темпы индустриализации, которые составят содержание плана на 1930/31 г.

Третий вопрос — это вопрос о сельском хозяйстве, о темпах его роста. Большие новые перспективы для роста народного дохода открывают переустройство сельского хозяйства на новых началах, особенно в районах сплошной коллективизации. Мы имеем в 1930/31 г. впервые исключительно большие возможности по непосредственному планированию процессов в сельском хозяйстве. В сельском хозяйстве мы имеем исключительно большие возможности для развертывания производительных сил, для повышения продукции. В сельском хозяйстве мы начинаем с очень низкого уровня, мы имеем там колоссальные резервы, которые мы не в состоянии были использовать до сих пор

потому, что сельское хозяйство было распылено больше, чем на два с половиною десятка млн. индивидуальных хозяйств, каждое из которых при построении своих производственных планов исходило из своих частно-хозяйственных интересов.

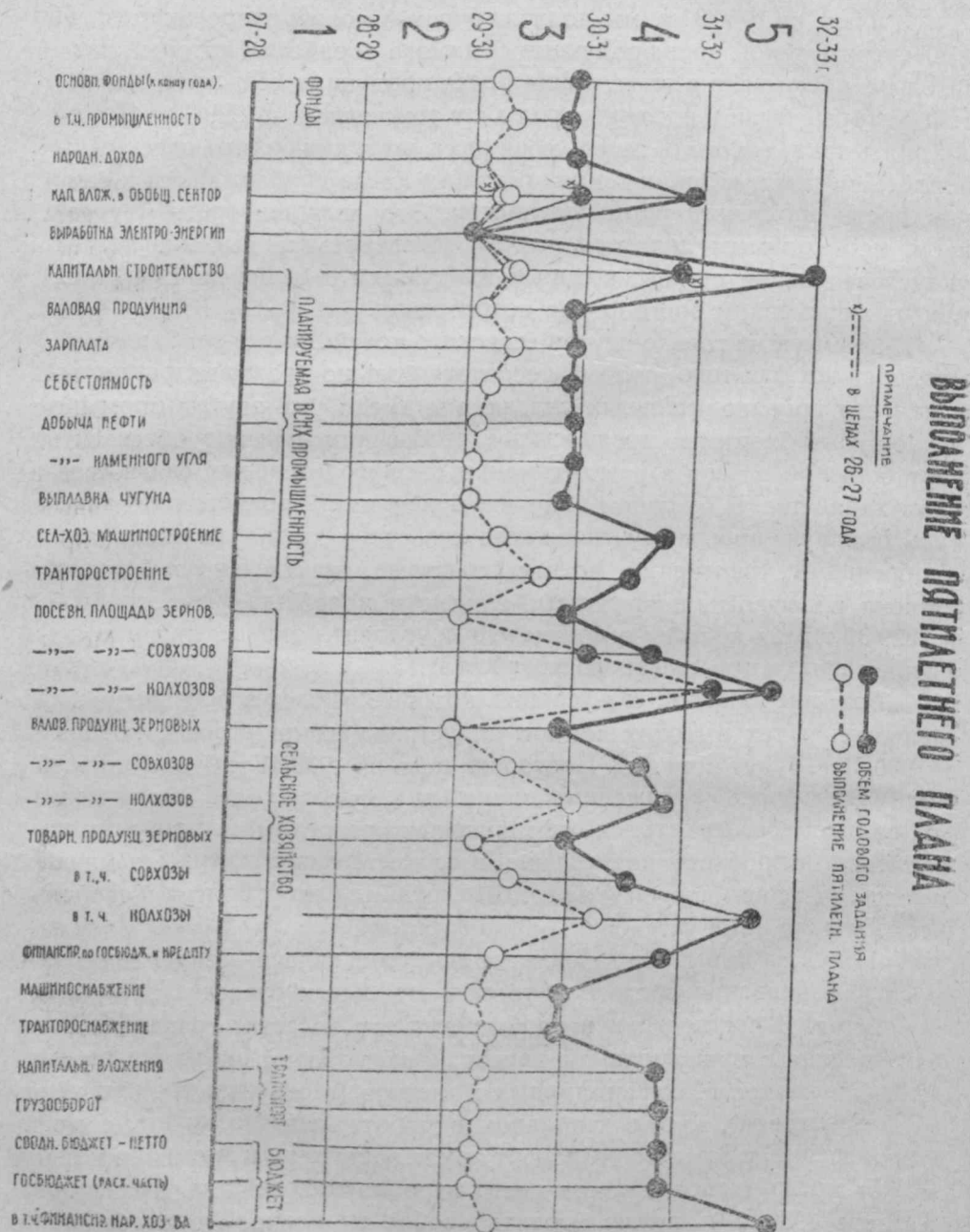
В плане на 1930/31 г. мы должны будем и можем запроектировать и обеспечить такой рост продукции сельского хозяйства, который значительно превышает всякие темпы роста продукции сельского хозяйства, которые были в последние годы и в том числе и в 1929/30 г. Трудно, опять-таки, говорить теперь о цифрах, но я думаю, что здесь речь пойдет, очевидно, о таких темпах роста, которые приближаются к темпам роста продукции промышленности. Это является третьим условием, необходимым для того, чтобы обеспечить те высокие темпы индустриализации страны, которые мы примем в плане на 1930/31 г., при одновременном росте фонда потребления.

Мы имеем не только внутри сельского хозяйства все необходимые предпосылки для того, чтобы обеспечить большой разгон в развертывании его производительных сил, но мы имеем уже внутри промышленности необходимые предпосылки, чтобы промышленно обеспечить этот большой разгон в развертывании производительных сил в сельском хозяйстве. В будущем году мы будем иметь возможность наметить большую программу снабжения сельского хозяйства машинами, удобрениями, тракторами, во всяком случае, значительно в большей степени обеспечить потребности сельского хозяйства, чем это было в 1929/30 г.; мы должны и можем это обусловить определенным повышением продукции сельского хозяйства.

Вот, мне кажется, три условия, которые являются основными для выполнения тех высоких темпов индустриализации страны, которые в 1930/31 г. будут приняты. Повторяю, план на 1930/31 г. будет, по всей видимости, более напряженным, чем план текущего года. Тем не менее мы сможем его осилить, сможем правильно разрешить и проблему накопления, и проблему потребления в соответствии с генеральными директивами нашей партии и на их базе, решительно отбросив в сторону всякого рода иные установки.

Перед нами в 1930/31 г. встанет еще одна задача — задача некоторого выравнивания состояния уровня отдельных отраслей народного хозяйства. В частности и в особенности это касается транспорта. Те затруднения с транспортными перевозками, которые мы имели осенью 1929 г., они, кроме конъюнктурных моментов (география урожая, темп хлебозаготовок), кроме неполадок в работе, сигнализируют, с моей точки зрения, о том, что транспорт при недостаточном внимании к нему может превратиться в узкое место народного хозяйства. Транспорту в плане 1930/31 г. нужно уделить особое внимание, его необходимо будет подтянуть. Основные мероприятия в этом отношении заключаются в том, чтобы от частных рационализаторских мероприятий перейти в плане на 1930/31 г. к широко развернутой программе коренной технической реконструкции всего нашего транспорта всех его видов.

Вот общая характеристика плана на 1930/31 г., как он нам теперь представляется. Это, мне кажется, является вполне достаточной пищей не только для размышлений по этому вопросу, но и необходимыми

установками для предварительных работ в связи с той директивой, которую мы будем составлять в апреле и представлять в начале мая текущего года правительству.

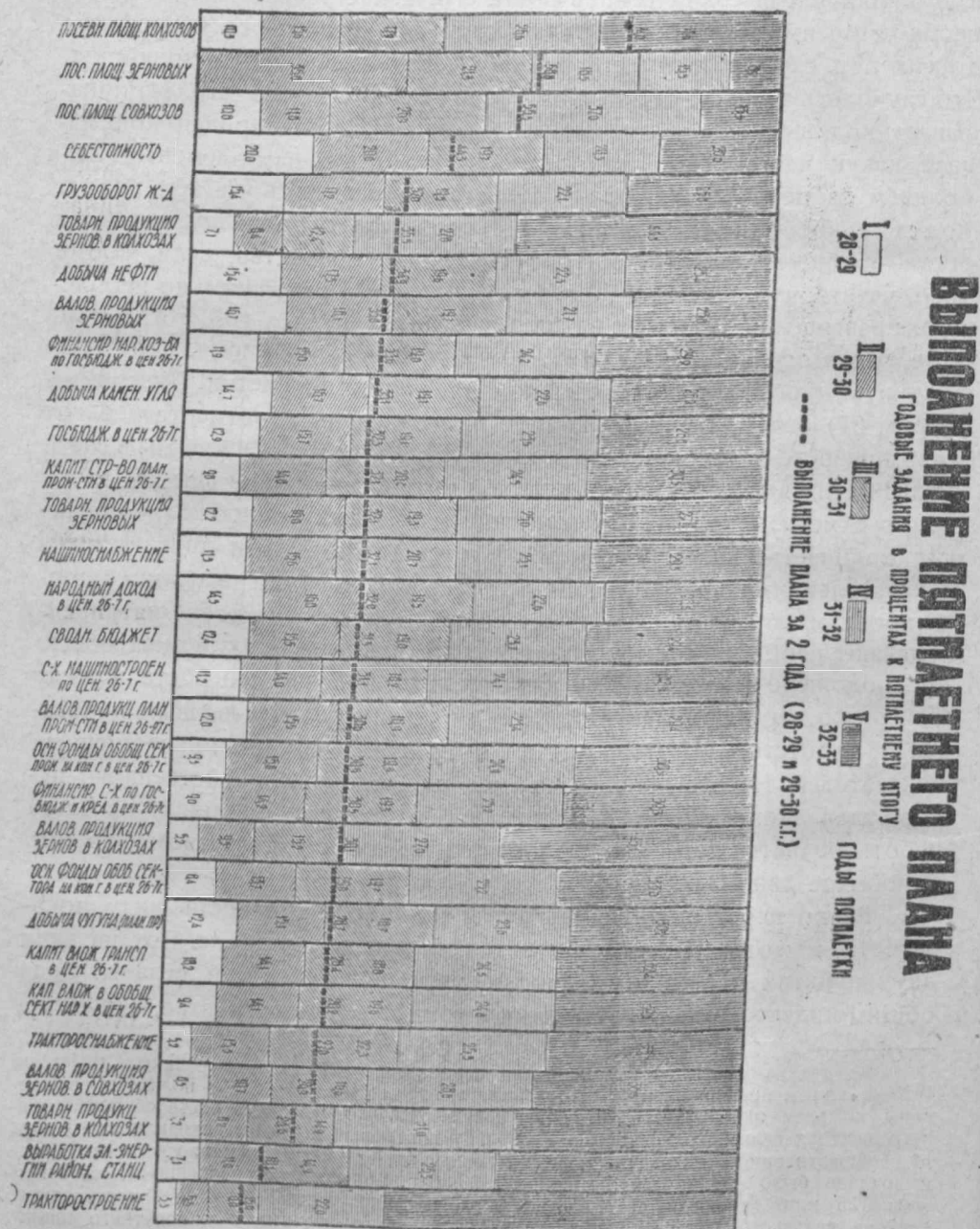
Теперь разрешите перейти к вопросу о пятилетке и о предстоящих в связи с этим работах. Я думаю, что ни у кого из нас не вызывает никаких сомнений, что для планирования народного хозяйства в условиях тех высоких темпов роста его, какие теперь имеются, нам необходимо иметь определенную перспективу. Этой перспективой нам до сих пор служил пятилетний план развития народного хозяйства. Что случилось теперь с пятилетним планом? Диаграмма 1 (стр. 34) показывает ход выполнения пятилетнего плана. Нижняя кривая показывает, какую часть пятилетнего плана мы по отдельным элементам выполняем за первые два года ¹. Если вы отвлечетесь от тех резких подъемов, которые тут имеются и которые, главным образом, касаются роста обобщественного сектора сельского хозяйства, если, кроме того, учтете, что план 1928/29 г. был выполнен с относительно небольшим превышением наметок пятилетнего плана на этот год, то вы увидите, что в основу плана на 1929/30 г. мы взяли, примерно, полуторагодовичную программу по сравнению с наметками пятилетки. Диаграмма 2 (стр. 37) берет уже этот вопрос по отдельным элементам в годовом разрезе этих элементов, по наметкам пятилетки ². Как мы в свете данных этих диаграмм перевыполняем пятилетний план? Прежде всего нужно отметить, что мы перевыполняем пятилетку однобоко — по линии количественных достижений и отстаем по линии качественных показателей роста хозяйства. Ведь, более высокие, по сравнению с проектировкой пятилетки, количественные темпы роста хозяйства предполагают необходимость соответственно более высоких, чем это было предположено в пятилетке, и качественных показателей роста. Между тем, резко перевыполняя пятилетку по линии количественных показателей, мы отстаем от этого роста в выполнении по линии качественных показателей. Нечего доказывать, что для народно-хозяйственного целого, для экономического целого это отставание по линии качества работы является довольно неблагоприятным обстоятельством. Это есть однобокое движение вперед.

Резко перевыполняя пятилетку по линии количественных показателей, мы отстаем в двух пунктах: в угле и в металле. Вот на этих двух пунктах необходимо фиксировать внимание всей страны. Ведь общим индексом уровня развития и темпов роста хозяйства, например,

¹ Диаграмма 1 составлена на основании данных контрольных цифр на 1929/30 г. и в предположении, что задания контрольных цифр будут полностью выполнены по всем элементам. Само собою разумеется, что в области роста обобщественного сектора сельского хозяйства, поскольку контрольные цифры исходили из 15 млн. га обобщественного посева в колхозах, данные этой диаграммы сильно устарели. Выше в докладе было указано, что к концу 1929/30 г. предполагается обобществить в колхозах 55 млн. га посевной площади. Следовательно, темпы роста обобщественного сектора сельского хозяйства уже не сопоставимы с наметками пятилетнего плана. Все замечания, касающиеся принципов построения диаграммы 1, были сделаны тов. Г. М. Кржижановским в его докладе о контрольных цифрах на 1929/30 г. на сессии Союзного ЦИК'а в 1929 г. (см. „Плановое Хозяйство“ № 11 за 1929 г.). Там же приведен весь табличный материал, сопровождающий эту диаграмму.

² Диаграмма 2 составлена по принципу и на основе данных нижней кривой диаграммы 1. Поэтому кривая, пересекающая диаграмму 2, корреспондирует нижней кривой диаграммы 1.

в Америке, мы часто считаем прирост чугуна, а между тем по линии чугуна мы как раз идем только чуть-чуть превышая наметки пятилетнего плана, и вы знаете, с каким трудом нам дается выполнение этой

программы, только немного превосходящей пятилетку. В вопросе с углем дело не только в том, что топливный баланс у нас очень напряжен, что с большими трудностями идет выполнение программы по углю в текущем году. Дело и в том, что в основном нашем бассейне, в До-

нецком бассейне, размах крупных капитальных работ за последние годы, в частности строительство крупных шахт, сильно отстает, что создает опасность больших затруднений в развертывании работы Донбасса в соответствии с потребностями бурных темпов роста хозяйства страны. Правда, в плане на 1929/30 г. предусмотрен значительный сдвиг в области крупного шахтного строительства, но нужно иметь в виду, что проходка крупной шахты продолжается пока 3—4 года. Отсюда следует, что наряду с развертыванием добычи угля в Донецком бассейне перед нами в плане будущего года во всю ширь встанет вопрос о всемерном развертывании Кузнецкого каменно-угольного бассейна, где высокосортный уголь часто залегают на поверхности земли. На этих двух пунктах мы фиксируем особое внимание плановых органов: их ни на одну минуту нельзя упускать из виду, когда мы говорим о ходе выполнения пятилетнего плана. Эти два пункта должны быть предметом особого внимания плановых органов при проектировке контрольных цифр на 1930/31 г. Пристального внимания плановых органов требует к себе также и химия. Здесь мы начали с очень низкого уровня, процесс же развертывания химической промышленности проходит у нас с большими трудностями.

В итоге, несмотря на указанные недостатки, мы пятилетний план в целом перевыполняем и очень значительно.

Я уже говорил в начале, что пятилетний план не предусматривал и не мог предусмотреть тех новых задач в области социальных отношений, которые партия теперь поставила перед нами и которые нужно решать. Таким образом, вопрос идет не только о количественном перевыполнении пятилетки, но и о новых социальных задачах, которые поставлены перед нами, которые должны получить конкретное народно-хозяйственное оформление и которые не были учтены в пятилетнем плане.

Передовые отряды рабочего класса выбросили лозунг «Пятилетка в четыре года». Плановые органы должны подхватить этот лозунг? Должны, обязаны. Я считаю выполнение этого лозунга вполне реальным, но ведь это не значит, что мы перетасуем цифры пятилетки, изменим погодный разрез — и получится «пятилетка в четыре года». Если мы берем установку на выполнение пятилетки в четыре года, а мы можем и должны взять такую установку, то отсюда следуют соответствующие цифровые задания в плане на 1930/31 г., а это предполагает необходимость большой синтетической работы над пятилетним планом.

Следующий вопрос — это пропорциональность частей народно-хозяйственного целого, которая была предусмотрена в пятилетнем плане. Если идти только от новых темпов обобществления сельского хозяйства, если начать развертывать, какие требования они предъявляют к другим отраслям хозяйства, то в результате, идя только отсюда, получается, что та пропорциональность частей, которая была установлена пятилетним планом, она теперь нарушена и нарушена в корне,

что необходимо установить новые пропорции, новые соотношения частей, а это новое не есть простая перетасовка цифр, это опять-таки требует очень большой углубленной синтетической работы.

После утверждения пятилетнего плана партией и правительством даны ряд директив в области новых перспективных наметок по отдельным отраслям хозяйства, — я не буду их перечислять, товарищи их знают, — подчас мы имеем удвоение по сравнению с теми предположениями, которые раньше были по пятилетнему плану. В ряде случаев эти новые перспективы наметки выражены в форме конкретных цифровых заданий. В некоторых случаях даны общие директивные указания.

Теперь проводится большая работа по уточнению наметок пятилетнего плана промышленности; называют такие цифры, как 17,5 до 20 млн. *т* чугуна вместо 10 млн., которые мы намечали в пятилетке; намечаются такие цифры, как 120—150 млн. *т* угля вместо 75 млн., которые были намечены в пятилетке; намечается цифра 450 тыс. тракторов вместо 55 тыс., которые были намечены в пятилетке; намечается внутреннее производство хлопка что-то около 1 млн. *т* против 600 млн. по пятилетке, что ставит нас перед экспортом хлопка или большой программой экспорта готовых текстильных изделий. Называют цифру производства удобрений в 20 млн. *т* вместо 8 млн. по пятилетке и т. д.; называют цифру грузооборота к концу пятилетки, вдвое превосходящую цифру, намеченную в пятилетке. Все это нужно как-то связать. В плане на 1929/30 г. мы старались учитывать эти новые директивы партии и правительства, но поскольку они взаимно не всегда были увязаны, поскольку они не были сведены в единую народно-хозяйственную программу, мы стояли перед исключительно большими трудностями в отношении учета этих директив партии и правительства при составлении контрольных цифр на 1929/30 г. В плане на 1930/31 г. эти директивы нужно учесть в полном объеме, а это требует большой синтетической работы.

Из всего сказанного что следует? Отсюда следует, что пятилетний план теперь уже достаточной перспективой для нас служить не может. Необходимо свести в единую систему и выразить в определенной цифровой программе все то новое, что мы имеем в области перевыполнения пятилетки, в области новых директив партии и правительства и новых возможностей, которые обнаружены в процессе работы по выполнению пятилетки.

Что теперь делается с пятилеткой? Нет ни одной области, ни одной республики, ни одной отрасли хозяйства, которые не пересматривали бы пятилетний план. Плановые органы возглавляют это стихийное движение по пересмотру и уточнению пятилетнего плана? Нет, не возглавляют. Нужно нам возглавлять? Я думаю, что необходимо, и тут могут быть различные выходы. Можно не уточнять пятилетку, можно ожидать составления генерального плана в расчете, что первый пятилетний отрезок генерального плана будет служить перспективой при

составлении контрольных цифр на 1930/31 г. Но это не обеспечивает того, что нам необходимо, так как времени до начала работы по контрольным цифрам на 1930/31 г. у нас мало, к составлению генерального плана мы только приступаем, а составление генплана есть задача, по меньшей мере, двухлетней работы. Здесь еще много неясного и, во всяком случае, ко времени начала работы над контрольными цифрами директив по генеральному плану мы еще не будем иметь, так что этот выход исключается. Может быть и такое решение: составляли же мы когда-то контрольные цифры без пятилетки, будем составлять и теперь; я думаю, этот выход тоже не годится; вряд ли следует подробно аргументировать, что при составлении годовых контрольных цифр нам перспективный план необходим, и что этот выход не годится. Есть третий выход, который в данной обстановке для плана на 1930/31 г. является единственно правильным — это возглавить то, что фактически уже делается, т. е. возглавить работу по уточнению пятилетнего плана, которая производится в отдельных областях, в республиках и в ведомствах. Привести в некое единое народнохозяйственное целое, в единый план все те новые проектировки, которые намечаются по отдельным отраслям хозяйства и районам, в грубом виде закончить эту работу до начала работ по контрольным цифрам и в виде перспективы учесть эту уточненную пятилетку при составлении плана на 1930/31 г. Если мы этого не сделаем, если каждое ведомство и район будут исходить из своих взаимно не связанных наметок, то мы рискуем получить в августе сумму отдельных планов, но не увязанную систему отдельных частей. Сбалансировать контрольные цифры будет при этих условиях задачей исключительно трудной, а, может быть, и непосильной.

Исходя из всех этих соображений, о которых я вам доложил, мы предлагаем немедленно после окончания настоящего совещания развернуть работу по уточнению пятилетнего плана. Конечным годом пятилетки остается, как и раньше, 1932/33 г. Работу эту мы ведем как в Союзном Госплане, так и в плановых органах республик и областей. Цель этой работы — иметь отражающую действительное положение вещей, некоторую, хотя бы грубую перспективную ориентировку при составлении контрольных цифр на 1930/31 г. В основу работы по уточнению пятилетки положить: во-первых, — лозунг «выполнить пятилетку в четыре года», во-вторых, — директивы партии и правительства по вопросам, касающимся перспектив развития отдельных отраслей хозяйства и изданных после утверждения пятилетки, в-третьих, — те новые задачи в области социальных отношений, которые вытекают из директивы партии — ликвидировать кулачество как класс, в-четвертых — новые возможности роста отдельных отраслей хозяйства и районов страны, которые обнаружились в ходе выполнения пятилетки. Мы не думаем, что результатом этой работы должен быть большой ворох таблиц, освещающих уточненную пятилетку во всех ее деталях. Нам необходимо в грубом виде связать отдельные части между собой и эту работу, я думаю, мы сможем сделать в течение февраля, марта

и, может быть, первых нескольких дней апреля с тем, чтобы к началу развертывания работ по составлению директив для контрольных цифр 1930/31 г. мы у себя и только для себя, для задачи составления контрольных цифр на 1930/31 г., имели в грубом виде увязанную и уточненную пятилетку. Те проекты директив, которые вы нам будете представлять в апреле, вы будете обосновывать результатами ваших работ по уточнению пятилетки.

Особое внимание должно быть обращено на полную сопоставимость показателей уточненной пятилетки и показателей пятилетки, утвержденной V Съездом Советов, чтобы каждый рабочий мог следить за ходом ее выполнения. Утвержденную Съездом Советов пятилетку мы не снимаем, — это нужно со всей решительностью подчеркнуть. Наша работа по уточнению пятилетки имеет лишь служебную цель: облегчить работу по лучшему и скорейшему выполнению той программы великих работ, которая содержится в пятилетке, утвержденной партией и Съездом Советов.

Перехожу к вопросу о наблюдении за ходом выполнения плана. Этот вопрос у нас стоит отдельно; коснусь я его лишь в той мере, в какой это касается контрольных цифр. Здесь нам необходимо сделать очень большой сдвиг в нашей работе. Я бы формулировал так, что основная задача плановых органов теперь — это уметь во-время конкретно и полно ставить перед партией все вопросы, вытекающие из тщательнейшего изучения тех процессов, которые происходят в области политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны, с одной стороны, и с другой стороны, уметь во-время облекать в форму конкретных планов и программ те общие директивы и установки, которые партия дает, т.-е. приблизить плановые органы к партии, сделать плановые органы органами, которые на основе общих установок и директив партии направляют развитие нашего народного хозяйства. Требуется ли это тщательного изучения хода выполнения плана со стороны всей системы плановых органов?

Само собой разумеется. Вряд ли это нужно аргументировать. Несмотря, однако, на ясность этого, в жизнь это до сих пор не проводилось. До сих пор мы составляли план и на этом работа заканчивалась. Где-то в отрыве от всего аппарата Госплана сидела конъюнктурная группа, которая следила за ходом выполнения плана. Мы должны это в корне изменить. Необходимо добиться, чтобы все образования Госплана, которые работают над составлением хозяйственных планов, чтобы эти же органы занимались изо дня в день, из недели в неделю самым тщательным наблюдением за выполнением этих планов по их областям хозяйства. Если мы этого добьемся, если повседневное наблюдение за ходом выполнения плана станет органической работой всех без исключения образований Госплана, то гораздо обоснованнее будут наши плановые проектировки и гораздо активнее и действеннее будет работа всей системы плановых органов. Особое значение приобретает этот вопрос теперь, на новом этапе плановой работы, при

исключительной динамичности происходящих в стране и в хозяйстве процессов.

Разрешите теперь перейти к отдельным проблемам, которые стоят перед контрольными цифрами на 1930/31 г. Прежде всего, вопросы технической реконструкции и рационализации хозяйства.

Я думаю, что мы вплотную подошли к необходимости планового регулирования процессов технической реконструкции и рационализации народного хозяйства. Специальный раздел контрольных цифр должен быть посвящен этим вопросам и не в общем виде, не в словах о пользе и необходимости реконструкции и рационализации хозяйства, а в форме совершенно точных заданий, даваемых плановыми органами отдельным отраслям хозяйств рассчитанных на определенные сроки исполнения.

Если вы возьмете наши контрольные цифры на любой год, то первое, что бросается в глаза, — это то, что весьма значительная группа техников и техников-экономистов, которые сидят в Госплане и во всей системе плановых органов и которые проводят работу громадной важности при составлении хозяйственных планов, эта работа в плане не получает своего отражения. Наши контрольные цифры представляют собою продукт экономистов и в ничтожно малой степени — техников.

Речь идет о том, чтобы в Госплане получили определенное выражение вопросы технической реконструкции и рационализации народного хозяйства. Тут будут двоякого рода вопросы. Первые вопросы — вопросы общей линии технической реконструкции отдельных отраслей хозяйства, выраженные в конкретных заданиях на данный год. Это мы хотим включить в контрольные цифры, как особый раздел, который мы назовем: задания в области реконструкции и рационализации народного хозяйства. Затем другие вопросы — задания в области лучшего использования оборудования, сырья и материалов, которые мы хотим включить в производственную программу плана, насытить ее технико-экономическими показателями. Мы разработали для этой цели систему технико-экономических показателей, которую мы вам роздали.

Выдвинули ли мы большую программу технико-экономических показателей? Нет. Это не все, что мы хотели дать. Это все, что мы можем дать, учитывая наши возможности и состояние материалов, в частности, статистических материалов, но это далеко от того, что мы хотели дать Съезду и что в контрольных цифрах должно быть по этим вопросам.

Мы считаем необходимым подвергнуть в контрольных цифрах специальной разработке вопрос о типизации предприятий. Обращаю в этом отношении особое внимание на отчеты Гипромеза. Из этих отчетов видно, какие громадные преимущества в отношении удешевления стоимости, ускорения строительства и улучшения качества его дает типизация наших вновь строящихся металлургических заводов.

Я отдаю себе ясный отчет в тех трудностях, какие стоят перед нами на пути широкого распространения типового нового строительства на все отрасли промышленности и народного хозяйства. Немного у нас еще таких мощных проектных организаций как Гипромез. Однако, колоссальные размеры наших строительных программ делают типизацию нового строительства крупнейшей народнохозяйственной проблемой. Нужно покончить с широко практикующейся у нас системой «свободного творчества» в строительном деле. Ход типизации строительства крупных предприятий необходимо фиксировать в контрольных цифрах. Контрольные цифры должны ежегодно ставить в этой области конкретные задания отдельным отраслям хозяйства, отдельным производствам, отдельным строительством. Нужно проработать, где здесь можно действовать обязательным законом правительства.

Исключительно важное значение имеет правильно поставленное кооперирование и кустование предприятий. Мы попробовали в текущем году кооперировать «Красный Путиловец» в Ленинграде с другими предприятиями, которые его обслуживают, но выходит пока плохо. Находящиеся тут же в Ленинграде предприятия не могут его обслуживать, например, литьем, чтобы выполнить программу производства тракторов.

Все время мы читаем заявления Красного Путиловца о том, что эти предприятия срывают выполнение его производственной программы. Я напоминаю опыт немцев во время мировой войны. Немцы во время мировой войны показали исключительно высокие темпы роста военной продукции. Они распределили 60—80 частей винтовки, например, по отдельным заводам, каждый из которых производил только данную часть винтовки. Сборку этой винтовки они сосредоточили на одном заводе. Все это влекло за собою резкое повышение продукции иногда в несколько десятков раз. При этом, они это проделывали в отношении предметов, которые требуют особенно точной, особенно тонкой работы.

Неужели мы этого сделать не можем? Правда, наша техника находится на значительно более низком уровне, чем техника германская даже во время мировой войны. Но мы не доучитываем, что наше машиностроение за последние годы вооружилось значительным количеством новых агрегатов, представляющих собою последнее слово техники. Поставить эти вопросы, как-то практически разрешить их — является обязательной задачей контрольных цифр. Лучше пусть мы напишем в контрольных цифрах, что в области кооперирования и кустования производства, например, мы — плановая система — ничего не сделали. Так и доложим всей стране, но обходить этот вопрос нельзя.

Теперь вопрос об энергобалансе. Необходимость иметь в контрольных цифрах энергобаланс у нас не вызывает никаких сомнений. Ведь энергификация хозяйства — это есть основа технической реконструкции всего хозяйства. Однако, мы в этих вопросах недопустимо

отстали. Утверждают, что в Центрально-промышленном районе не хватает электроэнергии, в Донбассе не хватает электроэнергии, на Урале не хватает электроэнергии, в Ленинграде не хватает электроэнергии. Часто сообщают, что порча турбины на какой-нибудь электростанции влечет за собою более или менее длительную остановку предприятий, имеющих первостепенное значение. У нас не только не существует энергобаланса отдельных районов, мы не имеем, и в контрольных цифрах не даем сводного энергобаланса для всей страны в целом. Я спрашивал отдельных наших работников, специально работающих по этим вопросам: скажите, выгодно ли нам иметь в Донецком бассейне две три резервных турбины, определенной мощности, для того, чтобы в случае аварий, они могли заменить испортившиеся турбины, с тем, чтобы предприятие не стояло несколько суток из-за отсутствия энергии? Мне отвечают, что, конечно, выгоднее иметь две турбины запасных. А где их иметь? Насколько не хватает, в Донецком бассейне энергии, насколько не хватает на Урале энергии? На эти вопросы мы ответить не можем. Говорят, что Ленинград ввозит 70% энергии, а 30% имеет у себя. А другие районы как? Какова структура энергобаланса в других районах страны и какие изменения мы можем и должны сделать? Вот эти вопросы мы ставим во всю ширь. Предложенная вам система показателей по этой части плана отражает собою наши устремления разобраться в этом вопросе и внести какое-либо плановое начало в вопрос энергификации нашего хозяйства и отдельных его районов. Начало этой попытки положено и мы будем со всей волей стремиться к тому, чтобы этот раздел получил свое определенное выражение в контрольных цифрах.

Вопрос о балансе машин. Собственно слово «баланс» не совсем отвечает тому, что мы преследуем в этом вопросе. Мы хотим добиться, наконец, чтобы каждый из наших заводов машиностроения специализировался на изготовление каких-то определенных предметов, по способу массового поточного производства, чтобы покончить с тем положением, когда на отдельных крупных машиностроительных заводах номенклатура изготавливаемых ими изделий определяется иногда тысячами для каждого завода. Мы строим заводы и на этих заводах производим уникалы. Ведь, это недопустимо нерациональная трата средств. Американцы пишут, что Советский Союз является совершенно исключительной страной по тем возможностям стандартизации, которые у него имеются. Совершенно правильно, но надо добавить также, что Советский Союз является единственной страной, которая так безобразно мало и плохо использует свои возможности в области стандартизации продукции. У нас очень небольшое количество стандартов, но и установленные стандарты не соблюдаются. Мы хотим широко внедрить стандартизацию в работу машиностроения, мы хотим добиться, чтобы стандарты были обязательным производственным законом, чтобы установленные стандарты соблюдались. Этим вопросам мы также посвящаем специальный раздел наших кон-

трольных цифр. Особое внимание мы обращаем на разработку баланса сельскохозяйственных машин и орудий. Уже в этом году обнаружилось, что продукция заводов сел.-хоз. машиностроения, приспособленных, главным образом, к строительству мелких машин, пригодных для индивидуальных хозяйств, не отвечает тем требованиям, которые ныне им предъявляет сельское хозяйство. Для крупного коллективного хозяйства эти машины не рентабельны и целые районы сплошной коллективизации отказываются по этим причинам от получения этих сел.-хоз. машин и орудий. Это противоречие еще более углубится в будущем году. Нам необходимо значительно перестроить выпускаемый нами ассортимент продукции сел.-хоз. машиностроения. Это тем своевременнее и лучше будет сделано, чем тщательнее будет в контрольных цифрах разработан баланс сел.-хоз. машин и орудий по отдельным районам страны.

Теперь о качественных показателях. Мы ставим вопрос о необходимости обосновать наши качественные показатели определенными техно-экономическими расчетами. Нельзя делать так, как это делается у нас, — 11%-м снижением себестоимости слегка затронуть составные элементы и на этом успокоиться. Нужно дать развернутое техно-экономическое обоснование программы снижения себестоимости. Нужно ставить определенные обоснованные необходимыми расчетами задания в области отдельных элементов себестоимости и по отдельным отраслям. То же касается и таких заданий, как повышения производительности труда, повышения урожайности и других качественных показателей плана. Мало ставить задание, нужно его обосновать развернутым инженерским расчетом. Этого мы и требуем в контрольных цифрах на 1930/31 г.

Мы даже не знаем, что у нас делается в отношении себестоимости в сельском хозяйстве, в отдельных его секторах, в отдельных районах или что у нас делается в отношении себестоимости на транспорте. Если мы предъявляем высокие требования к качеству хозяйствования, мы должны знать, сколько нам стоит продукция, скажем, в транспорте, в сельском хозяйстве. Эту часть нашей работы нам нужно сильно подтянуть в контрольных цифрах 1930/31 г.

Мы хотим в контрольных цифрах вплотную подойти, наконец, и к вопросу учета эффективности капитальных вложений в народное хозяйство. Мы думаем, что общего показателя эффективности мы не получим, так как это требует длительной работы, но частные задания в этой области мы должны предусмотреть в контрольных цифрах на 1930/31 г.

Об отдельных отраслях я уже говорил. Я хотел бы только добавить, что в этой области нам необходимо перестроить наш план в соответствии с новой структурой управления промышленности НКТорга, Наркомзема и т. д. Мы хотим ввести в общую систему контрольных цифр этого года развернутые производственно-финансовые планы крупнейших хозяйственных объединений (промобъединения, сов-

хозобъединения, объединения, подведомственные НКТоргу, и т. д.). Кроме того, мы считаем необходимым, чтобы планы промышленности и транспорта были даны в этом году обязательно в квартальном разрезе. Планы сельского хозяйства должны быть даны по отдельным посевным кампаниям.

Об общих требованиях, которые мы предъявляем к плану в области труда в контрольных цифрах на 1930/31 г., я также говорил. Я перечислю лишь отдельные проблемы, которые должны быть проработаны сводным планом в области организации труда. Впервые в этом году должен быть дан план организации труда внутри обобществленного сектора сельского хозяйства, план обеспечения рабочей силой крупнейших строительных объектов, в разрезе отдельных районов — строительной программы в целом.

Должен быть тщательно разработан план организации труда при непрерывном производстве. В плане необходимо будет учесть и обобщить опыт организации социалистического соревнования и ударных бригад и в виде директив дать необходимые указания соответствующим органам на местах. Надо учесть опыт перехода предприятий на семичасовой рабочий день. Здесь также должны быть даны соответствующие указания местам. Должен быть тщательно разработан вопрос об обеспечении реального прироста заработной платы рабочих вне формальном, а в фактическом сочетании с соответствующим ростом производительности труда. В плане должен получить определенное освещение вопрос о социальном составе рабочего класса и меры по его регулированию. Надо разработать план использования избыточной рабочей силы, которая имеет место в городе в результате вытеснения частного сектора. В плане должен получить освещение вопрос о социалистических городах. Надо предусмотреть систему практических мер по борьбе с текучестью рабочей силы, с той безобразной текучестью, которая имеет место в решающих областях нашего хозяйства и которая часто является основной причиной срыва наших программ. Наконец, в плане будущего года должно быть обращено особое внимание на подтягивание жилищного строительства в городе, в частности, и в особенности для рабочих. По части жилищного строительства мы отстаем от пятилетнего плана. Здесь мы значительно должны продвинуться вперед и это надо сделать одной из особых задач плана на 1930/31 г.

Два слова о кадрах. Вопрос о кадрах мы ставим в центре внимания всего плана. Мы будем требовать от отдельных отраслей хозяйства, от отдельных республик и районов представления обоснованных программ в области количества кадров, которые им необходимы, в соответствии с устройственными и производственными программами отдельных отраслей хозяйства, отдельных республик и районов. С особой тщательностью должен быть разработан план покрытия этой потребности в кадрах. Мы разработали соответствующую систему показателей и будем требовать ее выполнения.

Мы хотим в этом году резко изменить составление плана культурного строительства. Те споры, которые в прошлом году имели место между Госпланом РСФСР и нашей Секцией Культуры, показали, что эти два органа работают с различными методологическими обоснованиями, с различными предпосылками и принципами. Мы хотим в этом году план культурного строительства изменить так, чтобы не было места недоговоренности, не было бы места спорам. Новое здесь заключается в том, что уже в майских директивах по плану культурного строительства будут даны очень полные указания и лимиты, чтобы начать практическую работу перед началом нового учебного года. Для этих же целей мы, в изъятие из общего правила, вносим на рассмотрение правительства закон, по которому, основы контрольных цифр по культурному строительству, начиная с 1930/31 г., подлежат утверждению Совнаркома не позднее 10 июня. Это будет бронированный минимум мероприятий, подлежащий включению в сводные контрольные цифры без каких-либо существенных изменений. Основные установки в области плана культурного строительства ясны. Нельзя идти такими высокими темпами социалистического строительства, с которыми мы идем без широкого внедрения элементарной грамотности в населении страны. В плане на 1930/31 г. нужно будет предусмотреть решающие сдвиги в этом направлении.

Мы включаем в план наших работ составление плановых заданий научно-исследовательским организациям и учреждениям страны, мы ставим этим организациям определенные задачи, вытекающие из плана народного хозяйства.

Крупные задачи будут стоять в текущем году перед системой плановых органов в области составления плана снабжения. Та реорганизация НКТорга, которая произведена, всю тяжесть составления сводного плана снабжения возлагает на плановые органы. Мы будем требовать от плановых органов республик и областей представления нам плана снабжения. Это то новое, что мы вносим в план республик, районов и областей. Более подробно к этому мы вернемся, когда будем говорить относительно той системы показателей, которую мы в этой области даем.

Впервые в этом году мы даем развернутый сводный финансовый план и к этому будет дан социальный анализ сводного финансового плана. Мы выделяем расчеты между городом и деревней в отдельный раздел в контрольных цифрах.

Наконец, я коснусь вопросов о строительстве. Мы требуем в этом году представления квартальных и районных балансов строительных материалов. Мы требуем прекращения общих разговоров относительно удлинения строительного сезона, улучшения качества строительства, удешевления его стоимости и т. д. Вместо общих разговоров мы требуем в этом году точный инженерский расчет.

Два слова об экспортно-импортном плане будущего года.

Вопрос об экспортном и импортном плане на 1930/31 г. будет занимать очень важное место. Вы знаете основные цифры экспортно-импортного плана текущего года. Если мы возьмем тот размах строительства, который на будущий год предполагается, он, естественно, должен будет существенным образом отразиться на импортной программе оборудования, а это, в свою очередь, не может быть разрешено только путем повышения экспорта промышленной продукции. Нам необходимо оздоровить структуру нашего экспортного плана, чтобы привести его в соответствие со структурой хозяйства нашей страны. Нам надо считаться с необходимостью значительно повысить в будущем году экспорт сел.-хоз. продуктов.

Кратко о том, как мы думаем организовать работу.

Во-первых, о слиянии плановых и статистических органов. Необходимо обеспечить, чтобы это слияние было органическим. Необходимо обеспечить, чтобы слияние плановых и статистических органов обеспечило бы подлинное служение учета делу планирования народного хозяйства. Необходимо теперь же тщательным образом просмотреть, какие материалы имеются в органах бывшего ЦСУ? Какие из них могут быть тут же использованы для работы плановых органов? Опыт показал, что там имеются большие ценные материалы, которые могут быть и должны быть немедленно использованы для плановой работы. Необходимо договориться точно, какие плановые статистические работы будут произведены в этом году, чтобы этот план отвечал бы задачам планового руководства народным хозяйством и тем специфическим задачам, которые мы ставим перед народнохозяйственным планом на 1930/31 г.

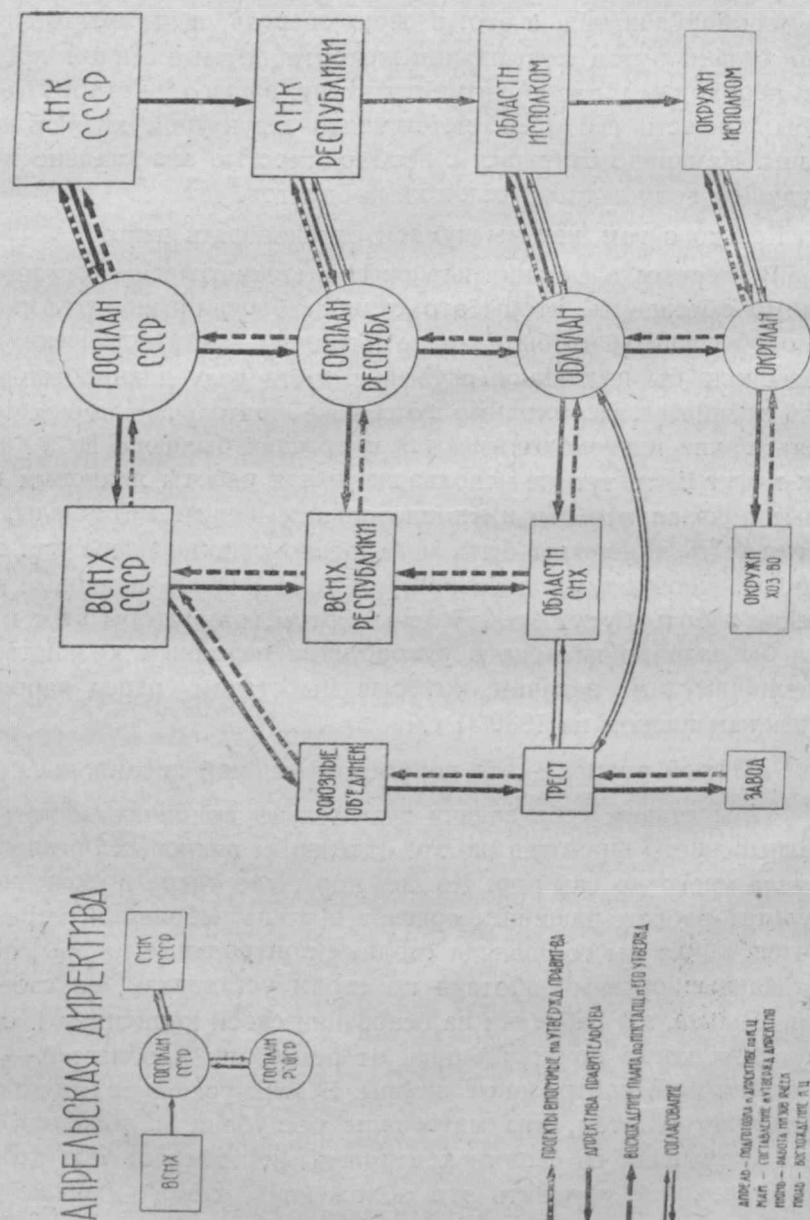
Второй вопрос — это вопрос о плановой дисциплине.

Мы ставим себе задачу решительно покончить с той системой распыленного фронта в работе отдельных плановых органов, которая имела место до сих пор. До сих пор было такое положение, что результат работы плановых органов в очень небольшой мере мог быть учтен, когда мы составляли сводные контрольные цифры, потому что отдельные органы работали по своим установкам, со своей концепцией плана, мы работали на основании своей концепции и своих установок и когда приходил план от республик и областей — мы имели уже готовые контрольные цифры. В этих условиях мы должны были ограничиться тем, что материалы республик и областей, примерно, согласовывали со своими контрольными цифрами. Мы хотим в этом году в корне изменить это положение с самого начала. Мы хотим подчинить всю работу по составлению контрольных цифр единому пониманию задач плана этого года и единым для всей системы плановых органов страны методам решения этих задач. Мы хотим поставить работу плановых органов республик, областей и ведомств в пределах определенных, даваемых до начала работы по контрольным цифрам, цифровых лимитов, которые будут утверждены правитель-

ством и которые будут даны, как обязательные, для всей системы плановых органов.

Некоторые т.т. ставили вопрос, не будет ли это связывать инициативу мест при составлении плана? Я думаю, что нет. Я думаю, что это только организует работу. Если плановые органы найдут необхо-

СХЕМА ПРОХОЖДЕНИЯ К.Ц. НА 1930/31 Х.Г.

димым добавить что-нибудь новое, то это будет нами рассмотрено самым тщательным образом. Если плановые органы, в пределах этих общих указаний найдут необходимым лучше решить те или иные вопросы, чем мы это наметили, мы самым тщательнейшим образом будем все это рассматривать. Мы не ставим себе целью связать инициативу

местных плановых органов. Мы ставим только целью организовать эту работу и сделать работу этих плановых органов частью той работы, которую делает Госплан Союза.

Отсюда мы ставим вопрос о системе разделения труда внутри системы плановых органов. Мы хотим установить такую систему разделения труда, при которой Госплан Союза в своих контрольных цифрах концентрирует свое внимание на анализе задач плана в целом, на взаимной увязке отраслевых планов и в общих чертах дает географическое распределение того народнохозяйственного плана, который мы ставим на 1930/31 г. Госпланы республик, не повторяя, а ссылаясь в части общего анализа плана на контрольные цифры Союзного Госплана, продолжают эти контрольные цифры более углубленным анализом планов работы отдельных областей данной республики и отдельных округов. Областные контрольные цифры, ссылаясь в части общего анализа планов данной республики на контрольные цифры Госплана республики, сосредоточивают свое внимание на тщательном анализе планов отдельных округов. При таких условиях мы получим единую систему планирования, которая друг друга будет дополнять, друг друга будет корреспондировать, которая будет пронизана едиными установками, едиными, по возможности, цифрами и единым пониманием задач, которые стоят в пределах каждой отдельной части страны и отрасли народного хозяйства. То же касается контрольных цифр, выпускаемых ведомствами. Контрольные цифры на 1930/31 г. мы составляем в обстановке, когда у нас закончено районирование страны, закончена реорганизация плановых органов, слияние их с органами статистики целого ряда НКматов, проходит большая реорганизация.

Встает вопрос о необходимости большей законченности в работе плановых органов на местах в смысле объема планируемого ими хозяйства. На этот вопрос необходимо ответить и здесь у нас. Мы отвечаем на этот вопрос таким образом: Госплан области, Госплан республики представляет нам план работы всего хозяйства, расположенного в пределах данной области и данной республики. Мы не требуем от него, чтобы он повторил нам все то, что нам дают отдельные ведомства — это нам не нужно. В законе, который мы внесем после совещания на утверждение правительства, мы предусматриваем, что ВСНХ союзных республик, например, совнархозы областей и тресты в части, касающейся союзной промышленности, обязаны свои материалы представлять одновременно и плановым органам республик, с тем, чтобы они могли их рассмотреть и увязать с тем планом, который они проектируют, и иметь возможность прийти в Союзный Госплан со своим заключением, со своими разногласиями по поводу плана работ союзной промышленности, находящейся на территории той области, которая представляет план.

Теперь, о календарном плане работы. О днях мы спорить не будем. Основные разрезы календарного плана: пять месяцев работы над

контрольными цифрами—апрель, май, июнь, июль и август. Апрель мы у нас идет на выработку директивы к построению контрольных цифр на 1930/31 г., директивы, которая будет содержать основные цифровые лимиты и директивы в области производства, распределения социально-культурного строительства и обобществления как по отдельным отраслям хозяйства, так и по республикам. На это уходит апрель. Нам представляют ведомства свои наметки, республики — свои наметки, мы составляем общую директиву, представляем на утверждение СНК, и потом она идет на места как обязательный закон. Май месяц должен быть месяцем, когда эта директива, принятая в Союзном СНК, с необходимыми цифровыми лимитами доводится до низового звена. Июнь — это месяц работы низового звена над планом. Июль — это месяц работы над планом областных и республиканских госпланов. Август — месяц сводки плана. К 1-му сентября мы представляем план на рассмотрение Союзного Совнаркома.

Последний частный вопрос. На Съезде Госпланов РСФСР очень много времени уделялось вопросу о том, когда начнется новый год — 1-го октября или 7-го ноября. Новое начало года есть очень большая ломка во всей нашей работе. Это требует колоссальнейших пересчетов, для того, чтобы сделать данные сопоставимыми. Мы должны твердо решить для себя, что независимо от того, когда будет установлен новый год — 1-го октября или 7-го ноября, в этом году мы этот переход сделать не можем, не успеем, иначе мы сорвем работу по составлению плана. Этот пересчет можно начать только в будущем году и при условии, если мы немедленно начнем к этому делу подготавливаться. Таким образом, в этом году мы без всяких колебаний и оглядок составляем план в расчете на то, что новый год начнется 1-го октября и окончится 1-го октября, как это было до сих пор. Тут никаких колебаний не должно быть, иначе это будет вредно для всей системы работы.

Вот основное, что в пределах доклада я мог сказать о задачах подготовки контрольных цифр на 1930/31 г.

Проблема реорганизации плановой системы¹

Нет надобности повторять те положения, которые были в свое время опубликованы в газете «Экономическая Жизнь» и, на наш взгляд, остались непоколебленными в дискуссии, прошедшей в системе плановых органов. Эта дискуссия выразилась не только в известных всем газетных и журнальных статьях, но еще в большей мере в том материале, который Госплан получил буквально от всех плановых органов республик и областей. Следует подчеркнуть, что на эти тезисы откликнулись даже многие окружные плановые организации, и нужно здесь, с сожалением, отметить лишь тот факт, что эта дискуссия чрезвычайно слабо затронула ведомства. Многие ведомства остались молчаливыми свидетелями в нашем споре и до сих пор еще не определили свою позицию к поставленным вопросам. Нужно надеяться, что на этот раз ведомства не останутся в стороне и так или иначе ответят на предложения, уже не отдельных лиц, а большинства плановых организаций нашей страны.

Какова общая оценка участников дискуссии известных вам положений? Прежде всего, нужно отметить (и мы это делаем с большим для нас удовлетворением), что все плановые органы, которые отозвались на поставленные вопросы проявили исключительное единодушие по основному моменту этих тезисов — по вопросу о том, можно ли терпеть и дальше существование разрозненно действующих плановых организаций, спланирующих свои силы только на отдельных работах, и есть ли смысл теперь ставить вопрос об организации плановых органов, как системы. В этом отношении мы имеем единодушное мнение в требованиях реорганизации плановых органов на основе единой конституции и создания из них единой мощной, хорошо организованной, внутренне сплоченной плановой системы. И в данном случае речь должна идти не о том кооперировании, какое себе представляют некоторые из представителей ведомств, рассчитывающих на то, что по тем или иным вопросам плановой работы мы будем опять, как и раньше, объединять свои силы, хотя попрежнему будем оставаться без общей какой бы то ни было организационной основы: речь должна идти сейчас об образовании единой и слаженной плановой системы, которая организационно была бы способна обеспечить нам это единство и кооперацию в работе не только по контрольным цифрам, или, ска-

¹ Доклад на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР

жем, по тому или иному перспективному плану, а всегда, каждодневно, во всей нашей плановой деятельности.

Как известно, большой спор вызвал вопрос относительно разделения труда в плановой системе, но этот спор в конечном итоге также разрешен теперь положительно. Большинство признало, что то место, которое мы отводим в нашей системе Союзному Госплану, республиканским и областным плановым органам и, наконец, низовой нашей периферии, что это место вполне заслужено и оно должно быть всячески укреплено в системе государственного аппарата.

Далее, большинство признало, что ведомства не могут в дальнейшем, в лице их плановых органов, действовать отлично от всей системы, жить своими законами, своими установками, своей методологией, своей организацией работы; в этом отношении они должны войти в эту систему в качестве ее составных элементов и выполнить ту работу, которая в порядке разделения труда на основе общеорганизационного и методологического плана — выпадает на эти самые органы. Наконец, большинство признало, что плановые комиссии и особенно плановые органы республик и Союзный Госплан должны взять курс на разработку синтетических проблем, которые облегчат построение как годового, так и, в особенности, перспективного народнохозяйственного плана. То время, когда плановые органы дублировали в полной мере работу ведомств, зачастую даже выполняя эту работу за ведомства, — теперь при развернувшейся системе плановых организаций в ведомствах, по признанию большинства, прошло. Нужно всячески стремиться к тому, чтобы ведомственные плановые органы в качестве соучастников этой единой системы выполняли бы целиком ту задачу, которая на них теперь ложится. В этом отношении споры по принципиальным моментам вопроса о разделении труда внутри самой системы, на мой взгляд, сейчас уже не существуют.

Некоторые плановые комиссии высказывали опасение, что такое перестроение может оторвать их от жизни. Нужно сказать, что подобное опасение несколько не основательно. Мы будем поддерживать связи с жизнью не только при помощи ведомственных плановых организаций, не только при помощи тех звеньев нашей системы, которые обслуживают отдельные отрасли нашего народного хозяйства; мы ищем сейчас новые, не менее важные для нас, приводы для того, чтобы сохранить теснейшую связь с жизнью и, находясь все время в ее фарватере, своевременно иметь возможность улавливать важнейшие явления этой жизни, своевременно их распознавать, с ними знакомиться и правильно, возможно более реально намечать те планы, те предвидения, которыми мы занимаемся.

Здесь уместно, между прочим, отметить, что многие из товарищей, участвовавших в дискуссии, не заметили реорганизации ведомств, когда по сути дела мы не имеем ни одного ведомства, которое целиком бы охватывало сейчас ту или иную отрасль народного хозяйства в целом. Даже ВСНХ и тот сегодняшний день охватывает, примерно, толь-

ко 79% всей нашей промышленности и этот процент в дальнейшем, по мере передачи ряда отраслей в ведение НКТорга, должен еще более уменьшиться. Поэтому, когда проектируя в составе Госплана Союза и Госпланов Союзных республик новые синтетические образования в виде секторов или секций, мы, вместе с тем, намечаем внутри этих крупных образований или оставляем уже существующие отраслевые ячейки, то нужно иметь в виду, что эти плановые ячейки на данном этапе тоже будут выполнять синтетическую работу. Они будут работать над составлением и окончательным оформлением законченных планов тех или иных отраслей в целом.

По мере укрепления новой организационной базы мы будем стараться эти отраслевые образования перестроить таким образом, чтобы они ни в какой степени не дублировали работы ведомств, а, наоборот, ее перекрывали, и создадим все условия, необходимые для народнохозяйственной оценки, для народнохозяйственного взвешивания всех предложений, проектов, требований, идущих со стороны ведомств.

Нужно сказать, что по вопросу о разделении труда в процессе дискуссии были выдвинуты довольно оригинальные, но на наш взгляд совершенно ошибочные предложения. Первое предложение было таково, чтобы мы за ведомствами оставили планирование технической реконструкции и производительных сил, а на Госпланы и общеплановые органы нашей системы возложили бы задачу планирования реконструкции производственных отношений. Эта точка зрения нашла отражение в целом ряде статей и материалов, поступивших в наше распоряжение, при чем один из участников дискуссии выразил ее даже в том виде, что предложил вместо существующего Госплана такую своеобразную триаду: Высший Экспертный Совет, Хоз. Академия и особо Госплан. Аналогичное предложение исходило еще из Украинского РКК, где предлагалось в ведомствах сохранить планирование производства и технической реконструкции, а вопросы экономического планирования передать в Госплан.

Мы это решительно отвергли по тем соображениям, что считаем совершенно невозможным отделить одно от другого — планирование производства от планирования производственных отношений, планирование технической реконструкции от социальной реконструкции. Это два момента одного общего процесса, которые неотделимы ни в том звене, где работой занимаются Госпланы и ниже лежащие плановые органы, ни в том звене, где работой занимаются ведомственные плановые органы. Поэтому должна быть принята линия разделения труда, предложенная в тезисах и сейчас значительно уточненная.

Второй вопрос, который был довольно подробно затронут в дискуссии, это вопрос о том, доведем ли мы плановую систему до первичных образований госаппарата и до первичных ячеек наших производственных организаций. Надо сказать более категорично, чем это было сделано в тезисах, что мы свою систему должны развить

до села и до производственного предприятия. Если мы этого не сделаем, то мы никогда всерьез не развернем народнохозяйственного плана, больше того, никогда не сумеем получить доброкачественного материала со стороны этих образований, первичных ячеек, чтобы составить чрезвычайно важный для нас народнохозяйственный план.

Не взирая на недостаток кадров и считаясь с тем, что в этом отношении сейчас в нашей системе крайне неблагоприятно, мы должны теперь же, пользуясь теми силами, которые накоплены в этой работе, идя на перестановку этих сил, добиваться того, чтобы в каждом предприятии, в каждом образовании государственной системы была бы заложена большая или малая, в зависимости от масштаба и характера работы, первичная плановая ячейка. Это нужно осуществлять со всей энергией. Не имея первичных ячеек, мы не достигнем необходимого успеха в нашей работе и улучшений качественных показателей ее.

Сохраняя целиком установку на то, что основным звеном нашей системы является плановая комиссия экономического района, мы этой комиссии присваиваем все необходимые права и возможности для того, чтобы составить народнохозяйственный план этого района, как комплекс, отражающий все стороны хозяйственного и культурного строительства. Вместе с этим, как раньше, так и теперь мы делаем серьезные оговорки в отношении окружных плановых комиссий. Поддерживая в окружных плановых комиссиях такую систему организаций, которая целиком позволила бы перенести в основном плановую работу в эти комиссии как в единственные плановые центры на территории округов (что совпадает с установкой на реорганизацию аппарата), мы вместе с тем оговариваемся, что не требуем от окружных плановых комиссий составления законченных, представляющих собою народнохозяйственные комплексы, планов по данному административному округу. Мы добиваемся предоставления окружным плановым комиссиям таких прав, которые обеспечили бы им получение всех необходимых материалов для составления планов местного хозяйства, планов культурного строительства и для учета всех тех моментов в нашей хозяйственной и культурной деятельности, которые происходят от наличия на территории округа зачастую очень крупных и важных союзных и республиканских предприятий. Требовать, чтобы окружные плановые комиссии, по примеру того, что будут делать областные и республиканские плановые комиссии, выполняли бы всю работу по составлению планов, мы не считаем возможным на данной стадии развития и полагаем, что эта работа должна быть возложена на плановые комиссии экономических районов, а окрпланы должны сыграть в этом отношении роль подсобных образований.

Нужно при этом установить, что мы неодинаково расцениваем положение отдельных округов и неодинаково строим систему плановых организаций этих округов. У нас имеются очень небольшие административные округа с небольшим хозяйством и, наоборот, имеются

округа, которые своими силами могут помериться с областями. Такие округа мы, в частности, имеем и на территории Украины, поэтому мы всячески стремились к тому, чтобы этот момент отметить и в нашей схеме реорганизации его учесть.

То же самое нужно сказать и относительно автономных республик, автономных областей и целого ряда национальных образований. Многие товарищи думали, что мы упускаем здесь из виду особые отличия и интересы этих национальных образований. Отнюдь нет. Мы только говорим, что не везде в автономных республиках и автономных областях плановые комиссии могут строиться по образцу и подобию плановых комиссий экономических районов, просто потому, что это будет им не под силу. В зависимости от масштаба хозяйства той или иной области, республики, в зависимости от задач, которые выпадают на то или иное национальное образование, мы предлагаем выбирать из предложенных нами типичных схем такую организацию, которая, прежде всего, соответствовала бы этому национальному образованию. Поэтому, в одном случае эти плановые комиссии могут походить на тот тип, который предложен экономическим районам, в другом — эти плановые комиссии могут строиться по типу окружных плановых комиссий с сокращенным штатом.

Третий вопрос, который был поставлен, это — вопрос о том, находятся ли плановые органы ведомств в соподчинении Госпланов или они продолжают работать совершенно самостоятельно? Принцип соподчинения был подвергнут критике. Я должен предупредить, что принцип двойного подчинения не является новым в нашей советской системе. Его можно наблюдать в целом ряде организаций, действующих и существующих в Советском Союзе. Это можно наблюдать и в отделах низовых исполкомов, которые, с одной стороны, связаны с наркоматской системой и по этой линии выполняют определенные задачи, а с другой, — с исполкомами, зависимыми от них, и обязаны по целому ряду вопросов не только считаться с исполкомами, но и подчиняются им.

Для того, чтобы не было никаких сомнений на этот счет, мы совершенно конкретно установили, по каким вопросам наркоматы и действующие в них плановые образования подчиняются и обязаны выполнять на директивных началах постановления и предложения Госплана. Сюда мы включаем вопросы методологии плановой работы и ее организации, директивы, связанные с выполнением того или иного планового задания, скажем, директивы по контрольным цифрам, лимитам и т. д. Сюда мы включаем право плановых комиссий привлекать к своей работе в целом или в той или иной части плановые органы ведомств.

Поэтому в выдвигаемом нами сейчас Положении мы требуем предоставить Госпланам в перечисленных мною моментах директивных права в отношении наркоматов и всех иных систем, которые

выполняют ту или иную функцию при составлении или подготовке народнохозяйственного плана и его элементов.

Что касается плановых органов республик, областей, округов и районов, т.е. наших взаимоотношений по вертикали, то здесь предлагаются системы отношений, установленных конституцией для объединенных наркоматов. Нужно иметь в виду, что это вовсе не значит, что мы стремимся стать объединенным наркоматом. В этом отношении Госплан не мог претендовать на то, чтобы ему было предоставлено то же место в государственной системе, какое занимают наши наркоматы. Госплан — не наркомат, он — общегосударственный орган особого значения. Это очень важно отметить и это мы считаем тем необходимым минимумом, который нужно во что бы то ни стало выдержать, если мы не играем словами о централизации планирования. Нельзя централизовать планирование, нельзя создать единый народнохозяйственный план, нельзя, в конце концов, преодолеть невероятнейшие неразбериху, параллелизм и неслаженность в нашей плановой работе, которые так хорошо известны всем и которые можно было бы иллюстрировать сотнями фактов из нашей практической работы, если не провести это предложение.

Следующий вопрос, который многих беспокоил, — это вопрос относительно взаимоотношений Госплана Союза и Госплана РСФСР. Он был выделен несколько особо, потому что отношения органов Союза и органов РСФСР (не только по плановой линии), благодаря нахождению их в одном центре, а также и потому, что РСФСР занимает очень высокий удельный вес в нашем Союзе, значительно отличаются от наших взаимоотношений с другими Союзными республиками. Предложения об образовании единого районного сектора не встретили сочувствия по целому ряду причин, и поэтому мы сейчас предлагаем сохранить районное образование в обоих Госпланах. Однако, вопрос о размежевании работ между этими Госпланами решается не так, как предлагает Госплан РСФСР.

Как известно, Госплан РСФСР предложил такую конституцию, которая исключает наше непосредственное общение с экономическими районами РСФСР. Мы же предлагаем, во-первых, обеспечить единство в этих работах общими методологическими указаниями, единым планом организации этих работ, который вырабатывается совместно и оформляется с учетом интересов РСФСР. Мы предлагаем на Госплан РСФСР возложить задачу оформления и проверки планов экономических районов; на себя же мы возлагаем задачу разработки межрайонных отношений и под этим углом будем рассматривать поступающие к нам из РСФСР планы экономических районов.

Но, что значат межрайонные отношения и какие проблемы могут быть отнесены к этой категории вопросов? Мы тут имеем, примерно, следующие моменты. Скажем, Госплан РСФСР будет рассматривать Сибирь, Урал или другие области, взятые отдельно; мы же будем работать в значительной степени и над Сибирью, и над Уралом,

но не как таковыми, а будем работать над Сибирью и Уралом — как комплексом, которые взаимно связаны в разрешении целого ряда крупных проблем, выдвинутых нами в области металла, топлива, транспорта и т. д. Под этим углом зрения мы будем стараться взвешивать те районные проектировки, которые к нам будут поступать. То же можно будет видеть в отношениях между Сибирью и Ср. Азией, между Ленинградом и северными районами, между Москвой и окружающими районами и т. д., и т. п. Здесь встречается целый ряд важнейших для всего Союза моментов нашей работы, над которыми придется поработать в ближайшем будущем и особенно тогда, когда мы вплотную подойдем к генеральному плану. Значит ли это, что мы оторвемся и не будем иметь связи с экономическими районами, как таковыми? Отнюдь нет. В нашей работе мы должны обеспечить связь с экономическими районами, ибо в противном случае трудно было бы заниматься этими проблемами, трудно было бы работать над межрайонными отношениями. Здесь уместно подчеркнуть заявление Г. М. Кржижановского о том, что, кончив настоящий съезд, мы примем меры к тому, чтобы работники районного сектора раз'ехались по крупнейшим экономическим районам и приняли непосредственное участие в их работах. Отказаться от этого минимума и оставить те отношения, которые предлагает проектировка Госплана РСФСР, мы ни в какой степени не можем.

Довольно остро был поставлен в дискуссии вопрос относительно плановых образований в самих ведомствах и их отношениях с остальными частями ведомственной системы. Но вся последующая работа по реорганизации ведомств целиком оправдала те предложения, которые в свое время нами выдвигались, и мы чрезвычайно удовлетворены тем, что скажем, в ВСНХ плановые органы заняли командное место и в лице плановых органов мы там имеем объединение двух разрозненных частей — планово-экономического управления и НТУ. Налицо все необходимое для того, чтобы обеспечить этому плановому образованию подобающее место в ведомственной системе и сохранить за ним ведущее начало. То же самое можно отметить в отношении НКПС, если брать центральную его организацию, в отношении НКПиТ, в некоторой степени в отношении НКТорга и многих других реорганизуемых органов. Жизнь решила этот вопрос положительно.

В связи с этим хотелось бы выяснить одно недоразумение. Одно время был спор, надо или не надо включить в планово-экономические управления контрольно-инспекторские органы ведомств. Мы согласились с тем, что эти органы включать не следует, что их нужно оставить в качестве самостоятельных образований, как это сделано в ВСНХ. Но одно здесь надо подчеркнуть: работа этих ячеек должна быть направлена по линии проверки исполнения планов, чтобы контрольные органы вскрывали недочеты запроектированных планов

в процессе самого исполнения его и тем самым позволяли бы накапливать необходимые материалы для дальнейших этапов планирования.

Что касается финансовых органов ведомств, то тут была некоторая путаница: смешивали органы, финансирующие ту или иную отрасль народного хозяйства с финансированием по содержанию самого аппарата ведомства. Что касается производственных финансов, то мы считаем, что они должны быть целиком связаны и включены в систему плановых образований этих ведомств. Такое положение мы не только декларируем, но мы на деле имеем перестройку в этом направлении по целому ряду наркоматов.

Особый спор был по поводу НКФина. НКФин даже успел, не дожидаясь результатов нашего совещания, тут же перестроиться и на наш взгляд перестроиться неудачно. Он образовал Бюджетно-Плановое Управление для работ над годовым бюджетом и финансовым планом и затем Планово-Экономическое Управление, ведающее вопросами перспективного финансового плана. Совершенно недопустимое разделение. Такое разделение имело место во многих наших организациях, в том числе и в самом Госплане Союза и жизнь показала, что оно не выдерживает никакой критики, что тут нужно одно образование для работы над годовыми и перспективными планами.

Какие же функции мы отводим НКФину? Мы считаем, что вопросы, связанные с составлением финансового плана, должны принадлежать обще-плановым органам нашей системы, т.-е. продолжаем стоять на той точке зрения, которая в свое время была выдвинута и которая всем известна. Что касается НКФина, то мы считаем, что на основе предпосылаемых ему установок и директивных лимитов, в общем порядке наших работ он должен заниматься планированием бюджета и его составных элементов. Кроме того, он очень серьезно должен будет заняться планированием реорганизации всей своей работы и перестройки самой финансовой системы, которая непосредственным образом связана с НКФинком как таковым и представляет дело, непосредственно ему порученное.

Затрагивая НКФин, мы не можем обойти молчанием то положение, которое начинает занимать в нашей системе Госбанк. Если вы проследите практику нашей работы, то вам не трудно будет заметить тот факт, что мы с вами планируем, НКФин принимает участие в этом планировании, а потом, когда доходит до исполнения, то Госбанк проводит его отлично от того, что мы предлагаем. Это можно проследить по ряду отраслей нашего хозяйства и особенно таких отраслей, которые являются ведущими в нашей работе. Терпимо ли это? Это не терпимо. Отчего это происходит? Это происходит от того, что мы, ориентируясь на НКФин, как на Наркомат, возглавляющий всю финансовую систему, забываем то обстоятельство, что госбанковская система, выросшая сейчас в довольно мощную организацию, фактически НКФину уже не подчиняется и представляет собою самостоятельную работающую систему, особенно в вопросах финансирования

народного хозяйства. Это — центральная функция, где Госбанк сейчас выполняет существенно важную роль. Необходимо в дальнейшей работе после более глубокого и серьезного анализа, чем это можно было сделать сейчас с учетом всей практики, которая в этом направлении складывается, принять меры к созданию всех условий, гарантирующих выполнение Госбанком тех планов, которые нами проектируются и потом утверждаются партией и правительством. Поэтому, я склонен был бы сейчас уже предложить рассматривать плановую организацию Госбанка в связи с плановыми органами НКФина, но как самостоятельную плановую организацию, занимающую особое место в нашей системе. Отрыв, который сейчас еще существует, должен быть самым решительным образом ликвидирован.

Еще один момент, который связан с укреплением предлагаемого нами организационного начала. Мы считаем, что нам нужно будет подкрепить плановую систему созданием централизованного аппарата кадров и учраспреда. Вопрос о кадрах, об их подготовке и распределении имеет чрезвычайно важное значение для нашей системы. Для начала мы предлагаем принять меры к тому, чтобы назначение руководящего состава плановых органов ведомств и других организаций, назначение руководящего состава нижележащих обще-плановых образований, происходило бы не иначе, как по предварительному согласованию с высшей плановой инстанцией, при чем здесь придется, видимо, применить специальную номенклатуру, которая позволила бы оказать решающее влияние на руководящий состав наших плановых органов и сделать все необходимое для того, чтобы этот руководящий состав подбирался с учетом тех новых требований, которые плановым органам предъявляются. Это необходимо еще и для того, чтобы не было таких фактов, когда смена того или другого руководителя республиканского или областного органа проходит вне всякой связи с руководством, а мы узнаем об этом уже пост-фактум.

Всем известен возникший в свое время большой вопрос относительно взаимоотношений Госплана с ЦСУ. Спор этот снят с очереди общеизвестными последними решениями и таким образом об этом сейчас можно было бы, пожалуй, и не говорить. Но тут важен другой момент, товарищи, — важен момент организации учета, связанный с теми конкретными задачами, которые теперь в плановой системе придется во что бы то ни стало развернуть и поставить. Многим представляется, что слияние ЦСУ с Госпланом сняло совершенно с очереди вопрос относительно ведомственного учета и положение этого ведомственного учета в нашей государственной системе и его отношение к государственной статистике. Отнюдь нет. Наоборот. Слияние плановых и статистических органов создало все необходимые предпосылки к тому, чтобы в ближайшее же время, после специально-проведенной работы осуществить эти задачи.

Мы должны добиться создания в стране единой системы социального учета, системы, которая могла бы охватить все процессы

нашей народнохозяйственной жизни и ликвидировать невероятнейший разброд и хаос, которые мы в этом направлении с вами наблюдаем и которые очень осложняют плановую и всю государственную работу. Но это нельзя сделать без серьезного перевооружения всех статистических органов. Над этим перевооружением, над созданием совершенно иных условий для работы статистических органов мы должны будем поработать в первую очередь.

Мы сделаем все необходимое для того, чтобы, с одной стороны, оплодотворить статистическую работу теми важнейшими идеями, теми важнейшими соц.-экономическими задачами, которые стоят перед нами, над которыми мы с вами сейчас задумываемся, над которыми мы с вами работаем. Но наряду с этим мы сделаем все необходимое для того, чтобы оперативно изменить коренным образом условия, в которых протекала работа по учету. Немноголетним и крайне ограниченным нашим опытом установлено, что механизация разработки данных учета может ускорить темп этой работы минимум в два раза; установлено также, что если мы попутно с этим коренным образом изменим систему передачи сведений, собираемых на периферии в центр, изменим порядок разработки этих сведений, сроки, которые для этого дела предоставляются, — средства, которые на это дело выделяются и т. д., — то мы этим самым также серьезным образом повлияем на темпы нашей работы. Добиться того, чтобы дело социалистического учета пошло нога в ногу с бурными темпами нашего развития, представляет сейчас для нас центральную задачу и нужно сказать, что если мы овладеем этим оружием, то мы окажем нашей партии, нашей стране такую неоценимую услугу, которую сейчас трудно переоценить.

Я думаю, что мы недоучитываем и недооцениваем этот момент и даже не можем предугадать, какую громадную силу представляет для нас система централизованного учета, если только мы ее перенесем на иную совершенно организационную и техническую базу, если мы устраним здесь целый ряд серьезных неполадок. Последние, как известно, до сих пор лишали статистику возможности быстро и своевременно реагировать на важнейшие явления нашей жизни, быстро и своевременно открывать нам глаза на ту обстановку, которая складывается в нашей стране при исключительной динамичности всех совершающихся народно-хозяйственных процессов.

Та организация, которую мы намечаем, отводя статистике специальное место в нашей системе и вводя в состав этих статистических секторов особые секции воспроизводства и баланса народного хозяйства, превращая этим самым статистический сектор в экономико-статистический сектор, — эта организация приобретает в нашей системе достаточно важное место. Мы не случайно решили создать не просто органы статистического учета, а создать экономико-статистические секторы и считаем, что эта схема должна быть сохранена от начала и до конца, для того, чтобы обеспечить этой работе надежную базу

и необходимые условия для ее развертывания и для перехода этой работы на более высокую ступень.

Решен, наконец, спор и относительно образования центра методологического и организационного руководства. Созданием специального сводно-планового бюро при Президиуме Госплана Союза (а мы предлагаем сделать это и нижележащим органам), и организацией Оргсектора мы добьемся осуществления тех задач, которые мы в этой области перед собою ставим. Теперь ясно стало, что ни один из секторов как бы он ни был хорошо организован, не в состоянии обеспечить Президиум Госплана Союза все необходимое для того, чтобы в конечном итоге решить вопрос о единстве методологического руководства, о единстве организации. Образование Бюро и Оргсектора поможет решить этот вопрос, так как это необходимо на данном этапе нашего развития.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что здесь надо иметь в виду две функции: с одной стороны, функции методологического руководства, создания всех условий для единства методологии в нашей работе, с другой стороны, что важно здесь отметить, функцию планирования самой работы, создания таких условий, когда бы вопрос об использовании времени, сил, о самой очередности постановки тех или иных проблем на нашу разработку, чтобы все это разрешалось и проводилось не случайно, а связано, на основе единого плана, продуманного от начала и до конца.

Отвечая на тот вопрос, который некоторые товарищи, и в том числе тов. Некрасов, хотели разрешить (в частности, т. Некрасов в его триаде по вопросу об экспертных органах и научно-исследовательском центре)¹, мы предлагаем твердо и окончательно остановиться на той системе, которая здесь вносится. Во-первых, мы решительно поддерживаем организацию Института экономических исследований (и его филиалов), как исследовательского центра, который будет работать над целым рядом важнейших для нас теоретических вопросов, над теорией планирования и методологией, над теорией экономики переходного периода, над изучением того этапа, который мы с вами уже прошли, над вопросами подготовки высоко-квалифицированных кадров. В этом вопросе мы решительно отказываемся принять те точки зрения, которые нам в свое время навязывались. Одни говорили, что этот Институт совершенно не нужен, что он будет излишен в системе плановых организаций; другие, наоборот, предлагали создать самостоятельную, отдельно действующую научно-исследовательскую организацию. Мы стоим именно за то, чтобы эта организация была в системе Госплана. И вторую организацию, которую мы предлагаем в системе Госплана — это Высший Экспертный Совет. Функции Совета формулированы кратко в нашем предложении и нужно сказать, что в ближайшем же времени, если нам удастся удачно подобрать его

¹ „Экономическая Жизнь“ № 22 за 1930 г.

личный состав, он сыграет громадную роль в разрешении тех сложнейших народнохозяйственных проблем, которые уже сейчас ставятся перед Госпланом Союза и Госпланами союзных республик.

Особо, как вы знаете, был поставлен вопрос относительно контроля исполнения плана. Этому вопросу была посвящена статья т. Артамонова¹, в которой последний предлагал немедленно решить вопрос об объединении плановых органов и органов РКИ.

Если касаться только организационных моментов, то я ничего не могу прибавить к тому, что было написано в статье, тов. Моргенштерна². Что касается политической оценки этого предложения, то нужно прямо сказать, что это предложение является несвоевременным и отнюдь не может разрешить тех проблем, которые поставлены сейчас в связи с реорганизацией нашей плановой системы. Такие вопросы можно было бы решать только в прямой связи с реорганизацией всей системы государственного аппарата и еще вопрос, — нужно ли идти на такое соединение? Мы придерживаемся той точки зрения, что, если нужно идти на соединение партийного с советским, то плановые органы должны быть приближены к директивным органам, к Ц. К., к обкомитетам, к районным комитетам, ибо они как никогда вступают в прямую связь с этими директивными органами и начинают довольно широко обслуживать их по важнейшим вопросам нашей политики.

Что касается вопросов контроля над выполнением плана, то в нашем распоряжении есть целый ряд возможностей. Первая возможность — это сближение с РКИ и использование тех предложений, которые РКИ делает. Размычки с РКИ мы допустить не можем, это было бы вредно и здесь нужны отношения, которые бы позволили плановым органам своевременно использовать работу органов РКИ и помочь им в свою очередь собственным опытом плановых органов.

Второй момент, который нужно использовать, это работа по конъюнктуре. Если мы перевооружим нашу конъюнктурную работу и добьемся того, чтобы конъюнктурная работа обеспечила возможность предупреждать и предвидеть целый ряд явлений в хозяйственной жизни, — то нужно сказать, что эта форма свяжет планирование с жизнью, обеспечит проверку выполнения плана.

Далее мы предлагаем систему непосредственной связи с образцовыми предприятиями, с совхозами, чему будет посвящен доклад т. Квиринга³. Мы предлагаем особую систему командировок, длительных поездок наших работников на места и приезда местных работников к нам, предлагаем целую систему совещаний, конференций и вообще целый ряд предложений, чтобы обеспечить те приводы, которые помогут более полно, чем до сих пор, проверять план и своевременно по ходу народнохозяйственной жизни принимать необходимые меры.

¹ „Торг.-Промышл. газета“ № 235 за 1929 г.

² „Экономическая Жизнь“ № 267 за 1929 г.

³ Доклад т. Квиринга будет напечатан в № 3 журнала „Плановое Хозяйство“ Ред.

Последний момент, который я должен отметить и на котором я хочу остановить ваше внимание, сводится к вопросу о наших отношениях с руководящими органами. Мы предлагаем Плановые Комиссии считать органами правительства, а на местах — соответствующих Исполкомов и здесь, в частности, по линии Госплана мы предлагаем Госплану присвоить права на окончательное решение по всем тем вопросам, которые не вошли в план правительства и не представляются на его утверждение. Вы знаете, что до сих пор мы таким правом не пользовались, хотя это право можно было бы вполне присвоить Госплану, чтобы не обременять правительство вопросами, которые вполне могли бы быть исчерпаны в Госплане. Некоторые считают, что предоставление этого права приведет к тому, что Госплан будет вовлечен во всю оперативную вермишель, текущие дела. Вовсе нет. Тот факт, что мы создаем строительный сектор, сектор культуры, сектор энергетики, где нужно устанавливать целый ряд норм, общих для союза положений, это вынуждает Госплан на то, чтобы взять на себя такую функцию.

Вот, примерно, в основных чертах то, что нужно было бы отметить, исходя из результатов проведенной дискуссии. Я думаю, что было бы вполне правильно, если бы выступающие в прениях отчетливо вскрыли неустраненные еще разногласия, чтобы в результате мы могли принять решение, удовлетворяющее большинство и просить правительство санкционировать проект и обеспечить все необходимое для быстрой реорганизации всей системы и перевода ее на более высокий уровень, отвечающий требованиям, поставленным жизнью.

А. Курбатов

Весна социалистической стройки сельского хозяйства

Весенний сев 1930 г. будет иметь огромное политическое и хозяйственное значение. С успешным его проведением и полным выполнением плановых заданий весь процесс социалистического строительства получит мощную поддержку и толчок для дальнейшего, еще большего ускорения своего быстрого темпа развития. Яровая кампания 1930 г. должна дать первое производственное оформление и закрепление исторического сдвига бедняцко-середняцких масс в сторону колхозов, в сторону коренного социалистического преобразования вековых способов производства. Именно, в весеннюю посевную кампанию мы должны будем закрепить результаты весны социалистической перестройки сельского хозяйства.

В этом ее главнейшая и центральная задача. Добиться резкого расширения посевных площадей, добиться под'ема урожайности намеченного по плану — это значит заложить прочнейший фундамент под все наше колхозное движение. Производственные задания на весеннюю сел.-хоз. кампанию, определенные постановлением правительства, сводятся к увеличению посевных площадей на 11% и под'ему урожайности на 8%.

Общий размер посевных площадей должен быть доведен до 134 млн. га, против 120 млн. га в прошлом году. Яровой клин намечен планом в 97 млн. га, против 87,6 млн. га в прошлом году.

Темп роста отдельных культур характеризуется следующими данными: яровая пшеница должна возрасти на 20%, кукуруза — на 15%, посевы: трав — на 23%, кормовых корнеплодов — на 180%, хлопка — на 40%, сахарной свеклы — на 35%, льна-долгунца — на 13,5%, масличных — на 15% и площадь огородов — на 20%.

На фоне резкого увеличения общего размера посевных площадей в их структуре делается упор на более быстрое развитие технических и кормовых культур, а также посева трав. Такая проектировка структуры посевного клина обусловлена необходимостью максимально возможного улучшения и увеличения кормовой базы для животноводства, состояние которого явно неудовлетворительно. Чтобы добиться коренного перелома в развитии скота, в условиях быстро развертывающейся коллективизации сельского хозяйства, необходим коренной сдвиг и в деле организации кормовой базы для него.

Таково количественное выражение производственной программы весеннего посева. Общее состояние ресурсов сельского хозяйства показывает, что эта программа не только может быть выполнена, но и будет превзойдена.

Общий баланс тяговой силы как скотской, так и механической, вполне обеспечивает программу расширения посевных площадей. Общий запас тяги, в переводе на рабочий скот, условно может быть определен в грубых чертах в 26 млн. единиц раб. скота, против 27,2 млн. на весну 1929 г. Количество тракторов к весенней кампании должно будет составить 75 тыс. штук (условно десятичных), вместо 46 тыс. в прошлом году. Размер посевной площади, обработанной тракторами, составит, примерно, около 9—10 млн. га, что даст к общей площади посева около 7—8%.

Нагрузка единицы рабочего скота в весеннюю посевную кампанию яровыми посевами должна составить, таким образом, около 3,6 га против, примерно, 3,2 га в прошлом году, что даст прирост нагрузки на 12—13%. Надо иметь в виду, что эта средняя союзная норма нагрузки для отдельных районов довольно существенно колеблется. Но во всяком случае самый темп роста нагрузки и абсолютный размер ее таков, что скорее он свидетельствует о наличии резервов в отношении тяговой силы. Задача полного освоения наличных запасов тяговой силы в огромной степени облегчается бурно развертывающейся коллективизацией сельского хозяйства.

Этот процесс освоения запаса тяговой силы будет идти еще на протяжении ряда лет. Но из того факта, что баланс тяговой силы покрывает потребности в ней, отнюдь, конечно, не следует, что по этой линии в предстоящую посевную кампанию мы не будем иметь трудностей. Уже сейчас, в ходе еще подготовки к весеннему севу, выявляются эти трудности. С особой резкостью они выступают в отношении тракторов. Тракторный парк к весне будет почти удвоен. Старый состав тракторов значительно изношен и требует большого ремонта. Ход ремонта не только тракторов, но и всего сел.-хоз. инвентаря развертывается явно недостаточно. Распыленность тракторного парка в прошлом, нерациональная постановка его использования и организации ремонта приводила и к крайне незначительному производственному эффекту применения трактора. Последние два года дают в этом отношении резкий перелом. Он идет по линии концентрации тракторного состава в кустовых колхозных объединениях, в машинно-тракторных станциях и колоннах, в сосредоточении их в крупных советских и колхозных хозяйствах. Эту тенденцию концентрации тракторного парка в энергетические центры необходимо всемерно развивать. Только при этом условии мы получаем возможность наиболее полного производительного применения трактора и всестороннего его обслуживания. Процесс концентрации, кооперирования распространился в последнее время и на конскую тягу. Создание машинно-конных

баз и станций и явилось тем конкретным организационным выражением этого процесса.

Вряд ли есть необходимость напоминать, что при помощи обобществления этого вида энергетики земледельческого труда в значительной степени повышается коэффициент полезного его действия. Так обстоит дело с обеспеченностью двигательной силой на предстоящую весеннюю посевную кампанию.

В отношении мертвого сел.-хоз. инвентаря, прицепных орудий к тракторам мы имеем следующую картину. Прежде всего необходимо отметить резкое возрастание затрат мертвого инвентаря на 1 га посева. В связи с резким увеличением сел.-хоз. машиноснабжения из года в год происходит неуклонный рост обеспеченности 1 га посева мертвым инвентарем.

На единицу посева (в руб. по ценам 26/27 г.).

Годы	Машин и орудий без тракторов	Всего сел.-хоз. инвентаря
1925/26	8,23	22,17
1926/27	8,59	22,44
1927/28	9,33	23,65
1928/29	10,08	24,33
1929/30	11,18	24,96

Прирост мертвого сел.-хоз. инвентаря на 1 га посева за последние четыре года составил 12,6%, в том числе по машинам и орудиям на 36%.

На фоне общего роста основных фондов сельского хозяйства, которые возросли с 1925/26 г. по 1929/30 г. на 20%, более быстрым темпом происходил рост мертвого инвентаря, удельный вес которого во всех фондах поднялся с 9,3% в 1925/26 г. до 10,5% в 1929/30 г. Но одновременно происходила довольно четко выраженная перестройка и самого сел.-хоз. мертвого инвентаря, быстрее шел прирост машин и орудий, удельный вес которых во всем мертвом инвентаре увеличился с 39% в 1925/26 г. до 49% в 1929/30 г. Общая стоимость машин и орудий в сельском хозяйстве в 1930 г. (к концу года) определяется цифрой около 1,5 млрд. руб., против 922 млн. руб. в 1925/26 г., т.-е. рост на 578 млн. руб., или почти на 63%.

К весенней сел.-хоз. кампании должно быть завезено сел.-хоз. машин на 200 млн. руб., а годовое снабжение, как известно, составит свыше 400 млн. рублей.

Наряду с таким резким увеличением размеров машиноснабжения изменяется (правда, недостаточно быстрым темпом) и его техническая структура, приспособляющаяся к новому типу крупного сельского хозяйства. Изменение организационных форм сельского хозяйства создает и возможность более эффективного использования наличных масс сел.-хоз. инвентаря, но одновременно, конечно, вызывает и ряд трудностей. Не всегда ассортимент сел.-хоз. машин и инвентаря соответствует потребностям крупного обобществленного земледелия. В связи с коренными изменениями социальных форм сельского хозяй-

ства, в связи с реконструкцией его энергетики, перед нами уже сейчас со всей остротой встала проблема типизации сельско-хозяйственного инвентаря и машин.

Если в отношении тракторного парка необходимо отметить еще недостаточную собранность его, то в отношении сел.-хоз. инвентаря это необходимо подчеркнуть с наибольшей силой.

Поэтому важнейшее значение приобретает задача организации машинно-конных станций, которые должны объединить раздробленный сел.-хоз. инвентарь и конскую тягу и тем самым создать мощные рычаги социалистической реконструкции сельского хозяйства. Рост инвентаризации сельского хозяйства, улучшение его качества, всемерное его обобществление — все это показывает, что те производственно-технические задания, которые поставлены планом, могут быть выполнены. Состояние семенных ресурсов, хотя и является довольно напряженным, тем не менее в основном покрывает потребность в семенном материале к весенней посевной кампании. В деле мобилизации семенного материала, его обобществления необходим настоящий нажим и быстрый темп работы. Своевременная доставка семенного материала, отпускаемого государством, должна обеспечить покрытие потребностей некоторых районов в семенном материале.

Особо необходимо отметить успешную мобилизацию сортовых семян. Размер посевов сортовыми семенами составит 22% от общей площади яровых зерновых посевов.

Довольно трудное положение с семеноснабжением для посева трав и некоторых огородных культур ставит со всей остротой задачу организации соответствующих семенных фондов. Немыслимое положение, когда у нас нехватает таких семян, как вика, клевер и т. п., производство которых мы можем организовать у себя в размерах, целиком удовлетворяющих наши потребности.

Таково соответствие наличных ресурсов тяговой силы, сел.-хоз. инвентаря и семенного материала производственным заданиям по расширению посевных площадей.

Производственные возможности к предстоящей весенней посевной кампании должны значительно возрасти, в связи с теми коренными сдвигами в классовых отношениях внутри страны и особенно в деревне, которые неразрывно связаны с борьбой за выполнение плана посевной кампании. В весеннюю посевную кампанию мы должны будем добиться такого расширения посевов совхозов и особенно колхозов, при котором в обобществленном секторе будет сосредоточено свыше одной трети яровых посевов.

За последние полтора года произошли огромные изменения в соотношении секторов сел. хозяйства. От осени 1928 г., когда удельный вес обобществленного сектора в озимых посевах составлял 3,5%, от 5% доли совхозов и колхозов весной 1929 г. к 10% доли в озимых посевах 1929 г. и к 35—40% яровых посевов 1930 г. — вот размах и темп колхозного и совхозного строительства. Планом весеннего посева

посевная яровая площадь под совхозами намечается в 3 млн. га, что дает удвоение ее размеров по сравнению с прошлым годом. Посевная площадь колхозов должна составить 32 млн. га, вместо 3,6 млн. га в 1929 г., рост на 783 %, и посевы индивидуальных хозяйств 62 млн. га, против 82,5 млн. га в 1929 г., минус 25 %.

Нет никакого сомнения в том, что фактически рост обобщественного сектора будет больше, чем это определено вышеприведенными данными.

Предварительные подсчеты, учитывающие темп колхозного движения, уже в январе 1930 г. показывают, что общий размер посевных озимых и яровых площадей в колхозах составит около 55 млн. га, с учетом посевных площадей совхозов в обобщественном секторе, таким образом, сосредоточивается около 59 млн. га, что дает около 44—45 % всей посевной площади.

Нет никакого сомнения в том, что эта производственная программа будет выполнена. Гарантией тому резкое изменение во взаимоотношениях классов, происшедшее за последнее время.

Посевная кампания 1930 г. будет происходить в принципиально отличной обстановке. Она будет происходить в условиях нового исторического этапа строительства социализма в нашей стране.

Специфическими особенностями этого нового исторического этапа является бурный темп промышленного развития, широчайший размах совхозного и колхозного строительства и как производное от этого — ликвидация кулака как класса.

Ликвидация кулачества как класса создает коренные изменения в развитии сельского хозяйства и в деле всего социалистического строительства. Это должно сказаться в первую очередь в предстоящую посевную кампанию и не может не выступить фактором огромной силы, содействующим успеху выполнения плана посева. Положительное влияние будет состоять прежде всего в том, что в колхозы будут переданы орудия и средства производства, которые находились в руках кулаков, служа им для целей эксплуатации батрацко-бедняцких масс деревни. Эти огромные массы кристаллизованного человеческого труда, труда тех же батрацко-бедняцких масс, противостоявшие им как вещественные условия производства, находясь в частной собственности кулаков, будут переданы в социалистическую форму хозяйства.

Разрушение капиталистической формы хозяйства, передача кулацких основных фондов колхозам, как вступительных паев батраков и бедняков, — есть создание условий для дальнейшего роста колхозов и более производительного применения этих масс материальных ценностей. Уже один только этот факт передачи колхозам кулацких фондов есть несомненное ускорение темпа развития сельского хозяйства. Бурное наступление на капиталистические элементы, организованное партией и проводимое в различных формах, с неизбежностью приводило в последние годы к падению производительного освоения основных фондов сел. хозяйства, находившихся в кулацких хозяйствах. Пе-

реход все возрастающей массы бедняков и середняков в колхозы, усиление работы по вовлечению в колхозы батрачества — все это сужало возможности капиталистического накопления прежде всего в его производительной форме. Колхозное строительство создает условия производительного применения труда батрацко-бедняцких масс внутри самих колхозов и тем самым ликвидирует необходимость отчуждения его в кулацкие хозяйства. Обобществление труда в социалистической форме, материальная помощь, которую пролетарское государство оказывает колхозному строительству, создает и материальные условия труда и тем самым ликвидирует потребность в найме средств производства беднотой деревни у кулацкой верхушки крестьянства. Одно из основных противоречий советской деревни: наличие земли у бедноты и концентрация значительных масс средств производства в руках верхушки деревни — ликвидируется фактом бурного роста колхозов, тем самым ликвидируется одно из основных условий развития капиталистических элементов в деревне.

Успешное развертывание строительства совхозов и колхозов, резко увеличившаяся в силу этого роль социалистического сектора сельского хозяйства и в первую очередь на важнейшем участке его — зерновом — создало материальные условия для замены кулацкого хозяйства хозяйством совхозов и колхозов.

«Вот почему мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». (Сталин — «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 29, разр. автора. А. К.).

Ликвидация кулака как класса имеет неизмеримо большее значение, как мера политическая, которая должна дать свой и хозяйственный результат. Политически, с точки зрения взаимоотношения классов, ликвидация кулачества при наличии массовой коллективизации сел. хозяйства означает несомненное усиление руководящей роли пролетариата и создает условия для окончательной победы «социалистической тенденции пролетариата над товарно-капиталистической тенденцией крестьянства» (Ленин). Экспроприация кулачества, разрушение данной формы производства означает, в первую очередь, уничтожение большой классовой силы, активно боровшейся против социализма.

Бурное развертывание строительства совхозов и коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств и массовое раскулачивание есть две стороны единого процесса социалистического переустройства сел. хозяйства.

Разгром кулака — одновременно и крушение некоторых надежд и чаяний для части середняков выбиться в «люди» через развитие своего частно-собственнического хозяйства. Ликвидация кулака как класса есть гигантской силы политический фактор колхозного строительства и политическое условие их укрепления. Ликвидация кулачества несомненно уменьшит силу колебания середняков в колхозе, она

ликвидирует сомнения некоторых в том, в серьез ли идет организация новых способов хозяйствования, политически и материально несомненно укрепит колхозы. Вот почему необходимо быстро и решительно провести эту важнейшую политическую меру, мобилизуя массы на решение этой задачи.

Но, если ликвидация кулака как класса выступает, как одно из решающих условий нашего успеха социалистической перестройки сел. хозяйства, то нет никакого сомнения — важнейшее место в этом деле принадлежит самому колхозному движению.

Темп и размах колхозного движения принял поистине грандиозные размахи. Со всей определенностью вырисовывается перспектива обобществления подавляющей массы бедняцко-середняцких хозяйств уже в 1930 г. Колхоз в ближайшее же время станет господствующей формой сельского хозяйства.

В этой массовости колхозного движения залог его успеха, залог успеха и разрешения производственных заданий. Миллионные массы батрачества, бедноты и середняков двинулись в колхоз. Они совершают труднейший переход от мелкого товарного производства к хозяйству социалистическому.

«Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.е. переход более трудный, но зато способный охватить в случае успеха более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых досоциалистических и даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой новизне»¹.

Колхозное строительство за ряд предшествующих лет дало бесспорные успехи. Оно практически показало преимущества коллективной организации производства над мелким и мельчайшим хозяйством крестьянина. Оно показало также свое преимущество и над кулацким хозяйством. Построение крупного социалистического земледелия на опыте подтвердило положение В. И. Ленина о том, что:

«вдвое-втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и хозяйства, если бы от раздробленного мелкого хозяйства совершился переход к хозяйству общественному».

Успех социалистического земледелия, нажим на кулацкие хозяйства, прилив новой техники, властно ломающей старые формы хозяйства, — все это обусловило массовость колхозного движения, а массовость колхозного движения сама дала ускоряющие темпы его развития.

Задачу количественного охвата колхозами бедняцко-середняцких хозяйств мы разрешим в ближайшее же время. Переход миллионов к новому социалистическому способу производства и есть основной момент, характеризующий новый этап строительства социализма.

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 203.

Суть этого этапа состоит в том, что мы вступаем в полосу быстрой трансформации классового общества в бесклассовое.

Уничтожение кулака как класса означает одновременно то, что мы вплотную подошли и уже начали работу по созданию условий и форм самопеределки под руководством пролетариата и середняка как класса. И в этом суть того исторического сдвига, который происходит в нашей стране. Все отличие современного раскулачивания от эпохи комбедов в том и состоит, что тогда мы разрушали капиталистические хозяйства, не затрагивая базу капитализма в деревне, мелкое товарное производство, которое, как говорил В. И. Ленин, «ежеминутно и в массовом масштабе рождает капитализм».

Разрушая кулацкую форму хозяйства в настоящее время, мы коренным образом изменяем и общественный строй бедняцко-середняцких хозяйств, превращаем их из мелко-товарных, частно-собственных хозяйств, в хозяйства товарищеские, коллективные. Обобществление сельского хозяйства, переход индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств в крупные коллективные есть переход к социализму. Подрыв условий капитализма, уничтожение самих корней его происходит в силу быстрого развертывания обобществления орудий и средств производства.

Чем полнее будет происходить обобществление орудий и средств производства, тем скорее будет происходить ликвидация эксплуатации человека человеком. Обобществление средств производства в колхозах, дальнейшее укрупнение самих колхозов, подведение под них мощной машинной техники — все это с неизбежностью в наших условиях ведет в конечном итоге к превращению колхозной формы собственности в государственную.

Но и колхозная форма собственности не дает возможности в условиях диктатуры пролетариата, массовой коллективизации и ликвидации кулачества возникновению капитализма. Вот почему борьба за максимальное обобществление орудий и средств производства есть борьба за социализм. Уничтожение частной собственности на средства производства, их обобществление в огромной степени усиливает возможность учета и пролетарского контроля над ними. «Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 379, разр. автора. А. К.).

Обобществление раздробленных между миллионами крестьянских хозяйств орудий и средств производства создает эти возможности «учета и контроля», разрушает частную собственность на эти средства производства, создает новый социалистический способ производства.

Несмотря на наличие неравенства в распределительных отношениях, — а это неравенство характерно для всей первой фазы коммунизма — из этих отношений неравенства не может возникнуть эксплоа-

тации, так как все средства производства обобществлены. «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма еще дать не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, земли и пр. в частную собственность» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 373, разр. автора. А. К.).

Уничтожение частной собственности на средства производства, происходящее в наших условиях бурного роста колхозов, сопровождающееся одновременно ликвидацией кулака как класса, есть гигантское продвижение к социализму, который и есть ни что иное, как уничтожение классов.

Все своеобразие нового исторического этапа строительства социализма в том и состоит, что мы вплотную подошли к практическому решению исторической задачи пролетариата: к ликвидации базы капитализма — мелкой товарной формы производства, путем перевода хозяйства бедноты и середняков в хозяйство товарищеское, коллективное, социалистическое. Ликвидация кулачества как класса есть важнейшая политическая часть колхозного движения, принявшего массовый характер.

Бурно растущее колхозное движение должно сыграть решающее значение именно в предстоящую посевную кампанию. В зависимости от исхода работы в обобществленном секторе сел. хозяйства, определяются и общие итоги сел.-хоз. производства.

Наибольшие трудности имеют место в колхозах. Огромная масса колхозов возникает в процессе подготовки к весеннему севу. Колхозы должны охватить около 10 млн. крестьянских хозяйств, с количеством населения около 50 млн. человек. На начало января 1930 г. в колхозах насчитывалось около 5 млн. крестьянск. хозяйств, с 25 млн. душ сельского населения. Значительная часть бедняцко-середняцких хозяйств войдет в колхозы в самом процессе весеннего сева. Все это накладывает специфические трудности развертывания производства. Но эти трудности роста новой социалистической формы труда в земледелии не являются непреодолимыми. Творческий подъем масс несомненно преодолет их с успехом, ибо на опыте уже доказана выгода коллективной формы труда. Именно в этом повышении производительной силы труда, при облегчении самого труда — залог успеха колхозного строительства.

Из многообразного комплекса проблем организации социалистического земледелия необходимо остановиться на некоторых решающих вопросах, отнюдь не претендуя на полное их освещение. Центральным вопросом всего колхозного движения является, конечно, проблема организации труда. Организаторские задачи перед пролетариатом встали во весь свой рост именно в связи с массовым колхозным строительством, в связи с переходом целых районов и обла-

стей на сплошную коллективизацию. Организация труда в колхозах превращается в центральную проблему всего народного хозяйства.

Правильный подход к решению проблемы организации труда, успешное ее разрешение есть по сути дела решение проблемы социализма в деревне.

В плановых наметках весенней посевной кампании дается общая постановка и направление решения этой проблемы. Конкретных форм организации труда нельзя дать сверху и сразу. Они сложатся в результате самостоятельности колхозников. Но необходимо этот процесс всемерно облегчить примерными или новыми схемами организации труда.

К сожалению мы пока что больше говорим о значимости этой проблемы, чем занимаемся ее практическим решением. Наряду с нахождением правильных форм организации труда в колхозах необходимо решить и другую, чрезвычайно остро стоящую в колхозах проблему оплаты труда. Основное, что должно быть проведено в ближайшее время, — это решительная борьба против уравнилельных тенденций в оплате труда. Мы не можем в решении этого вопроса выходить по сути дела за границы социализма. Оплату труда необходимо проводить по работе, применяя сдельную оплату. Только в условиях, о которых мы можем пока что только мечтать, высокого развития техники, уничтожения противоположности умственного и физического труда, только в этих условиях распределение продуктов будет происходить по потребностям и трудоспособностям.

Правильная оплата труда есть важнейший момент правильной организации его. Но наряду с этим необходимо всемерное усиление работы по поднятию дисциплины труда в колхозах. Нет никакого сомнения в том, что воспитать чувство товарищеской ответственности, бережливого отношения к средствам производства будет делом большой трудности.

Борьба с рецидивами мелко-буржуазной расхлябанности, рвачества, нерадивости будет одно из самых трудных дел в колхозном строительстве. Неоценимую роль в этом отношении должны сыграть фабр.-заводск. рабочие, пролетарские и полупролетарские слои в самих колхозах.

Развертывание самокритики в колхозах, социалистического соревнования внутри самих колхозов и между ними явится важнейшими методами борьбы за нового человека.

Предстоящая весенняя посевная кампания впервые будет проходить в условиях, когда почти половина батрацко-бедняцкого и середняцкого населения будет находиться в колхозах.

Впервые в огромных масштабах будет иметь место обобществление труда десятков миллионов людей, веками находившихся в мелких и мельчайших своих хозяйствах и только под команду или помещика, или капитала, или обоих вместе выходивших на работу к ним, с ненавистью относясь к крупному хозяйству, как месту их эксплуатации.

Опыт этой первой большевистской посевной кампании будет иметь поистине неограниченное значение для решения проблем организации труда в колхозах.

Понятно, конечно, что нельзя отделять китайской стеной проблем организации труда от организации материальных элементов процесса производства. Техника обуславливает организацию труда, хотя и сама техника может дать различный эффект в зависимости от организации людей.

Центральное место в деле реконструкции сельского хозяйства занимают, конечно, проблемы энергетики. Вооружить колхозника и рабочего совхозов всеми достижениями техники — это значит закрепить окончательно победу социализма в нашей стране.

Социалистическая организация труда невозможна без коренного переворота в технических основах нашего сельского хозяйства. Но надо со всей решительностью подчеркнуть, что взаимосвязь между развивающейся социалистической формой хозяйства в земледелии и приливом новой техники имеет крайне сложную. Новый способ производства возникает лишь тогда, когда в недрах предшествующей формы создались соответствующие материальные элементы и когда старый способ производства вступил в конфликт с ростом новых производственных сил.

В черновых набросках своего ответа В. Засулич — о судьбах русской общины, Карл Маркс так определял условия перехода к новому способу производства в сельском хозяйстве: «Для того, чтобы коллективный труд мог заместить именно в земледелии труд parcelлярный, — нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления»¹.

Всей совокупностью политики партии за предшествующий период этот переход был подготовлен. Но темпы этого перехода во много раз превзошли наши плановые расчеты. Разгон промышленного производства, несмотря на всю его напряженность, сможет дать нам к концу пятилетки такое количество тракторов, при помощи которых (включая и импортные) мы в 1932 г. будем иметь около 1/3 механизированных посевов от всех посевных площадей, которые сами дадут в результате коллективизации огромный прирост.

И только уже в последующие годы после пятилетки мы получим резкий рост механизации посевных площадей.

Складывающийся в массовом движении социалистический способ производства будет первое время расти и на старой технической базе, в первую очередь, на конской тяге, давая и на этой основе повышение производительной силы труда. Этот новый «способ совместной деятельности есть сам некоторая «производительная сила» (Маркс).

Вот это обстоятельство надо всегда иметь в виду, когда мы говорим о соотношении роста социалистических форм хозяйства и его

технической базы. Осью всего процесса технической, а вместе с ней, и дальнейшей социальной реконструкции сельского хозяйства явится, конечно, всесторонняя механизация сельского хозяйства и в конечном итоге его электрификация. Механизация сельского хозяйства, в условиях бурного роста колхозов, выступит решающим фактором в разрешении всех внутренних противоречий колхозов. Механизация всех процессов производства и, в первую очередь, полеводства создает материальную основу для крутого подъема кривой производительности труда в земледелии. Успехи в деле механизации сельского хозяйства у нас — победное шествие трактора и его непререкаемый авторитет в деревне — являются блестящим практическим подтверждением одного из гениальных предвидений Маркса в вопросах о судьбах русского земледелия.

В отмеченных выше черновых набросках ответа В. Засулич, Маркс писал: «Физическая конфигурация, ее (России А. К.) почва благоприятна для механической обработки в широком масштабе. Навык крестьянина в артельных отношениях облегчает ему переход от parcelлярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее за его счет, обязано ему предоставить необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, одновременное существование западного производства, господствующего на всемирном рынке, позволяет России ввести в общине все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья»¹.

Русская революция, о которой Маркс в этом же письме говорил, как о решающем условии перехода русской общины к иной форме собственности, — создала все необходимые условия для массового превращения, под руководством диктатуры пролетариата, хозяйств простых товаропроизводителей в крупное общественное производство.

Механизация сельского хозяйства в ближайшие годы охватит весь процесс полеводства. Решающее значение в этом отношении принадлежит трактору. Но уже сейчас необходимо приступить в гораздо больших размерах, чем это мы делаем, к электрификации сельского хозяйства.

Весенняя посевная кампания будет иметь и в этом отношении огромное значение. Механизация 9—10 млн. га, почти полная механизация совхозов и механизация около 6—7 млн. га колхозных посевов будет иметь неограниченное значение. Для полного выполнения этой программы механизации необходимо всемерное обобществление тракторов. Строительство машинно-тракторных станций как по линии Трактороцентра, так и по линии кооперации, явится решающим в деле лучшего использования трактора в сельском хозяйстве. По планам всего должно быть организовано 108 МТС Трактороцентра, около 185 МТС кооперативных. Делу организации их, всестороннему обслуживанию их надлежит уделить наибольшее внимание.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 275—276.

¹ Архив, т. I, стр. 273.

Наряду с разрешением задач рационального использования трактора в предстоящую сел.-хоз. кампанию необходимо всемерно развернуть работу по обобществлению крестьянского живого и мертвого инвентаря.

В деле проведения полного обобществления орудий и средств производства у нас имеются значительные трудности. Противоречивость колхозного движения, трудности переделки мелкого частного собственника в колхозника выступают с наибольшей четкостью именно на этом участке колхозного строительства. Под влиянием кулацкой агитации имеют место случаи, когда отдельные середняцкие хозяйства вступают в колхозы без средств производства, предварительно распродав их. В этом нежелании внести в колхоз все средства производства сказывается отчасти и неуверенность мелкого собственника в прочности его перехода от старой формы труда к новой.

Как трудящийся, он видит, что колхоз дает ему все преимущества новой организации хозяйства, по сравнению с его мелким горехозяйством, но все-таки своим, ему принадлежащим хозяйством. В то же время душа мелкого собственника тянет назад, и, стремясь себя на всякий случай застраховать, он производит предварительную распродажу основных средств производства и вступает без них, полагая, что колхоз должен все дать.

Эти мелко-собственнические рецидивы будут окончательно изжиты в процессе длительной и упорной работы по обобществлению средств производства и по налаживанию коллективной организации труда.

Проведение ряда намеченных мероприятий, из них два главных: ликвидация кулака как класса и запрещение приема в колхозы хозяйств распродавших свои орудия и средства производства, являются в этом отношении решающими мерами. Но наряду с этими мерами мы должны всемерно развернуть работу по строительству машинно-конных баз. На ближайший период это является одним из самых мощных средств колхозного строительства. Конская тяга является еще той двигательной силой, при помощи которой происходит процесс производства в сельском хозяйстве.

В ближайшие годы она останется преобладающей в балансе тяговой силы сплошь коллективизированного сельского хозяйства. Намечающийся мощный прилив тракторов в сельское хозяйство, автомобилизация транспорта, начало работ по электрификации сельского хозяйства — все это не заменит в ближайшие годы конскую тягу. Поэтому так важно выбрать наилучшую форму ее организации и использования. Строительство машинно-конных станций является одной из таких форм использования наличного крестьянского живого и мертвого инвентаря.

По планам весенней сел.-хоз. кампании мы должны будем организовать несколько тысяч таких машинно-конских станций. В весеннюю же посевную кампанию и в процессе подготовки к ней мы дол-

жны будем найти решение и другой крайне сложной задачи колхозного строительства: правильного и полного обобществления всех остальных видов крестьянских основных фондов. В крестьянских хозяйствах, в их основных фондах, завязаны гигантские массы человеческого труда.

Достаточно указать только хотя бы на то, что по контрольным цифрам Госплана и исчислениям б. ЦСУ СССР, эти основные фонды определяются для 1930 г. в 31,7 млрд. руб., в два раза превосходя основные фонды всей промышленности, включая и жилфонд.

Но эти огромные массы основных фондов, будучи крайне раздробленными, технически примитивными, давали ничтожный производственный эффект.

В то время, как в промышленности на 1 руб. основных фондов в 1928/29 г. получалось за 1 год 1 р. 94 к. валовой продукции, в сельском хозяйстве всего только 57 коп.

Обобществление основных фондов сельского хозяйства несомненно дает увеличение производственного их эффекта.

Конечно, в деле обобществления основных фондов сельского хозяйства будут значительные трудности.

Материальная форма значительной части этих основных фондов сельского хозяйства в основном соответствует мелкому и мельчайшему хозяйству.

Но никто, конечно, не сможет доказать, что и на этой основе не может возникнуть новая форма труда — коллективное хозяйство, которое в ходе своего развития коренным образом изменит материальный облик основных фондов мелко-товарного хозяйства. Отыскание лучших форм их использования является одной из задач ближайшего периода. Опыт строительства в ряде районов показывает, что обобществление всех крестьянских хозяйственных построек, скотных дворов дает возможность их использования, без коренного переустройства, требующего значительных средств. Использование крестьянских дворов идет путем концентрации в них отдельных видов скота, превращая крестьянский двор, в котором в счастливых случаях находились все виды скота, в двор с одним видом его.

Одно это организационное изменение самого использования крестьянских дворов повышает их эффективность.

Массовое колхозное движение в огромной степени уменьшает раздробленность сел.-хоз. производства.

Но для того, чтобы это колхозное движение могло разрешить стоящие перед ним задачи, мы должны сами колхозы переводить из мелких в более крупные с таким расчетом в конечном итоге, чтобы через несколько лет получить около десяти тысяч крупнейших социалистических земледельческих фабрик, сосредоточивающих основную массу сел.-хоз. производства.

От 25 млн. крестьянских хозяйств к 10 тыс. крупных социалистических экономий, работающих на осно-

ве тракторной и электрической энергии, со сложной системой машин — такова основная наша организационная задача.

Вот этот процесс концентрации и централизации сельско-хозяйственного производства на соответствующей технике в гигантской степени поднимет производительность земледельческого труда, преодолет «идиотизм деревенской жизни», коренным образом преобразует русскую общину, этот «локализованный микрокосм» (Маркс), уничтожит противоположность между городом и деревней и тем самым окончательно закрепит победу социализма в нашей стране.

К вопросу об изучении эффективности сел.-хоз. кредита

Роль и назначение сел.-хоз. кредита

Истекший период работы системы сел.-хоз. кредита представляет большой интерес, как опыт хозяйственного строительства на одном из наиболее трудных и сложных участков советского хозяйства.

Протекающий в настоящее время процесс социалистического переустройства сельского хозяйства в виде массового перехода бедняцких и середняцких слоев деревни к коллективным формам хозяйствования, путем организации и создания крупных коллективных хозяйств, наряду с укреплением старых и строительством новых совхозов, МТС и т. п., является вместе с тем выражением перехода к более высоким формам регулирования хозяйственных процессов в сельском хозяйстве и планового воздействия на социально-экономические процессы в деревне вообще.

Организация сел.-хоз. производства, а равно и планирование его, будут осуществляться путем непосредственного воздействия на производственные процессы сельского хозяйства через коллективы и совхозы, что уже получило свое организационное оформление в Союзном Наркомземе, как ВССХ (Высший Совет Сельского Хозяйства).

Роль и значение сел.-хоз. кредита, как финансирование сельского хозяйства, вообще должно получить совершенно иное освещение.

Тем не менее деятельность сел.-хоз. кредита истекшего периода должна быть изучена для извлечения и теоретического обобщения опыта планирования в восстановительный период в интересах более правильного построения плановой работы в новых условиях.

Вместе с тем изучение деятельности сел.-хоз. кредита нам покажет, каким образом различного рода буржуазные и мелкобуржуазные теории, а равно и антиленинские уклоны от партийной линии, проявились в практике сел.-хоз. кредита; как единомышленники Кондратьева, Чаянова и других проводили свою теорию на практике.

Начало организации системы сел.-хоз. кредита во главе с ЦСХ-Банком совпадает с моментом решительного перехода государственного планового начала в наступление по всему хозяйственному фронту на борьбу с частно-хозяйственным капиталом и вытеснения его из наиболее важных сфер народного хозяйства, на борьбу с рыночной стихией и установлением твердой денежной единицы и т. п.

Это наступательное движение в сельском хозяйстве выразилось в решительной борьбе государственных и кооперативных организаций с засилием частного капитала в сфере обращения между городом и деревней; в установлении целой системы финансово-экономических мер для ограничения роста кулацких элементов и соответствующего обеспечения бедняцких и середняцких хозяйств для экономического высвобождения их из-под зависимости кулака и для их перехода, путем кооперирования, к социалистическим формам хозяйствования. Система сел.-хоз. кредита была призвана в качестве основного орудия для решения перечисленных задач в области сельского хозяйства.

Вместе с тем, система сел.-хоз. кредита должна была в своей повседневной работе служить как бы барометром и своевременно сигнализировать о социально-экономических процессах, о классовой борьбе в деревне, о бюрократических извращениях нашего советского и хозяйственного аппарата, что давало бы возможность своевременно воздействовать и выпрямлять работу на местах.

Здесь будет уместно напомнить о двух документах: о циркуляре ЦК ВКП(б) от мая 1922 г. о кооперации, написанном в соответствии с решением XI партийного съезда, в котором намечались основные пути развития и восстановления сельского хозяйства и вместе с тем определялась роль и назначение сел.-хоз. кредита, и о постановлении всероссийской конференции РКП (4—7 августа 1922 г.) об основных задачах партийной работы в деревне, в том числе и относительно широкой постановки кредитного дела (организация государственного сел.-хоз. кредита, усиление организационной работы по созданию кредитной кооперации), на основе учета в первую очередь интересов маломощных слоев крестьянства и кустарей.

Содержание этих двух документов в общем сводится к констатированию: 1) что кооперация является основным путем (столбовой дорогой) социалистического переустройства сельского хозяйства, выполняя в то же время задачи данного момента по восстановлению разрушенного сельского хозяйства; 2) что кооперация должна превратиться в организацию, объединяющую массы беднейшего и среднего крестьянства; 3) что дальнейшее развитие кооперации должно пойти по пути постепенного превращения из торгово-посреднических объединений в производственные, крупные механизированные коллективные хозяйства; 4) что в связи с этим необходимо оказывать материальную помощь, в том числе и при кредитовании, в первую очередь маломощным слоям деревни и 5) что решение этих задач зависит, главным образом, от достаточно широкой постановки кредитного дела.

К этому следует прибавить, что еще в резолюции XI парт. съезда о финансовой политике была отмечена роль кредита и кредитных институтов — вообще, «как организаций, содействующих сосредоточению свободных денежных средств для производительного использования и могущественного содействия развитию товарооборота между

городом и деревней в пределах городских рынков» и что отдельные виды кредита мелкой и кредитной кооперации не должны выходить за пределы доминирующей роли Госбанка, как выражения одного из элементов командных высот (финансовая система) пролетарского государства.

Указанными директивами определялось направление деятельности сел.-хоз. кредита как по линии общей перспективы и путей развития сельского хозяйства, так и в части задач текущего момента, и вместе с тем были указаны основные организационные пути по осуществлению указанных задач.

Буржуазные и мелкобуржуазные влияния в практике сел.-хоз. кредита

Чтобы уяснить, насколько направление сел.-хоз. кредита соответствовало директивам партии и правительства, необходимо прежде всего ознакомиться с тем, как были восприняты работниками системы указания директивных и правительственных органов в целом и вопросы учета социального направления и эффективности сел.-хоз. кредита, в частности.

Директивы по учету социального направления и эффективности сел.-хоз. кредита были восприняты работниками системы, как самостоятельное задание, как бы не имеющее прямого отношения к работе системы сел.-хоз. кредита, или, во всяком случае, не вытекающее из основной роли и деятельности ее, при чем такое понимание имеет место среди отдельных работников системы и по сие время. Такое отношение следует объяснить, прежде всего, антимарксистским и антиленинским пониманием роли сел.-хоз. кредита работниками, которые в массе своей пришли в систему сел.-хоз. кредита с опытом работы мелкого кредита и банковского дела дореволюционной России вообще. К этому следует прибавить, что эта масса работников в своей преобладающей части восприняла нэп, как нормальный путь капиталистического развития.

Отражением такого восприятия в наиболее законченном выражении явились различного рода печатные труды мелкобуржуазных теоретиков типа Чаянова, Челинцева и Макарова и явных идеологов капиталистического пути развития типа Кондратьева, Вайнштейна и др.

Наиболее полно и в довольно открытой форме эти буржуазные и мелкобуржуазные теории выявились в ряде статей руководящих работников ЦСХБанка в журнале «Сел.-Хоз. Кредит» за 1926 г. Столь открытое и массовое выступление буржуазных идеологов в указанном периоде обнаружилось в связи с весенними заминками 1925/26 г.

Указанные затруднения воодушевили буржуазных специалистов. Под видом предложений радикальных средств, для устранения трудностей и предупреждения их впредь, они делали совершенно открытые попытки навязать теорию и практику капиталистической реставрации.

От государственных плановых органов в то время, как известно, требовалось наскоро перестроиться для того, чтобы обуздать стихийные явления и устранить кризисные явления, но банковские специалисты держались совершенно иного мнения. Вот что мы читаем, например, в статье Г. Чубакова под заглавием: «К вопросу о направлении кредитной политики» («Сел.-Хоз. Кредит», 5/17—26 г.): «Кризис, который переживает наше народное хозяйство, не есть маленькая заминка; причины его коренятся в самих основах нашей «техники и экономики». «Для нас совершенно ясно, что проблема индустриализации страны, о которой мы все говорим, предполагает получение за-границей машинного оборудования, — без этого не может быть реконструкции нашего хозяйства. Встает проблема экспорта, она может быть мыслима лишь, как проблема экспорта продуктов сельского хозяйства. Поэтому путь развития нашего хозяйства и развития товарных отраслей сельского хозяйства лежит через сел.-хоз. индустрию, которая быстрее всех может способствовать накоплению и, в особенности, валюты мировых рынков. Бедные страны вообще с трудом могут вкладывать средства в основные капитальные затраты для производства средств производства». «Величайшими опасностями чревата та экономическая политика, которая будет уделять кредиты и внимание тяжелой индустрии, производящей средства производства» (разр. наша. Г. Ч.).

Соответственно этому автор разрешает вопрос и о привлечении средств: «Верхушка деревни, — пишет он, — несомненно, имеет некоторые накопления. ...Находим же мы способы совместной работы с иностранным капиталом в наших смешанных обществах? Должны быть найдены соответствующие формы привлечения средств крестьянского населения в сел.-хоз. индустрию». Эти мысли, которые можно назвать только «кондратьевщиной» в системе сел.-хоз. кредита, являются, так сказать, общей теоретической концепцией, общей установкой на определенную капиталистическую реставрацию. Как эта общая «теория» преломилась в вопросах теории и практики сел.-хоз. кредита, не трудно усмотреть хотя бы из следующих литературных выступлений на страницах печати:

«Надо сказать, что построение методов кредитной работы сел.-хоз. банков на принципах чисто-банковского кредита представляется совершенно необходимым для того, чтобы практика кредитной работы не разошлась с ее теоретическим пониманием» читаем мы в статье Л. А. Голяшкина, напечатанной в том же журнале «Сел.-Хоз. Кредит»¹. А что означает «теоретическое понимание» Голяшкина кредитной работы в системе сел.-хоз. кредита, видно из следующего: «В целях придания подвижности отдельным статьям активной стороны баланса, необходимо, чтобы планирование сел.-хоз. ссуд было соображено с желательностью устранения мертвых моментов в ссудной работе». И да-

¹ Март 1926 г.

лее: «Самое понятие «сельско-хозяйственный кредит» надлежит не суживать до понятия «целевой ссуды», т. е. руководствоваться коммерческими соображениями, независимо от социально-экономического и народно-хозяйственного значения этих операций, дабы достигнуть наибольшего равновесия в балансе сел.-хоз. банка».

Еще более откровенным является выступление М. Лурье против планирования сел.-хоз. кредита. В статье «Финансовая обстановка и организационные задачи сел.-хоз. кредита»² сей автор вместо усиления планового начала в борьбе с затруднениями предлагает целую ликвидаторскую программу: «перехода от сел.-хоз. плана, от преобладания работы по планированию к перестройке всей работы на банковских началах», при чем создавшееся положение, в связи с некоторыми затруднениями, автор считает чрезвычайно благоприятным моментом для освобождения системы сел.-хоз. кредита «от всего искусственного и перейти на правильно построенную банковую работу».

В указанном журнале нашло отражение еще одно направление, представляющее собой определенное делячество или, точнее, правый уклон на практике. В статье т. Шишко П. «Кредитная помощь бедняцкому населению» («Сел.-Хоз. Кредит», февраль 1926 г.) автор пишет буквально следующее: «Отнюдь не значит, что в дальнейшей работе системы (заметьте «в дальнейшей». Г. Ч.) кредитование бедняка является исключительным и что на поддержку его хозяйства должны направляться все средства государства, отпускаемые на кредитование сельского хозяйства. Наоборот, это кредитование должно строиться на строго банковских началах... Предприимчивые зажиточные крестьяне, являясь застрельщиками в индивидуальном хозяйстве по механизации его, должны получить от кредитного товарищества чисто-посредническую помощь по снабжению его орудиями производства... за наличный расчет или в качестве налично краткосрочной ссуды».

Как видим, в статье, которая должна расшифровать директиву партии о помощи бедноте, автор больше всего обеспокоен судьбой кулака и для прикрытия этой явно кулацкой установки выдвигает ряд положений, которые должны удовлетворить всех. Так, например, в вопросе направления кредита исключительно на производственные цели Шишко считает, что «в отношении коллективных хозяйств должно быть допущено некоторое отступление, как крупному хозяйству товарного характера» (и только), т. е. преимущества, которые, по мысли автора, получает крупное кулацкое хозяйство, могут быть предоставлены и коллективу. Говоря о кредитовании бедноты, он заявляет, что «особенно было бы вредно создание в низовом кредитном звене отдельного кассового фонда для кредитования бедноты, да еще на льготных условиях. Это было бы крайне вредно как с хозяйственной, так и с политической стороны, как создающее разрыв между середняком и бедняком». Следовательно, кредитование деревенской бедноты дол-

² «Сел.-Хоз. Кредит». Февраль 1926 г.

жно идти по линии общего целевого кредитования, т. е. с точки зрения вышеизложенного банковского подхода: с преимуществами крупным кулацким товарным хозяйствам.

Выступлений, подобно приведенным, являющихся по существу стремлениями буржуазной и мелко-буржуазной идеологии в сел.-хоз. кредите, мы могли бы привести довольно большое количество. Но ограничимся пока цитированными выше авторами.

Беспрерывные споры работников системы сел.-хоз. кредита с Госбанком, кооперацией и др. учреждениями по вопросам о судьбах системы сел.-хоз. кредита и низового звена, в частности, принимавшие довольно острые формы, могут служить некоторой иллюстрацией своеобразного преломления задач сел.-хоз. кредита в сознании работников системы.

В настоящей статье мы не задаемся целью рассмотреть причины и содержание беспрерывных споров о судьбах системы на протяжении всего периода существования ее, хотя это и заслуживает внимания, так как имело печальное влияние на работу и направление деятельности системы. Мы хотим здесь только отметить эти факты для того, чтобы показать, насколько своеобразно преломлялись и воспринимались практикой директивные указания партии и правительства по вопросам сел.-хоз. кредита и что послужило причиной невыполнения и искажения директив, в том числе и по вопросам социального направления и эффективности сел.-хоз. кредита.

В передовой статье «Больше внимания вопросам социального направления сел.-хоз. кредита» в журнале «Сел.-Хоз. Кредит» за июнь 1927 г. т. Шефлер указывает, «что организационные задачи и отчасти дискуссия с системой сел.-хоз. кооперации, а также неурегулированность взаимоотношений с другими банковскими системами, отвлекали постоянно внимание и силы работников сел.-хоз. кредита в центре и на местах от правильного осуществления директив партии и правительства о социальном направлении сел.-хоз. кредита». (Разрешаю. Г. Ч.).

Нам кажется, недостаточно было признать, что «работой» по ведомственным спорам работники были отвлечены и поэтому получилось неисполнение и искажение партийных директив. Надо признать, что искажением явились как раз эти ведомственные споры и подобного рода замечания т. Шефлера, как бы признающие эту «работу» самостоятельной, важной и полезной, во всяком случае, параллельной и равной работе по учету социального направления кредита. И поскольку эта «работа» отвлекла работников, — надо считать закономерным тот факт, что работа по учету социального направления кредита оказалась вытесненной. Получается, по известной украинской пословице, что «паны дерутся, а у мужиков чубы летят». Так оно и вышло: чиновники дрались между собой, а денежки уплывали к кулакам.

Приведенный факт только подтверждает, насколько в умах работников системы царило своеобразное представление о роли и назначении сел.-хоз. кредита, представление, имевшее своим основанием частно-хозяйственную капиталистическую теорию и практику. Именно поэтому вопросы учета социального направления и эффективности сел.-хоз. кредита оказались в стороне, вытесненными другими «работами», несмотря на то, что они являются основными показателями правильности всей деятельности системы сел.-хоз. кредита. Этими же обстоятельствами следует объяснить механический подход в понимании и исполнении директивы по вопросам самой организации учета эффективности сел.-хоз. кредита, получившее свое выражение в небольшом эпизодическом обследовании и, после разработки, изданном ЦСХБанком в 1927 г. (к XV партсезу). В указанной работе так и написано, что она была «предпринята системой сел.-хоз. кредита согласно постановлений СНК и ЦК ВКП(б) от июня и августа 1926 г.», в то время, как директива указывала на необходимость «организации систематического и повсеместного учета направления и эффективности сел.-хоз. кредита», вытекавшую из существа и характера самой природы сел.-хоз. кредита в условиях советской экономики.

Что можно сказать об этом первом опыте в добавление к вышеизложенному? Разумеется, эта работа не соответствовала ни по форме, ни по существу требованиям директивных и правительственных органов. Она убедительно доказала, насколько ее авторы не понимают или игнорируют роль сел.-хоз. кредита и директивы партийных и правительственных органов.

Вслед за указанной работой в 1928 г. появилась брошюрка Фесенко (эпизодическое обследование по эффективности сел.-хоз. кредита на Украине) и, наконец, в 1929 г. вышла брошюра по эффективности сел.-хоз. кредита Россельбанка — тоже результат эпизодического обследования по РСФСР. Кроме того, появились отдельные статьи по вопросам эффективности в разное время в отдельных журналах («Сел.-Хоз. Кредит», «Кредит и хозяйство», «Вестник сел.-хоз. науки Украинского института»).

Сущность эффективности сел.-хоз. кредита и методология ее изучения.

Работы, посвященные исследованию эффективности сел.-хоз. кредита, страдают, прежде всего, механичностью в самой постановке проблемы. В ряде работ отсутствует самая постановка проблемы, как будто автором заранее дано и известно содержание и методы ее разрешения. Механичность постановки проблемы выражается в том, что понятие эффективности рассматривается как некая общая логическая категория, применимая ко всем эпохам и различным явлениям, в том числе и к хозяйственным.

Такого рода подход к анализу и изучению эффективности сел.-хоз. кредита, как явления социально-экономического порядка, в усло-

виях советского переходного хозяйства, заранее обречен на бесплодность, поскольку он игнорирует в качестве отправной точки особенности советского переходного хозяйства. Подобного рода методом игнорирования существа и особенностей советского переходного хозяйства Громан попытался установить, так называемые, эмпирические (опытные) закономерности, действующие в советской хозяйственной системе.

Для подобного рода исследователей существуют только ряды цифр, которые и служат основанием для установления эмпирических закономерностей. Тот факт, что эти цифры отражают в себе определенные живые процессы, складывавшиеся определенным образом, по определенным в данных условиях действующим закономерностям, и что предметом анализа для уяснения явлений советской хозяйственной действительности должны быть факторы и закономерности, определяющие движение этих процессов, — остается в стороне, вне поля зрения наших ученых статистиков и даже некоторых экономистов.

Идеологическим основанием подобного рода методологических приемов является непризнание господства социалистических форм в нашем хозяйстве и неверие в социалистическое строительство советской страны.

Вот почему авторы работ по исследованию эффективности сел.-хоз. кредита, вооруженные подобной методологией, игнорирующей особенности самого существа советской хозяйственной системы и роли в ней сел.-хоз. кредита, не могли правильно разрешить поставленные перед ними партией и правительством задачи по изучению эффективности сел.-хоз. кредита в сельском хозяйстве.

Эффективность сел.-хоз. кредита представляет собою один из элементов категории эффективности всей совокупности хозяйственных процессов в советской хозяйственной системе. Сущность эффективности хозяйственных процессов в советской экономической системе имеет своим содержанием степень (коэффициент) расширенного воспроизводства на социалистических началах. Предпосылкой расширенного воспроизводства являются размеры накоплений, которые состояются из разницы произведенных ценностей (благ, продуктов) в народном хозяйстве, за вычетом амортизационной доли на покрытие и восстановление потраченных в производстве средств (капиталов) вместе с потреблением как индивидуального, так и общественного порядка. Соответственно должна быть обеспечена и пропорция в производстве средств производства и средств потребления, относительно потребностей расширенного воспроизводства.

Но процесс воспроизводства в конкретном виде представляется как движение капиталов (средств) во времени и пространстве и, поскольку еще сохраняется форма товарно-денежной связи в хозяйстве, это движение выражается в иррациональной денежной форме.

Необходимость применения иррациональной денежной формы учета движения народных средств и всего народно-хозяйственного

воспроизводства представляет один из усложняющих элементов планового регулирования народнохозяйственных процессов. Вот почему следует более решительно ставить проблему непосредственного учета в форме конкретного выражения элементов производства и воспроизводства.

В каждый данный момент в процессе воспроизводства можно выявить и основные, и оборотные капиталы. С точки зрения наибольшей эффективности народнохозяйственных процессов, т. е. для получения наибольшего коэффициента расширенного воспроизводства, необходимо обеспечить наиболее интенсивное использование основных и оборотных капиталов.

Степень интенсивного использования основных капиталов выражается их загрузкой, непрерывностью производства и т. п. Степень интенсивного использования оборотных капиталов определяется быстротой их передвижения из одной производственной области в другую и продолжительностью их пребывания в «сфере чистого обращения», или, тем более, в состоянии покоя, т. е. без всякого использования. Разумеется, что в конечном счете обеспечить наиболее интенсивное использование народнохозяйственных средств как в основных, так и в переходящих оборотных частях, и этим достигнуть наиболее высоких показателей эффективности их использования в интересах расширенного воспроизводства на социалистических основах — значит достигнуть единства и единообразия социально-экономических форм во всем народном хозяйстве, когда все производственные процессы будут единым плановым началом, на основе строго и полного непосредственного учета. А в настоящих условиях, поскольку наряду с обобществленным сектором еще существует частно-хозяйственный сектор, где хозяйственное воспроизводство в основном определяется частно-хозяйственными интересами отдельных хозяйствующих субъектов (крестьянских хозяйств), методы воздействия и регулирования воспроизводства в этом секторе значительно усложнены и затруднены.

В свете намеченной выше схемы деления основных элементов воспроизводства то, что можно назвать основными капиталами в крестьянском хозяйстве: хозяйственные постройки, живой и мертвый инвентарь и т. п., в условиях частно-хозяйственного владения не поддается непосредственному воздействию планового начала. Что касается оборотных капиталов, складывающихся в крестьянском хозяйстве из небольших оборотных средств и накоплений, то пути воздействия на них предусматривались через кредитные отношения, путем привлечения этих средств в кредитную кооперацию для производительного использования. Надо признать, что эта попытка противопоставления посредством сел.-хоз. кредита народнохозяйственного начала — частно-хозяйственному интересу не дала в этой части нужных результатов, так как свободные средства крестьянского населения не удалось при-

влекать в систему сел.-хоз. кредита. Но воздействие народнохозяйственного, планового начала на процессы воспроизводства в сельском хозяйстве в основном были намечены по линии активных операций сел.-хоз. кредита, путем кредитования определенных социальных групп, с целью их перехода к обобществленным формам хозяйства.

Анализировать результаты направленного кредита в сельское хозяйство, а это и есть (в конечном счете) сущность эффективности сел.-хоз. кредита, значит прежде всего уяснить само направление и факторы, определившие это направление. При этом, под направлением мы разумеем соответствующую социально-экономическую среду, куда попадает кредит, а под факторами, определяющими это направление, — систему мероприятий государственного планового начала и социально-экономические особенности данной среды, не поддающиеся плановому воздействию. Непосредственным проводником мероприятий государственного планового начала, определяющим направление кредита, является система сел.-хоз. кредита.

Учет и тем более изучение эффективности сел.-хоз. кредита требует прежде всего: 1) систематического учета социально-экономического направления кредита, 2) наблюдения и контроля за направлением кредита для выявления, насколько это направление соответствует директивам, и 3) выявления причин неправильного направления сел.-хоз. кредита.

Располагая данными систематического учета социально-экономического направления сел.-хоз. кредита, мы имеем возможность наблюдать и фиксировать изменения и результаты в данной кредитуемой среде, что позволяет нам судить об абсолютных изменениях данной среды и об изменениях в ней, по сравнению с общим состоянием и развитием сельского хозяйства. Если учет направления кредита получил название в практике системы сел.-хоз. кредита «социальное направление кредита», то эффективность его, как выражение этого направления, или результаты этого направления, вовсе не представляет самостоятельную область учета, а является синтезом учета социального направления сел.-хоз. кредита и, таким образом, покрывается последним. Нельзя уяснить эффективность направления сел.-хоз. кредита, не располагая данными о самом направлении его. Нельзя уяснить направление кредита, не располагая данными о закономерностях или факторах, определяющих его направление. А закономерности или факторы, определяющие направление сел.-хоз. кредита, имеют своим исходным началом систему сознательных экономических мероприятий пролетарского государства, исполнителем которых в части сел.-хоз. кредита является система сел.-хоз. кредита.

Задачи системы сел.-хоз. кредита могут быть ограничены изучением направления и эффективности сел.-хоз. кредита в соответствии с преподанными директивами, а сопоставление и изучение этих данных в связи с общими народно-хозяйственными мероприятиями являет-

ся следующей стадией и подлежит изучению в связи с проверкой всего народно-хозяйственного баланса.

Таким образом, для изучения эффективности сел.-хоз. кредита необходимо прежде всего ознакомиться с данными социального направления кредита. Но раньше, чем рассмотреть данные социального направления кредита, необходимо ознакомиться с системой и методологией учета социального состава членов и заемщиков сел.-хоз. кредитных товариществ.

Система и метод учета социального направления кредита

Учет социального направления кредита

Для наблюдения за деятельностью системы сел.-хоз. кредита и направлением сел.-хоз. кредита ЦСХБанком с самого начала была разработана и установлена система учета членов и заемщиков кредитных товариществ. Эта система учета включала ряд имущественных показателей, которые заполнялись в момент вступления члена и должны были ежегодно обновляться. По этим имущественным показателям сел.-хоз. кредитные товарищества обязаны были в определенные сроки и по определенной форме составлять отчеты и отправлять их в вышестоящие звенья, которые, в свою очередь, должны были составлять сводку для центральных учреждений системы сел.-хоз. кредита (республиканских банков и ЦСХБанка).

Но уже начиная с 1924 г., т. е., по сути дела, с начала организации ЦСХБанка, некоторые республиканские банки (в частности, Укрсельбанк), вопреки общеустановленным по всему союзу формам учета и отчетности, вводят свои, совершенно отличные формы. Этот шаг со стороны Укрсельбанка и других кредитных учреждений свидетельствовал о давлении центробежных сил, вопреки попыткам центра объединить наиболее важную область работы — дело учета для достижения единства и получения необходимых данных в интересах планового и оперативного руководства системой сел.-хоз. кредита. С точки зрения борьбы планового начала со стихийными элементами, подобного рода поступок выражал собой известный прорыв в пользу стихийного начала, так как центр был обезоружен, лишен возможности своевременно и в необходимом объеме получить данные о деятельности системы сел.-хоз. кредита. Прорыв на этом участке усугублялся еще и тем, что отмена директив ЦСХБанка санкционировалась по горизонтали соответствующими республиканскими органами, на основе своих формальных прав.

Попытки ЦСХБанка предотвратить подобную практику не давали желательных результатов и неисполнение местами директив и указаний по вопросам учета и отчетности продолжается до последнего времени.

Система учета социального состава членов и заемщиков, устанавливавшаяся ЦСХБанком, в своей методологической основе базировалась на принципах общего учета социально-экономических процессов

деревни, применявшихся ЦСУ и научно-исследовательскими учреждениями Союза. Строение учета социального направления кредита соответственно принципам общего учета социально-экономических процессов в деревне необходимо для обеспечения единства при выявлении действия сел.-хоз. кредита на социально-экономические процессы в деревне. Кроме того, ЦСУ вместе с научно-исследовательскими учреждениями представляют наиболее авторитетные органы в вопросах методологии и методики учета социально-экономических процессов в деревне, что также имело свое значение при установлении методов учета социального направления кредита, так как ЦСХБанк и система сел.-хоз. кредита в целом не обладают столь крупными силами, чтобы самостоятельно разработать общие вопросы методологии учета классовой дифференциации в деревне, тем более, что формы и методы учета социального направления кредита, равно как и другие формы учета и отчетности, подлежат согласованию с ЦСУ и утверждению НК РКИ.

Вопросы методологии учета социально-экономических процессов и классовой дифференциации в деревне непрерывно дискутировались, изменялись и усложнялись и все вносившиеся изменения и дополнения в общую систему учета социально-экономических процессов в деревне вызвали, разумеется, соответствующие изменения и в системе учета социального направления кредита. Указанными обстоятельствами следует объяснить ежегодные изменения и дополнения, вносившиеся ЦСХБанком в систему учета социального направления кредита. Это, разумеется, усложняло работу мест, особенно низовых, и без того загруженных работой, при недостаточной квалификации счетных работников, так как было связано с новыми формами, как правило, более сложными, требовало заново изучить и усвоить их, и это в совокупности не способствовало нормальному и своевременному выполнению директив ЦСХБанка по учету социального направления кредита.

С момента возникновения ЦСХБанка, т. е. с 1924 г., учет социального направления кредита был построен на основе ряда имущественных показателей в их натуральном выражении: по посевности, коровности и по рабочему скоту. Эти натуральные признаки соответствовали установленному в то время методу учета социально-экономических процессов в деревне. Применение ценностного выражения стоимости отдельных элементов хозяйства в денежной форме, видимо, было исключено тогда, поскольку к тому времени еще не было всеобщей устойчивой валюты, а денежная реформа, как известно, была проведена только с начала 1924 г. Метод учета социального направления кредита, согласно вышеуказанным признакам, проводился сел.-хоз. кредитными товариществами, путем заполнения сведений на бланке заявления членами и заемщиком в момент его подачи в сел.-хоз. кредитное товарищество, заверенных местным сельсоветом. Эти имущественные показатели должны были в дальнейшем ежегодно обновляться, что на практике не имело места. На основе этих данных из бланков

заявлений, которые потом заносились в лицевые счета, сел.-хоз. кредитное товарищество составляло по соответствующей форме сводку и отправляло ее вышестоящему звену системы сел.-хоз. кредита, которое, в свою очередь, составляло сводку по всей своей периферии и направляло следующему звену, — республиканскому и ЦСХБанку. Эти сводки в окружном, республиканском и союзном масштабах служили основным материалом для суждений о социальном направлении кредита, о классовой линии направления деятельности сел.-хоз. кредита. Таким образом, за 1924/25, 1925/26, 1926/27 хоз. г.г. ЦСХБанк располагал отчетными данными по учету социального направления кредита от части кредитных учреждений на основе натуральных имущественных признаков по посевности, коровности и по рабочему скоту.

Отчетные материалы по учету социального направления кредита за указанные годы поступали вместе с годовыми отчетами со значительным запозданием, примерно, до года, и то не по всей системе, а всего от 20 до 40 % кредитных учреждений системы. Кроме того, местами цифры оказались не вполне пригодными — дефектными. Указанные обстоятельства значительно обесценивали практическую значимость материалов с точки зрения оперативных требований руководства. Вместе с тем материалы разработки, несмотря на ряд чрезвычайно важных объективных показателей, не могли полностью удовлетворить требованиям с точки зрения выяснения классовой сущности состава членов и заемщиков сел.-хоз. кредитных товариществ. Натуральные показатели по посевности, коровности, рабочему скоту не позволяют судить о классовой принадлежности данных хозяйств. Эти показатели могли только указывать на относительную экономическую мощь этих хозяйств. Но и в этой своей ограничительной значимости указанные материалы учета социального направления кредита были наиболее приемлемыми данными, по тому времени, для суждения о классовой линии направления деятельности сел.-хоз. кредита. Попытки установить более приемлемые методы текущего учета социального направления кредита путем дополнительного введения классовых признаков: наем и сдача рабочей силы и сел.-хоз. инвентаря, комбинируя их с основными имущественными показателями по стоимости средств производства и по доходности хозяйств, встретили вполне резонные возражения местных и центральных организаций, так как система сел.-хоз. кредита и низовое звено, сел.-хоз. кредитное товарищество, прежде всего, не справлялись даже с менее сложными способами учета и не везде применяли менее сложные формы и методы учета социального направления кредита, преподанные ЦСХБанком.

Таким образом, все научно-обоснованные и методологически выдержанные признаки учета социального состава членов и заемщиков местными работниками рассматривались как выдумки центра, как вещи, ничего общего не имеющие с требованиями и интересами дела, так как практика, и не только практика, но и печать, и даже директивы, делили крестьянские хозяйства на три группы: бедняков, середня-

ков и зажиточных (редко, где именовали третью группу кулаками).

Споры об определении числа групп среди крестьянских хозяйств с точки зрения классовых признаков замыкались в узкой академической среде, а места на практике применяли деление крестьянских хозяйств на три группы: бедняков, середняков и зажиточных, умалчивая, как правило, о кулаках. Вот почему мы наблюдаем почти повсеместное приспособление устанавливаемых центром объективных признаков социального направления кредита путем деления хозяйств на указанные группы. Так как с точки зрения практических нужд требовалось, прежде всего, выяснить, кто из крестьянских хозяйств является бедняком, кто середняком и т. д., то местные работники под этим углом и определяли пригодность признаков и методов учета социального направления кредита, устанавливавшихся центром. При этом, в виду того, что указаний для подобных операций никто не давал, то в каждом месте эти группировки производились по-своему. И если общеустановленные признаки и методы учета не удовлетворяли местных работников, то они их совершенно отбрасывали и определяли крестьянские хозяйства по своим собственным признакам, ведомым только им самим. Этот своеобразный метод применялся в практической работе и по этому методу Укрсельбанк, например, представлял отчеты о социальном направлении кредита в течение всего истекшего периода.

Указанный метод учета применялся в течение последних лет в значительной части кредитных учреждений системы сел.-хоз. кредита и присылаемые по этому методу отчетные данные совершенно исключали возможность судить о направлении кредита, так как центр не располагал никакими данными, чтобы иметь представление о том, какие социально-экономические признаки скрываются под категориями «бедняк», «середняк», «зажиточный» и т. п.

Как правило, учетные данные по этому методу учета показывали чрезвычайно высокий процент среди членов и заемщиков группы «бедноты» и сравнительно небольшие цифры для группы зажиточных. Кулаков вообще по этому методу не было и в помине. Но поступающий материал с данными по указанным группам не разрабатывался и нигде не представлялся, а доставался «грызущей критике мышей». Таким образом, применение подобного рода метода учета, путем местного определения принадлежности крестьянского хозяйства к одной из указанных групп, означало, по сути дела, отсутствие всякого метода учета социального направления кредита и исключало возможность практически руководить социальным направлением кредита.

И если места переходили к этому своеобразному методу учета стихийно, в силу своеобразного понимания практических требований, то Укрсельбанк возвел этот метод в систему и дал ему своеобразное теоретико-методологическое обоснование. Прежде всего, этот метод, в противоположность объективному методу учета по социально-экономическим признакам, получил название субъективного мето-

да учета или субъективно-экспертного метода учета.

Основное содержание этого субъективного метода учета сводится к тому, что каждое хозяйство должно быть отнесено к какой-либо из трех групп (беднякам, середнякам, зажиточным или неземледельческим). Групповое определение хозяйства должно производиться совместным собранием местных советских и общественных организаций при участии актива группы бедноты. Что должно служить критерием и основанием для данного собрания при установлении групповой принадлежности данного хозяйства — неизвестно и вряд ли может быть известно, поскольку в основе этой оценки нет никаких объективных показателей — никем никакие указания не даны — и места в этом отношении были предоставлены самим себе.

Этот субъективный метод оценки привел к тому, что на местах большинство крестьянских хозяйств попало в группу бедноты и, таким образом, с точки зрения данных субъективного метода учета, бедняк оказался центральной фигурой деревни. Такого рода обеднячивание большинства крестьянских хозяйств объясняется, прежде всего, несостоятельностью субъективного метода, поскольку отсутствует объективный соотносительный показатель для определения социально-экономической принадлежности данного хозяйства и установления удельного веса каждой данной группы среди всех хозяйств в районе. К этому следует прибавить то обстоятельство, что несмотря на предусматриваемые в теории специальные собрания и заседания с участием бедноты и проч., на практике очень редко применялись, и определение групповой принадлежности крестьянских хозяйств проделывалось кем-либо из членов правления кредитного товарищества, а местами даже единолично счетоводом. Само собой разумеется, что подобного рода практика применения субъективного метода породила произвол и даже способствовала проявлению злоупотреблений, путем осереднячивания и даже обеднячивания зажиточных и кулацких хозяйств. Но если исходить даже из наиболее идеальных условий применения субъективного метода учета социального направления кредита, на основе предусмотренного положения, то представляемые цифры с делением на группы: бедняки, середняки и зажиточные — все же окажутся бессодержательными и непригодными для уяснения действительного социально-экономического направления кредита, тем более с точки зрения уяснения эффективности сел.-хоз. кредита в смысле его влияния на социально-экономические процессы в деревне и динамического учета за ряд лет.

Поступившие отчетные данные по субъективному методу от Укрсельбанка за ряд лет показывают чрезвычайно высокий процент бедноты среди членов и заемщиков и не вызывающие особых опасений цифры среди членов и заемщиков по группе зажиточных (кулацкие хозяйства вообще отсутствуют по этим данным).

Соответственно середняцкая группа занимает незначительное место, особенно по сравнению с удельным весом этой группы среди всех хозяйств.

Эти отчетные данные по субъективному методу не могли быть сопоставлены с данными по другим республикам, поскольку применялись различные принципы учета, и по этим же причинам не было возможности составить единой сводки по Союзу. Вместе с тем, при относительном сопоставлении данных по объективным признакам по Союзу с данными по субъективному методу (напр., Укрсельбанка) обнаружилось чрезвычайно резкое расхождение между удельным весом отдельных групп, указывающее на то, что по Союзу наблюдается недообслуживание нисших групп и более усиленное обслуживание мощных и кулацких хозяйств, а по субъективным данным Украины — усиленное обслуживание «бедноты», при сравнительном недообслуживании «середняков» и незначительном обслуживании «зажиточных» и кулацких хозяйств.

Такого рода состояние учета социального направления кредита лишило возможности ЦСХБанк следить за классовым направлением деятельности системы и сел.-хоз. кредита и, чтобы выявить истинное положение вещей, потребовались специальные обследования.

В настоящее время мы располагаем достаточным материалом для суждения о том, насколько система сел.-хоз. кредита выполнила директивы партии. Вместе с тем, имеющиеся материалы как в самой системе сел.-хоз. кредита, так и в других организациях, обслуживающих и соприкасающихся с сельским хозяйством, позволяют нам подвести итоги и изучить результаты (эффективность) государственных мероприятий в сельском хозяйстве, в том числе и по линии сел.-хоз. кредита.

Но необходимо признать, что с организацией дела учета использования ссуд заемщиками и их эффективности в сельском хозяйстве система сел.-хоз. кредита не справилась. Отсутствие планомерного и систематического учета социального направления и использования ссуд за прошлые годы служило основным препятствием для выполнения задач по изучению эффективности сел.-хоз. кредита в последний год.

В течение последнего года пришлось собрать и обработать весь отчетный материал по системе сел.-хоз. кредита за все годы существования и деятельности системы. Материалы социального направления кредита, добытые при динамической переписи 1927 г., только вышли из печати.

Это — первая часть основных материалов для анализа и изучения эффективности сел.-хоз. кредита. В настоящее время подготавливаются к разработке данные социального направления кредита по динамике 1929 г.; находятся в разработке данные по обследованию закрепитованности колхозов за 1928 и 1929 г.г. Все эти материалы выборочного характера и, если можно так выразиться, чрезвычайного порядка. Выборочное обследование, как обследование вообще, предполагает или

необходимость проверки правильности поступающего материала в текущем порядке, или отсутствие всякого отчетного материала о деятельности обследуемой отрасли работы. К сожалению, указанные обследования в системе сел.-хоз. кредита в основном были вызваны отсутствием нужной отчетности. А всякое обследование сопряжено с трудностями и специальными затратами и получаемый материал во всяком случае относится к прошлому, особенно, поскольку характер материала требует длительной проработки.

В настоящее время, в связи с массовым переходом бедняцко-середняцких хозяйств в коллективы, практический интерес к вопросам кредитования индивидуального сектора значительно уменьшился, тем более, что в дальнейшем кредитование в основном будет направлено в коллективный сектор. Таким образом, проработка материалов и изучение эффективности сел.-хоз. кредита за истекший период как по характеру самого материала, так и с точки зрения практических интересов дня, становится объектом научно-исследовательской работы. В этом направлении и следует ставить проблемы эффективности за истекший период. А практические интересы дня, в связи с массовой коллективизацией в сельском хозяйстве, требуют организации учета использования и эффективности сел.-хоз. кредита в коллективных хозяйствах с самого начала, чтобы избежать печального опыта с эффективностью в прошлом.

Анализ данных социального направления кредита

Имеющиеся данные учета социального направления сел.-хоз. кредита делятся по секторам: на обобществленный и индивидуальный. При этом данные учета по индивидуальному сектору делятся по отдельным социальным группам. Данные кредитования обобществленного сектора делятся по отдельным видам объединений, поскольку позволяют формы учета. Мы располагаем данными учета социального состава членов и заемщиков сел.-хоз. кредитной кооперации за весь истекший период, до 1929 г. включительно.

Одна часть материалов относится к данным отчетности кредитных товариществ по различным показателям. Например, за 1925, 26 и 27 г.г. отчетные данные социального состава членов и заемщиков представлены по посевности и рабочему скоту, а за 1928 и 29 г.г. — по данным налогового обложения. Другая часть материалов представляет результаты разработки данных специальных обследований по учету социального направления кредита, например: динамику ЦСУ 1927 г. — по стоимости средств производства и эпизодическое обследование на Украине в 1929 г. — по стоимости средств производства и налоговым данным. Кроме того, мы приводим отчетные данные по, так называемому, субъективному методу, с делением членов и заемщиков на три группы: бедняков, середняков и зажиточных.

Разнообразие материалов имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительное качество этого разнообразия заклю-

чается в том, что мы имеем возможность сопоставить различные данные и проверить правильность отчетных материалов, особенно по субъективной оценке, с данными объективного порядка, специальных обследований. Отрицательная сторона этого разнообразия, хотя и устранима, заключается в том, что мы лишены возможности в настоящее время дать динамику за все годы по однообразным показателям. Составить динамическую таблицу за все годы по единым показателям стоимости средств производства представится возможным после получения данных динамического обследования 1929 г., которые еще находятся в разработке.

Но и имеющиеся данные в достаточной мере позволяют судить о динамике социального направления сел.-хоз. кредита за все годы.

Табл. 1.

Динамика кооперирования и обслуживания кредитами крестьянских хозяйств (отчетные данные сел.-хоз. кредитных товариществ) по посевным группам по РСФСР в % к.

Группы крестьян. хозяйств	В составе всех крестьян. хозяйств			В составе член. товариществ			В составе заемщиков			В общей сумме задол- женности			Средн. разм. задолженно- сти на 1 заемщ.		
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Без посева и с посев. до 2,2 га	42,2	37,0	39,0	34,4	31,4	30,5	32,0	30,6	28,8	30,6	28,2	27,4	33,7	30,8	46,1
С посев. от 2,2 до 8,9 га .	54,1	57,4	55,4	58,2	59,3	60,3	60,7	61,1	62,7	59,4	60,1	61,6	34,7	32,8	47,3
Свыше 9 га .	3,7	5,6	5,6	7,4	9,3	9,2	7,3	8,3	8,5	10,0	11,7	11,0	48,6	48,5	62,3
По рабскоту.															
Без рабскота .	27,7	27,9	26,1	21,2	20,6	19,3	19,7	18,8	17,6	19,2	20,1	17,8	35,1	43,0	48,8
С 1 гол. . . .	51,7	50,5	51,0	47,8	50,7	51,4	52,9	56,0	56,0	49,8	50,1	53,0	34,0	36,5	45,5
С 2 гол. . . .	14,6	15,4	16,4	19,8	18,8	19,8	19,4	17,0	18,8	20,4	17,3	19,2	37,7	41,7	48,9
С 3 гол. . . .	3,8	4,0	4,2	7,2	6,4	6,3	5,2	5,6	5,4	6,4	7,8	6,6	43,8	54,4	59,1
С 4 гол. и бо- лее	2,2	2,2	2,3	4,0	3,5	3,2	2,8	2,6	2,2	4,2	4,7	3,4	53,6	75,6	75,3

Табл. 1 является сводкой отчетных данных по РСФСР за 1925/26 и 27 г.г. о социальном составе членов и заемщиков по посевности и рабочему скоту. Деление на три группы: первая без посева и с посевом — до 2,2 га, вторая — от 2,2 до 8,9 га и третья — свыше 9 га, должно было, приблизительно, соответствовать делению на бедняков, середняков, зажиточных и кулаков. Но если это деление само по себе недостаточно обосновано с точки зрения выявления классового существа крестьянских хозяйств, то для уяснения степени кооперированности и закредитованности отдельных групп по их мощности оно оправдывается и вы-

являет определенную закономерность. Так, например, группа без посева и с посевом до 2,2 га занимала в составе всех хозяйств в 1925 г. 42,2%, в 1926 г. — 37,0%, а в 1927 г. — 39,0%. В составе же членов кооперации соответственно по тем же годам указанная группа составляла 34,4%, 31,4% и 30,5%. В составе заемщиков удельный вес снижается в среднем на 2%, а удельный вес в общей сумме задолженности этой группы снижается еще больше. Такая же картина падения кривой вниз в слабых группах и по рабочему скоту. Если взять мощную крайнюю группу свыше 9 га, то мы наблюдаем обратную картину. При удельном весе этой группы в составе всех хозяйств последовательно за указанные годы — 3,7%, 5,6% и 5,6%, — кривая в составе членов заемщиков, в общей сумме задолженности, а равно и в среднем размере задолженности на одного заемщика все поднимается вверх, показывая удвоенные и утроенные размеры, достигающие в 1927 г. 11% в общей сумме задолженности, при 5,6% — среди всех хозяйств.

Такая же картина данных и по рабочему скоту.

Табл. 2.

Кооперирование и кредитование различных групп крестьянских хозяйств по стоимости основных средств производства, на момент обследования в 1927 г. по СССР (данные динамического гнездового обсл. ЦСУ в 1927 г.).

Группы по стоимости основн. средств производства	% кооперирования	Удельный вес хозяйств			Удельный вес сумм задолженности	Средн. размер за- долж. на 1 хоз-во (руб.)
		Всех в районе действ. сел.- хоз. кр. т-в	Членов сел.- хоз. кред. т-в	% от числа хоз., имевш. задолж. к чис- лу хоз. членов кр. т-в		
Без средств производств.	7,1	2,9	0,9	59,6	0,7	47,2
По сред. произв. до 100 руб.	13,5	10,4	5,9	63,1	4,9	43,1
Со средств. произв. от 101—200 руб. . .	19,8	11,9	9,9	65,0	9,5	47,7
„ 201—400 „	23,1	25,8	25,2	63,7	23,9	48,5
„ 401—800 „	26,2	31,0	34,3	61,1	32,9	50,9
„ 801—1600 „	30,9	14,4	18,7	57,4	20,8	63,2
„ свыше 1600 „	34,8	3,6	5,1	54,3	7,3	85,5
Итого	23,8	100	100	61,2	100	53,2

Табл. 2 является общей сводкой данных динамического обследования ЦСУ в 1927 г. по стоимости основных средств производства. Эти данные в общем подтверждают направление кредитной политики, выявленное по посевным группам, и позволяют, вместе с тем, более точно выявить степень обслуживания отдельных крестьянских хозяйств по более дробным группировкам. Первые три группы составляют среди всех хозяйств 24,2%, а в составе членов — 16,7%; удельный вес задолженности этой группы составляет всего 15,1%. Обратную картину мы наблюдаем по крайним мощным группам. Вместе с тем выявляется строгая закономерность: чем мощнее группа, тем выше процент коопе-

рированности и тем больше удельный вес этих хозяйств и по остальным показателям.

Удельный вес суммы ссуд в высшей экономической группе со средствами производства свыше 1.600 руб. равен 9,6%, тогда как в трех бедняцких группах удельный вес колеблется от 0,6 до 7,7%. Такое же соотношение имеет место и в размере кредита. Так, средний размер ссуды на одно хозяйство в высшей группе равен 116,8 руб., а в бедняцких группах он вдвое меньше (44,5 — 52,6 руб.).

Для более полного освещения кредитования различных экономических групп необходимо рассмотреть размеры распределения ссуд по отдельным целевым назначениям (см. табл. 3).

Табл. 3.

Группы по стоимости основных средств производства	Средний размер ссуды, выданной на (руб.)						
	Рабочий скот	Сел.-хоз. инвентарь	Слож. сел.-хоз. машины	Коров	Постройки	Семена	Проч. нужды
Без средств производств	79,8	42,0	65,6	52,5	68,5	15,5	32,1
Со средн. произв. до 100 р.	65,1	31,2	56,1	46,5	49,8	16,2	26,2
„ „ „ от 101 — 200 р.	67,4	28,5	44,3	46,1	51,6	15,8	27,0
„ „ „ „ 201 — 400 „	70,1	30,8	52,8	48,0	47,6	15,8	29,8
„ „ „ „ 401 — 800 „	70,3	39,6	73,7	53,9	48,9	17,5	33,2
„ „ „ „ 801 — 1600 „	74,4	60,9	100,5	59,5	54,4	19,9	41,6
„ „ „ „ свыше — 1600 „	80,5	90,4	157,0	62,9	63,3	25,0	69,4
Итого	70,6	47,6	91,5	52,1	50,9	17,5	36,3

Из приведенной таблицы видно, что наибольший средний размер ссуды по всем назначениям (исключая постройки) мы имели в высшей группе, по стоимости средств производства свыше 1.600 руб., при чем совершенно очевидна тенденция увеличения среднего размера ссуды, переходя от нисших групп к высшим, если не считать первой группы, в которой, очевидно, скрываются и неземледельческие хозяйства. Наиболее резкое колебание дают машинные кредиты, в особенности за счет сложных сел.-хоз. машин, которые, несомненно, пошли зажиточным хозяйствам. Но даже в отношении таких ссуд, как на рабочий скот и коровы, зажиточная группа имеет большие ссуды и, следовательно, находится в лучших условиях по сравнению с нисшими группами.

Необходимо отметить, что даже в распределении семенных кредитов тенденция к лучшему обслуживанию зажиточных хозяйств имеет место; так, для бедняцких групп средний размер ссуды на семена колеблется от 15,5 до 16,2 руб., а для зажиточных — от 19,9 до 25,0 руб.

Наконец, в размере кредита, выданного на «прочие нужды», в которых содержится больший процент ссуд потребительского, а не производственного характера, и то размер кредитования в высшей группе в три раза больше, чем в нисшей.

Закономерность повышения размера кредита по отдельным целевым назначениям от нисших экономических групп к высшим имеет место и по РСФСР, УкрССР и БелССР, при этом всюду выделяется высокий размер кредитования зажиточной их группы на сложные сел.-хоз. хозяйственные машины.

Табл. 4.

Динамика кооперативов и обслужив. сел.-хоз. кред. различных групп крестьян. хозяйств в % к (по данным весеннего 10% опроса УЦСУ).

Группы крестьянских хозяйств	В составе всех крестьян. х-ств				В составе членов товариществ				В составе заемщиков			
	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Без посева и с пос. до 2,2 га	27,6	28,8	25,8	24,6	12,4	14,4	13,2	14,2	11,9	13,0	12,0	12,8
С пос. от 2,2 га	64,7	63,4	66,8	66,6	72,9	70,4	73,4	70,5	73,7	71,5	73,9	69,7
С пос. свыше 10 га	7,7	7,8	7,4	8,8	14,7	15,2	13,4	15,3	14,4	15,5	14,1	17,5

Табл. представляет данные 10%-го весеннего опроса ЦСУ Украины. Как известно, Укрсельбанк применял метод субъективной оценки и поэтому данные ЦСУ представляют наиболее объективные показатели социального направления кредитов на Украине. Указанные данные имеют за 4 года, с 1926 по 1929 включ. Эти данные также подтверждают общую картину направления деятельности сел.-хоз. кредита по всему Союзу, но с несколько более резким снижением удельного веса нисших групп в составе членов и заемщиков по сравнению с их удельным весом в составе всех хозяйств.

Наряду с этим, крайняя мощная группа более усердно обслужена, чем в других районах Союза. Эта картина подтвердилась данными динамического обследования ЦСУ в 1927 г. по Украине.

На этом фоне несколько странно выглядят отчетные данные Укрсельбанка по субъективной оценке (см. табл. 5).

Табл. 5.

Социальное направление сел.-хоз. кредита по данным годового отчета Укрсельбанка в % к (группировка х-ств по субъективной оценке).

Группы крестьянских хозяйств	Члены т-в			Сумма выданных ссуд			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	3а 1925/26 г.	3а 1926/27 г.	3а 1927/28 г.	3а 1928/29 г.
Бедняки	52,6	55,9	59,7	47,9	56,8	65,6	76,0
Середняки	42,7	40,1	36,0	48,8	41,3	31,7	22,5
Зажиточные	2,5	2,1	2,7	2,5	1,4	1,8	0,3
Прочие	2,2	1,9	1,6	0,8	0,5	0,9	1,2

Мы уже отмечали в печати искривление классовой линии в кредитовании на Украине. Но в приведенных отчетных данных выявляет

ся наиболее худшая форма замазывания искривлений классовой линии и правых дел на практике. Подобного рода отчетные данные граничат с явным вредительством, и допустимо, что в подобного рода «отчетной деятельности» проявили себя идеологически чуждые нам элементы.

По данным субъективной оценки Укрсельбанка выходит, что в практике сел.-хоз. кредита бедняк являлся центральной фигурой и эта линия выдержана в цифрах удивительно закономерно, показывая, что закредитованность бедняков росла с каждым годом. При этом кулацкие хозяйства, вместе с группой зажиточных, по своему удельному весу, видимо, незначительны и не вызывают опасений у авторов этих цифр за правильность линии кредитования. Проведенная ЦСУ в 1927 г. динамическая перепись расстроила стройный ряд отчетных цифр Укрсельбанка. Данные динамики рисуют следующую картину по Украине. В 1927 г. группа со средствами производства стоимостью до 200 руб. (т. е. бедняцкие и маломощные группы) составляла среди членов кредитных товариществ 14,7%, при удельном весе этих хозяйств в районе — 23,9%. Из этой группы кооперировано всего от 7,6 до 21,8%. Удельный вес задолженности этой группы составляет всего 11%. По тем же данным группы со средствами производства стоимостью от 801 до 1.600 руб. и выше составляют в числе членов 29,3%, а в задолженности — 35%. Сопоставляя эти объективные данные с отчетными данными по субъективным показателям, мы обнаруживаем своеобразные «ножницы». Частичное обследование, проведенное в ряде округов (Харьковском, Полтавском и Запорожском) в конце 1929 г., дает следующие расхождения между отчетными данными и фактическим положением вещей. Квартальные отчеты, представляемые кредитными товариществами в кредитные союзы и сельбанки, показывают, что удельный вес бедноты среди членов и заемщиков составляет до 70%. При проверке же учетных карточек членов и заемщиков оказывается, что освобожденных от сел.-хоз. налога насчитывается всего от 5 до 20%. При выяснении имущественного положения хозяйств, зачисленных в категорию бедняков, среди таковых оказываются не только середняки, но и зажиточные, явно кулацкие хозяйства.

Приведенные данные в табл. 4 (10%-го весеннего опроса на Украине) в общем подтверждают выявленную картину по динамике и по данным обследования. Вместе с тем, данные весеннего опроса указывают на то, что общее направление кредитной деятельности на Украине не изменилось и в 1929 г. Из всего вышеприведенного надо констатировать, что в практике сел.-хоз. кредита имеются значительные искривления классовой линии и прямые нарушения партийных директив, являющиеся, по сути дела, проявлением правого уклона на практике. Исключение объективного экономического метода учета и применение субъективных показателей в разрез с общеустановленными по союзу формами искажают действительное положение вещей и служат орудием для замазывания и прикрытия искривления классовой линии в практике сел.-хоз. кредита. Извращения классовой линии в практике сел.-

хоз. кредита выражаются в том, что удельный вес маломощных хозяйств в составе членов ниже их удельного веса среди всей массы хозяйств, а в составе заемщиков — относительно ниже удельного веса их в составе членов товариществ. Удельный вес мощных хозяйств в составе членов и заемщиков выше их удельного веса среди всех хозяйств. Соотношение между долгосрочными и краткосрочными ссудами у маломощных заемщиков хуже, чем у зажиточных, и вообще долгосрочное кредитование маломощных хозяйств, которое единственно только и может быть полезно бедняку, крайне недостаточно. Машинные кредиты в большей мере направлялись в мощные и явно кулацкие хозяйства, что открывало возможность использования системы сел.-хоз. кредитной кооперации кулацкими элементами деревни, в целях капиталистического накопления и эксплуатации бедноты. Мы убеждены и вряд ли это может вызывать сомнение, что под покровом споров о методе и методологии учета социального направления кредита, как и в спорах по вопросам методологии изучения классовой дифференциации деревни вообще, как правило, скрывается определенная система взглядов, определенно классово-чуждая нам идеология, а в практической работе — деятельность идеологически чуждых нам элементов.

С 1928 г. отчетные данные по учету социального направления кредита составлены по налоговым данным с делением на три группы: освобожденные от сел.-хоз. налога, обложенные по норме и обложенные в индивидуальном порядке. С 1930 г. введены дополнительные показатели: обложенные с процентной надбавкой и в том числе батраки.

Табл. 6.

Кредитование различных групп крестьянских хозяйств по РСФСР на 1/X 1928 г. и 1/X 1929 г. (отчетные данные).

Группа по сел.-хоз. налогу	Удельный вес в составе						Удельный вес суммы задолжен- ности		Средний раз- мер задол- женности на 1 заемщика в руб.	
	Всех крест- ьянск. х-ств		Членов с.-х. кр. т-ств.		Заемщиков					
	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.
Освобожд. от сел.- хоз. налога . .	28,2	32,3	13,2	32,9	11,9	41,8	12,1	41,0	48,4	40,8
Обеспеч. по норме	70,8	65,6	86,0	65,9	87,6	57,8	87,0	58,6	46,8	42,3
Облож. в индив. пор.	1,0	2,1	0,8	1,2	0,5	0,4	0,9	0,4	90,3	46,5
И т о г о . . .	100	100	100	100	100	100	100	100	47,2	41,7

Табл. 6 представляет сводку по данным налогового обложения за 1928 и 29 г.г. Эти данные показывают, что в течение 1928 г. картина социального направления кредита, по сути дела, оставалась неиз-

менной. Освобожденные от сел.-хоз. налога, составляя в составе всех хозяйств 28,2%, занимают среди членов 13,2%, а среди заемщиков — 11,9%, при 12,1% удельного веса задолженности этой группы. По этим данным 1929 г. следует считать переломным в направлении кредитной деятельности системы сел.-хоз. кредита. Удельный вес освобожденных от сел.-хоз. налога среди членов кредитных товариществ достигает 32,9%, среди заемщиков — 41,8%, при задолженности этой группы в 41% от общей суммы кредитов. Но необходимо отметить, что и в 1929 г., как и в 1928 г., продолжали кредитовать явные кулацкие хозяйства, обложенные в индивидуальном порядке. Если к этому прибавить, что в группе обложенных по норме, несомненно, имеется значительный процент обложенных с процентной надбавкой, т. е. зажиточных хозяйств, то надо будет признать, что искривление классовой линии в кредитовании имело место и на протяжении всего 1929 г.

Кредитование обобщественного сектора сельского хозяйства

Кредитование обобщественного сектора в течение истекшего периода, по данным кредитных товариществ, занимает сравнительно небольшое место. При этом следует иметь в виду, что организации или объединения, входившие в обобщественный сектор, как, например, комиссии взаимопомощи крестьян или КНС на Украине, различного рода артели или даже отдельные колхозы, получая кредиты, по сути дела, распределяли их между индивидуальными хозяйствами. Таким образом, указываемые кредиты на обобщественный сектор в значительной своей части могут относиться к индивидуальному сектору. Мы приводим ориентировочную таблицу по отчетным данным кредитных товариществ о кредитовании обобщественного сектора по отдельным видам объединений за все годы.

Табл. 7.

	1924/25 г.	%	1925/26 г.	%	1926/27 г.	%	1927/28 г.	%	1928/29 г.	%
Единоличным хозяйствам . . .	84,8	90,4	141,5	82,9	229,9	81,3	281,3	67,5	Абсолютных	44,1
Колхозам . . .	4,5	4,8	6,0	3,5	25,6	9,0	64,1	15,3	дан-ных нет	24,0
Пр. первичным сел.-хоз. кооперативам . . .	4,1	4,4	20,2	11,8	17,4	6,2	44,0	17,2		31,9
Друг. обществен. организациям .	0,4	0,4	3,0	1,8	10,0	3,5	27,8			
Итого . . .	93,8	100,0	170,7	100,0	282,9	100,0	417,0	100,0	—	100,0
в %	100	100	182	100	165,7	100	147	100	—	100

Как видно по данным этой таблицы, перелом в кредитовании колхозов, как и всего обобщественного сектора, произошел только

в 1929 г. Если в 1927/28 г. выдача колхозам составляет только 15,3%, а весь обобщественный сектор составляет 32,5, то в 1928/29 г. удельный вес кредитов колхозам достигает 24%, а всему обобщественному сектору — 55,9%. Конечно, нельзя признать, что эти достижения соответствуют требованиям коллективного строительства, тем более, что отчеты за 1928/29 г. поступили от небольшого числа кредитных товариществ, примерно, от 10% общей сети, и возможно, что по другим кредитным товариществам положение будет несколько хуже. Наряду с кредитными товариществами кредитовали обобщественный сектор верхние звенья в системе сел.-хоз. кредита.

Табл. 8.

Кому выдано	1924/25 г.	%	1925/26 г.	%	1926/27 г.	%	1927/28 г.	%	1928/29 г.	%
Колхозам	5,7	8,0	12,5	12,4	10,8	8,5	12,1	6,4	—	—
Совхозам	6,0	8,4	7,6	7,5	23,8	18,8	38,5	20,4	—	—
Кооперации . . .	31,7	44,2	39,4	39,0	37,3	29,5	63,6	33,8	—	—
Госорганам . . .	24,0	33,5	36,6	36,2	47,3	37,4	62,9	33,4	—	—
Пр. органам . . .	4,3	5,9	5,0	4,9	7,3	5,8	11,3	6,0	—	—
Итого	71,7	100,0	101,1	100,0	126,5	100,0	188,4	100,0	—	—
в %	100,0	—	140,8	—	125,1	—	148,9	—	—	—

Как видно из табл. 8, удельный вес кредитов, выданных верхними звеньями колхозам, крайне незначителен в общей сумме, а по своей абсолютной величине в 1927/28 г. едва составляет 20% к сумме кредитов, выданных колхозам кредитными товариществами. Большое место здесь занимают кредиты совхозам, составляющие в общей сумме выданных кредитов по верхним звеньям 20,4%. Это объясняется тем, что совхозы в основном, если не исключительно, кредитовались верхними звеньями системы сел.-хоз. кредита.

Что касается остальных кредитов кооперации и госорганам, то они преимущественно носили краткосрочный характер и направлялись по линии обслуживания сбытоснабженческих операций.

Более детальные сведения о кредитовании колхозов можно будет извлечь из материалов специальных обследований за 1928 и 29 г.г., еще не законченных разработкой.

В настоящее время, в связи с массовой коллективизацией, система сел.-хоз. кредита реорганизуется, согласно решениям директивных и правительственных органов, ЦСХБанк реорганизуется в Колхозно-Кооперативный Банк, состоящий в ведении Совета сел.-хоз. кооперации, под общим руководством НКЗ СССР. Республиканские и област-

ные банки превращаются в конторы или филиалы Всесоюзного Колхозно-Кооперативного Банка. Низовое звено, сел.-хоз. кредитное товарищество, реорганизуется в чистое кредитное учреждение укрупненного районного типа, превращаясь, таким образом, в низовой расчетный центр по обслуживанию расчетов между городом и деревней. Система сел.-хоз. кредита, имевшая в своем составе самостоятельные звенья, в виде республиканских, областных и окружных банков, с самостоятельными средствами и балансами, уступает свое место централизованной колхозно-кооперативной кредитной системе. Задачи по реорганизации сел.-хоз. кредита не ограничиваются только переименованием и переименованием республиканских и областных банков в конторы или филиалы. Необходимо унифицировать все капиталы, консолидировать займы и подсчитать все средства, которыми будет располагать система колхозно-кооперативного кредита. В настоящее время состояние учета в системе, особенно в его низовом звене, где загружена основная масса средств, находится в буквально катастрофическом состоянии. Отчеты за 1928/29 г. низовым звеном еще не отосланы и не составлены; записи запущены на 6 и более месяцев. Это положение особенно опасно, в связи с реорганизацией. Если до реорганизации не удастся упорядочить состояние учета, то после реорганизации трудно будет что-либо сделать для выяснения состояния средств. Между тем, средства низового звена, загруженные в основной своей части у индивидуальных заемщиков, достигают полумиллиарда рублей.

Учесть эти средства, по возможности, взыскать и переключить в фонд кредитования колхозов — вот основная и главная задача на ближайший период реорганизуемой системы сел.-хоз. кредита.

Нормирование потребления и проблема товарных резервов¹

Проблема товарных запасов была поставлена в ряде резолюций и постановлений высших партийных и правительственных органов еще в 1926 г. Но в виду напряженного состояния народного хозяйства, за последние годы товарные резервы не накапливались ни в области средств производства, ни в области предметов потребления. При расширении производства до предельного напряжения возможность резервирования почти совершенно исключается. Товарный голод — не случайное явление, а выражение тех трудностей, которые приходится преодолевать на пути индустриализации и социалистической реконструкции хозяйства, — непосредственное проявление напряжения хозяйства.

И в капиталистическом хозяйстве при подеме, т.е. при напряжении производства, спрос обгоняет предложение. У нас же, где подъем хозяйства идет темпами, превышающими темпы капиталистических стран, при чем подъем происходит не циклично, а перманентно, сопровождаясь ростом материальных и культурных потребностей трудящихся масс, естественно, что превышение спроса над предложением, или товарный голод, чувствуется остро. В отношении средств производства нечего рассчитывать в ближайшее время на увеличение нормы товарных запасов (относительно размеров производства), наоборот, в последнем году, в порядке мобилизации внутренних средств промышленности, была проведена кампания за уменьшение нормы материальных запасов, не только неликвидных и не нужных материалов, но и основных запасов сырья и т. д.

Разрешения задачи бесперебойности производства надо искать не столько на путях увеличения материальных резервов, которое (увеличение) должно быть рассчитано на потребителя, сколько на путях рационализации.

Рационализация производства и доставки материалов сделает снабжение более регулярным, уменьшит опасность перебоев и потребность в запасах. В этом смысле верно высказываемое подчас суждение, что материальные запасы мы должны заменять напряжением воли и умением хозяйствовать.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

Также в области предметов потребления имеется значительное поле для рационализации. Рационализация производства предметов потребления, их хранения, перевозки, распределения и самого потребления дает возможность больше производить, больше довести до потребителя, меньше выбрасывать, больше утилизировать отходы и отбросы и с большей пользой потреблять; следует, например, не потреблять более дорогих и дефицитных предметов в тех случаях, когда можно с такой же пользой потреблять менее ценные и недефицитные. Необходима рационализация в области потребления предметов питания, дефицит которых особенно острый. В настоящий момент при НКТорге СССР организуется специальный совет по рационализации питания.

Однако, все мероприятия такого рода не смогут в ближайшее время полностью изжить дефицит предметов потребления, особенно принимая во внимание дальнейшее напряжение по линии индустриализации и капитального строительства и дальнейший рост потребления. Поэтому продолжительное время у нас будет существовать и распространяться система нормирования отпуска ряда товаров — предметов потребления.

При этом выдвигается задача рационализировать эту систему так, чтобы, по возможности, лучше обслуживать потребителя, чтобы потребитель сразу мог получить документ на причитающиеся ему товары (заборную книжку), чтобы, по возможности, легче и удобнее ему было получить причитающиеся ему по норме товары с наименьшей тратой времени и сил. Особенно важно максимальное обеспечение бесперебойности отпуска нормированных товаров. Качество распределения, особенно в смысле бесперебойности, важнее в известных пределах, чем количество отпускаемого товара.

И тут опять возникает в новой постановке проблема товарных запасов. Поскольку отпуск товаров нормируется, можно установить также нормы, чтобы иметь резервы, вполне достаточные для обеспечения бесперебойности снабжения населения нормированными предметами потребления. При этом, разумеется, придется больше ограничить размер нормы. При прочих равных условиях резервы образуются за счет ограничения потребления. Если отказаться от резервов, можно установить немного более высокие нормы. Но такие нормы были бы напряженными и угрожали бы перебоями в снабжении. В первую очередь сами потребители заинтересованы в наличии у государства и кооперации запасов, обеспечивающих бесперебойность снабжения, которая гораздо важнее, чем то небольшое увеличение, которое он мог бы получить при напряженных нормах с частыми перебоями. Для государства же и для всего народного хозяйства, разумеется, образование достаточных товарных запасов и обеспечение бесперебойности снабжения имеет громадное значение и означает прочное овладение рынком и действительное регулирование его.

Мы останавливаемся на этот моменте потому, что при давлении острого товарного голода, естественно, возникает стремление во что бы то ни стало увеличить нормы отпуска товаров, хотя бы за счет крайнего напряжения ресурсов и истощения запасов. Но тут необходима твердая выдержанность и сознание приоритета бесперебойности снабжения. Государство должно стоять над стихией дефицита и его «психических проявлений», «не поддаваясь им и не допуская превращения» себя в орудие стихии.

С вопросом о товарных запасах тесно связан вопрос о длительности действия права на нормированные товары, или на языке быта, длительности действия талона заборной книжки. В настоящее время (по крайней мере по московской практике) талоны действительны большей частью месяц — полтора, а по некоторым предметам еще меньше, даже один день, после чего право на получение товара по данному талону теряется. Это приводит к тому, что до истечения установленного срока потребитель стремится покупать про запас указанный товар, подчас совершенно не нужный ему в данный момент, чтобы «не потерять талона». Это сильно стесняет потребителя и вызывает большие неудобства и затруднения, напрягая его бюджет, отнимая место в его и без того тесной квартире и приводя часто к порче товаров. Для народного хозяйства это означает искусственное стимулирование спроса, распыление запасов между потребителями, порчу некоторой части товаров и бесхозяйственное неэкономичное потребление, что диаметрально противоположно упомянутой выше задаче рационализации потребления. Кроме того, это вызывает очереди в магазинах в последние дни перед истечением срока талона.

Поэтому необходимо удлинить сроки действия талонов до полугодия, года и даже больше на все товары, кроме скоропортящихся. Тогда население будет покупать лишь то, что ему действительно нужно в данный момент, а те массы круп, сахара, мануфактуры и др. нормированных продовольственных продуктов и предметов широкого потребления, которые теперь хранятся распыленными в сундуках и шкафах потребителей и частью портятся, будут оставаться у государства и кооперации и пополнять их товарные резервы. Это будет кредит, предоставленный населением незаметно государству и народному хозяйству.

Такой материальный (реальный) кредит для народного хозяйства не менее важен, чем кредит денежный, предоставляемый через сберкассы.

В сущности и значение вкладов в сберкассы, и всякого денежного кредита, предоставляемого населением государству, заключается не в факте передачи государству дензнаков, а в отказе населения на определенный срок от использования этих денег для покупок товаров. Если бы население воздержалось от покупок и сбереженные дензнаки сохраняло у себя в кубышках, то экономический результат был бы такой же: народное хозяйство получило бы кредит, который государ-

ство могло бы использовать, выпуская против освобождаемых товаров платежные средства в виде, например, денежной эмиссии. Тезаврирование дензнаков и замедление их обращения, уменьшение предъявляемого ими спроса совершенно правильно всегда квалифицируется как кредит, оказываемый держателями денег товарообороту. Передача дензнаков сберкассе или другому госучреждению в кредит означает только зафиксирование факта временного отказа от покупок.

В вопросе о талонах речь идет о временном отказе не от покупок вообще, а от покупки данного товара. Освобождающиеся деньги могут предъявить спрос на другие товары и поэтому здесь имеется лишь кредит на определенный товар за счет, может быть, некоторого увеличения спроса на другие товары. Но поскольку переходящий остаток добровольно неиспользованных талонов в целом будет касаться нормированных, т. е. дефицитных товаров, получится уменьшение общего спроса на дефицитные товары. В той мере, в которой этот спрос перейдет на другие товары, это будет означать изменение направления спроса — направление его на недефицитные товары за счет дефицитных. А это уже имеет большое значение. Правда, при этом может быть некоторые товары, ныне не дефицитные, стали бы дефицитными, но и это вряд ли можно рассматривать, как отрицательное явление. Это означало бы равномерное распределение дефицита между разными товарами. Вместо того, чтобы весь дефицит концентрировался на одних товарах, которые стали бы остро дефицитными, дефицит, не увеличиваясь в сумме, распространяется на большее количество товаров и этим смягчается его острота. Это тем более, что общая сумма дефицита не только не увеличивается, но и уменьшается абсолютно, ибо в оборот вовлекаются новые массы товаров в результате появления спроса на них.

Кроме того, не все деньги, освобождаемые при временном отказе от использования талонов, предъявляют спрос на другие товары. Часть их будет оставаться временно в карманах потребителя, как его сбережения или кассовые остатки, или даже будут вноситься в сберкаассу. Искусственное стимулирование спроса за краткосрочностью действия талонов, несомненно, противодействует увеличению сбережений и привлечению средств в сберкаассу.

Удлинение сроков талонов, с одной стороны, было бы фактором увеличения запасов и, с другой стороны, требует, как предпосылку, наличия запасов и обеспечения бесперебойности отпуска товаров. При отсутствии товарных запасов торгующие организации не решаются удлинить свои обязательства по талонам из опасения неожиданного массового предъявления спроса по старым талонам. С другой стороны, и это главное, при отсутствии запасов и наличии опасности перебоев в снабжении рынка потребители опасались бы откладывать свои покупки по талонам.

Поэтому необходимо установить такие нормы, чтобы запасы образовались независимо от срока талонов, и вместе с тем удлинить

сроки талонов, что еще больше увеличит запасы и обеспечит бесперебойность снабжения. Этими словами мы вовсе не хотим установить определенный хронологический порядок по принципу: раньше запасы, а затем удлинение сроков. Наоборот, мы считаем, что удлинение сроков талонов можно произвести немедленно, независимо от общего увеличения запасов. Никакого вреда при этом не будет при условии, что товары по неиспользованным талонам будут резервироваться специально для обеспечения реализации этих талонов. В таком случае никакой опасности для торгующих организаций не будет, только положительный эффект будет меньше, поскольку часть населения будет стремиться скорее закупать товары в запас. По мере же общего увеличения запасов и роста уверенности в бесперебойности снабжения все большее количество покупок будет откладываться и все больше скажется положительное влияние удлинения срока талонов.

Опасно было бы, если бы удлинение срока талонов использовалось не для увеличения запасов, а для увеличения нормы отпуска товаров. Разумеется, на такой путь никто не предлагает идти, хотя со временем могут открыться и возможности некоторого увеличения норм отпуска за счет товаров, освобождаемых в связи с удлинением сроков. Эти возможности можно будет использовать лишь спустя продолжительное время и с большой осторожностью. Положение здесь аналогично использованию остатков текущих счетов для кредитных целей. Аналогичное положение имеется в отношении длительности талонов на коммунальные услуги (нельготные), в частности, трамвайных талонов. На совещании делегатов Первой всероссийской трамвайной конференции в 1922 г. автор этих строк выступал по вопросу о целесообразности удлинения сроков трамвайных талонов и даже о превращении их в бессрочные. После подробного обсуждения выяснилось, что против этого не имеется никаких возражений. Эта точка зрения проводилась впоследствии в ряде циркуляров и выступлений Главного Управления Коммунального Хозяйства.

Когда автору этих строк приходилось выступать на одном заседании с изложением своих взглядов по вопросу о нормировании распределения и потребления, то некоторые оппоненты указывали на то, что государство вовсе не заинтересовано в накоплении запасов, что это связано с дополнительными расходами и потерями, что у государства не хватает соответствующих помещений для хранения запасов и т. д. Тут же приводился пример с картофелем, для которого в ноябре прошлого года не хватило хранилищ в Москве и который стремились распределить поскорее между потребителями. Указывалось, что при удлинении сроков получения остродефицитных товаров, как масло, яйца и т. д., никто не будет откладывать использование своего права, между тем угрожает опасность предъявления сразу массы неиспользованных старых талонов на эти товары. Некоторые указывали, что дефицит предметов потребления и нормированный их отпуск надо рас-

сма­тривать, как кратковременные явления, о рационализации которых не стоит и думать.

Рассмотрим эти аргументы по существу.

Раньше всего вопрос о целесообразности образования резервов.

Было бы совершенно не резонно рекомендо­вать образование мощных товарных резервов за счет ограничения производственного и личного потребления. И не только потому, что это требует помещений для хранения и связано с расходами, потерями и т. д., но и потому, что это означает отказ от использования соответствующих благ, от их потребления. Резервы — это мертвый капитал, жертва для народного хозяйства. Для последнего было бы лучше использовать соответствующие блага для непосредственного потребления или для большего расширения производства. По поводу накопления резервов Маркс говорит: «накопление же товаров, как соби­рание сокровищ, — чистое безумие. Накопление товаров в больших массах есть следствие застоя в обращении или перепроизводства»¹. В моменты подъема все ресурсы используются, спрос на товары обгоняет предложение и излишние товарные резервы рассасываются. Это касается средства производ­ства.

В отношении предметов потребления современное рационализи­рованное капиталистическое хозяйство стремится также ускорить обо­рачиваемость товаров и сократить норму переходящих товарных ре­зервов. Некоторые американские крупные магазины считают товары, залеживающиеся больше месяца, неликвидными и распродают их с большой скидкой. Как мы уже отметили, чем более хозяйство рацио­нализировано и налажено, тем менее требуется резервов.

Однако в пределах определенного минимума резервы необходи­мы и без них хозяйство постоянно находилось бы под угрозой пере­боев и срывов. И когда мы ставим вопрос об образовании резервов, мы имеем именно в виду минимальные резервы, необходимые для обеспечения непрерывности снабжения по установленным нормам. На­помним, что речь идет о дефицитных товарах, в отношении которых вопрос стоит не о больших, а о минимально необходимых резервах. Количество необходимых резервов, да, пожалуй, и самое понятие о нем, не поддается точному определению, тем не менее оно практически и эмпирически довольно ощутимо.

Что касается проблемы хранения запасов, помещения для них, расходов и потерь, связанных с этим, то все эти статьи являются дополнительным бременем сверх самого отказа от использования благ. Но так как речь идет о необходимых резервах, приходится с этим мириться. Когда мы выступаем с предложением об образовании запасов нормированных товаров, мы исходим из предпосылки, что желательность запасов этих товаров сама по себе вне всякого сомне­ния. Если бы запасы могли образоваться без влияния на размер потре­

бления, то образование их, бесспорно, было бы желательно, и весь вопрос сводился бы к тому, насколько целесообразно ограничить потребление ради резервирования. При этом все бремя хранения запасов подразумевается, как нечто, с чем можно мириться. И если у нас подчас иссякают запасы, то это вовсе не потому, что нам непосильно бремя хранения, расходов и потерь, связанных с ним, а потому, что товаров не хватает, потому, что трудно больше произвести или огра­ничить их потребление. Это общее положение следует особенно иметь в виду в отношении дефицитных нормированных товаров.

Что касается фактического недостатка хранилищ, то в пределах, о которых идет речь, хранилищ, как общее правило, должно хватить. Разве только вопрос о хранилищах для скоропортящихся продуктов стоит остро, но и то не везде и не всегда. В настоящее время произво­дится усиленное строительство холодильников и других хранилищ, рассчитанных также и для резервов.

Аналогия с картофелем, который теперь оказался в Москве в боль­шом избытке, вовсе неуместна, когда речь идет о дефицитных норми­рованных товарах. Впрочем, через некоторое время, когда избыток картофеля рассосется, может встать проблема образования, вернее, оставления необходимых картофельных резервов. Поэтому надо быть начеку, чтобы в нужный момент своевременно прекратить кампанию по усиленной реализации картофеля, дабы не очутиться без запасов и от чрезмерного избытка не перейти к дефициту.

Как бы мы не относились к образованию резервов, искусственное стимулирование вынужденных покупок из-за краткосрочности тало­нов, во всяком случае, не рационально. Такие вынужденные покупки имеют двойное значение: 1) искусственное стимулирование потребления и 2) хранение запасов у потребителей. Последнее может вызываться необходимостью лишь в отдельные исключительные моменты (и то не в отношении нормированных товаров), как, например, положение с картофелем в настоящий момент. Как общее правило, хранение запасов у потребителей также нецелесообразно. Правда, хранение запасов потребителями освобождает государство от бремени хранения их у себя, но это достигается за счет еще большего обременения потреби­телей, особенно при современном жилищном кризисе. При этом эффек­тивность запасов значительно уменьшается: значительные ненужные запасы у одной части потребителей не могут заменить недостаток их у другой части. Это противоречит самой идее рационализации хране­ния и потребления и является худшим видом «кустарщины», шагом назад к натурализации хозяйства. Мы стремимся к новому быту, к освобождению потребителей не только от хранения, но даже и от последних технических процессов приспособления предметов к потре­блению: печения хлеба, варки обеда, шитья платья и др. Мы стремимся дать потребителю печеный хлеб, готовый обед, готовое платье. Мы стремимся изжить остатки натурального хозяйства на полюсе потре­бления — элементы производства в домашнем хозяйстве. К этому мы

¹ „Капитал“, т. I, глава 22, стр. 491, изд. Поповой, СПб, 1899 г.

хотим приспособить наши новые жилища, будущие социалистические города. И если наряду с этим мы ставили себе целью распылить запасы и превратить каждую квартиру, каждый сундук и комод потребителя в маленькие амбары для хранения всяких запасов мануфактуры, сахара, крупы и т. п., то это было бы верхом легкомыслия.

Несколько слов об остро-дефицитных товарах. Разумеется, по таким товарам меньше можно ожидать неиспользования талонов и образования за счет этого запасов. Но этим несколько не оправдывается краткосрочность их действия. Ведь если все потребители используют свои талоны, то не может быть никакого опасения массового предъявления старых талонов. Вообще, поскольку мы оставляем против неиспользованных талонов соответствующее количество товаров, нет никакой опасности: имеется полное обеспечение талонов, стопроцентное их «покрытие», выражаясь терминами теории эмиссии. Поскольку же предъявление старых талонов будет постоянно возмещаться неиспользованием новых, постольку у государства за счет этого будут постоянные резервы.

«Потеря» для государства в пользу потребителя от удлинения срока талонов может получиться лишь в следующем. В настоящее время часть талонов остается вовсе неиспользованной за невозможностью своевременной их реализации. Эти талоны «теряются» потребителями и соответствующие товары остаются в распоряжении государства и могут идти на снабжение по последующим талонам. С удлинением срока права на товары часть этих талонов будет предъявляться впоследствии и государство, вернее «общий котел», «оборот» потеряет эту часть. Эта «потеря» будет компенсироваться в дальнейшем неиспользованием новых талонов, т. е. постоянно возобновляющимся кредитом. Но независимо от этого, государство не должно ставить себе целью использовать невозможность реализации потребителем в короткий срок своего права на товары. Талоны остаются неиспользованными большей частью у менее обеспеченных слоев пролетариата. Более обеспеченные слои, как общее правило, используют целиком свои талоны для своих надобностей и про запас. Поэтому быстрое прекращение действия талонов ущемляет, главным образом, интересы наименее обеспеченных слоев. Таким образом, в социальном аспекте удлинение срока действия талонов еще более становится необходимым.

Часто упускается из виду, что фактическая потребность весьма разнообразна и сильно колеблется между разными лицами и даже у одного и того же лица в разное время. Устанавливаемые же одинаковые нормы потребления для множества населения не могут одинаково соответствовать потребностям не только разных лиц, но даже одного и того же лица в разные моменты времени. Поэтому необходимо предоставить потребителю возможно больше свободы маневрирования в пределах своей нормы. Поскольку речь идет об увеличенном потреблении лишь за счет ранее неиспользованного права

получения предметов, то такое маневрирование для государства не может представлять никакого затруднения даже в моменты наиболее массового спроса. Как общее же правило, спрос будет более или менее равномерным, поскольку колебания потребления во времени у разных лиц не совпадают и будут взаимно уравниваться.

Несерьезными нужно признать высказываемые кое-где соображения о том, что поскольку дефицит предметов потребления и их нормирование представляет собою кратковременное явление, вряд ли имеет смысл ставить вопрос о его рационализации. И кратковременные явления народно-хозяйственного масштаба необходимо продумать и максимально рационализировать. Но по нашему мнению, нормированный отпуск предметов потребления имеет вовсе не кратковременную перспективу. По целому ряду ныне дефицитных предметов потребления напряжение сможет быть изжито лишь к концу пятилетия. Особенно это касается продуктов животноводства, так как при самом быстром создании мощного социалистического животноводческого хозяйства результаты его по ряду товаров скажутся полностью лишь к концу пятилетия. Если же при этом учесть намеченный высокий темп роста зарплаты и благосостояния трудовых масс, то можно опасаться, что и к концу пятилетия спрос по отдельным товарам еще не будет удовлетворяться полностью.

Но даже в позднейший период, когда уровень потребления у нас будет значительно превышать уровень всех других стран, у нас может существовать нормированное распределение ряда товаров и услуг. Не все предметы потребления могут всегда производиться в пропорции, одинаково насыщающей потребности. При данном темпе роста доходов и при данных ценах в каждый момент некоторые товары могут оказаться в минимуме. Расширение производства этих товаров не сможет поспевать за спросом в той мере, в которой расширение производства других предметов потребления может поспевать за спросом последних. Так, например, могут оказаться большие возможности расширения производства велосипедов, автомобилей, мебели, детских игрушек, предметов парфюмерии, некоторых продовольственных продуктов при сравнительно ограниченных возможностях расширения производства других продовольственных предметов, одежды и обуви.

В капиталистических странах последнее, как общее правило, не имеет места, так как зарплата ниже того уровня, который создал бы дефицит предметов потребления. Поэтому в капиталистических странах самым узким пределом производства, фактически ограничивающим его расширение, является рынок. Производство редко расширяется до предела технических возможностей из-за ограниченности сбыта. Проблема реализации является самой острой в капиталистическом хозяйстве и давит на производство.

Если же тем не менее некоторые товары оказываются дефицитными, то избыток спроса стихийно ликвидируется механизмом цен.

Цены на эти товары поднимаются выше уровня нормальной производственной цены.

В советском же государстве действует в огромной степени плановое сознательное регулирование. Заработная плата непосредственно устанавливается государством на уровне, максимально возможном, допускаемом реальными ресурсами, т.е. наличием предметов потребления, возможностями их производства и реализации.

И тут перед советским государством станет дилемма: или приспособлять уровень заработной платы к узким местам, так, чтобы спрос на товары, находящиеся в минимуме, соответствовал предложению, или же не равняться по узким местам и повышать заработную плату выше уровня, допускаемого товарам и, находящимися в минимуме. Если государство изберет первый путь, то останутся неиспользованными возможности большего расширения производства и потребления ряда других товаров, которые не находятся в минимуме, производство которых не дошло до своего технического предела. При стремлении социалистического государства к максимальному повышению уровня благосостояния трудовых масс возможно, что оно изберет второй путь и установит заработную плату на таком уровне, чтобы полностью использовать возможности повышения потребления всех или хотя бы большинства предметов, не находящихся в минимуме. Тогда товары, находящиеся в минимуме, окажутся дефицитными, спрос на них окажется частью неудовлетворенным. В таком случае весьма возможно, что государство будет нормировать отпуск этих товаров по тем же мотивам, что и теперь, т.е. в целях равномерного распределения их, обеспечения для всех потребителей предельной нормы и в целях изжития бесполезной траты времени и сил «в очередях».

В минимуме должны оказаться не обязательно те предметы, производство которых наиболее ограничено и наименее поддается расширению, может оказаться, что производство двух товаров А и В одинаково поддается увеличению, но спрос на товар А более эластичен, чем спрос на товар В. При повышении дохода на 20% спрос на товар А увеличивается на 50%, а спрос на товар В — только на 5%. Тогда товар А будет в минимуме. Если производство товаров А и В может расширяться на 10%, то со стороны товара В уровень доходов может быть повышен значительно больше, чем на 20%, а товар А становится дефицитным даже при гораздо меньшем повышении дохода. Товар А окажется в минимуме в сравнении с В даже при значительно большей возможности расширения его производства, чем возможность расширения производства товара В. Как мы формулировали выше, в минимуме находятся те товары, возможность расширения производства которых не может поспевать за расширением их спроса в такой мере, в которой расширение производства других товаров может поспевать за спросом последних.

Разумеется, что дефицит, о котором мы говорили, вовсе не вытекает из пессимистической оценки будущего. Он совместим с самым

сильным оптимизмом. В указанной трактовке дефицит является структурным результатом самой сущности советского строя с его социалистическим устремлением к максимальному повышению благосостояния народных масс. Нельзя смешивать понятия о товарном дефиците в смысле неудовлетворения платежеспособного спроса с понятием о низком потреблении. Первое зависит не только от уровня потребления, но и от уровня дохода; оно идентично избытку спроса, который может получиться и при высоком потреблении в результате еще более высокого спроса. Наоборот, низкий уровень потребления и острая неудовлетворенность потребности вполне совместимы с отсутствием товарного голода, даже с кризисом сбыта при еще более низком уровне дохода. Таким образом, товарный дефицит — это вовсе не признак бедности и низкого потребления.

Независимо от перспектив на следующее пятилетие, во всяком случае, в ближайшие годы проблема рационализации нормированного отпуска товаров является весьма актуальной и отвод этого вопроса из-за, якобы, кратковременности нормирования мы считаем просто недоразумением и результатом косности мысли, проявляемой в отношении всяких рационализаторских предложений.

С переходом на нормирование отпуска товаров самое понятие о товарном дефиците и о товарных запасах видоизменяется. Товарный дефицит означает превышение платежеспособного спроса над предложением, что не надо смешивать с дефицитом соответствующих предметов для удовлетворения потребностей населения. Потребности, не сопровождающиеся платежным спросом, не создают товарного голода. Наоборот, может быть кризис сбыта, т.е. недостаток спроса, при неудовлетворенных потребностях населения в соответствующих предметах, если неудовлетворенная часть населения не может оплатить товар по существующей цене. Поэтому, понятие о товарном дефиците тесно связано с понятием о спросе. Понятие же о спросе меняется с введением нормированного отпуска товаров. При нормированном отпуске обладание деньгами не дает еще возможности предъявить спрос. Необходимо, чтобы держатель денег имел право (талон) на данный товар. Потребности же, не подкрепленные талоном, хотя бы платежеспособные, спроса не предъявляют и товарного дефицита, как такового, не создают.

Таким образом, нормируя отпуск товаров, мы нормируем также и самый спрос. Если только в пределах нормы товаров хватает, то товарного дефицита нет. Это, разумеется, не меняет существа дела, поскольку остается дефицит для удовлетворения нужд населения, но теоретически интересно внести ясность в категории, которыми мы оперируем при анализе экономических явлений.

Значение нормирования в смысле уменьшения спроса аналогично значению повышения цен при товарном голоде в капиталистических странах: не уменьшая потребности, оно уменьшает спрос и приводит его в соответствие с предложением. Практически это сказывается

в том, что при нормировании, как и при повышении цен, изживается одно из отрицательных проявлений товарного голода или избытка спроса в виде очередей, т.-е. бесплодной траты сил на получение дефицитного товара, подчас даже не увенчающейся успехом. (Разумеется, мы тут не приводим полной аналогии между нормированием и повышением цен, противоположных друг другу в смысле распределения. Мы только говорим об их значении в смысле снижения спроса). Это положение необходимо учитывать в тех случаях, когда нормированные товары продаются без книжек по повышенным ценам. Последние должны установиться на таком уровне, чтобы при образовании намеченных резервов бесталонный спрос равнялся предложению, т.-е. количеству товаров, выпускаемому для такой продажи. В противном случае могут образоваться новые очереди специально по бесталонной покупке нормированных товаров, т.-е. бесполезной затраты времени и сил населения. Таким образом, в отношении таких товаров спрос должен регулироваться и приводиться в соответствие с предложением обоими путями: и нормированием, и ценами.

Также и понятие товарных резервов претерпевает значительные изменения в плановом хозяйстве и, в частности, с введением нормирования отпуска товаров. В капиталистическом хозяйстве размер товарных резервов определяется потребностями рынка (не говоря в данном случае о запасах на производстве). При данном состоянии народного хозяйства имеются определенные размеры нормальных товарных резервов, соответствующих состоянию рыночного равновесия при данных ценах. Уменьшение резервов приводит стихийно к повышению цен, а увеличение резервов — к понижению цен со всеми дальнейшими последствиями. Подтоварный кредит является одним из факторов, повышающих в некоторой мере предел нормальных товарных резервов, принимаемых рынком, т.-е. не вызывающих понижения цен.

В советском плановом хозяйстве положение меняется. Во-первых, даже при рыночном ценообразовании государство может в плановом порядке производить и финансировать резервы в размерах, превышающих предел, допускаемый рынком, снимая с рынка излишек товаров в маневренный товарный фонд. Обладая таким фондом, государство может поддерживать равновесие на рынке, препятствуя повышению цен в моменты усиления спроса или уменьшения производства, выпуская в такие моменты на рынок товары из фонда.

Во-вторых, государство устанавливает твердые цены, которые не должны являться барометром стихийно-рыночного равновесия. Товарный голод и товарные резервы теперь проявляются не через колебание цен, а непосредственно. Вместе с тем отпадает и точность представления о состоянии равновесия. Теперь уже нет одного определенного уровня равновесия, отклонение от которого вызывает изменение цены. Большие или меньшие резервы могут одинаково считаться состоянием равновесия. Товарный же дефицит наступает лишь тогда, когда часть платежеспособного спроса остается неудовлетворенной.

По отношению же к нормированным товарам, как мы видим, и понятие неудовлетворенного спроса становится условным и видоизменяется.

В плановом хозяйстве возможны товарные резервы и при товарном голоде. Так, например, в последние годы перед сезоном хлебозаготовок у нас накапливаются товарные резервы к сезону за счет обострения товарного голода в предыдущий период. Это аналогично планам завоза. Планы завоза перераспределяют товароснабжение территориально, увеличивая снабжение одних районов за счет обострения голода в других. Сезонное накопление резервов за счет обострения голода в предыдущий период перераспределяет товароснабжение во времени. Тут имеется двоякого рода явление. С одной стороны, распределение в сторону равномерности, поскольку товароснабжение усиливается в районах или в периоды наибольшего спроса за счет районов и периодов меньшего спроса. С другой стороны, тут имеется концентрация, в целях экономической политики, товароснабжения в районах и в периоды, где и когда оно имеет наибольшее экономическое значение, например, в смысле влияния на заготовки сел.-хоз. продукции. В этом случае имеется явление, противоположное предыдущему: «ударное» усиление неравномерности во времени или в пространстве по степени важности для народного хозяйства данного момента или данного района.

С введением нормирования создается возможность образования постоянных повсеместных резервов наряду с товарным голодом, причем самое понятие голода становится условным.

Не „постепенность“, а развернутая социалистическая реконструкция.

Проблема животноводства встает сейчас во весь рост. Мы имеем серьезные прорывы на этом фронте. Наряду с неслыханным в истории продвижением вперед всего нашего хозяйства, мы наблюдаем факты сокращения нашего скотоводческого сектора. Этот факт должен привлечь к себе внимание всей нашей партийной и советской общности, ибо: «После зерновой проблемы, на путях решения которой партия добилась первых успехов, мясная проблема является важнейшей задачей экономической политики партии и советской власти»¹. Нужно разъяснить каждому рабочему, каждому бедняку и середняку, что только максимальным напряжением всех сил нашего Союза можно преодолеть отсталость нашего животноводства, отсталость, в основном вытекающую из того, что наше индивидуальное крестьянское животноводство с его примитивной техникой, при его низкой товарности и малой продуктивности, в обстановке развернутой классовой борьбы на селе, не поспевает за ростом потребностей в мясных продуктах, обусловленном быстрыми темпами индустриализации страны. Конечно, не малую роль в сокращении стад сыграл недород на Украине и в Крыму зерновых хлебов и трав, недород кормов во всей потребляющей полосе. Однако, корни проблемы лежат в несоответствии индивидуального животноводческого хозяйствования с процессом индустриализации страны, с процессом социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Газеты пестрят сообщениями о массовом разбазаривании скота. Бешеное сопротивление, которое оказывает кулак нашему социалистическому наступлению на селе, принимает зачастую форму открытой агитации за несдачу скота в колхозы. Процесс распродажи крестьянами скота принял угрожающие размеры и потребовал от руководящих органов самых решительных мер для приостановления этих губительных для нашего хозяйства процессов. Зарегистрированы десятки случаев массового уничтожения скота. Узнав о приезде инструктора из района для контрактации свиней, крестьяне, под влиянием кулацкой агитации, режут и колют ночью стада, озаряя заревом костров окрестности деревни².

¹ Из постановления ЦК ВКП(б) „О мероприятиях по разрешению мясной проблемы“.

² Село Ямполь, Артемовского округа, „Кочегарка“ от 17 декабря 1929 года.

Вопрос стоит таким образом, что если сейчас не навалиться всей тяжестью на эту проблему, если сейчас же не перестроиться с тем, чтобы перевести наше мелкое животноводческое хозяйство на рельсы крупного товарного хозяйствования, мы будем отброшены назад и окажемся с разрушенным мясным сектором. Партия своевременно сигнализировала опасности. Она своевременно наметила пути разрешения проблемы животноводства и мобилизовала рабочий класс на преодоление этого узкого места. Решением ЦК от 4-го июля 1929 г. по докладу Северо-Кавказского Крайкома о работе в деревне она сказала, что: «Разрешение животноводческой задачи должно идти в основном по тем же путям, по которым намечено разрешение зерновой задачи». Это есть путь реконструкции и социалистической переделки крестьянского хозяйства, путь построения больших совхозов и колхозов, разумеется, при неизменном содействии развитию индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств.

Постановление ЦК ВКП(б) о мероприятиях по разрешению мясной проблемы есть приказ о мобилизации всех сил и ресурсов для разрешения той задачи, которая, по решению ЦК, заключается в «коренной реконструкции животноводческой базы путем организации крупных государственных совхозов, развитии животноводческого товарного производства в колхозах и построении мясной промышленности на основе новейших в этой области данных иностранной техники, а также содействии развитию мясного животноводства в индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйствах».

И вот в свете этих задач мы не можем согласиться с постановкой проблемы животноводства в статьях т.т. Гаврилова и Скалыги, помещенных в № 1 журнала «Шляхи колективізації». Эти два товарища являются видными руководителями сел.-хоз. кооперации на Украине, возглавляя Колхозцентр и Зерноцентр. Их статьи, помещенные в органе союза союзов сел.-хоз. кооперации, будут на местах рассматриваться как директивы руководящих органов. Вот почему малейшая ошибка или неясная постановка вопроса может принести большой вред в практической работе. Вот почему мы считаем необходимым тщательно разобрать и до конца разъяснить ошибочные положения этих статей.

Тов. Гаврилов в статье «До суцільної колективізації районів» (К сплошной коллективизации районов) разбирает задачи районов сплошной коллективизации. Речь идет у тов. Гаврилова о показательных районах, наиболее крепких, с максимальной товарностью, с наличием индустриальных предприятий для переработки сел.-хоз. продуктов, с минимумом культ.-просветительных учреждений, с решительным перевесом бедняцко-середняцкого населения. Тов. Гаврилов ставит перед этими районами целый ряд задач. Казалось бы, от таких отборных районов можно было бы требовать обобществления всех областей сельского хозяйства. Так ли это? Приведем пункты, где у тов. Гаври-

лова говорится о задачах по обобществлению. Чтобы избежать нареканий, мы приводим весь пункт целиком:

«Пункт 2. Район, кроме полеводства, должен максимальным темпом развернуть обобществление и других отраслей сельского хозяйства: скотоводства, огородничества, садоводства и т. д.; при чем для этих областей должны быть разработаны детальные планы ихнего развертывания. Мы считаем, что огородные культуры и сады должны обобществляться вместе с полеводством. Для обобществления скотоводства и других отраслей животноводства нужна более детальная разработка плана с учетом постепенности, ибо обобществление животноводства требует значительных капиталовложений».

Как видит читатель, тов. Гаврилов для животноводства делает исключение. Во всех областях (огородничество, садоводство) он считает возможным идти путем полного обобществления и только в вопросе скотоводства, в вопросе, сейчас наиболее актуальном и требующем немедленного разрешения, он рекомендует учитывать «постепенность».

Мы прекрасно понимаем, что коллективизация животноводства — несоизмеримо более трудное дело, чем обобществление не только садоводства и огородничества, но и зернового хозяйства. Разрешение животноводческой проблемы вообще сталкивается с затруднениями, которые были неизвестны при разрешении зерновой проблемы. Этот момент отмечен тов. Изахаровичем, когда он в статье «Проблему животноводства в порядок дня»¹ пишет:

«Незасеянный кулаком клин может быть засеян и обработан обобществленным сектором или индивидуальным бедняцким и средняцким хозяйством. Для восстановления же убыли стада или создания более культурных пород нужны совершенно иные средства, а главное, время. Гораздо сложнее стоит здесь также вопрос о кадрах. Уход за живым организмом животного — на фабриках скота, мяса или молока — гораздо сложнее и труднее, чем уход за мертвым инвентарем. Проще строить, конечно, зернохранилища, чем маслозавод или мясокомбинат. Но все эти трудности преодолимы».

И это верно. С каких это пор трудности стали определять экономическую политику нашей партии? Когда партия встретила с громадными трудностями на хлебном фронте, когда кулак хлебной стачкой хотел навязать свою волю пролетарскому государству и изменить пути его развития, партия пошла наперерез трудностям, партия мобилизовала все свои силы и справилась с трудностями. Партия отбросила тех, кто криком о трудностях играл на руку классовому врагу. Наш путь развития лежит через преодоление трудностей, а не через подчинение им. Пусть правые оппортунисты придумывают теории «равновесия». У нас есть целеустремленность строящего социализм пролетариата, навязывающего свою волю и ломающего противостоящее ему. И в проблеме животноводства выход лежит не в приспособлении к трудностям, не в «постепенности», а в развернутой социалистической переделке нашего хозяйства.

¹ «На плановом фронте», № 4, ноябрь 1929 г.

Сейчас нужно собрать в обобществленном секторе основные массивы нашего производственного скота. Без этого задачи, которые стоят сейчас перед животноводством, в связи с темпами развития нашей страны, не могут быть выполненными. Решение проблемы животноводства лежит только на путях коллективизации. Конечно, мы должны всячески помогать развитию индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств, но «Вся работа системы сельско-хозяйственной кооперации по всем специальным ее отраслям должна быть подчинена основной задаче — переводу индивидуальных бедняцких и средняцких хозяйств на общественные формы хозяйства»¹.

Мы находимся на этапе, когда «колхозное движение приобретает решающее значение в существовании ленинского кооперативного плана», и тов. Голендо в своем докладе в Президиуме Госплана о «состоянии животноводства и мерах к усилению его развития» приходит к выводу, что:

«Основной путь — это форсирование развития животноводства в крупном социалистическом хозяйстве как через нагрузку достаточным количеством скота существующих государственных и коллективных хозяйств, так и путем организации новых животноводческих хозяйств» и дальше: «Перед нами стоит задача организовать продуктивное животноводство в колхозах путем его обобществления»².

Тов. Вайсберг в статье «Кооперация за планом 1929—30 року», помещенной в том же номере «Шляхи колективізації», что и статьи т.т. Гаврилова и Скалыги, пишет³:

«Центром нашего исключительного внимания зерновая проблема была. Не исчерпали мы эту проблему и сейчас. Однако, проблема животноводческой продукции и, в особенности, скотоводства становится в настоящее время не менее актуальной и острой. Ждать с этим делом абсолютно невозможно». И дальше: «Все это заставляет в 1929/30 г. выдвинуть задачу по коллективизации животноводства, как одну из наиболее ударных и актуальных задач».

Есть еще один чрезвычайно важный момент, который должен нас заставить всячески форсировать коллективизацию и который упускается тов. Гавриловым. О нем говорил тов. Чубарь на пленуме Всеукраинского Совета Союза Союзов сел.-хоз. кооперации и коллективизации. На основе существования в зерновых колхозах индивидуального животноводства происходит процесс перекачки ценностей из социалистического сектора в частно-хозяйственный. При нынешней обостренной классовой борьбе на селе этот факт приобретает исключительную актуальность. И поэтому мы считаем, что статья тов. Гаврилова неверно ориентирует низовые колхозные ячейки о необходимых сейчас мероприятиях по обобществлению сельского хозяйства.

¹ Из резолюции ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) по докладу тов. Коссиора «О сельском хозяйстве Украины и работе на селе».

² «Экономическое обозрение», № 10, 1929 год.

³ Кстати, чем объяснить, что редакция, помещая материал с противоположными установками, не считает нужным оговорить от редакции, с кем она согласна? Создается впечатление — с тем и с другим.

Тов. Скалыга поместил статью: «Зернова проблема и зернова кооперация». Казалось бы, что эта статья, намечающая пути развития зерновой кооперации, должна была бы дать ответ на вопрос о месте животноводства в зерновом хозяйстве. Она должна была бы ориентировать 85% сельских хозяйств, которые входят в район деятельности зерновой кооперации, на те исключительно большие задачи в области животноводства, которые партия сейчас возложила на зерновые хозяйства. Но напрасно вы стали бы искать в этой большой статье что-либо подобное. Те же несколько строчек, которые написаны о «скотарстве», вызывают просто недоумение. Ничего ориентирующего на боевые проблемы дня нет.

Приводим их целиком (в переводе), хотя и не хотелось бы надоедать цитированием:

«Часто можно слышать, что разрешение зерновой проблемы совершенно не связано с другими отраслями сельского хозяйства. Больше того, иногда можно слышать, что разрешение проблемы зернового хозяйства вредит скотоводно-молочному хозяйству, хозяйству интенсивных культур и т. д. Такое толкование, конечно, ошибочно. Об этом свидетельствует прошедший 1928 г., когда гибель озимых уменьшила товарные излишки зернового хозяйства в области ценных зерновых культур, таких, как продовольственные и другие. Это отразилось отрицательно и на внутреннем положении страны, и на отдельных отраслях сельского хозяйства. Про это свидетельствует депрессия в отраслях свиноводства, скотоводства, в частности, молочарства, уменьшения молодняка и пр. Так что для всех работников скотоводческо-молочной кооперации должно быть понятно, что зерновую проблему нужно разрешить так, чтобы не только ликвидировать дефицитность зерновых культур, но и, наряду с ликвидацией дефицитности, разворачивать экспорт хлеба и этим самым увеличить возможности государства в отношении импорта оборудования для строительства молочных заводов, холодильников, беконовых фабрик, комбинатов и других предприятий, которые связаны со скотоводно-молочным делом».

О чем идет речь? Почему нет ни слова о том большом значении, которое животноводство вообще имеет в зерновом хозяйстве? Неужели единственными точками соприкосновения зернового хозяйства и животноводства является тот факт, что на деньги, вырученные от экспорта зерна, можно будет покупать оборудование для бекфабрик и молочных заводов? Почему нет ни слова о том, что зерновые фабрики, механизуясь, загружаются кормами, которыми раньше кормили лошадей и которые сейчас нужно превратить в кормовую базу для крупного животноводческого хозяйства при зерновом колхозе? Почему автор молчит о том, что развитие зернового хозяйства, вообще, упрется в тупик, если оно не займется трансформацией «нерыночных продуктов» в рыночное молоко?

Мы хотели бы обратить внимание на чрезвычайно интересную статью тов. Бернгардта «К вопросам о роли животноводства в зерновой проблеме и рационализация свиноводства в ЦЧО»¹.

¹ „Вестник Животноводства“, № 10, 1929 г.

Тов. Бернгардт, на основании многочисленных вычислений, доказывает, что всякая интенсификация сельского хозяйства лимитируется развитием в нем животноводства, ибо вместе с ростом всей сел.-хоз. продукции неизбежно «огромное возрастание ее нетранспортабельности и малоценной нерыночной части». Автор сравнивает урожай трехполья с шестипольем, при чем у него получаются следующие результаты (в переводе всего урожая на кормовые единицы).

	Трехполье с 3 га	Шестиполье с 3 га
Во всем урожае всех продуктов	2.835	6.230
	100%	100%
Рыночных продуктов	2.035	2.680
	или 71,7%	или 43,1%
Нерыночных продуктов	800	3.550
	или 28,3%	или 56,9%
Затрата труда	71 раб. день	114 раб. дней
Рыночные продукты с 3 га стоят	105 р. 10 к.	152 р. 72 к.
Дневная выработка	1 р. 48 к.	1 р. 34 к.

Таким образом, мы видим, что в рыночной части своего урожая многополье дневную выработку дает ниже, чем трехполье.

Перед зерновым хозяйством встает во весь рост проблема ликвидации нерыночной части своей продукции, проблема переделки ее в рыночную и наиболее интенсивную. Эта нерыночная часть является в то же время и наиболее нетранспортабельной и поэтому проблема осложняется тем, что трансформационные процессы должны превратить эти груды нетранспортабельной и малоценной продукции в высокоценные, удобные для перевозки товары.

Мы видим, что зерновое хозяйство упирается в тупик и оно не может из него выйти без помощи животноводства. Ибо стоит только пропустить нерыночные продукты через корову, и у нас получаются изумительные результаты. Даже исходя из того, что только половина кормовых единиц пойдет на образование молока, у нас получается на каждый рабочий день добавка в трехполье 1 руб. 34 коп., а шестиполье — 3 р. 34 к.; дневная выработка составит: в трехполье — 2 р. 82 к. и в шестиполье — 5 р. 08 к. Установка на рентабельность является вообще неверной. Меньше всего следует в наше время исходить из голой рентабельности. Решающей в наши дни является не рентабельность, а эффективность. Однако, оставим рентабельность в стороне.

Как это получилось, что автор, говоря о задачах зерновой кооперации, ни слова не сказал о необходимости сейчас самого энергичного разворачивания животноводства? Почему автор ничего не сказал о той большой работе по обобществлению скота в зерновых колхозах, которую сейчас нужно провести, без чего невозможно разрешение мясной проблемы?

Сейчас Укрколхозцентр и Укрзерноцентр рассылают на места директивы, чтобы колхозы в срочном порядке подыскивали помещения для скота, занялись «відгодівлею» скота, подготовкой кормовых ресурсов и т. п. необходимых для выполнения директивы партии мероприятий.

Мы задаем т.т. Гаврилову и Скалыге вопрос: какое впечатление произведут на колхозника их статьи в журнале и помогут ли они правильной его ориентации?

Плановые комплексы¹

Комплексный характер планирования не нуждается в доказательствах. Говоря о плановом комплексе, мы имеем в виду очень сложные внутренние связи, существующие как между процессами и явлениями народного хозяйства или культуры, так и между различными способами организованного воздействия на них государства, так, наконец, и между самими народнохозяйственными процессами и методами воздействия на них, т.-е. в последнем случае — те внутренние связи, которые объединяют народное хозяйство, культуру и организованную государством хозяйственную и культурную практику в одно синтетическое целое. Плановый комплекс есть отражение объективного социального комплекса. В целях теоретического изучения можно расчленить плановый комплекс, выделяя в нем, в свою очередь, ряд комплексов: народнохозяйственный, культурный, экономической политики, каждый из которых является объектом изучения соответствующих теоретических наук. Раскрытие же всего этого сложного комплекса во всех его объективно существующих внутренних связях и закономерностях есть предмет теории планирования.

Плановый комплекс изменяется, но он изменяется, как целое, на фоне которого отдельные народнохозяйственные процессы, процессы культуры и отдельные акты экономической политики выступают, как единичные формы его проявления. Познать плановый комплекс, исходя из анализа этих явлений — и только из него, — невозможно. Если бы мы захотели выяснить содержание плановой работы, исходя из конкретных процессов народного хозяйства и культуры, из разнообразных актов экономической политики и из материального содержания тех задач, которые ставят и решают плановые органы, то мы бы растерялись перед их необозримостью и конкретностью. Но материал анализа дает нам возможность подойти синтетически к плановому комплексу — к его структуре и динамике.

Синтетический плановый комплекс, адекватный социальному комплексу, состоит из многих внутренне-связанных плановых комплексов большей или меньшей сложности. Каждая отдельная проблема планового комплекса есть, в свою очередь, сложный комплекс с более ограниченным составом технических, экономических, культурных, организационных и пр. компонентов. Каждый отдельный

¹ Из введения подготовляемой к печати работы „Теория и методы планирования“.

частный вопрос плановой проблемы может стать центром какого-нибудь планового комплекса той или иной сложности, той или иной структуры и, в свою очередь, может быть включен в качестве компонента в какой-нибудь другой комплекс. Так, например, проблема регулирования кассовых поступлений и расходов государственного бюджета, будучи центром бюджетного комплекса, входит в качестве компонента в более сложный финансовый комплекс; последний, в свою очередь, является лишь слагаемым в сложном комплексе сезонных колебаний в народном хозяйстве, в котором переплетаются комплексные проблемы сезонных колебаний в несезонных производствах, комплексы транспортных, товарооборота и т. п. Любое задание, любая кампания есть комплекс, т.-е. сплетение многих проблем, из которых каждая может быть рассмотрена и решена отдельно. Но они могут быть правильно решены, лишь имея в поле зрения весь комплекс. С другой стороны, сложнейший плановый комплекс может получить свое внешнее проявление в более простом и ограниченном по виду комплексе, в котором, однако, сконцентрированы, сжаты все особенности, все богатство содержания первого. Так, в посевной кампании концентрируются все существенные плановые мероприятия по сельскому хозяйству. Так, в комплексной проблеме себестоимости промышленной продукции сконцентрирован ряд плановых комплексов рационализации и реконструкции производства и снабжения. Такую же роль сжатого, сконцентрированного комплекса с многообразным содержанием играет непрерывная производственная неделя.

Но каждый комплекс — сложный или простой — в процессе осуществления намеченных в нем проблем и заданий дифференцируется и движется к все более и более конкретным целям и заданиям. Одна из сложнейших проблем методологии планирования — это превращение сложного планового комплекса в этапы осуществления включенных в нем заданий. Для этого необходимо разложить комплекс на его составные элементы, установить значение каждого из них для данного времени и места, установить их последовательность и отграничить основную цель и основные задания от второстепенных.

Было бы, конечно, напрасной попыткой дать заранее для любого планового комплекса, — например, для посевной кампании, которая движется от общего задания по Союзу до починки плуга в селе, — расчленение его «до конца». Расчленение комплекса имеет на каждой стадии осуществления планового задания свои пределы. Найти эти пределы, уточнить для данной стадии осуществления задания основную цель путем объединения конкретных мероприятий принципом, который бы адекватно выражал их сущность и их взаимную связь и взаимодействие, — составляет одну из серьезнейших задач планирования, которая для различных звеньев системы плановых органов всегда стоит по-разному.

Формулировка цели есть определение центра расчлененного планового комплекса, как комплекса активных целе-

направленных действий. Чтобы стать центром действий, цель должна быть ясной, понятной и действенной, т.-е. она должна быть не только названа, выделена и отличена от других, но и раскрыта в конкретном поставленном задании, которое бы включало в себе наряду с указанием, что делать, директиву — как делать.

Формулировка цели и задания, как центра соответственно расчлененного планового комплекса, представляет собой лишь исходный пункт планирования. Планирование — не конвейер, при помощи которого директивы перебрасываются от одних органов к другим. Цель должна быть достигнута и задание должно быть осуществлено, а потому цели и задания с самого начала предназначены для тех, кто их будет выполнять. Формулированная цель и задание есть, однако, не что иное, как мысль, брошенная в массы, где она проходит сложный процесс восприятия, переработки, преломления, точнее — воспроизводства. «Все, что побуждает человека к деятельности, — говорит Энгельс, — должно пройти через его сознание, но в какие формы это отольется в данном сознании, зависит от обстоятельств». Поэтому отчетливая формулировка заданий требует тщательного анализа путей их циркуляции, тщательного анализа обстоятельств, приводящих к их искажению или, наоборот, к их уточнению на основе коллективного опыта. Искажение заданий и директив в процессе их циркуляции есть не только искажение планового комплекса, но и плановый просчет, так как само искажение задания и директивы есть результат неправильного учета и анализа или отсутствия учета и анализа конкретных обстоятельств, сопровождающих «воспроизведение» задания и директивы в сознании тех, для кого они были предназначены. Планирование поэтому немыслимо без постоянного, непрерывного и всестороннего учета своего собственного опыта, т.-е. без учета практики хозяйственного и культурного строительства — этого единственного критерия правильности плановых заданий и могучего их корректора. Отсюда огромное значение для планирования не только статистики, соответственным образом организованной для этой цели, но и всех других источников информации, которые могли бы передать в неискаженном виде коллективный опыт класса. «Независимость» мнения планового органа — фикция, так как его знание фактов зависит от источника информации. Мнение планового органа всегда «зависимо», но оно может зависеть или от индивидуального опыта, или от коллективного опыта класса, от объективной классовой правды¹.

Но, учитывая коллективный опыт класса, планирование вместе с тем и само организует поведение класса — его коллективный опыт. Отсюда огромное значение самих плановых органов, как источников информации, значение их в организации классово-

¹ «Мы знаем объективную правду, входящую в опыт нашего класса. Мы знаем правду, входящую в опыт отдельного человека. Все эти — вещи разные, несмотря на свое сходство». В. Кузьмичев. Организация общественного мнения. ГИЗ, 1929, стр. 73.

вого общественного мнения, в формировании плановой идеологии, отражающей в сознании рабочего класса наиболее близкий к действительности объективный процесс планирования или, что то же, социалистического строительства. Изучение механизма организации и формирования общественного мнения является поэтому одним из вспомогательных и немаловажных орудий планирования.

Формулировкой цели, задания и директивы не ограничивается акт планирования. Мы уже указывали на то, что каждый плановый комплекс в процессе осуществления намеченных в нем задач, движется к все более простым и конкретным заданиям. План не есть нечто неподвижное: в процессе выполнения плана раскрываются его цели, скрытые в нем противоречия и скрытые в нем возможности разрешения противоречий; само содержание конкретных целей плана в процессе его осуществления меняется. Одно задание перерастает в другое; выполнение одного задания есть начало другого. Меняется содержание целей и сроки, меняются и методы достижения целей. В процессе осуществления плана планирование смыкается с той сферой оперативной работы и управления народным хозяйством, где оно принимает характер маневренных действий, где устойчивость общей цели и осуществление задания достигается умением во время изменить его содержание и переходить к намеченной цели, ухватившись то за одно, то за другое промежуточное звено.

Динамический характер плана бросает иной свет на методику его составления. План должен предусмотреть, что движение никогда не идет плавно; поэтому методика построения плана должна быть основана на учете того, как данное содержание плана будет развиваться, как цели, в нем поставленные, будут осуществляться и через какие промежуточные звенья должно будет пройти содержание плана и осуществление его заданий. Композиция плана и его форма должны быть подчинены комплексному и диалектическому характеру планирования, поэтому методика плана не есть сумма технических навыков и лежит не в сфере статистической формы и цифрового оформления плана, а в сфере воздействия на исполнителей целевых заданий плана. Поэтому как метод составления плана, так и форма плана не могут быть неподвижны: они диктуются на каждый данный момент всей социально-экономической и политической обстановкой, в которой должен протекать процесс осуществления плана. План сельского хозяйства осуществляется сейчас в обстановке обостренной классовой борьбы и путем классовой борьбы; носителями реконструкции сельского хозяйства являются сейчас обобществленные крупные хозяйства и новые энергетические центры их. Это значит, что вместе с изменением содержания сел.-хоз. плана и методов его осуществления должны быть изменены и методы его составления. Планы не отражают планирования и не являются организующими коллективное хозяйственное поведение актами, если в отображении революционных процессов народного хозяйства они ограничиваются простым описанием

или цифровыми показателями, а не дают чередования приемов борьбы во времени и в пространстве, т.-е. не дают заданий в такой их формулировке, из которой было бы ясно, как, где, в какой последовательности и что делать. Опасность бюрократизации плана заключается не только в схематизме содержания, но и в неподвижности формы, так как методика плана не должна быть менее динамичной, чем плановый комплекс, непрерывно меняющийся вместе с изменением общественных отношений производства.

Плановый комплекс изменяется, изменяется его состав, его структура — одни компоненты и даже целые комплексы отмирают, другие вновь появляются, изменяется взаимодействие элементов комплекса, изменяется центр комплекса. Еще два-три года тому назад в плановом комплексе весенней посевной кампании, в котором переплетаются и машиноснабжение, и снабжение семенами, и сел.-хоз. кредит, и коллективизация, и агротехническая помощь и т. п., коллективизация была лишь одним из компонентов комплекса, не всегда достаточно заметным. Сейчас коллективизация является центром весенней посевной кампании. Сама коллективизация является сложным плановым комплексом с направлением движения от более простых форм обобществления в колхозе до коммуны. На данной стадии коллективизации основной задачей в отношении вновь организуемых колхозов, т.-е. центром планового колхозного комплекса, является обобществление, наряду с обработкой земли, также средств и орудий производства и крупного скота. Но в рамках колхоза, как общее правило, пока еще остается в индивидуальном пользовании усадьба, огород, мелкий скот, птица и т. п. Однако, такое строение колхозов есть лишь переходная стадия. Найти момент и условия для перехода от этой формы колхоза к высшей — к коммуне — является, очевидно, следующей задачей планирования. Еще полтора года — год тому назад сел.-хоз. кооперация была одним из крупнейших компонентов сел.-хоз. комплекса. Сейчас она в районах сплошной коллективизации близка к исчезновению.

Такую же динамику структуры и центра комплекса мы можем обнаружить и в хлебозаготовительной кампании, и в капитальном строительстве, и в целом ряде других частных плановых комплексов, на которое расчленяется синтетический плановый комплекс. В текущем году мы имеем возникновение новых комплексов — социалистического соревнования, непрерывной производственной недели и др.

Найти для каждого из комплексов на каждый данный момент его центр, организующий структуру комплекса, и найти взаимодействия отдельных элементов последнего есть одна из важнейших аналитических задач практики планирования. Синтетический плановый комплекс представляет собой слитное целое, в котором переплетены процессы народного хозяйства, культуры и организованной практики государства. «Причина и следствие», «базис и надстройка», «случайность и необходимость» непрерывно меняются в нем местами. Выде-

ляя в нем в целях познавательных или в целях практических в качестве отдельного, частного комплекса ту или иную группу компонентов, мы отграничиваем, в известных пределах, следствия от причин, необходимость от случайности, рассматривая все, что остается вне выделенной группы компонентов, как некоторую «внешнюю среду» по отношению к этому частному комплексу. Так выделяются из синтетического планового комплекса отдельные отрасли народного хозяйства, а само народное хозяйство рассматривается как «среда», как «обстановка», в которой протекают процессы данной отрасли. Так, внутри отдельного отраслевого комплекса, например, промышленности, может быть выделен частный комплекс, например, мобилизация внутренних ресурсов, по отношению к которому процессы производства и обращения являются «внешней средой». Таким же путем выделяются из синтетического планового комплекса географические, районные комплексы, из которых, в свою очередь, могут быть выделены группы компонентов, по отношению к которым уже районный комплекс рассматривается как некоторая «внешняя среда». На самом деле, между всеми выделяемыми, в качестве самостоятельных комплексов, группами компонентов нет границ, но есть сплетение различных процессов, идущих с различной скоростью по различным направлениям, но в практике плановой работы это расчленение сложного комплекса на более простые происходит непрерывно и является серьезнейшим орудием планирования. Граница, по которой проходит расчленение планового комплекса, постоянно меняется; она определяется, подобно центру комплекса, как природой хозяйственного процесса на данном его этапе, так и целью, которую в данный момент себе ставит плановый орган. Если, например, еще в 1928/29 г. проблема ликвидации кулацких групп населения как класса, будучи компонентом синтетического комплекса генерального плана, оставалась за пределами сельско-хозяйственного комплекса на соответствующий год, то уже в 1929/30 г. этот компонент неизбежно и обязательно входит в сельско-хозяйственный комплекс именно для данного года. Если социалистическое соревнование, на значение которого для социалистического строительства указывал еще Ленин, не входило в 1927/28 г. в комплекс производительности труда или снижения себестоимости, то во второй половине 1928/29 г. и в 1929/30 г. оно уже не могло оставаться за пределами этих комплексов. В основе, так называемых, «плановых просчетов» лежит вовсе не то, что неправильно или неточно исчислен конечный результат; последнее — лишь следствие либо неправильного расчленения планового комплекса и неправильного его анализа, либо — отсутствия анализа комплекса вообще.

В связи с проблемой расчленения планового комплекса, правильного отграничения пределов отчлененного — более простого — комплекса и определения центра последнего, находится очень серьезный вопрос об образовании новых компонентов и новых комплексов. В 1922/23 г. на Украине были организованы двумя организациями —

Джойнт'ом и Село-Техникой — тракторные колонны. Колонны эти оказались нежизненными и прекратили свое существование¹. Еще в 1927/28 г. машинно-тракторная станция при совхозе им. Шевченко была единственной как энергетический центр сельского хозяйства. Но уже контрольными цифрами народного хозяйства на 1929/30 г. запланировано развернуть не менее 100 машинно-тракторных станций с охватом до 2 млн. га пашни.

В плановой работе единство производительных сил и общественных отношений производства, на которое мы воздействуем под углом зрения поставленной планом цели, и имея в качестве предпосылки народнохозяйственное целое, всегда выступает перед нами как «единичное» и «конкретное», в котором планирование народного хозяйства должно суметь видеть общее и направлять, в соответствии с конечной целью социалистического строительства, по определенному руслу все конкретные проявления хозяйственной и культурной работы. Но это «конкретное» и «единичное» выступает перед нами и в другом виде — как носители социальных новообразований, как «случайное» и «несущественное», которое, накапливаясь и развиваясь, превращается в конкретную необходимость, в неизбежный компонент планового комплекса, могущий заместить собой и устранить другой или другие компоненты этого комплекса и изменяющий качество последнего. Индивидуальные черты народнохозяйственных процессов и плановых мероприятий, будучи несущественными и случайными по отношению к общим закономерностям социалистического строительства на данном его этапе, могут оказаться, как мы это видим на примере машинно-тракторных станций, как раз необходимым условием для этого строительства на следующем этапе.

Но индивидуальные черты народнохозяйственных процессов и планирования могут оказаться и тормозом для строительства на следующем этапе. Так, специфические условия электроснабжения, влекущие за собой в том или ином районе строительство или «оживление» блок-станций, могут создать огромные затруднения для плановой электрификации этого района; укрепление путем нового капитального строительства старых промышленных районов и разрастание старых промышленных центров может затруднить планомерное решение транспортной проблемы и проблемы уничтожения грани между городом и деревней.

Динамика плановых заданий и плановых мероприятий, изменение их качества в силу внутренней логики их развития и развития «среды», перерастание одних заданий и одних мероприятий в другие, по внешнему виду как будто отличные, — таковы черты планового комплекса как в его синтетической цельности, так и в его расчлененности.

¹ См. А. М. Маркевич. Межселенные машинно-тракторные станции. Изд. «Плановое Хозяйство», 1929 г., стр. 32.

Но плановый комплекс и его динамика чрезвычайно сложны: ни один народнохозяйственный процесс, ни одно мероприятие не определяется одной только внутренней логикой своего собственного развития; пересечение различных причинных рядов в плановом комплексе неизбежно. «Случайное», в таких случаях, может стать «возбудителем» нового планового комплекса. Так, голод 1921 г. поставил проблему борьбы с засухой; так, метеорологические условия зимы и весны 1928 г., которые в комбинации с прогрессивным процессом перераспределения посевов озимых и яровых, нанесли удар сельскому хозяйству именно тех районов, где эти прогрессивные процессы имели место, выдвинули перед сельским хозяйством степной полосы ряд новых задач; так, наводнение в Ленинграде в 1924 г. поставило проблему защиты города от наводнений и привело к тщательно проработанной системе подготовки на случай повторения бедствия.

Изучение «единичного», «случайного», «отклонений», как закономерных форм проявления конкретной необходимости, является не менее важным орудием планирования, чем изучение самих закономерностей, так как здесь заключена основная, определяющая проблема переходного периода — проблема новаторства в области техники, в области общественных отношений производства, управления, культуры и быта. Только путем систематического накопления отклонений от «нормы», унаследованной нами от прошлого во всех областях нашей производственной, общественной и индивидуальной жизни, старый капиталистический мир превратится в новый мир — социалистический. Этот процесс возникновения общественных новообразований путем отклонения от нормы есть мучительный процесс борьбы, процесс ломки, процесс великих страданий, но и великой радости творчества новых форм жизни.

Комплексный характер планирования определяет место последнего в советском строительстве. Нет ни одного планового комплекса, в котором не была бы включена, в качестве компонента, проблема организации, и нет ни одной проблемы организации, решение которой не было бы подчинено плановому началу хозяйства. Не случайно поэтому проблема районирования, как система административно-хозяйственного управления страной, была поставлена с самого начала, как проблема планирования. Не случайно и XV съезд партии отметил важность районирования и необходимость скорейшего его завершения именно в своих директивах по пятилетнему плану, а первый год осуществления пятилетнего плана был годом завершения районирования.

Оформление плановой работы и успехи планирования влекут за собой ряд организационных перестроек в советском аппарате. Само учреждение Госплана в феврале 1921 г. повело за собой в марте того же года создание плановых комиссий при наркоматах, организационно включивших оперативную работу в русло планирования.

Этапы организации оперативной работы находятся в полном соответствии с этапами планирования народного хозяйства и обратно.

Еще IX съезд Советов, положивший начало трестированию промышленности, отметил определяющее значение «общегосударственного плана» в организации промышленности¹. С того времени организационная структура промышленности претерпела значительную эволюцию. Характерно в этом отношении различное определение понятия треста, которое мы имеем в редакции декрета о трестах 10 апреля 1923 г. и 29 июня 1927 г. Первый декрет понимал трест, как государственное промышленное предприятие, которому предоставляется самостоятельность в производстве своих операций и которое действует «на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли». Редакция второго декрета, сохраняя принцип «коммерческого расчета», исключает, однако, критерий «извлечения прибыли» и заменяет его принципиально иным критерием — соответствием деятельности предприятия плановым заданиям, надлежащим образом утвержденным². По мере того, как усиливалось плановое начало в промышленности, усиливалось и централизованное воздействие на решение крупнейших оперативных вопросов — производства, строительства, снабжения, сбыта и финансирования; функции планирования смыкаются в промышленности с функциями оперативными при одновременном усилении и поощрении инициативы низшего производственного, исполнительного звена промышленности — предприятия. Первым опытом организационного оформления этого процесса является передача функций Главного управления текстильной промышленностью Всесоюзному текстильному синдикату. В последнем постановлении ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. этот опыт распространяется на всю промышленность в форме организации «объединений предприятий», которым передаются функции главных управлений, с одной стороны, и функции синдикатов — с другой. Наряду с синдикатскими функциями, «объединения» выполняют функции планирования производства и капитального строительства.

Та же эволюция планирования привела к превращению комиссии по регулированию цен, созданной при Совете Труда и Обороне в связи с осенним кризисом сбыта 1923 г., в Народный Комиссариат Внутренней и Внешней Торговли с разносторонними функциями — опера-

¹ «Хозяйственный расчет и общегосударственный план промышленности, основанный на точном учете ресурсов, должны лежать в основе ведения всей государственной промышленности». Девятый Всерос. Съезд Советов 22–27 декабря 1921 г. Стеногр. отчет, стр. 281.

² «Государственным промышленным трестом признается государственное промышленное предприятие, организованное на основе особого устава в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на пай капиталом, состоящее в ведении одного, указанного в уставе, государственного учреждения и действующего на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями, утвержденными упомянутым учреждением». (Собр. Зак. 1927 г. № 39, ст. 292). Последнее постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации управления промышленностью отбрасывает уже и понятие «коммерческого расчета» и заменяет его понятием «хозяйственного расчета».

тивными и плановыми. Комплексный характер планирования не допускал изолированного регулирования, и внутренняя логика регулирования цен неизбежно должна была привести к планированию всего процесса товарного обращения. Но и планирование товарного обращения невозможно без активного вмешательства в процессе производства, поэтому, если Наркомторг СССР в планировании обращения промышленных товаров мог опереться на плановую деятельность союзного ВСНХ, то в планировании обращения сел.-хоз. товаров ему нередко самому приходилось выполнять роль союзного НКЗема. Но, в самой постановке задач реконструкции сельского хозяйства произошли крупнейшие изменения. Колхозное строительство превратилось в центр сел.-хоз. планового комплекса, с включением в последний, как одного из основных компонентов обобществления и реконструкции сельского хозяйства, крупных совхозов, а также крупных производственных организаций. Изменился и метод расчленения сел.-хоз. планового комплекса, в котором «крупное земледелие начало перерастать рамки национальных государств». Указанным изменениям планового комплекса уже не могло удовлетворять одно только единство общесоюзного сел.-хоз. плана при разобщенности руководства его осуществлением. Учреждается поэтому Объединенный Союзный Народный Комиссариат Земледелия¹.

В том чрезвычайном интересе, который в последнее время советская общественность и советское строительство обнаруживают к организационным проблемам и, в частности, к проблеме реорганизации советского аппарата, крупнейшую, если не исключительную роль сыграло огромное усиление плановости и планового начала в хозяйстве и культуре нашей страны. Реорганизация промышленности, торговли и транспорта, реконструкция финансовой системы и кредита, произведенная уже реорганизация статистики и предстоящая реорганизация самих плановых органов — все эти проблемы советского строительства самым тесным образом связаны с эволюцией планирования, с превращением его из суммы плановых мероприятий, основанных на годовых контрольных цифрах народного хозяйства, в комплекс перспективного планирования, обеспечивающего переход от экономики переходного времени к социализму.

¹ Мотивировку к образованию НКЗема СССР — см. резолюцию Пленума ЦК ВКП (б) 10—17 ноября 1929 г. по докладу т. Молотова о союзном НКЗеме. Партийное строительство, 1929 г. № 2, стр. 84—85.

Крушение американского „процветания“

I.

Быть может, никогда различие между плановым хозяйством и хаотической сущностью капитализма, даже самого организованного, не обнаруживалось столь ярко, как в последние месяцы прошлого года, во время краха Нью-Йоркской биржи. И разве не является в высшей степени характерным, что в то время, как в Советском Союзе шла напряженнейшая работа над пятилеткой, над построением конкретной и реальной картины близкого будущего, этой до осязаемости ясной и достижимой цели социалистического строительства,—научная мысль сильнейшей империалистической страны оказалась в состоянии создать лишь труд, посвященный прошлому,—сумела лишь констатировать «Новейшие экономические изменения в С.-Штатах»¹, происшедшие за период времени от 1922 по 1923 года (?). Конечно, трудно ожидать, чтобы экономическая мысль страны, убаюканной навязчивой идеей «процветания», буржуазная мысль, стремящаяся отнюдь не к переменам, а лишь к изысканию средств продлить это пресловутое «процветание» как можно дольше, уберечь свой земной рай от посторонних влияний, как можно прочнее,—чтобы эта мысль оказалась в состоянии прозреть будущее хотя бы в самой ничтожной степени. И действительно, не только отдельные ученые экономисты, но и научные учреждения Америки—почти накануне биржевого кризиса—чаще всего высказывали абсолютную уверенность в невозможности каких бы то ни было потрясений хозяйства С.-Штатов и безмятежно смотрели в будущее через гуверовские розовые очки. Предостерегающие голоса были лишь редким исключением.

На 16-й ежегодной конференции, посвященной вопросам промышленности и торговли («16 Annual National Business Conference»), известный экономист и знаток биржи Роджер В. Бэбсон (Roger W. Babson) высказался в том смысле, что ненормально высокие курсы биржевых бумаг рано или поздно пойдут вниз, и тогда неизбежно наступит биржевой крах. Не лишено интереса, что самым решительным образом против этого взгляда выступил никто иной, как Ирвинг Фишер (Irving Fisher), известный американский экономист, произведения которого пользовались популярностью и у некоторых из наших специалистов по мировому хозяйству. По мнению Фишера рост биржевых курсов является прямым следствием процветания, «Prosperity»—американского хозяйства. По его вычислениям доходность основных промышленных бумаг на протяжении года поднялась всего от 2½ до 3%, несмотря на высокий биржевой курс. Быть может некоторое падение курса и наступит, но, чтобы дело дошло когда-либо до бир-

¹ „Recent Economic changes in the United States“. Такое заглавие носит, как известно, отчет „Комиссии Гувера“ („Committee on Recent Economic changes of the Presidents Conference on unemployment“).

жевого краха, какой предвидит Бэбсон,—об этом Фишер не допускает и мысли. Poleмика перешла на страницы журналов и столбцы газет; нужно ли прибавлять, что мнение Фишера оказалось преобладающим? Это в особенности произошло тогда, когда к авторитетному экономисту присоединилось авторитетное учреждение. Еще 5 октября прошлого года, т.е. почти накануне биржевого краха «Гарвардское Экономическое общество» («Harvard Economic Society») выпустило свой еженедельный бюллетень, в котором недвусмысленно высказало взгляды, весьма близкие к взглядам Фишера. Правда, в последние недели падение биржевых курсов было значительнее, чем в мае 1929 г., или в июне и декабре 1928 г., или, наконец, в октябре 1927 г. Однако, «это падение, по нашему мнению, не послужит началом длительного периода ликвидаций, а скорее всего, как это имело место при всех падениях курса акций с 1921 г., окажется преходящим».

Само собою разумеется, что подобного рода манифестации способны были парализовать недоверие, если оно у кого-либо возникало. Тем более, что поддерживать оптимистические настроения в кругах, заинтересованных в биржевой игре, составляло профессиональную задачу спекулянтов. Разразившийся во второй половине октября прошлого года биржевой крах оказался поэтому для большинства громом с ясного неба.

Подъем курсов акций на Нью-Йоркской и других американских биржах начался вскоре после кризиса 1921 г. Это поступательное движение биржевых курсов было прервано в 1923 г., затем весной 1925 и весной 1926 г.г. Падение курсов было довольно значительно в особенности в этом последнем году. Что же касается декабря 1928 г., то в это время снижение курса было лишь незначительным эпизодом, после которого вскоре наступил новый подъем, продолжавшийся до марта 1929 г. Постепенно снижаясь, курсы достигли в мае снова довольно низкого уровня. И это было уже несомненным и непосредственным, хотя и весьма кратковременным и преходящим результатом политики резервного банка, повысившего учетный процент,—равно как и отказа других нью-йоркских банков в финансировании фондового рынка. В конечном счете эта политика потерпела полную неудачу. Очевидно, однако, кое-где уже становилось ясно, что между развитием народного хозяйства и лихорадочным ростом биржевых ценностей нет прежнего соответствия. Тем не менее, курсы бумаг продолжали расти, хотя и с известными колебаниями. Но, странным образом, чрезвычайно высокий уровень их в сентябре и в первой половине октября сопровождался уже довольно частыми «ликвидациями». Причиной этого является то, что, по вычислениям уже упомянутого Роджера Бэбсона, из всех котирующихся на Нью-Йоркской бирже акций в поступательном движении участвует лишь около половины их. Курс же остальной половины в сентябре 1929 г. был ниже, чем в начале этого года. Очевидно, сентябрьские ликвидации связаны со спекуляциями именно этими акциями. Это уже были первые предвестники кризиса.

Мало-по-малу признаки сгущались. Начали заметно падать в цене акции предприятий второстепенных. Затем к ним стали присоединяться и акции предприятий крупных, «солидных», составляющих гордость американской индустрии. Характерно, что первые крупные продажи акций были произведены банками и различными организациями, специализировавшимися на биржевой игре. «Большая публика», благодаря таким оценкам положения, как приведенное выше выступление Ирвинга Фишера, благодаря успокоительным заверениям различ-

ных ответственных и официальных лиц, банкиров и членов правительства — вплоть до президента республики, — несмотря на сгущающиеся тревожные признаки, все еще оставалась спокойной. Но снежный ком нарастал и превратился, наконец, в лавину. Биржей овладела паника, и курсы акций всех предприятий стремительно полетели вниз. Не сбылись предсказания ни Ирвинга Фишера, ни Гарвардского экономического общества, ни тех многочисленных конъюнктурных бюро, которые выросли в последнее время и составляют необходимый элемент крупных промышленных, торговых и финансовых предприятий. «Быть может, никогда еще весь сонм «предсказателей» так не ошибался и не проявлял в такой степени свое неумение предсказать события в области финансов и хозяйства, как на этот раз» — замечает Нью-Йоркский «Journal of Commerce» уже в номере от 15 октября — как сообщает «Правда»¹.

Наступивший биржевой крах развивался спорадически. Первым днем «больших продаж» биржевых ценностей было 18 октября. В этот день на бирже было продано 3.498.600 акций; на следующий день это огромное число несколько уменьшилось: продано было «всего» 3.484 тыс. акций. Однако, если принять во внимание, что в этот день была суббота, когда биржа закрывается значительно ранее обычного, то эта цифра окажется еще более внушительной, чем предыдущая. Для субботы «Financial News» называет ее «беспримерной». Не удивительно, что уже в понедельник — в следующий биржевой день — эта цифра оказалась выросшей вдвое. Продажа акций достигла числа 6.084.100. Дело принимало оборот крайне серьезный, ибо стали уже образовываться специальные «пулы» («pools»), играющие на понижение. Участились банкротства. Один за другим кончали с собой разорившиеся миллионеры. И как раз в этот момент крупные банки, которые в свою очередь стали нести значительные потери, решили предпринять известные шаги к «спасению положения».

В штаб-квартире монополистического финансового капитала, в банке Моргана, под его личным руководством и председательством состоялось совещание, которое решило, во-первых, выступить с успокоительными заверениями и таким образом смягчить панику и, во-вторых, ассигновать известную сумму на покупку падающих акций с тем, чтобы, если не остановить окончательно, то все же смягчить их падение. Верили ли сами «банкиры» в действительность своих мер? Это весьма возможно, так как одним из распространеннейших объяснений причин биржевого краха было объяснение «психологическое», наиболее ярким представителем которого являлся все тот же Ирвинг Фишер. Вопреки упомянутому факту, что «публика» в сущности держалась тверже тех же банков и стала продавать свои акции, когда понижательное движение уже началось при участии банков,—этот ученый экономист винит во всем «паническую психологию толпы». Из последовавших затем попыток оздоровления этой психологии едва ли не самой типичной является выступление известного миллиардера и председателя «Bathlehem Steel Corporation» — Чарльза Швоба. Сославшись на небывалую цифру производства стали в 1929 г. (на 10% больше чем в 1928 г.), Швоб замечает: «Труд в общем (!) целиком занят в настоящее время. И если сохранится равновесие между производством и потреблением, я не вижу причин, почему бы наше (sic!) процветание не продолжалось бесконечно»...

¹ Л. Б. Развитие Кризиса в САСШ. «Правда», № 296, от 16/XII 1929 г.

«Психика» плохо поддавалась подобным воздействиям. Действительнее был второй из упомянутых «аргументов» банкиров. Скупка ими значительных количеств акций имела своим последствием заметное, хотя и временное, улучшение положения на бирже: 22 октября было продано 4.110.700 акций, или на 50% меньше, чем в предыдущий день. Но уже на следующий день все предыдущие продажи оказались превзойденными: 6.368.600 акций «переменили своих владельцев». И тем не менее, этот день оказался лишь переходным к еще более тяжелому дню — дню 24 октября, который получил выразительное название «черного четверга». Количество проданных акций достигло рекордной цифры в 12.880.900 штук.

Положение становилось все серьезнее. Над отдельными лицами и над финансовыми организациями тучи сгустились. Совершенно естественно, что «банкиры» стали налегать на аргумент более действительный. Они образовали банкирский «пул» с капиталом в один миллиард долларов. И вначале средство как будто бы действует. Цифра продаж спускается 25-го до 5.910.900, а 26-го — даже до 2.081.911. Но огонь оказывается все-таки отнюдь не потушенным. Немедленно он разгорается с новой силой, и уже 27-го число продаж возрастает до 9.199.700, чтобы подняться 29-го до чудовищной цифры в 16.388.700. А если к этому прибавить еще 7 млн. акций, проданных в тот же день на, так называемом, Curb - Market (вне биржи), то общее число акций, перешедших в этот день с понижением цены в другие руки, окажется совершенно неслыханным: около 23½ млн. Так возник второй «черный день», сразу поднявший общую цифру продаж в течение декады почти до 80 млн. акций. Всего в октябре было продано 141.667.300 акций, что составляет неслыханный месячный рекорд. Характерно, что эту изумительную текучесть обнаружили отнюдь не какие-либо акции второго сорта. Самые лучшие бумаги, «аристократы» фондовой биржи, продавались десятками и сотнями тысяч. А такие первоклассные ценности, как акции «General Motors» были 29 октября проданы в количестве 971 тыс. штук, т.-е. немногим меньше миллиона! Акции «Radio Corporation» — оставили своих прежних владельцев в числе 338 тыс., акции «United States Steel Corporation» — в числе 308 тыс. и т. д.

Уже эти огромные цифры дают представление о размерах краха; еще яснее говорят об этом те колоссальные суммы, какие были потеряны вследствие обусловившего рост продаж падения курсов.

На Нью-Йоркской бирже было зарегистрировано и котирувалось в конце прошлого года всего 1.279 различных акций. Общая ценность их 1 октября составляла ни больше ни меньше как 87 миллиардов долларов! И только 240 из этих акций по 20 октября включительно потеряли, по подсчетам газеты «New - York Times» 15,9 млрд. долларов. Рост курсов и биржевая горячка подняли ценность акций 30 наиболее типичных предприятий от средней ценности в 166,04 доллара в 1926 г. — до 381,17 долларов в 1929 г. Этой же цифры достигли акции 3 сентября. А 29 октября, в день максимального октябрьского падения ценности, они строили в среднем уже только 182,48 доллара, т.-е. упали в два раза слишком. В этот день потери одного только часа достигали 2 млрд. долларов!

К акциям, принесшим наиболее чувствительные убытки, принадлежат акции таких капиталистических гигантов, как «American and Foreign Power» (дочернее общество «General Electric»), «American Telephone and Telegraph», «General Electric», «Bethlehem Steel», (не помог оптимизм Швоба!) — и «U. S. Steel Corporation» — т.-е. акции крупнейших образований монополистического капитализма. Но пострадали акции в с е х

предприятий, о чем свидетельствуют многочисленные таблицы, изображающие движение ценности акций, помещенные в американских газетах и журналах. Мы приведем здесь только несколько цифр этого рода, сгруппированных в следующей таблице.

Изменение курса акций важнейших американских предприятий
в 1928 и 1929 г.г. (в долларах)

Предприятия	1928 г.		1929 г.			
	Январь	Высший курс	Высший курс	23-го октября	Нисший курс 29 октября	Заключ. курс 30 октября
General Motors	130,00	225,00	92,00	57,50	33,50	49,75
U. S. Steel Corporation	144,00	172,00	262,00	204,00	166,50	185,00
Stand. Oil of New-Jersey	38,00	60,00	83,00	73,50	50,00	65,50
General Electric	130,00	220,00	403,00	314,00	210,00	295,00
Americ. Telef. and Telegraph	138,00	211,00	310,50	272,00	204,00	240,00
Radio Corporation	88,00	400,00	115,00	68,50	26,00	45,75
Amer. and Foreign Power	22,00	85,00	199,00	112,00	50,00	74,75
Allied Chemical	150,00	252,00	355,00	286,50	210,00	228,50

Данные таблицы типичны. Они ясно показывают, каким образом и в каких пределах происходили колебания курса. После 30-го октября значительных перемен не наступило. В результате «интервенции» банкиров средний курс упомянутых уже 30 основных акций поднялся было до 278 долларов слишком. Но 13 ноября он снова испытал пароксизм понижения.

Все эти обстоятельства глубоко отразились на жизни предприятий и отдельных лиц. На бирже и около биржи господствовал неопишуемый хаос. Число банкротств и самоубийств росло. К ряду «миллионеров», соперничавших друг с другом в выборе средств к переселению в потусторонний мир, стали присоединяться случайные гости биржи, те, кто, не делая из этого для себя профессии, был вовлечен в биржевую игру заразой всеобщего ажиотажа. Недаром даже такой сухой журнал, как «Financial and Commercial Chronicle», писал в номере от 2 ноября: «текущая неделя принесла с собою величайшую катастрофу, какую биржа когда-либо перенесла. Она повлекла за собою несчетное количество горя и несчастия, связанного с денежными потерями таких колоссальных размеров и охватывающих такие широкие круги, что она, бесспорно, не имеет себе равной во всей истории биржи». Попытки банкиров и других лиц задержать крах имели лишь то последствие, что картина краха все еще не дает представления о его действительных размерах. Ибо, как выражается корреспондент «Frankfurter Zeitung»¹, «только будущее покажет, является ли та или иная фирма, которая получила поддержку и обладает всеми видимыми признаками здоровья, действительно жизнеспособной или она представляет из себя лишь искусно поддурманный труп».

Таково явление. А его причины? Постараемся в них разобраться. При этом мы начнем с тех из них, которые непосредственно связаны с самою биржей, с природою ее операций. Мы увидим, что этот путь

¹ См. № от 31 октября 1929 г.

неуклонно приводит нас к причинам иного порядка, к явлениям более глубоким, которые обнаружат, что биржа является лишь их простым отображением.

II.

Выше мы видели, что биржевому краху в Нью-Йорке предшествовал продолжительный период роста биржевых ценностей; мы видели, как с немногими перерывами курс котирующихся на бирже акций непрерывно нарастал вплоть до первых дней кризиса. В особенности резкое повышение курса биржевых бумаг началось со второго квартала 1928 г., когда между действительной ценностью акций, приносимым ею дивидендом и ее биржевой ценой утратилось всякое соответствие. На бирже установилось то специфическое состояние, которое носит выразительное название «бума». За акции уплачивались огромные суммы, ибо продажа их на следующий день, часто уже через несколько часов, а иногда и минут — приносила несравнимые ни с каким дивидендом барыши. На бирже и вокруг биржи циркулировали колоссальные суммы; финансирование биржевой спекуляции требовало неслыханных средств. Откуда же брались все эти миллиарды, из какого источника черпала спекуляция свои средства? Поддается ли ее фонд какому-либо учету?

По последнему вышедшему накануне биржевого краха бюллетеню «National City Bank» кредиты, предоставленные банками, от 15,2 млрд. долларов в 1922 г. возросли до 22,4 млрд. в 1929 г.: прирост на 7,2 млрд. Эти суммы обнимают как кредиты чисто коммерческие, так и помещение сумм банков в акциях и облигациях и ссуды под ценные бумаги. Но эти последние как раз и образуют собою средства, предоставленные банками для спекуляции, ибо заклад ценных бумаг производился именно с этой целью. Как же распределялись означенные 7,2 млрд. прироста? Коммерческие кредиты увеличились за 7 лет на 2,1 млрд. долларов. Суммы, затраченные банками на приобретение акций и облигаций, возросли на 1,3 млрд. Зато ссуды под ценные бумаги разбухли на целых 3,8 млрд. долларов, увеличившись от 3,75 млрд. до 7,55 млрд. долларов. Увеличение банковского кредита для целей биржевой спекуляции превышало, следовательно, на 1,7 млрд. увеличение кредита, предоставленного промышленности, и на 1,3 млрд. банки самостоятельно приобрели акции и облигации, что, естественно, не могло не вызвать повышения их курса. Необходимо при этом подчеркнуть, что данные «National City Bank» — относятся только к тем банкам, которые входят в федеральную резервную систему (около $\frac{1}{3}$ всех американских банков), так что размеры участия всех банков в финансировании спекуляции в действительности еще гораздо значительнее. В полном соответствии с этим находится то обстоятельство, что учетная ставка Нью-Йоркского Федерального Банка после депрессии 1924 г. и впредь до второго квартала 1928 г. остается на низком уровне, не превышая 4%. Правда, несравненный разгул спекуляции заставляет Федеральны́й резервный банк — как мы уже вскользь упоминали — сделать попытку обуздания биржи, и он повышает учетный процент сначала до $4\frac{1}{2}\%$, затем до 5% (в июле). Однако, все оказывается тщетным; спекуляция разрастается. В августе 1929 г. Федеральны́й резервный банк повышает учетный процент даже до 6%. Но и эта мера, как мы уже видели, оказывает лишь весьма кратковременное влияние; после некоторой заминки спекуляция бушует снова. Она продолжает располагать достаточными денежными средствами. И если вначале эти средства доставлял дешевый кредит, то в 1928 и 1929 г.г. росту их

не могла воспрепятствовать даже его дороговизна. Барыши от биржевой спекуляции были столь значительны, что с избытком покрывали всякий расход.

В «технике» биржевой игры значительную роль играют маклеры, маклерские фирмы и профессиональные спекулянты. Строгие правила, существующие для маклеров на Нью-Йоркской бирже, ставят их в особые условия. Простая отсрочка платежа с их стороны неизбежно влечет их удаление с биржи. Форма кредита, которою пользуются эти, так называемые, «брокеры» («brokers»), — кредит, возвращаемый по первому требованию (on call). И о том, в какой степени нарастала активность этих истинных возбудителей биржевой агитации, говорят изменения, происходившие в, так называемых, «брокерских займах» («broker loans». Эти займы за время от 1922 г. по 1928 г. включительно в Нью-Йоркских городских банках — членах возросли больше, чем на 5 млрд. долларов, тогда как вклады в эти банки за то же время увеличились меньше, чем на 2 млрд. долларов. Вот несколько цифр, характеризующих рост «брокерских займов» в целом:

Рост брокерских займов с 1926 г. по 1929 г.

(в млн. долларов)

Январь 1926	3.513
„ 1927	3.139
„ 1928	4.420
„ 1929	6.635
Февраль „	6.679
Март „	6.804
Апрель „	6.775
Май „	6.665
Июнь „	7.071
Июль „	7.474
Август „	7.882
Сентябрь „	8.549

Как видим, увеличение с января 1926 г. по октябрь 1929 г. (все цифры таблицы относятся к концу месяца), т.е. за 3 и $\frac{2}{3}$ года, составляет 5,04 млрд. долларов! В соответствии с развитием спекуляции прирост брокерских ссуд был особенно интенсивен в 1928 (в особенности за последнюю треть года) и в 1929 г.г., когда за 8 месяцев прирост достиг почти 2 млрд. долл. В то же время, естественно, изменялся и частный процент по бессрочным ссудам. Если в середине 1928 г. он составлял только 6%, затем 7%, — то к концу 1928 г. достигал уже 10 и 12%. Непомерно увеличился учетный процент по бессрочным ссудам в 1929 г. В марте он стоял на небывалой высоте в 20%, чтобы снизиться затем в мае до 15% и в сентябре — до 10%. Снова мы должны сделать вывод, аналогичный сделанному уже выше. Если бессрочные ссуды брокеры могли находить «по дешевой цене» еще в середине 1928 г., то уже в конце этого года и, в особенности, в середине 1929 г. высокий процент уплачивать было выгодно, ибо затрата по кредиту оказывалась совершенно ничтожной, по сравнению с теми чудовищными барышами, какие получали маклеры.

Таким образом, развитие брокерских займов самым красноречивым образом свидетельствует о нарастании деятельности брокеров, а, следовательно, и об увеличении, если не вызываемой, то весьма существенно подогреваемой ими спекуляции. Совершенно очевидно, что условия биржи в известный момент оказались чрезвычайно благоприятными для деятельности брокеров. Но не менее очевидно и то, что деятельность эта, в свою очередь, должна была в высшей степени содей-

ствовать дальнейшему развитию ажиотажа и спекуляции. Однако, на протяжении последних месяцев перед крахом в составе брокерского кредита произошли некоторые, весьма интересные перемены. В чем же они заключались? На этот счет дают указания отчеты Федерального резервного банка. Эти отчеты касаются только федеральной резервной системы; поэтому они не обнимают в с е г о кредита. Без особой натяжки мы можем, однако, допустить, что особенности, выявившиеся в практике резервных банков, отличают практику с брокерами и всех остальных банков.

Резервный банк делит ссуды брокерам на 3 части. Первая рубрика содержит суммы, принадлежащие Нью-Йоркским банкам, вторая—провинциальным, наконец, третья—те, которые составились из вкладов различных предприятий и частных лиц. В середине 1926 г. все категории в одинаковой степени участвовали в финансировании брокеров. Но ко времени биржевого подъема—в 1928 г.—сильно разрастается первая категория, заметно меньше становится вторая, на последнем месте оказывается третья. Банки ссужали брокеров теперь в размере 76%, а предприятия и отдельные лица только в размере 24%. После этого, Нью-Йоркские банки стараются мало-помалу уменьшить свою долю за счет увеличения доли провинциальных банков. В то же время уже в июне 1928 г. доля „третьей“ категории почти удваивается и оказывается на первом месте. Она продолжает расти и дальше и достигает в начале октября 1929 г. почти 4 млрд. долларов, тогда как ссуды, предоставленные брокерам Нью-Йоркскими федеральными банками за счет провинциальных банков и свой собственный, остаются почти на том же самом уровне—около 3 млрд. Наивысшего размера ссуды брокерам достигли 2 октября. На 57% они состояли из доли предприятий и частных лиц. Спекуляция продолжалась, но продолжалась и постепенная замена банками своих собственных средств средствами „третьих лиц“. Очевидно, банки уже учуяли надвигающуюся грозу и старались заблаговременно уменьшить размеры своего риска. Как потом выяснилось, крупные банки были также первыми, кто продажей значительных количеств акций дал толчок к понижательному движению курсов, закончившемуся биржевым крахом.

И так, развитию явлений, приведших Нью-Йоркскую биржу к беспримерному краху, в немалой степени содействовали брокеры и профессиональные спекулянты. Это элементы, самым непосредственным образом связанные с жизненными процессами биржевого организма, с техникой биржи. Несколько дальше от него отстоят другие элементы, особого рода организации, самое существование которых возможно только при существовании биржи и вся деятельность которых, не будучи столь явной, как деятельность маклеров, оказывает, тем не менее, огромное влияние на состояние биржевых курсов. Эти организации—образование нового времени; они носят название „Investment—trusts“, „Holding—Companies“, „Trading—Companies“, и т. п. Эти образования настолько интересны, и роль их в последнем крахе настолько значительна, что мы остановимся на них несколько подробнее.

Роберт Лифман называет инвестиционные тресты „Kapital anlagegesellschaften“. Название довольно точно, потому что оно сразу указывает, что целью такого треста является отнюдь не та или иная производственная деятельность, не создание тех или иных товаров, составляющих „богатство современного буржуазного общества“. Цель такого треста—только „помещение капитала“, но помещение, как это само собою разумеется, выгодное, приносящее доход. Откуда же чер-

пается этот доход, если „Anlagegesellschaft“ не интересуется производством? Этот доход может быть получен из биржевой игры, и „Investment—trusts“ занимается тем, что покупает акции самых различных—отечественных и иностранных—предприятий, стараясь разнообразием их обеспечить себя от крупных потерь. Привлекательную сторону участия в таком тресте составляет не только то, что таким образом трест освобождает своих членов от „грязной работы“ биржевой игры; еще заманчивее оказывается распределяемый трестами дивиденд, который всегда превышает дивиденд промышленных предприятий, ибо он создается не обычным доходом предприятий, а биржевыми спекуляциями. „Investment—trusts“ появились сначала в Англии, затем перебросились в Америку и другие страны. Нужно ли говорить, что период американского „prosperity“, в особенности, когда стала нарастать биржевая спекуляция, представлял особенно благоприятные условия для развития „Investment—trusts“? Несколько иного типа организации, носящие название „Holding—Companies“ „Holding Company“, соответствуют немецкому „Kontroll—Gesellschaft“. Как показывает уже это название, „Holding—Company“ стремится „контролировать“, оказывать влияние на деятельность и, следовательно, на администрацию тех производительных обществ, акциями которых она обладает, к чему „Investment—trusts“ всегда более, чем равнодушен. В связи с этим „Investment—trusts“ всегда гораздо охотнее расстается с теми своими бумагами, которые либо теряют, либо, по предположениям треста, должны потерять в своей биржевой ценности, чем то делает „Holding—Company“. С точки зрения биржевой игры и биржевой спекуляции, „Holding—Company“ оказывается, таким образом, организмом, гораздо более тяжеловесным. В противоположном смысле отличаются от „Investment—trusts“ торгующие акциями компании, так называемые, „Trading—Companies“. Их поведение по отношению к акциям и другим биржевым бумагам ничем решительно не отличается от поведения индивидуальных спекулянтов. К этим выросшим из биржи и с биржей связанным типам обществ и трестов необходимо прибавить еще, так называемые, „Finance—Companies“. В противоположность „Investment—trusts“ и „Holding—Companies“, эти „финансирующие компании“, во первых, сами создают общества, акциями которых они располагают, —занимаются, следовательно, грюндерством чистого типа. Во-вторых, они освобождаются от акций созданных ими предприятий немедленно после того, как последние стали на ноги. По отношению к бирже их роль выражается в том, что они постоянно увеличивают количество обращающихся на ней ценностей и тем самым во время повышательного движения курсов доставляют все новый и новый материал для спекуляции.

В период подъема биржевых курсов, когда ценность акций беспрерывно растет, и вместе с тем сказочно увеличиваются доходы их обладателей,—естественно растет и эмиссионная деятельность. В известной части эта деятельность является нормальной и здоровой, поскольку она соответствует росту промышленных и вообще хозяйственных предприятий, увеличивающих общественное производство. Однако, все усиливающаяся биржевая горячка весьма скоро присоединяет к таким „здоровым“ акциям акции грюндерского и неприкрыто спекулятивного характера. Кто же занят выпуском этих последних? История нарастания американского биржевого краха отвечает на этот вопрос с полной очевидностью.

Общая эмиссия за первые 9 месяцев 1927 г. составляла 5.589,9 млн. долларов. В 1928 г. она спустилась в то же время до 5.303,6

млн. Но в 1929 г.—за тот же период—поднялась до 8.419,2 млн., что составляет прирост на 3.115,6 млн. долларов (по сравнению с 1928 г.), или почти на 60%. Уже эти цифры сами по себе говорят о размерах и росте эмиссионной деятельности в последнее время. Но на самом деле она была еще гораздо значительнее, чем об этом можно судить по приведенным цифрам. Дело в том, что за то же время чрезвычайно уменьшились иностранные инвестиции. Развившийся после войны экспорт американского капитала, достигавший, как известно, непревзойденных цифр,—в 1929 г. вдруг весьма заметно сократился. За первые девять месяцев 1929 г. иностранные эмиссии на Нью-Йоркском рынке достигли всего 350 млн. долларов, тогда как за тот же период 1928 г. они равнялись 945 млн. долларов. Названная цифра 1929 г. составляет меньше 40% цифры 1928 г. Особенно интересно то, что в третьем квартале 1929 г. общая сумма иностранных займов спустилась до 82 млн. Это самая низкая квартальная цифра за последние 6 лет. Займы иностранным правительствам в 1929 г. составили всего 64 млн. долларов, тогда как за те же 9 месяцев 1928 г. они достигли 586 млн. Таким образом отношение между эмиссиями американскими и иностранными на Нью-Йоркской бирже резко изменилось в пользу американских. Наибольших размеров эмиссия достигла в сентябре 1929 г. когда она равнялась 1.655 млн. долларов против 543 млн. в том же месяце 1928 г.—увеличение в 3 раза. Кто же производил все эти эмиссии, кто наводнял биржу новыми акциями?

Тогда как промышленные акционерные общества за 9 месяцев 1929 г. выпустили акций на $\frac{3}{4}$ млрд. больше, чем в течение всего 1928 г., вышеописанные „финансовые“ организации во главе с „Investment—trusts“ за то же время выпустили их на $1\frac{1}{4}$ млрд. больше. За 9 месяцев 1929 г. эмиссия этих обществ достигла 2.240 млн. долларов; в одном сентябре она составила 643,1 млн. долларов. Что же касается октября, этого месяца „черных дней“ на бирже,—то эмиссия „Investment—trusts“ и близких к ним по типу обществ составляла 66% общей эмиссии. Не удивительно, если акционерный и облигационный капитал этих обществ, целиком оплаченный, равнявшийся в начале 1929 г. 1,6 млрд., вырос к октябрю до 3 млрд. с лишним! Можно ли сомневаться в том, что деятельность „Investment—trusts“, „Holding—Companies“, „Finance“ и „Trading—Companies“—в высшей степени энергично содействовала развитию биржевой спекуляции? Эти общества взвинчивали курсы все решительнее и решительнее, создавая роковой разрыв между биржевой и действительной ценностью акций, между спекуляцией и развитием производства.

Роль брокеров и „Investment—trusts“ в создании биржевой горячки, а следовательно и в подготовке кризиса, огромна. Но было бы ошибкой думать, что в этом неповинны другие капиталистические организации. Напротив, можно утверждать, что вся капиталистическая Америка, плененная легкой наживой, усыпленная навязчивой мелодией „prosperity“, ободренная „учеными“ бреднями об организованном капитализме, об исключительности развития Соед. Штатов, обеспечивающего спокойный, бескризисный рост их капиталистического хозяйства,—принимала участие в биржевой игре. Мы уже видели выше, как возрастала та часть вкладов в резервные банки, которая принадлежала промышленным предприятиям и частным лицам и служила для финансирования брокерских займов. Но роль промышленных предприятий заключалась отнюдь не только в предоставлении займов брокерам. Они выступали на бирже и совершенно самостоятельно. Легкий сбыт и крупные барыши побуждали их выпускать новые акции

своих предприятий по весьма высокому курсу. Прибегали они также и к выпуску облигаций, но так как доход от облигаций ограничен определенным (6—7) процентом, то они предоставляли покупателям облигаций право превратить последние в будущем в акции. Помимо всех этих крупных участников биржевой игры, бурлящий источник спекулятивного обогащения облепили многочисленные отдельные лица — обладатели относительно незначительных сбережений, мечтавшие о том, чтобы, разбогатев, избавиться от лямки ежедневного изнурительного труда. Их роль в биржевой игре, если и не являлась незначительной, все же была пассивной. Биржевую „легенду“ творили не они.

Исключительное значение, как это явствует из всего сказанного выше, принадлежало банкам. Ибо и брокерские кредиты осуществлялись по преимуществу банками или при посредстве банков. „Investment—trusts“ точно также являются созданиями финансового капитала. Банки сыграли крупнейшую роль в развитии спекуляции, и им же принадлежит, как уже сказано выше, инициатива тех действий, которыми ознаменовалось начало краха.

Мы уже видели, что Федеральные резервные банки с половины 1929 г. уменьшают собственную долю в кредитовании брокеров. Мало того, банки стараются понемногу избавиться от приобретенных ими до этого момента акций. А это не могло остаться без влияния, с одной стороны, на биржу, с другой же, — на вкладчиков банков. И действительно,—внезапно онкольные кредиты, предоставленные брокерам за счет „третьей категории“—предприятий и частных лиц,—были в значительных размерах затребованы обратно. За последнюю неделю октября общая сумма онкольных кредитов, затребованных обратно вкладчиками в Нью-Йоркские резервные банки, достигла 1.380 млн. долларов. В то же время доля кредитования брокеров провинциальными резервными банками по той же причине сократилась на 707 млн. долларов. За одну неделю брокерские кредиты уменьшились, таким образом, на 2.087 млн. долларов. Примеру банков и их вкладчиков последовали „Investment—trusts“ и другие организации. А так как таким образом освобождались ценные бумаги, под которые были выданы затребованные обратно ссуды, то предложение бумаг на бирже еще более увеличилось. Положение стало критическим — и именно в этот момент состоялась та „интервенция“ банкиров, о которой мы упоминали выше. Банкиры приобрели заложенных ценных бумаг на 992 млн. долларов, вследствие чего брокерские кредиты в конечном результате сократились не на 2 млрд., а на один. Помощь, как мы уже знаем, оказалась недействительной, ибо к 13 ноября ссуды брокерам, предоставленные Нью-Йоркскими банками, снова уменьшились на 1.366 млн. долларов, при чем первая категория (Нью-Йоркские банки) затребовала обратно 913 млн. долларов, вторая (провинциальные банки) — 214 млн. и третья (предприятия и частные лица) — 239 млн. долларов. Таким образом банки в сущности получили обратно деньги, потраченные ими на „интервенцию“. В связи с другими явлениями, продажей акций „Investment—trusts“ами, предложением их со стороны мелких держателей, охваченных несбыточным желанием спасти хотя бы крохи своих средств,—поведение банков вызвало новое падение курсов и углубление краха.

Таким образом, главные участники спекулятивного подъема курсов являются в то же время виновниками их падения. Но что же их побудило к действиям, относительно значения которых для биржи они не могли сомневаться? Почему вдруг они решили отказаться от огро-

мных барышей, какие им приносила спекуляция, и стали делать то, что, как они прекрасно знали, принесет им неизбежно убытки? Ибо, если даже банкам и удалось возратить свои ссуды,—они потеряли колоссальные суммы, вложенные ими самими в акции. Очевидно, причину такого „странного“ поведения надо искать вне биржи. А если это так, то она может лежать только там, где находится конкретная база самого существования и функционирования биржи, где создаются те реальные ценности, бумажными эмблемами которых являются обращающиеся на бирже акции, если последние и представляются отражением в кривом зеркале. Эта причина может лежать только в капиталистическом производстве,—в материальном процессе развития капиталистического хозяйства в целом.

Развитие биржевых курсов происходило таким образом, что в течение долгого периода от 1922 г. по 1929 г. с незначительными перепадами происходило их поступательное движение вверх. С половины 1928 г. вплоть до октября 1929 г. это движение вверх шло лихорадочным темпом. В конце октября наступил беспрецедентный биржевой крах. Как же шло развитие хозяйственной жизни Соед. Штатов за это время—в особенности развитие их промышленности? Соответствует ли оно развитию биржевых явлений в такой степени, чтобы можно было утверждать, что как продолжительный период подъема, так и короткий момент падения биржевых курсов, расцвет и упадок биржевых операций являются прямым последствием более глубоких экономических феноменов? Мы увидим, что на этот вопрос необходимо ответить с полным основанием утвердительно.

Если принять физический объем продукции хозяйства Соед. Штатов в 1919 г. за 100, то окажется, что вплоть до половины 1929 г. шло непрерывное нарастание объема продукции. В июле 1929 г. этот индекс равнялся 151,2, что составляет, по сравнению с 1922 г., увеличение больше, чем на 50%. Наростание индекса в общем происходило весьма равномерно—за исключением 1921 и 1924 г.г., когда под влиянием экономических кризисов произошло падение индекса: в первом случае на 24,2 пункта (от 103,6 в 1920 г. до 79,4 в 1921 г.), во втором—на 7,5 пункта (от 122,0 в 1923 г. до 114,5 в 1924 г.). Наиболее заметные скачки вверх приходятся на 1925 г., когда индекс физического объема поднялся на 14 пунктов (от 114,5 в 1924 г. до 128,5 в 1925 г.), и 1929 г. (первые 6 месяцев), когда подъем составлял 16,1 пункта (от 135,1 в 1928 г. до 151,2 в 1929 г.). Особенно замечательным является резкий рост индекса в первой половине 1929 г. Рост продукции за этот короткий промежуток больше, чем вдвое, превышает его увеличение от 1925 по 1928 г.г. Припомним, что этот же промежуток времени знаменуется исключительным ростом биржевых курсов и биржевых операций.

Еще более наглядную картину дает индекс промышленного производства, публикуемой ежемесячно „Federal Reserve Board“ом. В январе 1928 г. этот индекс (принимающий среднюю месячную 1923—1925 г.г. за 100) равнялся 105. В течение следующих 5 месяцев он составлял 109, в июле 110, в августе 112, в сентябре и октябре 114, в ноябре и декабре—соответственно 112 и 113. Весь 1928 г. оказывается, таким образом, периодом сплошного нарастания производства. В 1929 г. рост в первой половине года является беспрецедентным. От 117 в январе и феврале индекс „F. R. B.“ вырастает в марте до 119, в апреле до 122, в мае до 123, в июне до 126. Однако, уже в июле начинается снижение индекса до 124. В августе он равняется 123, в сентябре 121, в октябре 117 и в ноябре резко падает до 107.

Как видим, сокращение промышленного производства предшествует падению биржевых курсов. Больше всего оно акцентировано в октябре и ноябре. Но эти месяцы и являются месяцами полного развития биржевого краха.

Присмотримся теперь несколько внимательнее к росту промышленной продукции—по ее важнейшим отраслям. Воспользуемся для этого индексами „Survey of Current business“. Интересующие нас данные собраны в следующей таблице:

Развитие важнейших отраслей промышленности Соед. Штатов с 1926 по 1929 г.г.
(1923 — 1925 г.г. = 100)

Годы \ Отрасли промышленности	Обработ. промыш.	Автомобильная	Строительная	Сталелитейная	Чугунная	Медная	Хлоп.-бум.
1926	108,0	108,4	111,0	113,1	—	—	108,5
1927	106,0	85,7	106,8	104,6	—	—	120,2
1928	111,0	109,8	121,4	120,2	—	—	106,8
Январь	117	121,5	88,6	129,9	—	—	130,2
Апрель	123	188,2	128,0	142,8	—	—	123,1
Май	124	182,9	122,4	152,5	130,5	141,6	130,2
Июнь	128	165,2	109,7	141,2	124,4	124,9	111,1
Июль	126	151,5	113,7	139,9	126,7	120,1	106,5
Август	—	150,7	100,5	142,5	125,7	119,6	108,6
Сентябрь	—	125,6	90,2	130,5	116,0	119,3	106,3

Рассмотрение данных этой таблицы приводит в первый момент к тому же результату, т. е. к констатированию тех же явлений, которые суммарно уже намечены развитием индекса физического объема и индекса „F. R. B.“ Все цифры красноречиво говорят об одном и том же. Важнейшие отрасли промышленности неуклонно развиваются, причем их развитие становится особенно интенсивным как раз в последнее время: в 1928 г. и, главным образом, в 1929 г. И если бы мы для оценки положения воспользовались суммарным индексом каждой отрасли промышленности за первые 9 месяцев 1929 г., то мы, как это видно на примере обрабатывающей промышленности, безошибочно пришли бы к заключению, что этот год не менее, а даже весьма заметно более благополучен, чем все предыдущие: общий индекс каждой отрасли сильно превышает индекс 1928 г. Так, в сущности поступал, между прочим, и миллиардер Швоб, когда он своим деланным оптимизмом старался повлиять на „настроение“ биржи; так же делает и „сам“ президент Гувер, когда он утверждает, что, несмотря на биржевой крах, в промышленности все обстоит благополучно. Однако, совершенно очевидно, что поступать таким образом—значит более или менее наивно и чистосердечно заниматься тем, что на немецком языке весьма выразительно называется „Vogelstrausspolitik“—„политикой птицы страуса“. Как известно, эта африканская птица, отличающаяся больше размерами, чем интеллектом, с приближающеюся опасностью борется тем, что прячет свою голову под крыло.

С прямолинейностью, которой мог бы позавидовать Декарт, Швоб и Гувер заключают: я опасности не вижу—ergo ее нет. Оставим в стороне вопрос, является ли такой метод борьбы с экономическими

трудностями искренним или больше напускным. Во всяком случае, мы должны от него отказаться и рассмотреть колебания индекса „Survey of current business“ помесячно. Тогда мы тотчас же заметим, что индекс, сильно поднявшийся в первые месяцы 1929 г., начинает заметно снижаться в июне, а в некоторых случаях уже и в мае. Движение это становится все решительнее и решительнее и достигает в некоторых отраслях промышленности в сентябре уровня, гораздо более низкого, чем, например, апрельский. Так обстоит дело в промышленности автомобильной, где за это короткое время индекс упал на 62,6 пункта (больше чем на 33 %); то же имеет место в промышленности строительной (падение индекса на 37,8 пункта) и в сталелитейной (падение индекса на 12,3 пункта).

Как видим, развитие основных отраслей промышленности Соед. Штатов происходит таким образом, что они достигают наибольшего расцвета—„prosperity“—в первой трети 1929 г. и начинают увядать после этого момента. „Расцвет“ первой трети настолько интенсивен, что он перекрывает последующее падение и делает благоприятным общий индекс за 9 месяцев (также и индекс физического объема производства всего хозяйства). Тем не менее, сокращение производства, начиная с июня, настолько значительно, что оно превращается в весьма серьезный признак. Прежде всего, оно говорит о том, что то самое „равновесие между производством и потреблением“, о котором так много говорили американские капиталисты и банкиры, пытавшиеся успокоить биржу, вопреки их мнению, весьма серьезно нарушено. Американское хозяйство самым очевидным образом страдает от переизводства. До тех пор, пока производство расширялось и капиталистам удавалось, хотя бы такими героическими средствами, как, чрезвычайно развитая в Соед. Штатах продажа в рассрочку (достигающая 25% всего количества проданных в розницу товаров), поддерживать пресловутое „равновесие между спросом и предложением“,—до тех пор все обстояло благополучно. Но как только появились признаки уменьшения спроса (индекс оптовых цен от 158,7 в 1925 г. спустился до 149,8 в 1928 г. и 140,9 в декабре 1929 г.),—сокращение производства стало настоятельной необходимостью. Как видим „кривая“ развития промышленности чрезвычайно напоминает кривую развития биржевых операций, с той только разницей, что как момент наивысшего расцвета, так и момент начала снижения для кривой промышленности наступили раньше, чем для кривой операций биржи. Интересно отметить, что в противоположность другим своим собратьям и в противоположность „оптимисту“ Гуверу, положение довольно отчетливо понимает Форд. Он отказывается видеть причину биржевого краха в явлениях самой биржи. На одном из совещаний капиталистов, устроенном Гувером в целях обуздания разбушевавшейся стихии биржи, Форд определенно заявил, что причиной биржевого кризиса он считает кризис переизводства.

Вот как развивалось производство автомобилей в 1929 г. (месячная средняя 1928 г. составляла 363.200 шт.):

Месяцы	Количество	Месяцы	Количество
Январь	401.036	Июль	517.900
Февраль	466.352	Август	513.800
Март	585.222	Сентябрь	417.000
Апрель	663.200	Октябрь	308.000
Май	635.600	Ноябрь	214.000
Июнь	566.900	Декабрь	125.445

Начавшееся с мая падение автомобильного производства продолжалось решительно и неуклонно на протяжении всех последующих месяцев. Между тем, автомобильная промышленность по своему развитию является первой в Соед. Штатах. Первое же место она занимает и по потреблению стали. В 1924 г. автомобильное производство поглотило 23% всей продукции стали, в 1926 г.—23,5%, в 1928 г.—18%. Это значит, что автомобильная промышленность в значительной степени влияет на сталелитейную. Очевидно, падение производства автомобилей должно было отрицательно отразиться на производстве стали.

Другую отрасль промышленности, потребляющей в значительных количествах сталь, является строительная промышленность (соответственно в те же годы—14,4%, 13,1% и 16,5%). Но, как мы уже видели из изменения индексов, эта промышленность точно так же стала обнаруживать упадок, начиная с мая 1929 г. Строительная промышленность особенно сильно развилась после войны. Тогда как в 1915 г. в этой области было заключено контрактов на 940 млн. долларов, в 1919 г. их сумма сразу возросла до 2.580 млн. В 1928 г. она поднялась, постепенно возрастая, до 6.687 млн. и составляла в первые 11 месяцев 1929 г. 5.456 млн. долларов. Вся ценность строительных подрядов в 1929 г., по сравнению с 1928 г., упала на 13%. В декабре эта ценность упала, по сравнению с декабрем 1928 г., даже на 43%. Это был самый низкий уровень за последние 5 лет. Но в американском строительном деле особую роль играет жилищное строительство. И, вот, тогда как сумма контрактов в этой области неизменно нарастала и составляла в 1928 г. 2.733 млн. долларов (против 2.490 млн. в 1927 г. и 2.339 млн. в 1926 г.,—за 11 месяцев 1929 г. она достигла только 1.819 млн. долларов. Здесь мы имеем дело уже с явным падением, которое не может не отразиться на общем положении строительного дела. Как мы видели уже из таблицы индексов, последние месяцы 1929 г. обнаруживают падение строительной деятельности довольно явственно.

Таким образом, уменьшение спроса на сталь во второй половине 1929 г. со стороны главных ее потребителей—факт несомненный. Правда, стальная промышленность обладает третьим крупным „клиентом“, а именно—транспорт. Железные дороги поглотили в 1924 г. 10,1% всего производства стали, в 1926 г.—14,5%; в 1928 г.—16,0%. И железные дороги продолжали делать значительные заказы стальной промышленности даже в сентябре и октябре 1929 г. Однако, эти заказы не могли парализовать влияния сокращения потребления со стороны автомобильной и строительной промышленности, которые—в особенности после войны—определяют конъюнктуру в С. Штатах. Вот как развивалось производство стали в 1929 г. (в млн. т): январь—41,5, февраль—4,3, март—5,1, апрель—4,9, май—5,3, июнь—4,9, июль—4,8, август—4,9, сентябрь—4,5, октябрь—4,5, ноябрь—3,5 и декабрь—2,8.

В третьем квартале положение стальной промышленности явно ухудшилось. Еще хуже оно стало в четвертом. Средняя дневная производства составляла в октябре 167 тыс. т, в ноябре 135 и в декабре 115,9 тыс. т. С мая по декабрь падение составляет 30%. При этом процент использования оборудования от 99,5 в мае (maximum) упал в декабре ниже 60, а в последние дни этого месяца едва достиг 45.

Само собой разумеется, что сокращение производства стали не могло не отразиться и на выплавке чугуна. Средняя выплавка за день с августа по сентябрь—за один только месяц—упала почти на 5%. Еще красноречивее тот факт, что за два месяца—в августе и сентябре

—было потушено 11 домн, а в октябре и ноябре—28. С мая по декабрь число домн в действии упало на 20%.

Но резкое сокращение производства автомобильного и строительного производства отразилось не только на положении металлургии. Ведь строительная промышленность является заказчиком почти всех отраслей тяжелой индустрии (цемент); что же касается автомобильной промышленности, то, помимо того, что ею потребляется не меньше $\frac{3}{4}$ всего производства резиновой промышленности, она представляет огромный спрос на цветные металлы, материю, кожу, целлюлоид, стекло и т. д. И мы уже видели, что индекс производства меди с мая по сентябрь 1929 г. снизился на 22,3 пункта. Так же неблагоприятно сложилось положение и для цинка. Тогда как в сентябре 1929 г. было продано 51,7 тыс. т, в сентябре 1929 г. продажи составили всего 47,8 тыс. т. Правда, в этом месяце производство цинка составляло 53,5 тыс. т против 50,6 тыс. т в сентябре 1928 г. Но увеличение производства при одновременном падении спроса как раз и есть то самое нарушение „равновесия между спросом и предложением“, какового так боится Швоб и tutti quanti.

Таким образом, падение спроса, резкое сокращение производства для ряда отраслей промышленности в третьем, а отчасти, даже во втором квартале 1929 г.—факт совершенно очевидный. Само собой разумеется, что эти обстоятельства не могли не отразиться на привлекательности акций охваченных депрессией промышленных предприятий для их владельцев, широкой публики и профессиональных спекулянтов, пока они играли на повышение. Депрессия, явно обнаружившаяся в основных отраслях промышленности, при хроническом кризисном состоянии американского земледелия, должна была оказать свое влияние на состояние биржевых курсов. Ибо по отношению к акциям она должна была сказаться тою своею стороною, какая для биржевиков важнее всего: она должна была уменьшить их доходность. Промышленная депрессия, следовательно, действовала в сторону, прямо противоположную тому чудовищному, неслыханно раздутому и нездоровому подъему курса биржевых ценностей, который на почве недавнего еще расцвета промышленности сумели создать все эти „Investment—trusts“, „Trading—Companies“, брокеры и профессиональные спекулянты. Депрессия явилась для всей несметной рати биржевых игроков ушатом холодной воды.

Но какова материальная связь промышленности с биржей, каковы, в частности, конкретные формы влияния данной депрессии на нью-йоркскую биржу? О каких потерях для спекулянтов идет здесь речь?

В 1927 г. все акционерные общества получили около 9 млрд. долларов чистой прибыли. Из этой колоссальной суммы на долю фабрично-заводской промышленности пришлось около 4 млрд., при чем металлопромышленность получила 1,5 млрд., на долю транспорта и предприятий общественного пользования—больше 1,5 млрд.; банкам, страховым компаниям и другим финансовым учреждениям досталось также свыше 1,5 млрд.; торговые общества получили около 1,2 млрд. Относительно 1928 и 1929 г. г. полной сводки пока нет; появившийся в ноябре отчет „National City Bank'a“ касается только 638 акционерных обществ. За 9 месяцев 1928 г. эти общества получили 2.680 млн. долларов; за то же время в 1929 г. их доход возрос до 3.224 млн.—прирост в 20,3%. Больше всего выросла прибыль предприятий промышленности и торговых—на 26,7%, при этом львиная доля досталась стальной промышленности—ее доход увеличился на 91%. Прибыль стальных предприятий от 1922 по 1928 г. составила 930 млн. долларов

причем доходы одной „U. S. Steel Corporation“ достигли 642 млн. долларов. По годам эта прибыль нарастала следующим образом: в 1922 г.—39,7 млн. долларов; в 1923—108,7 млн.; в 1924—85,1 млн.; в 1925—90,6 млн.; в 1926—116,7 млн.; в 1927—87,9 млн.; в 1928—114,2 млн. и, наконец, в 1929 г.—за 9 месяцев—147,6 млн. долларов. Что касается выплачиваемых дивидендов, то все акционерные общества (за исключением страховых компаний) выплатили их в 1922 г.—6.785 млн. долларов; в 1923 г.—5.060 млн.; в 1924 г.—4.849 млн.; в 1925 г.—5.733 млн.; в 1926 г.—6.703 млн. и в 1927 г.—7.116 млн. долларов. В 1928 г. промышленные, торговые и банковские предприятия выплатили своим акционерам за 9 месяцев 2.385,8 млн. долларов, а в 1929 г. за то же время—3.122,0 млн. долларов, что составляет прирост в 34%. Из этой суммы электрические, газовые и водопроводные предприятия выплатили 576 млн. (против 448,8 в 1928 г.), стальная промышленность—129,7 млн. (против 100,7 в 1928 г.), банки—146,5 (против 108,2 в 1928 г.). Что же касается автомобильной промышленности, то вместо 167,2 млн. долларов, выплаченных ею в 1928 г., в 1929 г. она уплатила только 155,1 млн.; являясь руководящей, эта промышленность сохраняет свое положение и тогда, когда расцвет сменяется депрессией.

Итак, прибыли и дивиденды акционерных обществ в эпоху подъема конъюнктуры и, в особенности, во время расцвета ее—в последние полтора года—достигли сказочных размеров. Желание принять участие в этой оргии обогащения составляет самую действительную и самую постоянную причину проявленной биржею алчности по отношению к акциям столь процветающих и столь плодоносных предприятий. Эту алчность, это стремление к обогащению постоянно поддерживала деятельность „Investment—trusts“ и тому подобных организаций; участие брокеров и профессиональных спекулянтов искусно доводило эту страсть до состояния лихорадки. Но если страстно было желание принять участие в благодеяниях, приносимых акционерными обществами во время их процветания, то совершенно исключительных размеров достигал ужас перед потерями, когда оказывалось, что обладание акциями вместо прибыли сулит убытки. И подобно тому как деятельность специфически биржевых организаций и биржевых спекулянтов взвинчивала до невероятных размеров страсть к обогащению, она также превращала боязнь потерь в безумную панику. Начавшаяся депрессия, при помощи этого уродливого механизма, превратилась в биржевой крах, который, в свою очередь, мог депрессию только усилить.

Таким образом, нельзя не видеть полной зависимости биржевого краха от депрессии в промышленности и вообще в хозяйстве С. Штатов. Биржевой крах—только самое яркое, самое очевидное и эффектное проявление экономического кризиса. Развитие кризиса может идти неравномерно. Так, в январе 1930 г. продукция стали в С. Штатах снова выросла по сравнению с декабрем на 21% (вместо обычного сезонного роста на 12,3%); средняя дневная продукция составляла 140.234 т против 115.851 в декабре. Точно также использование оборудования возросло до 71,51%; заказы увеличились на 45,5%. Однако, обе последние цифры сильно уступают соответствующим цифрам января 1929 г., когда использование оборудования достигало 86%, а заказы превышали заказы января 1930 г. на 13,25%. К тому же, если производство автомобилей и поднялось в январе до 300.000 штук (против 401.036 в январе 1929 г.), то дневная средняя строительных контрактов в январе является самой низкой после 1926 г. Общая сумма контрактов в январе—на 21%

ниже, чем в январе 1929 г. и на 27% ниже, чем в январе 1927 г. Оживление в стальной промышленности весьма легко может оказаться результатом того сговора президента Гувера с крупными капиталистами, в силу которого последние (Юнг—от имени „General Electric“, Айлон—от имени „General Motors“, Тигль—от „Standard Oil“, Дюпон, Форд и т. д.) обещали „продолжать производство в прежних размерах“. Во всяком случае некоторое оживление стального производства не в состоянии парализовать таких явлений, как прогрессирующее падение цен (в декабре—на $4\frac{5}{8}\%$; в январе падение продолжалось) и несравненный рост безработицы.

Промышленная депрессия в числе других своих последствий уже в настоящее время чрезвычайно остро поставила вопрос о безработице. Уже во время подъема число безработных, благодаря, главным образом, капиталистической рационализации, непрерывно возрастало. Индекс числа рабочих, занятых в промышленности, изменялся следующим образом: в 1923 г.—104; в 1924 г.—96; в 1925 г.—100; в 1926 г.—101, в 1927 г.—99, в 1928 г.—97, в 1929 г.—за первые 9 месяцев—101. Как показывают эти цифры, число рабочих, по сравнению с 1923 г., в последние годы заметно упало. Еще резче те сокращения, которые произошли со времени начала депрессии, в особенности после биржевого краха. Резолюция Политбюро компартии САСШ констатирует, что „безработица в САСШ охватила свыше 5 млн. человек и продолжает возрастать („Правда“ от 14 января 1930 г). В конце февраля число безработных составляло около 6 млн. человек.

Мы не будем здесь говорить о том, что этот факт сам по себе является существенным фактором кризиса. Само собою разумеется, что вследствие этого только еще больше сократится спрос, а это вызовет дальнейшее сокращение производства. Более важным представляется другое.

Капитализм, проводя самым жестоким образом рационализацию, как показывает и вышеприведенный индекс числа рабочих, выталкивает из процесса производства все большие и большие массы занятых в нем пролетариев. Во время депрессий и кризисов эти массы—как показывает резолюция Политбюро—должны вырастать в угрожающих размерах. Создается положение, когда одна часть народа занята в процессе производства, другая же из него выталкивается. По мере развития капитализма и рационализации, вследствие все растущего числа вытесняемых все более совершенными машинами числа рабочих, первая часть должна все уменьшаться, вторая—все увеличиваться. Постепенно она вытесняется не только из процесса общественного производства, но и из процесса общественного потребления. Задача классовой борьбы ставится с неумолимою ясностью. Противоречия капитализма достигают крайнего предела. Пролетариат не может превратиться в пассивный объект корыстолюбивых капиталистических экспериментов и должен взять организацию общественного производства в свои руки. Путь к этому лежит через его диктатуру.

Каково бы ни было дальнейшее развитие современного момента американского хозяйства, созданное им резкое обострение основных капиталистических противоречий только усиливает необходимость и приближает момент их окончательного разрешения. В то же время кризис с полной очевидностью показывает, что развитие хозяйства Соед. Штатов происходит отнюдь не в сторону „организованного капитализма“, а в сторону замены капитализма социализмом.

Экономический кризис в Латинской Америке

Латинская Америка по своему положению и роли в мировом хозяйстве характеризуется, в основном, двумя особенностями:

1) односторонним хозяйственным развитием, покоящимся на монокультуре (преобладании какой-либо одной культуры в хозяйстве страны) и, следовательно, отсталым, полуколониальным характером экономики и

2) хозяйственной и политической зависимостью от иностранного капитала, главным образом, английского и северо-американского. Этими двумя моментами предопределяются специфические черты ныне разразившегося в Латинской Америке экономического кризиса, а также пути и формы его дальнейшего развертывания.

Необходимо подчеркнуть, что экономический кризис в ряде стран Латинской Америки (Куба, ряд карликовых республик Центральной Америки: Сальвадор, Гватемала, Коста-Рика и Бразилия, Колумбия, Эквадор) начался до кризиса в САСШ, при чем последний в САСШ, играющих ведущую роль во внешне-торговых оборотах и в потреблении колониального сырья и продовольствия латино-американских стран, разумеется, способствовал обострению и углублению кризиса в этих странах и превращению его в подлинную народнохозяйственную катастрофу.

Латинская Америка, являющаяся одним из богатейших в мире продовольственно-сырьевых резервов, занимает монопольное положение в производстве ряда колониальных товаров; в 1929 г. Латинская Америка дала свыше 90 % мировой продукции кофе, около 45 % мировой продукции тростникового сахара и 30 % — какао.

Для хозяйства ряда центрально- и южно-американских республик особенно репрезентативной является культура кофе, что видно из анализа структуры экспорта этих стран: культура кофе целиком определяет хозяйство карликовых центрально-американских республик, составляя 80 % стоимости всего экспорта Гватемалы, 90 % — Сальвадора и 60 % — Коста-Рики; культура кофе господствует также в ряде южно-американских республик, например, Бразилии и Колумбии, составляя соответственно 70 и 75 % стоимости экспорта этих стран; в экспорте Эквадора какао и кофе также составляют 50 % его стоимости, а для Венесуэлы — около 30 %; наконец, основой народного хозяйства Кубы является культура сахарного тростника, составляющего 70 % экспорта страны. Вполне естественно, что отсталая экономика латино-американских стран, базирующаяся на экстенсивном сельском хозяйстве с преобладанием производства колониальных товаров, благодаря своей односторонней ориентации в отношении мирового хозяйства, целиком зависит от конъюнктурных колебаний на мировых рынках колониальных товаров.

Вместе с тем, Латинская Америка обладает богатейшими в мире запасами минерального сырья; в 1929 г. Латинская Америка дала около

55 % мирового производства серебра (в т. ч. Мексика 40 %), около 20 % мировой продукции меди (в т. ч. Чили 18 %), около 23 % олова (Боливия) и около 16 % нефти (в т. ч. Венесуэла—9 % и Мексика—3 %). Помимо колониальных товаров и сырья минерального происхождения, Латинская Америка и, в частности, Южная Америка играют также значительную роль в мировом производстве животного сырья, например, шерсти (Уругвай, Аргентина), составляя около 16 % мирового производства, а также ряда зерновых и технических культур: кукурузы, пшеницы, льняного семени (соответственно 14, 7 и 50 % мирового производства этих культур).

Таким образом, Латинская Америка является колоссальным резервуаром продовольственных и сырьевых ресурсов и аграрным Hinterland'ом в отношении высоко-развитых индустриальных стран Европы и Америки, и, в первую очередь, САСШ.

Уже в течение ряда лет Латинская Америка и, особенно, Южная Америка являются ареной ожесточенной борьбы северо-американского и английского империализма, при чем борьба за Латинскую Америку особенно усилилась в военные и послевоенные годы, когда Англия столкнулась на латино-американских рынках с полнокровным, окрепшим за годы войны империализмом САСШ.

Расстановка борющихся империалистических сил в Латинской Америке — Соед. Штатов и Англии — в основном определяется следующим положением: северо-американский капитал в этих странах выступает как капитал промышленный, а английский — как ссудный (ростовщический); соответственно этому северо-американские инвестиции в странах Латинской и, особенно, Южной Америки направлены в промышленность (в некоторых странах частично в торговлю), а английские инвестиции в основном идут по линии займов и отчасти железно-дорожного строительства (напр., в Аргентине, Бразилии и др.).

Экспансия Соед. Штатов в странах Центральной и Южной Америки происходила по линии интенсивного роста северо-американских инвестиций в этих странах и по линии усиления с ними внешнеторговых связей. Инвестиции капиталов Соед. Штатов в страны Латинской Америки с 1913 по 1928 г.г. (на 31 декабря) увеличились более чем в 4 раза: с 1.300 до 5.467 млн. долл. и составили 35 % всех инвестиций Соед. Штатов за границей; экспорт Соед. Штатов в страны Латинской Америки за этот же период вырос с 302 до 878 млн. амер. долл., а импорт из латино-американских стран с 434 до 1.030 млн. амер. долл.

Латино-американские страны, составляющие в настоящее время около 20 % внешнеторговых оборотов Соед. Штатов, являются рынками сбыта для северо-американской индустрии и вместе с тем, богатым аграрным Hinterland'ом для Соед. Штатов по линии снабжения их сырьем и продовольствием. Из экспорта Соед. Штатов в латино-американские страны 73 % приходится на готовые изделия (автомобили, радиоаппаратура, электрооборудование, сел.-хоз. машины) и 18 % — на полуфабрикаты; в 1929 г. прирост экспорта Соед. Штатов в страны Латинской Америки составил 70 % по сравнению с довоенным, а ее конкурентов — Англии, Германии — только 23 %. Импорт Соед. Штатов из стран Латинской Америки, выросший на 117 % по сравнению с довоенным, в основном состоит из предметов продовольствия и сырья (соответственно 54 и 32 % всего импорта). В 1929 г. доля стран Латинской Америки в общем импорте Соед. Штатами ряда предметов продовольствия и сырья была следующая: кофе—66 % (в том числе из Бразилии 59 %), тростниковый сахар—около 75 % (из

Кубы) кожи — 20 % (из Аргентины), медь — 67 % (в т. ч. из Чили 38 %) и т. д.

Приведенные цифры являются яркой иллюстрацией тесной хозяйственной (и политической) зависимости Латинской и, особенно, Центральной Америки от империализма САСШ. В частности, центрально-американские республики фактически давно уже утратили свою хозяйственную и политическую самостоятельность. Инвестиции Соед. Штатов в Центральной Америке превышают довоенные, примерно, втрое и составляют в настоящее время свыше 3 млрд. амер. долл., при чем главная масса северо-американского капитала, инвестированного в Центральной Америке, приходится на Кубу (47 % всех инвестиций) и Мексику (44 %).

Чрезвычайно значительна роль северо-американского капитала также в Мексике, где он устремляется в основном в нефтепромышленность (37 % всех инвестиций), горное дело и металлургию (23 %), плантации и леса (16 %) и т. д. В прочих центрально-американских республиках (Коста-Рика, Гватемала, Сан-Сальвадор, Гондурас, Панама, Гаити, Сан-Доминго, Никарагуа) инвестиции САСШ составляют около 300 млн. амер. долл. и охватывают основные отрасли народного хозяйства этих стран (производство кофе, бананов, тростникового сахара, железные дороги и т. д.).

Таким образом, Центральная Америка является колонией северо-американского империализма, а Караибское море — внутренним морем Соед. Штатов. Последние восстания в Никарагуа и Гаити, жестоко подавленные северо-американским империализмом, показывают, как САСШ ревностно охраняют «мир и независимость» карликовых республик бассейна Караибского моря. Точно также недавний разрыв Мексикой дипломатических отношений с СССР показывает, что политика этой страны целиком и полностью определяется и диктуется Вашингтоном.

В Южной Америке, представляющей богатые возможности для экспорта северо-американского капитала, Соед. Штаты столкнулись с серьезным соперничеством английского капитала.

Абсолютные размеры и темпы прироста северо-американских инвестиций в южно-американских республиках весьма высоки: 1912 г. — 179, 1927 г. — 1.964 и 1928 г. — 2.157 млн. амер. долл. Однако, и в настоящее время в основных государствах Южной Америки — Аргентине и Бразилии — попрежнему преобладает еще английский капитал (соответственно 67 и 54 % всех иностранных инвестиций в этих странах против 16,5 и 17 % северо-американских инвестиций). Инвестиции северо-американских капиталов преобладают во второстепенных южно-американских республиках: Колумбии (75 % всех иностранных инвестиций), Венесуэле (58 %), Эквадоре (59 %), Боливии (55 %) и Перу (43 %); лишь в Уругвае и Парагвае сильны позиции Англии (соответственно 36 и 30 % всех иностранных инвестиций против 16 и 18 % инвестиций Соед. Штатов).

Северо-американский капитал в значительной степени овладел промышленностью южно-американских республик. В послевоенные годы инвестиции мощных северо-американских компаний Свифта, Армора, Вильсона в мясную промышленность Аргентины превысили 80 млн. долл. Северо-американские инвестиции в электрохозяйство этой страны в начале 1929 г. составляли свыше 40 млн. амер. долл.

В Бразилии, где также количественно преобладают английские инвестиции, все же 50 % американских инвестиций приходится на про-

мышленность, главным образом, на электропромышленность и добычу марганцевой руды.

Точно также и в Чили американский капитал устремляется в промышленность, главным образом, горную, именно добычу меди (97% чилийского производства меди находятся в руках американских компаний), и в производство чилийской селитры, где участие американского капитала чрезвычайно значительно и выражается в контроле над 50% всей продукции. Вследствие этого экспорт селитры и меди северо-американскими компаниями составляет свыше 50% стоимости экспорта страны. Американские капиталы, инвестированные в горную промышленность Чили (селитра и медь), объединяются в одном гигантском концерне Гугенгейма, играющем ведущую роль в медном картеле в САСШ. Точно также северо-американский империализм занимает господствующее положение и в прочих отраслях чилийской промышленности: электропромышленности, стальной и добычи нефти.

В Колумбии, Венесуэле и Перу американский капитал инвестирован, главным образом, в нефтяную промышленность, и американские компании контролируют основную массу нефтедобычи этих стран; в Колумбии почти вся нефтедобыча находится в руках, так называемой, Тропической нефтяной компании, которая является дочерним обществом Имперской нефтяной компании, входящей в группу Стандарт Ойл; в Перу северо-американскими компаниями — также дочерними обществами Стандарт-Ойл — контролируется свыше 70% нефтедобычи; наконец, в Венесуэле — основной нефтепроизводящей стране Южной Америки, — которая дает около 9% мировой добычи нефти и около 70% всей нефтедобычи Южной Америки, северо-американские компании — Стандарт-Ойл — играют главную роль.

В Боливии северо-американский капитал устремляется в основную отрасль народного хозяйства — добычу олова и контролирует от 50 до 60% добычи его в этой стране; добыча свинца, меди и нефти находится также в руках северо-американских компаний.

Таким образом, мы видим, что послевоенные годы характеризуются интенсивным проникновением северо-американского капитала (в форме инвестиций, займов и пр.) в страны Латинской Америки и непрерывным вытеснением Англии на латино-американских рынках.

Однако, неправильно было бы делать отсюда вывод, что английский капитал уже побежден капиталом САСШ. В Южной Америке в настоящее время по размерам инвестиций абсолютно преобладает английский капитал, который составляет около 50% всех иностранных инвестиций в южно-американских странах против 30% САСШ и 20% инвестиций прочих стран (Германии, Франции, Италии и др.).

Чрезвычайно яркой иллюстрацией активности английского империализма в странах Латинской Америки является посещение английской комиссией д'Абернона в августе—сентябре истекшего 1929 г. хозяйственных центров Южной Америки: Аргентины, Бразилии и Уругвая и заключение с правительствами этих стран ряда торговых договоров и соглашений. Соглашения, заключенные комиссией д'Абернона с рядом южно-американских республик, в частности, с Аргентиной, показывают, что английский империализм не намерен уступать своих позиций империализму САСШ. Так, например, согласно договору, заключенному д'Аберноном с правительством Аргентины, последняя обязуется в течение ближайших двух лет купить английских товаров на 8 млн. фунт. стерл. (главным образом, для железно-дорожного строительства и общественных работ), взамен чего Англия обязуется

на эту же сумму произвести покупки аргентинских товаров (в основном — предметы продовольствия).

Экспорт Англии в Аргентину по сравнению с довоенным вырос на 40%, а импорт из Аргентины — более чем на 80%. В общем экспорте Аргентины, экспорт в Англию составляет 37%. Аргентина является для Англии, которая потребляет в основном продовольствие заокеанских стран, богатейшим источником снабжения; так, английский рынок поглощает около 90% всего экспортируемого из Аргентины мяса (как мороженого, так и охлажденного), при чем Аргентина на английском мясном рынке успешно конкурирует с Австралией и Новой Зеландией. Перечисленные моменты объясняют размеры внешне-торговых оборотов Англии и Аргентины, в первую очередь, по линии экспорта из Аргентины в Англию. Что касается импорта Аргентины, то Англия в нем составляет только около 20% против 27% импорта из САСШ; ведущая роль последних в аргентинском импорте объясняется, главным образом, интенсивным ростом ввоза в страну автомобилей и сель-хоз. машин (главным образом, комбайнов).

Наконец, по размерам инвестиций в народном хозяйстве Аргентины ведущую роль играет Англия. Инвестиции последней составляют свыше 60% всех иностранных инвестиций в Аргентине и колеблются на конец 1929 г. в пределах от 500 до 600 млн. фунт. стерл. по сравнению с 440 млн. английских инвестиций в Канаде, 300 млн. — в Бразилии и 270 млн. — в САСШ.

В специальном приложении к «Economist», посвященном Аргентине, в связи с заключением с ней договора комиссией д'Абернона, указывается на «чрезвычайную любовь и популярность, которой пользуется Англия среди большинства населения Аргентины, и на кооперацию и содружество между аргентинским и английским народом, которые являются результатом исторических традиций».

Это лицемерное заявление «Economist», выдающее интенсивное проникновение английского империализма в Аргентину за «исторические традиции», показывает, что Англия намерена «активизировать» свою политику в Южной Америке и, в первую очередь, в Аргентине. Конечно, необходимо иметь в виду, что английский империализм в Аргентине сталкивается с империализмом северо-американским, который выбил уже Англию из целого ряда хозяйственных позиций. В частности, для конкурентной борьбы Англии и САСШ в Аргентине характерна скупка северо-американскими компаниями акций английских предприятий, и, следовательно, переход контроля над этими предприятиями к северо-американскому империализму. Это нашло свое выражение в мясной промышленности Аргентины, где мощные северо-американские компании Армора, Свифта и Вильсона вытеснили в послевоенные годы и английские, и аргентинские компании; аналогичное положение наблюдается и в отношении предприятий общественного пользования в Аргентине, где северо-американскими компаниями были приобретены акции United River Plate Telephone & Co и Atlas Light and Power Co, где преобладали до последнего времени английские инвестиции.

Точно также и в Бразилии, где английские инвестиции составляют свыше 50% всех иностранных инвестиций в этой стране, комиссия д'Абернона достигла реальных успехов.

Внешнеторговые взаимоотношения Англии и Бразилии специфичны, так как Англия играет ничтожную роль в потреблении основного предмета бразильского экспорта — кофе; действительно, в мировом потреблении кофе Англия составляет 1,5% против 60% САСШ,

причем основная масса импортируемого Англией кофе не бразильского происхождения. Комиссия д'Абернона обратила внимание на возможности расширения импорта из Бразилии кофе, мяса и фруктов, в частности приняты меры к тому, чтобы в общем импорте Англией кофе на 5 млн. фунт. стерл. была повышена доля бразильского кофе.

Одним из непосредственных результатов работ комиссии д'Абернона является краткосрочный (сроком на 7 мес.) заем, предоставленный правительству Бразилии английскими банкирскими домами Ротшильда, Шредера и К^о для субсидирования «Дефез»'ы — Бразильского Института по охране производства кофе.

Наконец, яркой иллюстрацией закабаления Бразилии английским империализмом являются цифры задолженности Бразилии Англии, составляющей 147,8 млн. фунт. стерл., т. е. около 70% всей внешней задолженности страны.

Точно также и с Уругваем комиссией д'Абернона заключен ряд торговых соглашений о взаимном благоприятствовании и расширении внешне-торговых связей.

Чрезвычайный интерес представляет оценка немецкой печатью работ комиссии д'Абернона в Южной Америке, которые единогласно рассматриваются как реальное препятствие бурной экспансии северо-американского империализма в этих странах.

Комиссия д'Абернона бесспорно имела своей целью укрепить позиции английского империализма в Южной Америке и, в частности, была направлена против САСШ; об империалистических планах Англии в Южной Америке, в связи с работами комиссии д'Абернона, о планах грандиозного железнодорожного строительства откровенно заявляет «Statist» (26/X — 1929 г.): «Мы ставим своей целью открыть Южную Америку с севера на юг и пересечь железными дорогами ее обширные равнины, которые простираются от Гвианы до Патагонии».

Совершенно ясно, что результаты работ комиссии д'Абернона являются дальнейшим шагом по пути активизации роли английского империализма в странах Латинской Америки и, в связи с этим, чрезвычайно неправильной является точка зрения ряда латино-американских товарищей, рассматривающих работы комиссии д'Абернона «как событие политического, а не экономического порядка» («plus un coup politique d'un coup économique»); позиция эта вредна и ошибочна, особенно, в условиях ныне разразившегося экономического кризиса в странах Латинской Америки, ибо она недооценивает силы английского империализма и неправильно ориентирует революционную активность масс в сторону борьбы исключительно против империализма САСШ.

На фоне экономического кризиса в Латинской Америке следует ожидать дальнейшего усиления и обострения конкуренции двух основных империалистических стран мира — Англии и САСШ — на этом участке мирового хозяйства.

В ближайшее время можно ожидать со стороны САСШ кредитного и товарного демпинга в страны Латинской Америки; вместе с тем бесспорна активизация роли также ряда прочих европейских стран на латино-американских рынках, в первую очередь, Германии, центрально-европейских (Чехо-Словакии, Швейцарии) и скандинавских (Швеции, Норвегии, Дании) стран.

Экономический кризис в странах Латинской Америки начался задолго до кризиса в САСШ и имеет свои специфические причины, заключающиеся в хроническом мировом перепроизводстве колониальных товаров, особенно ярко выявившемся в последние годы.

Мировое перепроизводство колониальных товаров (тростниковый сахар, кофе, какао, каучук) ярко иллюстрирует органическое противоречие капиталистического хозяйства между развитием производства — «естественным» ростом производительных сил — и возможностями сбыта, т. е. емкостью рынка, ограниченной платежеспособным спросом; здесь наиболее полно и отчетливо выступает имманентное капиталистическому способу производства противоречие, сочетающее абсолютное перепроизводство с недопотреблением широких слоев неплатежеспособных потребителей — трудящихся масс.

Для мирового перепроизводства колониальных товаров особенно показательным является мировой рынок сахара, который в послевоенное пятилетие 1923/24 — 1927/28 г.г. давал в среднем ежегодное превышение производства над потреблением в 1,0—1,8 млн. т, при чем предварительные исчисления мирового сахарного баланса на 1929/30 г., несмотря на уменьшение европейского урожая сахарной свеклы и резкое падение сбора сахарного тростника на Кубе, все же являются неблагоприятными и показывают превышение мирового производства над мировым потреблением свыше чем в 1 млн. т.

Перепроизводство сахара в течение ряда послевоенных лет находит свое непосредственное отражение в стремительном падении цен на сахар всех сортов, при чем темп падения цен особенно усилился в течение последних двух лет. На лондонской бирже снижение цен на свекловичный сахар в течение трех последних лет составляло в среднем 20—25% ежегодно; для тростникового сахара, в частности кубинского, по котировкам нью-йоркской биржи, темп падения цен составлял ежегодно, в среднем за трехлетие 1927—29 г.г., 12%. Кризис мирового сахарного хозяйства, в частности, его тростникового сектора, составляющего около 25% мирового производства тростникового сахара, является тяжелым ударом по народному хозяйству Кубы. Цены мирового рынка уже в настоящее время нерентабельны для производителей сахарного тростника на Кубе, т. е. ниже издержек производства. Так, например, издержки производства сахара-сырца составляют 2½ цента за англо-фунт, а рыночная цена — 2 цента.

Провал рестрикции производства сахарного тростника на Кубе, бесплодные «писания и выступления» кубинских государственных деятелей (см. выступления президента Мачадо, Тарафы и др.) о возможностях реконструкции народного хозяйства страны — все это еще более ясно подчеркивает тот хозяйственный тупик, в котором очутилась Куба — страна монокультуры, неограниченно развивавшая свои производительные силы в условиях капиталистического хозяйства.

Бесспорно, экономический кризис в САСШ, на долю которых падает около 25% мирового потребления сахара в целом и несравненно больший процент мирового потребления тростникового сахара, усилил и углубил кризис тростникового сектора мирового сахарного хозяйства и, в первую очередь, на Кубе, 90% экспорта сахара которой поглощается рынком САСШ.

Вместе с тем, экономический кризис в САСШ усилил кризисное состояние в прочих сахарно-производящих странах Центральной и Южной Америки, экспорт сахарного тростника из которых также почти целиком идет в Соед. Штаты. В частности, это относится к Порто-Рико, Ямайке, Гаити и Сан-Доминго, Малым Антильским островам, в известной степени к Аргентине, Бразилии и ряду других государств Южной Америки.

Точно также и мировой кофейный кризис, ударивший по всем без исключения странам Центральной и Южной Америки, с особенной

силой обрушился на народное хозяйство Бразилии и Колумбии, составляющих около 90% мирового производства кофе и экспорт которых на $\frac{3}{4}$ заполняется кофе.

Хозяйство гигантских кофейных плантаций Бразилии, в которых инвестировано свыше $\frac{1}{2}$ млрд. долл. капитала, точно также как и колумбийских кофейных плантаций, составляющих $\frac{3}{4}$ национального богатства Колумбии, — совершенно дезорганизовано.

Кризис мирового кофейного хозяйства, подобно кризису мирового сахарного хозяйства, объясняется перепроизводством, особенно ярко выявившимся в 1927/28 г. Действительно, к 1927/28 г. мировое производство кофе, по сравнению со средними размерами производства в предвоенное пятилетие 1909—13 г.г., возросло на 85%, а мировое потребление за тот же период возросло только на 30%. Интенсивный рост мирового производства кофе в послевоенные годы объясняется, главным образом, ростом производства и в экстенсивном (освоение новых земель), и в интенсивном (рост урожайности) направлении в Колумбии и в Нидерландской Индии, который стимулировался ненормально высоким уровнем кофейных цен, индекс которых в среднем за послевоенное трехлетие 1927—29 г.г. превышал довоенный на 130—135 пунктов.

Высокий же уровень кофейных цен в свою очередь объясняется политикой «Дефез»-ы — «Института по охране производства кофе в Бразилии», аккумулировавшей запасы кофе внутри Бразилии и регулировавшей экспорт, т. е. предложение бразильского кофе на мировых рынках.

Подобная политика Бразилии с неизбежностью вела к интенсивному росту производства *outsider'ов*, т. е. кофейнопроизводящих стран, не входивших в рестрикционную схему Дефез-ы и, в первую голову, Колумбии и Нидерландской Индии, на что нами уже указывалось выше.

Действительно, в послевоенное пятилетие 1923/24—1927/28 г.г. средне-годовые размеры продукции кофе в Бразилии показывают рост по сравнению с довоенным на 20%, а рост производства у «аутсайдеров» — Колумбии и Нидерландской Индии — соответственно 181 и 188%.

Непрерывный рост запасов кофе внутри Бразилии и рост продукции *outsider'ов* должен был привести к краху политики контингентирования экспорта и искусственного ограничения предложения бразильского кофе на мировых рынках, проводимую бразильским институтом. Действительно, уже начиная с 1927 г., мировые кофейные цены обнаруживают неустойчивость, с тенденцией к снижению, прерываемую сравнительно кратковременными спекулятивными взлетами, но переломным в этом отношении является 1929 г.; с II квартала 1929 г. котировки бразильского кофе на лондонской и нью-йоркской биржах, имеющих решающее значение для конъюнктуры мирового кофейного рынка, — показывают непрерывное падение, темп которого усиливается из месяца в месяц и заканчивается резким срывом в IV кв. (падение на 22% по отношению к III кв.) под влиянием экономического кризиса в САСШ.

Развертывание экономического кризиса в САСШ, составляющих 60% мирового потребления кофе, бесспорно углубит и усилит кризис мирового кофейного хозяйства; так как кофе из латино-американских стран составляет около 70% всего импортируемого САСШ кофе, то ясно, что в ближайшие месяцы следует ожидать дальнейшего углубле-

ния кризиса в Бразилии, Колумбии, Эквадоре и кофейнопроизводящих странах Центральной Америки (Гватемала, Сальвадор, Коста-Рика).

Точно также и в области мирового производства какао мы имеем хронический кризис перепроизводства, особенно усилившийся в послевоенные годы, в частности, в послевоенное трехлетие 1927—29 г.г., хотя симптомы перепроизводства в этой сфере колониального хозяйства имелись и до войны, например, в 1913/14 г., когда производство составило 227,3 тыс., а потребление — 224,2 тыс. метрич. тонн.

Хроническое превышение производства какао над потреблением колебалось в последние годы в пределах от 20 до 50 тыс. *м/т* и составило в 1928/29 г. 18,6 тыс. *м/т*.

«Диспропорция» между мировым производством и мировым потреблением какао обусловлена, в первую очередь, интенсивным ростом производства в какаопроизводящих областях Африки, в частности, ростом продукции Золотого Берега, составляющего около 50% мирового производства какао (за пять последних лет продукция Золотого Берега увеличилась более чем на 20%).

Хроническое перепроизводства какао находит свое непосредственное отражение в динамике цен, дающих неуклонное падение уже с 1927 г., прерываемое кратковременными подъемами преходящего, случайного характера; со II же квартала 1928 г. падение цен идет непрерывно и темп его нарастает к концу 1929 г., что связано с разразившимся экономическим кризисом в САСШ, поглощающих 40% мирового потребления какао: действительно, в IV кв. 1929 г. цены на какао показывают резкое падение на 8—10% по сравнению с котировками III кв. Латинская Америка в производстве какао играет значительную роль, поставляя около 30% мировой продукции.

Кризис мирового рынка какао особенно тяжело отразится на хозяйстве ряда островов Карибского моря (Тринидад, Сан-Доминго), Бразилии, Венесуэлы и Эквадора. Действительно, производство какао в этих областях играет значительную роль, причем Тринидад и Сан-Доминго составляют около 10% мировой продукции, Бразилия — свыше 12%, Венесуэла — 4% и Эквадор — 3%, при чем экспорт какао составляет свыше $\frac{1}{3}$ стоимости всего экспорта Эквадора.

Наконец, и в области мирового каучукового хозяйства симптомы перепроизводства, имевшиеся уже в 1927 г., особенно ярко выявились в 1929 г., когда производство превысило потребление, примерно, на 9—10%.

«Проблема» каучука, подобно «проблеме» сахара и кофе, является яркой иллюстрацией бессилия капиталистического хозяйства разрешить основную «диспропорцию» капитализма между производством и потреблением, между растущим предложением и ограниченным платежеспособным спросом.

Провал схемы Стевенсона¹ в 1928 г. под влиянием интенсивного роста производства каучука в Нидерландской Индии обусловил неуклонное снижение цен как на плантационный, так и на дикий каучук на мировых рынках. Так, средне-месячная цена плантационного каучука на лондонском рынке за трехлетие 1927—29 г.г. снизилась на 44%, а дикого (Бразильский Para Hard) — на 31%.

Естественно, что темп снижения цен на каучук особенно усилился в IV кв. 1929 г. под влиянием экономического кризиса в САСШ, играющих ведущую роль в мировом потреблении каучука и составивших в 1929 г. свыше 60% мирового потребления; действительно, цены на

¹ Схема реконструкции производства каучука, установленная в 1922 г.

каучук в IV кв. снизились по сравнению с котировками III квартала на 20 %.

Вообще же говоря, рост запасов каучука, превысивших в 1929 г. прошлогодние, примерно, на 65 %, ожидающийся интенсивный рост производства и беспорочное резкое снижение мирового потребления, в связи с мировым экономическим кризисом, — все это является чрезвычайно неблагоприятными показателями ценностной конъюнктуры на каучук для наступающего 1930 г. В январе 1930 г. цены на каучук стояли на самом низком уровне со времени кризиса 1922 г. и индекс цен на плантационный каучук в январе составлял 29 в отношении цены 1913 г., принятой равной 100.

Кризис мирового каучукового хозяйства уже нашел свое отражение на каучуковых плантациях Бразилии, Гвианы, Боливии и Венесуэлы.

Наконец, истекший 1929 г. характеризовался длительной засухой в Аргентине, чрезвычайно неблагоприятно отразившейся на состоянии ее сельского хозяйства, по преимуществу экстенсивного и находящегося в тесной зависимости от метеорологических условий. Влияние засухи и распространение вредителей (спорынья) особенно тяжело отозвалось на урожае основных продуктов сельского хозяйства Аргентины — пшеницы и льняного семени, сборы которых в 1929 г. показывают снижение в отношении предыдущего 1928 г. соответственно на 54 и 33 %. В южных частях провинций Санта-Фе и Кордобы уничтожено от 60 до 70 % посевов, и возделываемая сел.-хоз. площадь этой части страны снизилась с 2,7 до 2,1 млн. га, т. е. на 22 %.

Структура экспорта в 1929 г. (11 м.) является точным отражением кризисного состояния сел. хозяйства и показывает снижение (количественное) в отношении экспорта в соответствующий период 1928 г. по основным товарным группам: кукуруза (—17,9 %), льняное семя (—16,7 %), квебраховое дерево и квебраховый экстракт (—24,2 %), кожи (—12,7 %) и масло коровье (—10,4 %); из значительных экспортных товарных групп только пшеница и шерсть показывают в 1929 г. рост (количественный) в отношении 1928 г.: соответственно на 25,7 и 4,6 %, но ценностные итоги, благодаря депрессивной конъюнктуре мирового пшеничного и шерстяного рынков, — неблагоприятны. В частности, конъюнктура кожевенного и шерстяного рынков, играющих значительную роль в народном хозяйстве и экспорте Аргентины, чрезвычайно неблагоприятная в первой половине 1929 г., несколько улучшилась во второй половине, но уже в ноябре-декабре на этих рынках заметно стало чувствоваться депрессивное влияние американского кризиса.

Общая стоимость экспорта Аргентины в 1929 г. показывает снижение в отношении 1928 г. на 7 %. По импорту не имеется еще точных данных, но по некоторым косвенным показателям (снижение доходных поступлений от ввозных пошлин) можно предполагать, что стоимость импорта страны в 1929 г. также ниже, чем в предыдущем.

Снижение стоимости экспорта и, следовательно, уменьшение поступлений золота в страну вызвали колебания курса аргентинского песо.

Действительно, с июля 1927 г. по июль 1928 г. в Аргентину было импортировано 420 млн. зол. песо, а в течение первых 10 месяцев 1929 г. экспорт золота из страны составил 131 млн. зол. песо. Наконец, 17 декабря правительство запретило обмен банкнот на золото внутри страны, но сохранило за банками право экспорта золота. В результате немедленно последовало обесценение аргентинского песо, примерно,

на 5 %. При паритете 100 ам. дол. = 103,64 зол. песо, котировка 12 декабря составляла 106,80, 19 декабря — 109,90, 26 декабря — 107,90 и 4 января — 108,85; таким образом, налицо определенные симптомы обесценения аргентинского песо, хотя и без особо сильных колебаний.

Мировой аграрный кризис, в частности, уже подчеркнутый нами выше кризис мирового шерстяного и кожевенного рынков, обусловил депрессию народного хозяйства Уругвая — «классической» страны сел. хозяйства с ярко выраженным животноводческим уклоном: 95 % стоимости экспорта страны составляют продукты животноводства.

Вместе с тем низкие цены на сел.-хоз. продукты обусловили кризис перепроизводства в текстильной промышленности Бразилии, в частности в штате Сан-Пауло, являющейся наиболее значительной отраслью обрабатывающей промышленности страны; одновременно 1929 г. показывает резкое снижение размеров активного сальдо внешне-торгового баланса страны на 45 % в отношении 1928 г. На фоне народно-хозяйственного кризиса в Бразилии, охватившего основные отрасли национальной промышленности — кофейную и текстильную, происходит непрерывное падение курса бразильской валюты — милрейса. В настоящее время резервы золота в стране равны 31.461 тыс. фунт. стерл., что составляет только 37 % по отношению ко всему количеству денег, находящихся в обращении.

Чрезвычайно яркую характеристику кризиса в странах Латинской Америки дает январский (1930 г.) номер «Commerce Reports» — органа министерства торговли САСШ. Автор статьи, руководитель латиноамериканской секции министерства, констатирует наличие мирового кофейного кризиса, который «является ключом для понимания экономического положения в восьми или даже девяти странах Латинской Америки» и сравнивает резкий срыв кофейных цен в октябре 1929 г. с мировым кофейным кризисом 1920/21 г., подчеркивая этим самым глубину и размеры кризиса.

Нижеследующая характеристика экономического положения в отдельных странах Латинской Америки весьма показательна:

«В Бразилии кофейное хозяйство находится в чрезвычайно депрессивном состоянии, что оказывает неблагоприятное влияние на денежное обращение. Недавно полученный в Лондоне заем в 2 млн. фунт. стерл. является чрезвычайно незначительной величиной по сравнению с суммами, израсходованными в тщетных попытках удержать действие схемы валоризации кофе, стабильность валюты и страны в целом. Политическое положение является напряженным и происходит ряд волнений, особенно в южных штатах. Помимо кофе, кризисом поражены также прочие отрасли народного хозяйства Бразилии: цены на какао, тростниковый сахар и хлопок непрерывно падают и, следовательно, Байя и Пернамбуку¹ испытывают такое же сильное влияние кризиса, как Рио и Сан-Пауло²».

Точно так же в Колумбии резкий срыв кофейных цен положил конец «просперити»: «Хозяйственное положение Колумбии осложняется политическими моментами. В начале ноября безработица определялась цифрой в 50.000 чел.³, а в связи с окончанием сбора кофе в конце календарного года и прекращением общественных работ, — перспективы рабочего класса весьма мрачны. Высокая заработная пла-

¹ Штаты, в которых сосредоточено производство какао, тростникового сахара и хлопка.

² Центры производства кофе.

³ В настоящее время значительно больше.

та, которую платили американские строительные фирмы, прекращается и рабочие руки смогут найти свое применение только на кофейных плантациях, конечно, при условии, если на рабочие руки будет спрос, при чем заработная плата составит от 0,70 до 0,80 ам. долл. в день. Предполагается, что доходные поступления в 1930 г. будут ниже поступлений 1929 г. на 40%. Золотые резервы в республиканском банке Колумбии уменьшаются, а учетная ставка составляет 7—8% в октябре и 9% — в декабре.

«Центральная Америка: Коста-Рика, Гватемала, Сальвадор и Никарагуа, — читаем мы далее, — пострадали от срыва кофейных цен, которые на конец 1929 г. показывают падение в отношении 1928 г. на 33%. Депрессия особенно резко чувствуется в Гватемале и Сальвадоре.

«В Эквадоре хозяйственное положение неудовлетворительно: сбор кофе меньше прошлогоднего на 20%, а сбор какао является самым низким, начиная с 1900 г.; сбор хлопка также на 20% ниже сбора 1928 г., и местные текстильные фабрики резко уменьшили размеры продукции. Безработица значительна, и наблюдается рост бандитизма в прибрежных сел.-хоз. округах, что сопровождается восстаниями индейцев и захватами земли внутри страны. Очевидно, что каждая отрасль народного хозяйства Эквадора находится в критическом или почти критическом положении.

В Гаити существующая депрессия усилилась благодаря резкому падению кофейных цен, которые в 1929 г. показывают падение в отношении 1928 г. на 31%. Импортная торговля незначительна, и конъюнктура кофейного рынка явится решающим фактором для хозяйственной жизни Гаити в наступающем 1930 г.

В Доминиканской Республике — безработица значительна, торговые обороты слабые и экспорт табака, какао и кофе меньше прошлогоднего.

В Мексике покупательная сила сел.-хоз. населения резко снизилась, благодаря уменьшению продукции зерновых хлебов, бобов, ячменя и хлопка, при чем сбор зерновых в 1929 г. на 32% ниже среднего сбора в предшествующее пятилетие. Летняя засуха и осенние морозы совместно с политическими волнениями обусловили снижение размеров сел.-хоз. производства в 1929 г. Условия в горной и нефтяной промышленности — неудовлетворительны и безработица там значительна.

В Кубе определяющим народно-хозяйственным фактором является тростниковый сахар, цены на который непрерывно падают и в 1929 г. показывают снижение в отношении 1928 г. на 24%.

В Перу — тростниковый сахар и хлопок являются двумя основными продуктами, от которых зависит «процветание» страны и покупательная сила ее населения. Обе эти отрасли промышленности находились в чрезвычайно депрессивном состоянии в течение 1929 г. и цены, точно также, как и продукция, были значительно ниже, чем в предшествующем 1928 г.

В Боливии общее экономическое положение совершенно неудовлетворительно. Безработица растет и происходят серьезные волнения. Котировки олова на нью-йоркском рынке показывают снижение в отношении прошлого года на 17—18%; бесспорно, что срыв цен окажет неблагоприятное влияние на доходы пра-

вительства из этого источника, так как налоговые ставки зависят от мировых цен на олово.

Из Аргентины все сообщения однообразно пессимистичны, что объясняется, главным образом, резким снижением размеров экспорта и ростом импорта. Резкое снижение стоимости экспорта произошло, главным образом, в силу падения мировых цен на пшеницу и уменьшения отгрузок пшеницы из Аргентины. Пшеница в этом году подверглась действию бури и вредителей и сбор ее показывает снижение в отношении сбора прошлого года на 35—60%.

Не следует преуменьшать серьезности создавшегося положения, показателем чего является декрет от 17 декабря о закрытии конверсионной кассы на неопределенный период.

В Уругвае истекший 1929 г. был годом острой депрессии в народном хозяйстве этой страны. Депрессия мирового шерстяного рынка, в этом отношении, имела большое значение и в конце года значительные запасы шерсти в Уругвае оказались непроданными.

Такова оценка министерством торговли САСШ экономического положения в Латинской Америке.

Экономический кризис в Латинской Америке, на фоне всеобщего кризиса капитализма, ярко иллюстрирует непрочность капиталистической стабилизации на этом участке мирового хозяйства. По неполным подсчетам во всех странах Латинской Америки насчитывается около полутора млн. безработных, что для стран с полуколониальным характером экономики, подобно странам Латинской Америки, где кадры пролетариата незначительны, является показателем подлинной народно-хозяйственной катастрофы.

В настоящее время, на основе экономического кризиса, в странах Латинской Америки происходит мощный подъем революционного движения пролетарских и полупролетарских масс города и деревни. Рабочие волнения происходят в южных штатах Бразилии, на кофейных плантациях Колумбии, в Боливии и на нефтяных промыслах Венесуэлы; крестьянское движение под лозунгами аграрной революции развертывается в Эквадоре.

Компартии стран Латинской Америки должны возглавить развертывающееся революционное движение трудящихся масс города и деревни и понять, что «задача состоит в том, чтобы теперь же готовить пролетариат к решительным революционным боям, не дожидаясь момента «наступления», так называемой, непосредственно-революционной ситуации» (Сталин).

Проблема развертывания механизации хлебопечения¹

Хлеб в питании рабочего населения нашего Союза занимает 35 % по калорийности и от 20 до 33 % по стоимости².

Столь высокий удельный вес печеного хлеба в пищевом балансе рабочего указывает, что правильная организация хлебопечения является делом большой государственной важности.

В Союзе ССР государственным регулированием охвачен весь цикл операций с хлебом от хлебозаготовок до помола, выпечки и распределения хлеба; но в то время, когда нами достигнуты колоссальные успехи и на хлебозаготовительном фронте и на всех основных участках строительства народного хозяйства, техника выпечки хлеба стоит у нас чуть ли не на первобытной ступени.

До революции промышленное хлебопечение, за единичными исключениями (б. Петербург, Самара, Москва), находилось в руках кустарей, при чем оборудование пекарен было до убожества элементарно, так как при дешевом человеческом труде у хозяев не было стимула вкладывать средства в машины.

Этим в основном объясняется медленное проникновение машин в хлебопечение в дореволюционной России. К 1918 г. имелось всего 19 хлебозаводов и механизированных пекарен с 93 механическими печами, обслуживавшими около 800 тыс. чел., или около 0,6 % всего населения.

Сосредоточив свое внимание в первые годы после революции на преодолении многочисленных внешних сопротивлений и на восстановлении главнейших отраслей народного хозяйства, Советское правительство с 1924 г. включило в план строительства сооружение механических хлебозаводов и приступило впервые в СССР к организации производства хлебомашин (на заводах «Мельстроя»).

Первый советский хлебозавод был оборудован 25-го августа 1925 г. в Москве.

С тех пор до начала текущего операционного года в Союзе оборудовано 60 хлебозаводов на 400 печей с оборудованием как заграничного, так и, в подавляющей части, советского производства.

Приведя печи к типу механической двухъярусной со средней (с учетом простоев) производительностью 6.000 кг пшеничного хлеба в сутки, получим, что одна печь при трехсменной работе обслужит 10 тыс.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² По данным произведенного в 1927 г. обследования.

чел., а стало быть, 400 печей, выстроенных за 1924/25—1928/29 г.г., должны обслужить около 4 млн. человек.

Всего же, с учетом ранее выстроенных хлебозаводов, общая их возможная производительность рассчитана на обслуживание хлебом механической выпечки около 5 млн. человек, или 3 % всего населения.

Это во много раз превышает указанные выше цифры дореволюционной России, но является совершенно недостаточным для принятых нашим строительством темпов, так как означает, что и сейчас 97 % всего населения Советского Союза получают хлеб кустарной и домашней выпечки.

Здесь уместно сопоставить наши данные с соответствующими данными по некоторым другим странам.

Так, в САСШ уже в 1923 г. механические хлебозаводы и пекарни давали около 43 % всего потребляемого населением страны печеного хлеба¹.

Точной статистики за последние годы мы не имеем, однако, по отдельным журнальным данным можно установить, что к началу 1929 г. продукция механических и автоматических хлебозаводов САСШ составляла свыше 60 % всей выпечки хлеба в стране, при чем более $\frac{4}{5}$ этого количества давали крупные хлебозаводы производительностью от 1 млн. долл. в год каждый.

Весьма показательно, что во второй половине 1928 г. в Америке цена на хлеб была ниже не в тех районах, где были ниже цены на зерно, а там, где была проведена рационализация хлебопечения, при чем эта разница составляла от 1 до 1,5 пенс. на 0,45 кг.

В Германии при вдвое меньшем против нашего населения имеется несколько тысяч хлебозаводов и механизированных хлебопекарен на 15.000 печей. Из общего количества пекарных заведений Германии, к началу 1927 г. механизированных и автоматизированных было около 55 %; их удельный вес в общем количестве выпекающегося хлеба превышал 70 %. При этом хлебозаводы и механизированные пекарни получили широкое распространение и в сельских местностях.

Приведенные данные с достаточной наглядностью свидетельствуют — насколько мы здесь отстали².

Поправка на различную плотность населения мало изменит приведенное соотношение.

Мы уже не говорим о том, что механизация хлебопечения коснулась у нас лишь городских и промышленных центров и совершенно оставила в стороне деревню.

Так обстоит дело в данное время. К сожалению, не лучшие перспективы сулит нам и пятилетний план Наркомторга СССР.

Согласно этого плана в последний год пятилетки (1932/33 г.) хлеб механизированной выпечки получит только 25,7 % городского населения (8.800 тыс. чел.), что составит немногим больше 5 % всего населения. Помещаемая ниже диаграмма достаточно красноречиво характеризует настоящее положение механизации хлебопечения у нас и его будущее в том виде, в каком представляет его себе НКТорг (заштрихован процент охвата населения хлебом механической выпечки). При этом

¹ Сообщено проф. Я. Н. Куприцем.

² Наиболее отставшей в области механизации хлебопечения из крупных капиталистических стран является Франция, где лишь с 1929 г. серьезно приступлено к организации крупных хлебозаводов. В частности, в Париже из 3 тыс. пекарен и булочных, имевшихся в 1929 г., лишь у 10 % было современное механическое оборудование, остальные — кустарки.

приведенные 3 и 5 % охватывают только городское население. Процент охвата сел.-хоз. населения за пятилетие по плану НКТорга равен нулю.

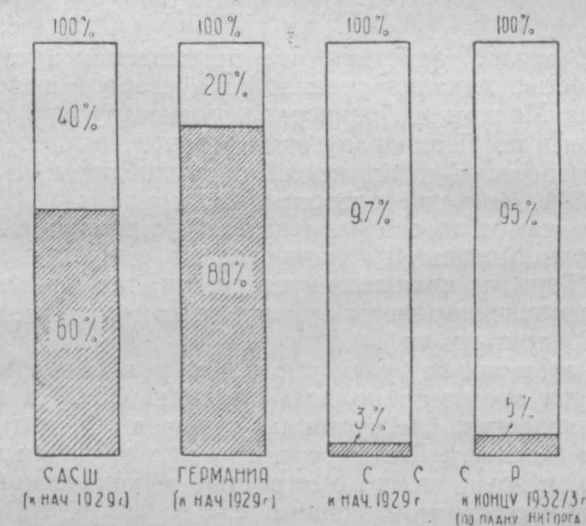
План, который исходит из увеличения охвата населения за эти годы всего на 2 % и совершенно игнорирует сельское население и, в частности, обобществленный его сектор, такой план должен быть решительно отвергнут, как оторванный от жизни мертвый чиновничий документ.

Для того, чтобы подойти к определению необходимых в механизации хлебопечения темпов, остановимся вкратце на тех преимуществах, которые дает механическая выпечка.

1. Прямая экономия, заключающаяся в основном из:

а) экономии на значительно меньшем количестве потребной рабочей силы как производственной, так и вспомогательной, а также административно-хозяйственного персонала;

б) значительного повышения, благодаря механизации производственных процессов, производительности труда рабочих (которая по ряду хлебозаводов была в истекшем году в 2 и даже 3 раза выше, чем в предприятиях кустарного типа)¹;

в) экономии на топливе, расход которого против кустарной выпечки дает значительное сокращение; на отдельных хлебозаводах расход топлива снижен вдвое против кустарок;

г) экономии в расходовании муки (уменьшение распыла и повышение за этот счет фактического припека при понижении процента влажности хлеба);

д) экономии на доставке муки и пр.

Подтверждением сказанному может служить помещаемая ниже сравнительная калькуляция производственной стоимости 1 м хлеба на предприятиях ЛСПО (развернутая калькуляция) и МСПО за 1927/28 г., взятая нами из объяснительной записки НКТорга к пятилетнему плану механизации хлебопечения.

¹ По данным НКТорга и ЦРК выработка одного производственного рабочего на хлебозаводах достигает 0,73 — 0,98 т в день, тогда как в кустарных пекарнях Москвы она колеблется: по пшеничному хлебу — от 0,17 до 0,22 т, по ржаному — 0,34 т, а в провинции — еще ниже.

	(В копейках на 1 кг хлеба)							
	Хлеб ржаной формовой весовой		Ситный ве- совый 1-го сорта		Ситный высшего сорта		Булки и батоны	
	Механ. пр-о	Кустарн. пр-во	Механ. пр-во	Кустарн. пр-во	Механ. пр-во	Кустарн. пр-во	Механ. пр-во	Кустарн. пр-во
Мука	7,15	7,18	14,71	15,06	15,74	15,84	15,61	15,67
Вспомогательные и вкусо- вые материалы.	0,07	0,07	0,87	0,77	1,51	1,56	1,84	2,25
Вода.	0,02	0,01	0,01	0,02	0,01	0,02	0,01	0,02
Топливо.	0,21	0,33	0,29	0,34	0,99	0,55	0,33	0,45
Электроэнергия	0,02	—	0,03	—	0,03	—	0,03	—
Работа.	0,57	1,08	1,46	2,81	1,56	2,88	3,06	5,20
Цеховые расходы.	0,29	0,49	0,79	0,87	0,87	0,91	1,08	1,10
Общие расходы	0,22	0,26	0,49	0,45	0,51	0,59	0,57	0,55
Всего	8,55	9,42	18,65	20,32	20,52	22,35	22,53	25,24
Тоже по МСПО	8,12	9,93	14,48	18,43	—	—	21,83	25,21

Следует, однако, заметить, что приведенная в таблице разница между стоимостью механизированной и кустарной выпечки преуменьшена даже для Москвы и Ленинграда, поскольку при сопоставлении, с одной стороны, по Ленинграду взяты старые, выстроенные до революции, хлебозаводы, с изношенным оборудованием, а по Москве — хлебозавод № 1, наименее совершенный и удачный (как по самому оборудованию, так и по его размещению), с другой же стороны, кустарные пекарни Москвы и Ленинграда по существу, как правильно указывает НКТорг, не являются кустарными, так как они в большинстве частично механизированы (имеют тестомесильные машины, просеивательные аппараты и пр.).

Сказанное мы должны будем иметь в виду в дальнейшем при определении размера экономии по хлебопечению СССР в целом, в частности, — по периферии, где кустарная выпечка обходится значительно дороже, чем в Москве и Ленинграде и других крупных центрах и где, следовательно, разрыв между стоимостью механической и кустарной выпечки будет несравнимо большим.

Сектор контроля НКРКИ дает следующее сопоставление производственной стоимости выпечки 1 кг хлеба механизированным и кустарным способом (стоимость сырья исключена):

	Стоимость выпечки 1 кг в копейках	
	Ржаной	Пшеничный
ЛСПО		
Механическая выпечка	1,41	3,00
Кустарная "	2,45	4,50
МСПО		
Механическая выпечка	1,49	2,23
Кустарная "	1,91	3,90
Свердловск		
Механическая выпечка	1,69	1,97
Кустарная "	2,60—3,20	3,20—4,20

Из приведенной таблицы видно, что кустарная выпечка пшеничного хлеба обходится на 50—74 %, а ржаного на 28—90 % дороже механизированной.

Если принять в качестве средней данные ЛСПО, то потери при кустарной выпечке выразятся на 1 т:

Пшеничного хлеба	в 15 руб. — коп.
Ржаного "	в 10 " 40 "

Душевое потребление хлеба городским населением по данным НКТорга СССР составляет (в кг):

	В 1928/29 г.	В 1932/33 г.
Пшеничного	163,5	188,0
Ржаного	62,1	49,0
Итого	225,6	237,0

Если принять расчеты НКТорга, согласно которых фактическая производительность существующих механических печей в 1928/29 г. составляет всего 40 % (?) с охватом 2.034 тыс. чел. городского населения, а в 1932/33 г. — 70 % их возможной производительности (8.800 тыс. чел.), то потери от кустарной выпечки составят:

В 1928/29 г.	80 млн. руб.
В 1932/33 г.	85,5 " "

Но и при учете возможной полной производительности хлебозаводов (в 3 смены) (также с поправкой на простои) сумма переплат все же остается огромной.

Так, вычтя из общей численности городского населения 1928/29 г. (27.871 тыс. чел.) и 1932/33 г. (34 млн. чел.) число пользующихся хлебом механизированной выпечки (соответственно 5 млн. чел. и 11,5 млн. чел.), мы, исходя из приведенной выше разницы в стоимости выпечки ЛСПО получим, что переплаты одного лишь городского населения на кустарной выпечке составят:

В 1928/29 г.	70,8 млн. руб.
В 1932/33 г.	75,5 " "

Приведенные цифры касаются переплат лишь городского населения.

Потери сел.-хоз. населения, численность которого к началу пятилетия составляет 123,5 млн., а к концу — 135 млн., выразятся (при потреблении хлеба в 32 млн. т и 38 млн. т) соответственно в 376 млн. руб. и 499 млн. руб. Вся же сумма переплат всего населения Союза при кустарной выпечке хлеба составит около полумиллиарда рублей для 1928/29 г. и немногим меньше 600 млн. руб. в 1932/33 г.

Эти цифры получены при установлении для остального городского и всего сел.-хоз. населения переплат в том же размере, что и для населения Ленинграда и Москвы; несомненно, однако, что потери и городской периферии, и села будут гораздо большими, поскольку, как мы уже указывали выше, кустарная выпечка на периферии (в небольших пекарнях) и, особенно, домашняя выпечка — для подавляющей части сельского населения — обходится значительно дороже, чем в крупных промцентрах; по исчислениям специалистов увеличение в этом случае следует принять не менее, чем в полтора раза.

Эти чудовищные цифры переплат, т.е. прямых потерь народного хозяйства, сами по себе обязывают нас решительно отвергнуть черепаший темп механизации хлебопечения, разработанный НКТоргом, и построить пятилетний план строительства хлебозаводов в соответствии с темпом, принятым всем народно-хозяйственным планом СССР.

Помимо указанного, мы не должны забывать и о других огромнейшего значения преимуществах механической выпечки хлеба, а именно:

2. Влияния на быт, на раскрепощение женщин, особенно на селе, где домашняя выпечка хлеба означает для хозяйки две недоспанных ночи в неделю и огромное количество затраченного времени и физического труда; совершенно особое громадное значение механизация хлебопечения будет иметь в деле коренного переустройства быта населения обобщественного сектора сельского хозяйства; введению механизированной выпечки хлеба здесь должно быть уделено такое же внимание, какое в настоящее время обращено на организацию в этом секторе коллективного питания по линии Нарпита.

3. Механизация хлебопечения, дающая возможность массовой выпечки на несколько тыс. чел., — облегчает регулирование распределения хлеба.

4. При хлебозаводах, в которых максимально механизированы и автоматизированы все производственные процессы, уже не будет иметь места изнурительный труд пекарей.

5. Механическая выпечка гарантирует предельно возможное выполнение требований гигиены и санитарии.

6. Массовая выпечка хлеба позволяет даже на хлебозаводе среднего типа организовать научное лабораторное исследование качества муки и всех производственных процессов хлебопечения, научно изыскивать возможности дальнейшего улучшения и удешевления выпечки.

7. Нельзя не учитывать того большого значения, которое механическое хлебопечение должно сыграть в деле укрепления обороноспособности страны, облегчая снабжение больших масс войсковых частей и позволяя обходиться минимальным количеством тыловой рабсилы.

Приведенный беглый перечень значений и преимуществ механической выпечки хлеба указывает нам, что механизация хлебопечения должна осуществляться в СССР иными, несравнимо более быстрыми темпами, чем это намечено было планом НКТорга. План НКТорга, совершенно обходящий сельское население и построенный к тому же по затухающей кривой¹, лишаящей машиностроительные организации всякой ориентировки и перспективы, должен быть отброшен.

Поскольку единого плана механизации хлебопечения в данное время нет, мы считаем необходимым предложить следующую наметку строительства хлебозаводов на остающиеся 3 года пятилетки:

¹ Характерно, что последняя заявка Центросоюза на остающиеся 3 года пятилетия построена также по затухающей кривой.

Правда, Центросоюз оговаривается, что в заявку не включено строительство по Москве, Ленинграду и обобщественному сел.-хоз. сектору. Мы полагаем, однако, что строительство хлебозаводов и для остальной части нашей городской периферии должно строиться по восходящей кривой, тем более, что в значительной части за счет этой периферии будет осуществлен грандиозный план строительства социалистических городов.

Ориентировочный план строительства заводов

Г о д ы	% охвата насе- ления			Количество печей		Рост в %-х		Стоимость основного механического оборудования в тыс. руб.			Примерная стоимость всего строительства в тыс. руб.
	Городских	Сельских	Всего	Ежегодное соору- жение	Общее количество к концу года	К предыдущему году	С начала пяти- летки	Для нового строи- тельства	Восстановление амортизации	Итого	
1928/29	18,0	—	3,0	100	500	125,0	125,0	2.000	400	2.400	8.000
1929/30	23,0	—	4,0	150	650	130,0	162,0	3.000	500	3.500	12.000
1930/31	26,0	1,5	7,0	600	1.250	192,0	312,0	12.000	650	12.650	48.000
1931/32	37,0	5,0	12,0	1000	2.250	180,0	562,0	20.000	1.250	21.250	80.000
1932/33	60,0	15,0	23,0	1.800	4.050	180,0	1012,0	36.000	2.250	38.250	144.000
К концу 5-тилетия	60,0	15,0	23,0	3.650	4.050	—	1012,0	73.000	5.050	78.050	292.000
По плану НКТорга	25,7	—	5,0	750	1.150	—	288,0	—	—	21.000	76.000

В приведенной таблице оборудование приведено к условной единице — двухъярусной механической печи, обслуживающей 10 тыс. чел. (при средней душевой суточной норме в 0,6 кг).

Предлагаемый нами вариант предусматривает:

а) по городскому населению доведение охвата в 1932/33 г. механическим хлебопечением до 60 % населения городов, вместо 25,7 % по плану НКТорга; население промышленных центров будет охвачено на 100 % против 43 % по плану НКТорга.

Получаемая экономия в 1932/33 г. составит против плана НКТорга 39,8 млн. руб. за год;

б) включение 15 % всего сел.-хоз. населения (20,2 млн. чел.), что составит, примерно, 25 % населения обобщественного сектора сельского хозяйства (в плане НКТорга вовсе не предусмотрено); экономия против кустарной выпечки в одном лишь 1932/33 г. — 73,3 млн. руб.

Введение механизированного хлебопечения для сельского населения намечается начать уже в 1930/31 г., значительно расширяя строительство в последующем году;

в) в процентах степень охвата всего населения СССР составит к концу пятилетия 23 % (40 млн. чел.) против 5 % по НКТоргу;

г) план предусматривает сооружение в 1930/31 г. хлебозаводов на 600 механических печей (против 130 печей, намечающихся на этот год по плану НКТорга и против 150 печей, фактических — строящихся в текущем году) и ежегодное увеличение размеров строительства; планом НКТорга был принят затухающий темп;

д) общая стоимость строительства хлебозаводов выражается по плану за пятилетие в сумме (ориентировочно) 272 млн. руб. против 76 млн. руб. по плану НКТорга; в том числе стоимость основного механического оборудования составит 72,7 млн. руб.

Указанные затраты в сопоставлении с реальной экономией, которую даст механизация хлебопечения, а также с высокой рентабельностью хлебозаводов и коротким сроком окупаемости затрат на них¹, являются незначительными и окупятся в ближайшие годы.

Для того, чтобы с 1930/31 г. переключить дело механизации хлебопечения на новый темп, хотя в указанном нами объеме, который мы считаем минимальным, необходимо:

1) усилить производственные базы, изготавливающие оборудование для механических и автоматических хлебозаводов, форсируя окончание проекта реконструкции воронежских заводов «Мельстро́я» и запроектировав сооружение нового завода; сконцентрировать все производство в руках одной организации;

2) централизовать всю проектировочную работу в специальной организации, поручив ей установление типов хлебозаводов как крупных механических и автоматических — для городов и промцентров, так и механизированных — для сел.-хоз. населения.

Особое внимание здесь должно быть уделено проработке облегченного типа хлебозаводов и механизированных пекарен для обобществления сектора сельского хозяйства (в частности, типов районных хлебозаводов для крупных колхозов и районов сплошной коллективизации);

3) учитывая, что в СССР имеется целый музей всех видов и типов хлебозаводского оборудования (германских, американских, английских, голландских и др. фирм), срочно приступить к разработке стан-

¹ Интересно отметить, что, по сообщению директора хлебозавода в Ростове н/Д, завод окупит все произведенные на него затраты в течение двух лет со дня пуска на полную производительность.

дартов как машин, так и вспомогательного оборудования, включая транспортные устройства.

Поскольку в СССР производятся все виды печей и хлебомаши для механических хлебозаводов, а в текущем году выпущены уже первые мощные автоматические печи и заканчивается разработка конструкций остального автоматического оборудования, необходимо более строго, чем ныне практикуется, подходить к разрешению импортных заявок;

4) объединить, расширить и научно поставить путем организации Опытно-испытательной станции, а впоследствии и Научно-исследовательского института, исследовательскую работу в области техники и эксплуатации хлебозаводского дела, широко используя накопленный отдельными организациями (МОСПО, ЛОСПО, Отд. ЦРК и др.) опыт; ввести в практику регулярный обмен опытом; организовать выпуск соответствующей литературы как популярной и инструктивной, так и чисто научной (использовав заграничные издания);

5) поскольку, вследствие новизны дела, вопрос о кадрах является узким местом развития механизации хлебопечения, увеличить число обучающихся на существующих факультетах Менделеевского института и Политехнического института им. Ленина, создать отделение по хлебопечению при Мукомольном техникуме и, кроме того, организовать специальный Техникум и ВУЗ по хлебопечению.

Существующие кадры работников хлебозаводов должны пройти курсы переподготовки; наконец, в качестве временной меры теперь же организовать особые краткосрочные (не свыше шести месяцев) курсы для всех категорий работников хлебозаводов;

6) всемерно фиксировать окончательную проработку пятилетнего плана механизации хлебопечения и, в частности, плана на 1930/31 г., с таким расчетом, чтобы машиностроительные организации, а также промышленность стройматериалов (поскольку хлебозаводы требуют специально приспособленных зданий) могли не позже 3-го квартала с. г. иметь специфицированные промзадания и знать потребность в металле и других материалах;

7) в соответствии с этим проработать план финансирования строительства с установлением источников покрытия (за счет кооперации, местных средств, бюджета)¹.

Огромная экономия, которую получит народное хозяйство от введения механической выпечки хлеба, а также влияние ее на расширение бытовых условий сельского населения (в соответствии с задачами коллективизации), повелительно требуют принятия решительных и срочных мер к максимально формируемому разрешению этого вопроса в направлении, намеченном настоящей статьей.

¹ Поскольку потребительская кооперация, теперь значительно финансово окрепшая, может принять участие в финансировании, свидетельствуют данные за 1924/27/28 гг., где из общей суммы затрат на строительство хлебозаводов (12.153 тыс. руб.) — 65% (7,5 млн. руб.) дали ЦРК, 2 млн. руб. — бюджет, остальное — местные бан и и проч.

С. И. Толкачев

Применение электрической энергии в домашнем быту

Наряду с успехами, которые делает электрификация в Советском Союзе, с каждым годом проникая все глубже и глубже в различные отрасли народного хозяйства и захватывая новые области (транспорт, сельское хозяйство), есть одна область, которой она до настоящего времени совсем почти не коснулась, если не считать электрического освещения, — это домашний быт.

А между тем, самый беглый обзор тех преимуществ, которые дает применение электричества в домашнем быту, заставляет обратить на развитие электрификации быта самое серьезное внимание, в особенности, при проектировании и строительстве новых социальных городов.

Электричество в домашнем быту улучшает гигиенические условия жизни и облегчает выполнение домашних работ. Поддержание в чистоте кухонь, обслуживаемых электричеством, обходится значительно дешевле — нет копоти, золы, остатков несгоревшего топлива, исключена возможность попадания в кухонные помещения вредных продуктов сгорания и светильного газа, что может иметь место в случае применения газа, а потому нет необходимости в усиленной вентиляции помещения кухонь, что приходится делать, в особенности, в больших кухнях, при массовом приготовлении пищи (в ресторанах, столовых, больницах и т. п.). Электрические плиты излучают меньше тепла, чем плиты с открытым пламенем (угольные или газовые), так как температуры нагревания, с которыми приходится иметь дело в электрических плитах, значительно ниже, чем в случае применения угольных, дровяных или газовых плит, так как эти температуры определяются исключительно потребностью в тепле того процесса, который совершается на плите (варка, печение или жарение того или иного количества определенного продукта) и не находится ни в какой зависимости от процессов горения топлива, как-то имеет место в плитах с открытым пламенем. Вследствие этого в помещении электрической кухни обычно менее высокая температура, что особенно важно летом. Равномерность температуры и возможность поддержания ее в границах, необходимых для приготовления данного блюда, является отличительной особенностью электрической плиты, благодаря чему почти исключена возможность порчи пищи от неправильного нагревания ее и, в частности, пригорания масла.

Значительное сбережение времени и сил дает употребление для стирки белья аппарата с центрофугой.

Электрические аппараты для нагревания воды, которые, нагреваясь ночным током, утром предоставляют в распоряжение потребителя воду, подогретую до высокой температуры, ускоряют приготовление утреннего чая, кофе и т. п.; применение горячей воды ускоряет также и процесс приготовления всякого рода супов.

Вообще применение электричества в домашнем быту увеличивает степень механизации последнего, позволяет, с одной стороны, избежать применения в хозяйстве труда домашних работниц и, с другой стороны, значительно облегчает и сокращает труд женщин в домашнем быту и позволяет им посвятить освободившееся время труду на производстве или общественной работе.

Самое же важное в условиях советского Союза это то, что облегчая возможность введения общественного питания и механизацию отдельных процессов домашнего хозяйства и позволяя осуществлять их с меньшей затратой времени, сил и средств в центральных предприятиях, электрификация быта может оказать большое влияние на скорейшее внедрение в домашний быт коллективизации.

Электричество в домашнем быту за-границей

Применение электричества в домашнем быту за-границей — дело не новое. В некоторых странах за последние годы оно получило значительное развитие. Наибольшее распространение применение электричества в домашнем быту получило в Швейцарии, Северо-Американских Соединенных Штатах и в Германии; менее значительное — в Норвегии, Великобритании, Австрии, Франции, Бельгии и Японии.

Швейцария. В Швейцарии из 4,5 млрд. *квтч*, произведенных в 1928 г. на электрических станциях, 410 млн. *квтч*, т.-е. 9,1% использовано для домашних нужд. Интересно отметить, что потребление энергии на эту цель было более значительным, чем для целей железнодорожной тяги, которое было в том же году равно 7,1%¹.

Электрические кухни особенно значительное распространение получили среди деревенского населения, в районах, где не имеется газа². Здесь не менее 200—250 тыс. жителей пользуются электрической энергией для этой цели, потребляя в год 80—100 млн. *квтч*. Одно из наиболее интересных применений электричества с точки зрения улучшения нагрузки станций в ночное время — это нагревание воды в ночное время в приборах, аккумулирующих тепло (*Heiswasserspeicher*), при чем потребление энергии таким прибором на одно лицо, пользующееся им, достигает от 0,5 до 1,5 *квтч* в день. Таких приборов в Швейцарии установлено до 10 тыс. штук и потребление ими энергии достигает 50 млн. *квтч* в год. Нагретая в приборах вода дальше идет на приготовление пищи и другие хозяйственные нужды. Так как около 50% общего количества калорий, потребных на приготовление пищи, идут на нагревание воды, использование ночного тока для этого процесса уменьшает на соответствующую величину нагрузку электрических станций в дневное время. Устанавливая низкие тарифы на электрическую энергию, отпускаемую ночью, электрические предприятия в Швейцарии добились за последние годы значительного улучшения использования электрических станций в ночное время. Некоторые станции в настоящее время загружены ночью почти в той же степени, что и днем. В частности, Базельская электрическая станция имеет присоединенными к своей сети 5.400 таких приборов на общую установленную мощность 10 тыс. *квтч*. Ночная нагрузка этой станции

¹ Distribution et tarification de l'énergie électrique pour les applications thermiques en Suisse. Revue general de l'électricité 1929 t. XXVI N 21 p. 184 D.

² O. Ganguillet. L'électricité dans les menages et dans l'agriculture. The transactions of the First World Power Conference. Vol. IV p. 583.

от 24 до 6 часов составляет 76% зимнего максимума¹. В среднем же по всем электрическим станциям Швейцарии отношение пика ночной нагрузки к пику дневной равно в настоящее время 3:10 и отношение минимума ночной нагрузки к минимуму дневной 6:6,5².

Кроме электрических кухонь и приборов для нагревания воды ночным током в Швейцарии очень распространены электрические утюги. Число их, по последним данным, достигает 400 тыс. шт. (один утюг на 10 жителей). Потребление энергии на глажение белья достигает величины 30 млн. *квтч* в год.

Применение электричества для отопления жилищ особого распространения в Швейцарии не получило. Обычно электрические комнатные печи служат здесь для дополнительного нагрева в зимние периоды помещений, отапливаемых обычными комнатными печами на дровах или каменном угле.

Для оплаты энергии применяются три системы тарификации³: простой тариф на энергию для освещения и для различных аппаратов малой мощности; двойной тариф с отношением 5:1 на энергию для освещения (более высокая ставка) и на энергию для электрификации быта (более низкая ставка) и, наконец, тройной тариф с отношением 10:2:1, соответственно для энергии на освещение, для энергии для электрификации быта вообще и для энергии на нагревание воды в аккумулярующих тепло приборах. При применении последней системы тарификации максимальный тариф применяется в вечерние часы, средний тариф в дневные часы и наиболее низкий от 12 до 13 часов и от 21 часа до 7 часов. В зависимости от сезона, часы применения отдельных ставок тарифа несколько передвигаются.

Снижение цены на энергию, идущую на нагревание воды в приборах, аккумуляющих тепло, — главное средство, которое позволило швейцарским обществам, распределяющим электрическую энергию, значительно увеличить продажу энергии мелким потребителям. Другой метод, применявшийся в то же время и также оказавшийся очень эффективным, состоял в широкой пропаганде идеи электрификации домашнего быта путем устройства соответствующих лекций, выставок и консультаций по вопросам применения электрической энергии в домашнем быту.

Северо-Американские Соединенные Штаты. Северо-Американские Соединенные Штаты — одна из наиболее электрифицированных стран мира. Для того, чтобы составить себе представление о развитии здесь электрификации, достаточно привести несколько цифр из отчетных данных за 1928 г. о работе электрических станций⁴.

Общая установленная мощность машин на электрических станциях САСШ на 1-е января 1929 г. достигала величины 31,8 млн. *квт*; общая выработка электрической энергии на электрических станциях в 1928 г. была равна 83,1 млрд *квтч* (не считая 1.600 млрд *квтч* импортированных из Канады), что на душу населения в 1928 г. составило около 700 *квтч*. Число электрифицированных жилищ в городах и сельских местностях САСШ к началу 1929 г. было равно 19.077 тыс. и число жителей в них 81 млн. чел., что составляет 67% всего населения САСШ. К концу 1929 г. число электрифицированных жилищ увеличилось

¹ Комм. Электрохозяйство. 1929 г. № 5 (23). В. Л. Леви: „Вопросы бытовой нагрузки“.

² O. Ganguillet. Op. cit.

³ Revue general de l'électricité, 1929, t XXVI, № 21, op. cit.

⁴ Electrical World, 1929, Vol. 93, № 1.

до 19.500 тыс. Годовое потребление электрической энергии в 1928 г. достигло 69.700 млрд. *квтч*, при чем на электрические приборы, применяемые в домашнем быту, не считая электрического освещения, израсходовано 3.404 млрд. *квтч* т.-е. около 4,9%.

Данные о числе присоединенных приборов и потребленной ими электрической энергии таковы¹:

Поряд. номер по числу приборов, находящихся в регул. эксплуат.	Пор. номер по величине годов. потр. энерг.	Наименование приборов	Общее число приборов, установленных в жилищах на 1-е января 1928 г.	Число приборов, наход. в регулярной экспл.	Годов. потреблен. электрич. энергии — <i>квтч</i>	
					Одним прибором	Всеми приборами, находящимися в регулярной эксплуатации
1	1	Утюги	15.300.000	14.500.000	72	1.044.000.000
2	4	Пылесосы	6.828.000	5.800.000	36	209.000.000
3	7	Стиральные машины	5.000.000	4.250.000	24	102.000.000
4	9	Вентиляторы	4.900.000	4.165.000	16	66.640.000
5	5	Радиоаппараты	2.700.000	2.565.000	60	153.900.000
6	6	Электр. сковороды	4.540.000	2.270.000	50	113.500.000
7	8	Кофейники	3.500.000	1.750.000	50	87.500.000
8	10	Отопительные приборы	2.600.000	1.300.000	40	52.000.000
9	3	Холодильники	755.000	720.000	725	522.000.000
10	2	Кухонные плиты	725.000	675.000	1500	1.012.000.000
11	12	Швейные машины	700.000	350.000	10	3.500.000
12	11	Гладильные машины	350.000	300.000	125	37.500.000
Всего			—	—	—	3.404.040.000

Из таблицы следует, что наибольшее распространение в САСШ получили электрические утюги, занимающие первое место как по числу приборов установленных и находящихся в регулярной эксплуатации, так и по годовому потреблению электрической энергии (для сравнения можно указать, что годовой отпуск энергии всем потребителям объединением Могэс в 1927—28 г. было равен 674 милл. *квтч* и Электротокотом—404 милл. *квтч*, что в сумме составляет 1.078 млн. *квтч*); второе место по числу приборов, установленных и находящихся в регулярной эксплуатации, и четвертое по годовому потреблению энергии занимают пылесосы; на третьем месте по числу регулярно эксплуатируемых приборов и на седьмом по годовому потреблению энергии стоят стиральные машины. Затем идут вентиляторы, радиоаппараты и т. д.

Число отопительных приборов, установленных в жилищах, было равно 2.600 тыс. штук, из которых половина находилась в регулярной эксплуатации (8 место); годовое потребление энергии каждым прибором равнялось 40 *квтч* и всеми приборами 52 млн. *квтч* (10 место). Незначительное среднее годовое потребление энергии одним отопительным прибором показывает, что эти приборы применяются в САСШ, главным образом, для дополнительного подогревания жилищ в комбинации с другими системами отопления и лишь в исключительных

¹ La revue hebdomadaire „Electrical News Items“ publiée par la National Electric Light Association.— Le développement des applications domestiques de l'électricité aux Etats Unis. Revue general de l'électricité, 1929, t XXVI, № 14, p. 109. В, а также Electrical World, 1929, Vol. 94, № 25, p. 1257—1258.

случаях электрические печи являются единственным источником тепла в помещении. Применение электрической энергии для отопления жилищ получило значительное развитие в г. Такома (штаты Вашингтон) благодаря низким тарифным ставкам, взимаемым за энергию, идущую на эту надобность, и благоприятным климатическим условиям¹.

В Северной Америке наибольшее распространение применения электрической энергии в домашнем быту получило в Калифорнии, где электрифицировано до 94% всех жилищ.

Германия. О распространении в Германии электрических нагревательных приборов можно судить по тому, что годовая продукция заводов нагревательных приборов для домашнего быта в 1925 г. выразилась в 30 млн. марок, что при средней цене прибора в 10 марок дает 3 млн. аппаратов. Принимая среднюю присоединенную мощность 0,5 *квт* получаем ежегодное новое присоединение нагревательных приборов в домашнем быту в 1,5 млн. *квт*. Если каждый аппарат ежедневно будет в работе только четверть часа, то при такой продукции годовое увеличение нагрузки от присоединения новых приборов может достигнуть $0,25 \times 365 \times 1,5 = 135$ млн. *квтч*².

Процент жилищ в Берлине, пользующихся электрическими нагревательными приборами в домашнем быту (данные относятся к концу 1928 г.)³: утюги электрические—48%, пылесосы—23%, кофемолки—5%, вентиляторы—5%, нагревательные приборы—9% и нагревательные подушки—12%.

В Дрездене, Шверине и других городах—в отдельных домах имеются общие электрифицированные прачечные⁴.

Так как главным препятствием для развития бытовой нагрузки является сравнительно высокая стоимость электрических приборов, то обществом электрических станций в Берлине в 1928 г. было создано специальное общество для кредитования покупателей приборов. К работе в обществе привлечены около 2 500 фирм (инсталляторы, продавцы электрических приборов, универсальные магазины и т. п.)⁵.

Для оплаты энергии, отпускаемой для домашних нужд, в Германии применяется, в большинстве случаев, тариф с основной ставкой, оплачиваемой независимо от использованных *квтч* и с дополнительной оплатой каждого использованного *квтч* (*grundgebührentarif*).

По данным, относящимся к 1927 г.⁶, по такому методу устанавливались тарифы на электроэнергию 14% всех электроснабжающих предприятий Германии, при чем основная ставка взималась по самым различным признакам. Так, основная ставка взималась:

1) с *квт* максимальной потребляемой мощности с установкой ограничителя тока (применяется 7% всех обществ, работающих с тарифами с основной ставкой);

2) в зависимости от числа комнат в квартире (35% обществ);

¹ Domestic heating by means of solid fuel, oil, gas and electricity. Part III Utilisation of electricity for domestic heating. By H. W. Derry. Transactions of the Fuel Conference, 1928, London.

² Fortschritte in der Electrowärmetechnik des Haushaltes. Von D.—Ing. J. Wolf, ETZ 1926, H. 25, S. 722.

³ Elektrizität im Haushalt vor 50 Jahren und heute. Von D. Ing. Adolf, ETZ. 1929, H. 1, S. 6.

⁴ Вопросы бытовой нагрузки. Инж. В. Л. Леви. Комм. электрохозяйство, № 5 (23), 1929 г.

⁵ A. Kaufmann. Das „Elektrissimo“ System der Bewag. Wirtschaft und Technik, 1928, S. 158.

⁶ H. Smolinsky. Einfluss der Lieferung von Elektrowärme für Haushaltungen auf die Belastungsverhältnisse der Elektrizitätswerke und ihre Wirtschaftlichkeit. ETZ. 1928, H. 8, S. 274.

3) с *кв. м* площади комнаты (1% обществ);

4) с *квт* присоединенной мощности (30% обществ);

5) с каждого нагревательного прибора или лампы (около 25% обществ).

Для иллюстрации величины ставок можно привести следующие данные:

В Швейнфурте¹ взимается:

а) с нагревательных приборов:

основная ставка—1—2 марки в месяц за каждый присоединенный *квт*;

рабочая ставка—8 пф. за каждый использованный *квтч*;

б) за освещение (с абонентов, пользующихся одновременно энергией для нагревательных приборов):

основная ставка—1—2 марки за гектоватт присоединенной мощности (из расчета 4 лампы по 40 свечей—1 гектоватт);

рабочая ставка—8 пф. за каждый использованный *квтч*.

Минимальный взнос, обязательный для каждого такого абонента, в год 48 марок (24 марки за освещение и 24 марки за нагревательные приборы).

Указанный обязательный минимальный взнос установлен для покрытия тех расходов, которые каждый абонент, хотя бы и имеющий небольшую установленную мощность и потребляющий в год небольшое количество энергии, заставляет, самым фактом своего существования, нести электрические компании. Эти расходы слагаются из расходов на поддержание в порядке домовых вводов и счетчиков энергии, расходов по снятию показаний со счетчиков, по получению с абонента денег, по ведению отчетности на электрических станциях и т. д.

До введения такого тарифа в Швейнфурте взималась с осветительной нагрузки по 50 пф. за *квтч*. Новый тариф на энергию, при одновременном развитии потребления энергии для домашних нужд и связанным с этим улучшением использования оборудования на электрической станции, оказался для электрической станции более выгодным, чем прежний.

Одна американская электрическая станция, которая отпускает в большом количестве электрическую энергию для домашних нужд (приготовление пищи и пр.), установила следующий тариф на электрическую энергию²: в случае применения электрической энергии только для осветительных целей:

основная ставка—а) 50 центов в месяц и б) 4 цента за 100 кв. фут. площ. помещения;

рабочая ставка—5 центов за *квтч*;

в случае применения электричества для освещения и для других домашних нужд:

основная ставка—а) 2 доллара в месяц и б) 8 центов за 100 кв. фут. площ. помещения;

рабочая ставка—3 цента за *квтч*.

¹ A. Schönberg. Die elektrische Küche. ETZ. 1928, H. 9, S. 327.

² H. Smolinsky. Op. cit.

Сравнение расходов при приготовлении пищи на электрической энергии с расходами при применении плит с открытым пламенем

Данные о потреблении электрической энергии, газа и каменного угля на приготовление одного и того же количества пищи, приводимые в технической литературе, довольно пестрые; приходится констатировать, что твердо установленных эквивалентов в этом вопросе еще нет.

Инж. Е. Ritter¹ считает в среднем 1 куб. м газа эквивалентным 1,5 *квтч* или 3,6 *кг* угля, не указывая теплотворной способности ни газа, ни угля.

По данным инж. Rutishauer², на приготовление пищи для 145 чел. в течение недели было израсходовано на угольной плите 511 *кг* угля, на газе—193 куб. м газа и на электрической энергии—646 *квтч* электрической энергии, или на одного человека в день—0,503 *кг* угля—0,193 куб. м газа—0,636 *квтч* электрической энергии, что дает следующее эквиваленты: 1 куб. м газа эквивалентен 3,3 *квтч*, или 2,6 *кг* угля.

Теплотворная способность применявшихся при этом опыте топлива была равна—уголь 7.838 *кал/кг* и газ—5.864 *кал/куб. м*. Если сделать пересчет на газ теплотворной способностью в 4.200 *кал/куб. м* и уголь 7.000 *кал/кг*, соотношение будет: 1 куб. м газа эквивалентен 2,36 *квтч*, или 2,08 *кг* угля.

Инж. I. Sandberg³ приводит следующие соотношения, полученные из опыта: 1 куб. м газа эквивалентен 2,4 *квтч*, или 7 *кг* дров, или 6,65 *кг* торфа.

Теплотворные способности применявшихся при опыте видов топлива были: газ—4.300 *кал/куб. м*, дрова—3.185 *кал/кг*, торф—3.440 *кал/кг*, что дает коэффициент полезного действия отдельных видов плит:

$$\eta_{\text{эл}} = 65\%, \quad \eta_{\text{дров}} = 6\%, \quad \eta_{\text{торф}} = 6\%, \quad \eta_{\text{газ}} = 31,4\%.$$

Если принять, что коэффициент полезного действия каменноугольной плиты будет равен также 6%, и теплотворную способность каменного угля в 7000 *кал/кг*—эквивалент для каменного угля при вышеприведенных данных будет: 1 куб. м газа эквивалентен 3,21 *кг* угля.

При пересчете на газ теплотворной способностью в 4200 *кал*, дрова теплотворной способностью 3660 *кал* (сухие березовые дрова с 20% влажностью) получаем соотношение: 1 куб. м газа эквивалентен 2,28 *квтч* или 3,13 *кг* угля или 6,2 *кг* дров или 6,51 *кг* торфа.

Инж. A. Hayet⁴, на основании данных, помещенных в журналах „Electricité et Mécanique“ янв. 1925 г. „Bull. AEG, декабрь 1925 г. и август, сентябрь и ноябрь 1928 г., „Journal des Usines à gaz“, ноябрь 1928 г. и март 1929 г., „Bull. d'information et de Propagande pour développement de l'emploi de l'électricité aux usages domestiques, январь-февраль 1929 г., и, наконец, данных, полученных от Парижской компании по распределению энергии, приходит к заключению, что эквивалент одного куб. м газа в час по отношению к электрической энергии равен 2,68/1 куб. м газа=2,68 *квтч* (среднее между 1,66 и 3,7).

¹ E. Ritter. Die Elektrizitäts als Wärmequelle in Klein und Grossküchenbetrieb, ETZ. 1928, H. 28, S. 1029.

² ETZ. 1927, H. 40, S. 1459.

³ J. Sandberg. Electric Power in Norwegian Housholds. — The Transactions of the First World Power Conference, Vol. IV, p. 432.

⁴ A. Hayet. Le gas ou l'électricité pour cuisine domestique. — L'industrie électrique — 10 août, 1929, t XXXVIII, p. 341—349.

Инж. Fr. Marti¹ принимает, что 1 куб. м газа эквивалентен 3,5 *квтч* в обычных электрических плитах и 3,0 *квтч* при применении подогревателей воды ночным током (Heiswasserspeicher).

Инж. Glinsky² считает, что для варки пищи 1 куб. м газа эквивалентен 2—3 *квтч*.

Инж. Kratochwil³, на основании проделанных опытов, считает 1 куб. м газа эквивалентным 2,9 *квтч* при теплотворной способности газа, равной 4300 *кал/кг*, что при пересчете на 4200 *кал/кг* дает 1 куб. м газа эквивалентным 2,84 *квтч*.

На основании вышеизложенного получаем следующую таблицу эквивалентов одного куб. м газа в кухонных плитах:

Газ (4200 кал/ куб. м)	Электр. энергия		Камен. уг. (7000 кал/кг)		Дрова (4660 кал/ кг)	Торф (3440 кал/ кг)
	От	До	От	До		
1 куб. м	2,28 <i>квтч</i>	2,84 <i>квтч</i>	2,08 <i>кг</i>	3,13 <i>кг</i>	6,2 <i>кг</i>	6,51 <i>кг</i>
В среднем 1 куб. м	2,56 <i>квтч</i>		2,6 <i>кг</i>		6,2 <i>кг</i>	6,51 <i>кг</i>

Если принять средние значения, т.е. что 1 куб. м газа эквивалентен 2,56 *квтч* или 2,6 *кг* угля или 6,2 *кг* дров, то при ценах, существующих в Москве,⁴ применение электричества для приготовления пищи может конкурировать со стоимостью приготовления пищи в газовых плитах, если учитывать только стоимость топлива и электрической энергии, при цене *квтч* в 4,4 коп., с приготовлением пищи в плитах, отапливаемых антрацитом, при цене электрической энергии в 3,05 коп. за *квтч* и с приготовлением пищи на дровяных плитах, при цене энергии в 5,0 коп. за *квтч*.

Однако, для полного освещения экономической стороны вопроса нельзя ограничиться только рассмотрением вопроса о стоимости топлива и необходимо осветить вопрос о стоимости оборудования кухонь, а также и о других расходах при применении газа, угля и электрической энергии.

Инж. E. Ritter⁵ отмечает, что при рассмотрении вопроса о сравнительной стоимости кухонных плит: газовых, каменноугольных

¹ Fr. Marti—Die elektrische Küche—Bull. S. E. V., Bd. 19, S. 1.

² Glinsky — Neuzzeitliche Energiewirtschaft Z. V. D. J. 1925, Bd. 60, S. 141.

³ Kratochwil—Elektrowärmeverwertung—Verlag v. R. Oldenburg, Berlin, 1927, S. 175.

⁴ В Москве цена газа, отпускаемого на осветительные цели,—

3 р. 1000 куб. ф. — 10,71 коп. куб. м.,
на технические цели — 3 р. 60 к. „ — 12,87 коп. куб. м.,
для домашнего потребления — 3 р. 15 к. „ — 11,25 коп. куб. м.

Теплотворная способность газа 4200 кал.

Расход газа по данным Московского газового завода—

1 верхн. горелкой — 16 куб. ф. в час — 0,448 куб. м. в час,
горелкой шкафа — 32 — 33 куб. ф. в час — 0,896—0,924 куб. м. в час
колонкой ванны — 180 куб. ф. в час — 5,04 куб. м. в час.

Коэффициент одновременности для домовых установок 1 : 3.

Себестоимость 1 куб. м смешанного газа, по данным Моск. газ. завода, в 1928/29 г. 10,79 коп.

Стоимость куб. сажени березовых дров франко-котельная 88 руб., вес 260 пуд.—4,260 тонны, что дает стоимость 1 *кг* дров 2,06 коп. Теплотворная способность сухих березовых дров (20% влажности) 3660 кал.

Стоимость *т* антрацита франко-котельная 29 р. 80 к. тонна или около 3 коп. за *кг*. Теплотворная способность 7000 кал.

⁵ E. Ritter. E.T.Z 1928, H. 28, op. cit.

и электрических, нужно принимать во внимание то обстоятельство, что производство угольных и газовых плит поставлено в Германии, как массовое производство, и отдельные части плит стандартизованы, что позволяет установить при производстве их поточный метод работы. Что касается промышленности по производству электрических нагревательных приборов, то положение здесь далеко не столь благоприятно. Мелкие и средние электрические плиты являются предметом лишь серийного производства и о поточном методе работы здесь говорить не приходится. Отсюда ясно, что мелкие и средние электрические кухонные аппараты стоят дороже аппаратов для газа и для каменного угля.

Для больших кухонных плит, которые как для угля и газа, так и для электричества, являются продукцией лишь сравнительно небольшого серийного производства, положение иное. На цену таких плит в первую очередь влияет стоимость арматуры и только в незначительной степени стоимость нагревающей части (у электрической плиты) или топочного пространства (в газовых и угольных плитах). Разница в стоимости арматуры, сырья и работы по изготовлению рассматриваемых типов плит не может вызвать существенной разницы в их стоимости, что и имеет место на практике. Разницы в стоимости больших плит электрических, газовых и каменноугольных почти нет. В тех же случаях, когда электрическая плита стоит дороже, разница в стоимости объясняется более совершенной технической конструкцией последней. Так, например, почти ни в одной газовой или угольной плите не применяется тепловой изоляции стенок, в то же время почти каждая хорошая электрическая плита немецкой фабрики имеет такую изоляцию. Кроме того, нужно принять во внимание, что газовые и угольные плиты требуют устройства труб для отвода продуктов горения, при чем при газовых плитах эти трубы не могут быть использованы для отвода продуктов горения от каких-либо других нагревательных приборов. В электрических кухнях устраивать дымовых труб не нужно.

Переходя к анализу других расходов, связанных с устройством и эксплуатацией кухонь, можно по отдельным статьям этих расходов сделать следующие замечания.

Проценты на капитал. Поскольку стоимость плит и расходы по установке их для различных топлив приблизительно одинаковы, проценты на капитал для всех трех случаев можно принять одинаковыми и из рассмотрения исключить.

Отчисления на амортизацию для угольных и газовых плит обычно принимают в 5—10%. Для установления размера отчислений на амортизацию электрических плит нужно принять во внимание: 1) электрические плиты не подвергаются действию химических процессов, связанных с горением топлива, что имеет место в плитах с открытым пламенем, которые, независимо от обычного износа, подвергают постепенному разрушению материал, из которого сделана плита, 2) температура нагревания, с которыми приходится иметь дело в электрических плитах, как уже указывалось выше, значительно ниже, чем в газовых и угольных плитах. Все эти обстоятельства дают основание для установления для электрических плит меньшего процента отчислений на амортизацию, чем для плит газовых и каменноугольных.

Переходя к вопросу о расходах на ремонт, необходимо указать, что в последних конструкциях электрических плит применяются прочные нагревающие элементы, могущие служить в течение очень долгого времени. Обращено внимание и на другое слабое место

в электрических плитах—выключатели, которые в плитах последних конструкций располагаются в передней части плит на пластинках, изолированных от тела плит воздушным каналом. Конечно, и в электрических плитах возможны повреждения, требующие ремонта (смена перегоревших предохранителей, нагревающих элементов), но такой ремонт может быть сделан быстро и не потребует значительных расходов. Во всяком случае, можно принять, что угольные и, в особенности, газовые плиты требуют ремонта чаще, чем электрические.

Обслуживание и расход продуктов на приготовление пищи. Для выяснения расхода на обслуживание и расхода продуктов инж. Циммерман в санатории Мариенталь в Мюнстере были произведены опыты по изготовлению одинаковых блюд на каменноугольных и электрических плитах при эксплуатации их в совершенно одинаковых условиях¹. Эти опыты дали следующие результаты:

1) время, потребное на доведение температуры плиты до величины, потребной для эксплуатации ее и на подогрев приготавливаемых блюд, в электрической плите составило около 12,5% от времени, потребного на ту же операцию в каменноугольной плите;

2) блюда изготовлялись на электрической плите быстрее. Продолжительность приготовления пищи на электрической плите составила 45% времени, потребного для угольной плиты;

3) электрическая плита потребовала меньше обслуживающего персонала, а именно 48% от того количества, которое потребовалось для угольной плиты;

4) стоимость обслуживания при электрической плите составила всего около 23% от стоимости обслуживания при каменноугольной плите;

5) расход жиров на приготовление пищи при применении электрической плиты был значительно меньше и составил всего около 48% от расхода их при приготовлении пищи на каменноугольных плитах.

Из данных опытов в санатории Мариенталь можно установить следующую зависимость между количеством сожженного каменного угля и израсходованной электрической энергией и потребностью на обслуживание плит в человеко-часах. На 1 кг сожженного в плите угля приходится 0,169 раб. часов и на 1 квт электрической энергии, израсходованной в плите на приготовление пищи, приходится 0,124 раб. часа. С другой стороны, произведенное специальное обследование установило, что при применении в кухонной плите газа расход на обслуживание, по сравнению с электрической плитой, увеличивается на 40%.

Вышеизложенное показывает, что при сравнении экономичности применения электрической энергии для приготовления пищи нельзя ограничиваться только сравнением расходов на топливо (в случае применения газа, каменного угля или дров) и на электрическую энергию (для электрических кухонь), но нужно учитывать и другие расходы, которые обычно дают более благоприятное соотношение в пользу применения электричества.

Применение электрической энергии для выпечки хлеба

Наряду с применением электрической энергии для приготовления пищи в индивидуальных установках, в отдельных квартирах и в больших кухнях, обслуживающих рестораны, санатории и т. п., за грани-

¹ E. Ritter. Op. cit.

цей начинает приобретать довольно широкое распространение применения электрической энергии в хлебопекарнях для нагревания печей для выпечки хлеба и всякого рода кондитерских товаров.

Из многочисленных подсчетов и опытов, произведенных для сравнения стоимости эксплуатации печей для выпечки хлеба при применении различных видов топлива и электрической энергии, следует особо отметить опыты, произведенные Д-р W. Windel¹.

Он нашел, что для печи с площадью пода в 9 кв.м, при цене 1 кг каменного угля в 3,3 пф. франко-топка, расходы на топливо, в случае применения для нагревания печи каменного угля, и на электрическую энергию при применении последней для этой цели, будут тогда равны, когда 1 квтч электрической энергии будет стоить не более 1,36 пф. Если учесть экономию, которая получается при применении электрической энергии в расходах на амортизацию, обслуживание, ремонт и пр., то уже при стоимости 1 квтч в 2,79 коп. применение электрической энергии для хлебопечения может конкурировать с применением для той же цели каменного угля, при цене его в 3,3 пф. за кг. При этом не учитываются те преимущества, которые имеет электрическая печь, в частности, возможность точного регулирования температуры, чистота помещения, получение лучшего качества товара, более короткий промежуток времени, потребный на его приготовление, экономия на рабочей силе. Если учесть еще и эти преимущества прибавкой в 0,5—1 пф. к стоимости 1 квтч, можно принять, что пекарня может заплатить за электрическую энергию от 3,25 до 3,75 пф. за квтч, не боясь конкуренции других пекарен, работающих на каменном угле. Следовательно, электрическая энергия, при применении ее для хлебопечения, может конкурировать с применением для той же цели каменного угля в том случае, когда стоимость квтч, по которой энергия предоставляется пекарням, равна стоимости, которую пекарня платит за 1 кг угля, т.-е. при возможности отпуска электрической энергии, примерно, по цене топливной слагающей.

Само собой разумеется, что по такой цене может отпускаться лишь добавочная энергия, которая не может получить какого-либо другого применения. Обычно это имеет место в ночные часы работы станции. Поэтому применение электрической энергии в хлебопечении может представить интерес для электрической станции лишь в том случае, если печь в хлебопекарне обладает столь большой и хорошей способностью сохранять (аккумулировать) тепло, что присоединение печи к сети может быть ограничено временем, скажем, от 22 часов до 6 часов.

Немецкие фирмы, конструирующие печи для хлебопечения, выработали конструкции последних, уже испробованные в практической обстановке, которые, нагреваемые током в течение восьми часов и затем отключаемые от сети, дают возможность вести в них выпечку хлеба и других кондитерских товаров в течение целого дня.

Отпуск электрической энергии даже и в ночное время по цене топливной слагающей может иметь значение для электрических станций лишь при условии значительной величины этого отпуска и связанного с этим значительного увеличения коэффициента использования оборудования станции.

Поэтому, представляется интересным сделать грубый подсчет того количества энергии, которое могут взять печи хлебопекарен в случае применения для их обогрева электрической энергии.

¹ См. статью Д-р В. Thierbachs.—Die Elektrogewerbe und die Bäcker. Betrachtungen anlässlich der deutschen Bäckereifach Ausstellung in Essen. 1927. E.T.Z 1927, N. 33, S. 1187.

Для города с населением в 100 тыс. чел. расчет дает следующие цифры.

Произведенные до сего времени опыты выпечки хлеба в электрических печах показывают, что на выпечку 1 кг хлеба и разного рода кондитерских товаров из теста, при применении печей аккумуляторного типа, требуется около 0,5 квтч электрической энергии (для хлеба немного менее, для кондитерского товара немного более)¹.

Следовательно, если принять потребление хлеба и других изделий из теста одним жителем в день равным 0,8 кг, введение электрической выпечки хлеба даст потребление электроэнергии в день на одного жителя в 0,4 квтч. При 100 тыс. жителей это потребление электрической энергии выразится величиной в 40 тыс. квтч в день и в 14,6 млн. квтч в год.

Так как потребление электрической энергии печами хлебопекарен распределяется совершенно равномерно в течение восьми ночных часов, то величина присоединенной мощности печей, а также и максимум нагрузки на электрической станции при вышеприведенных условиях составит 0,05 квт на душу населения и 5000 квт на 100 тыс. жителей.

0 перспективах потребления электроэнергии в домашнем быту в СССР

В условиях северных и средних широт нашего Союза, при довольно низких средних годовых температурах и продолжительных отопительных периодах, рассчитывать на применение электрической энергии для отопления помещений не приходится. Такое применение электрической энергии может иметь место лишь в южных частях Союза, в частности, на Кавказе, в Крыму, с мягким климатом, с высокими средними годовыми температурами и обычно непродолжительным отопительным периодом. Поэтому в дальнейшем изложении вопрос о применении электрической энергии для отопления жилищ не рассматривается.

Переходя к вопросу об электрическом обслуживании быта в Советском Союзе и, в частности, в новых социалистических городах, прежде всего необходимо отметить, что развитие электрификации СССР в этой области должно идти в ином направлении, чем то имеет место в капиталистических странах. Нам не за чем стремиться догнать и перегнать их по числу утюгов и электрических сковородок, применяемых в индивидуальном хозяйстве. В обобществленном хозяйстве Советского Союза утюги заменит гладильная машина в центральной механической прачечной и электрические сковородки — большая электрическая плита на центральной фабрике-кухне. Часть домашних процессов, которые в индивидуальных хозяйствах капиталистических стран совершаются в каждой отдельной семье, в обобществленном хозяйстве Советского Союза будет осуществляться централизованно — в центральных фабриках-кухнях, в центральных механических прачечных, в центральных хлебозаводах. В такого рода центральных учреждениях электрическая энергия, как источник движущей силы и как источник тепла, должна сослужить особо важную роль.

Хотя схема нового социалистического города в настоящее время находится в процессе обсуждения, в дальнейшем, для того, чтобы

¹ При применении печей без аккумуляторов потребление электрической энергии значительно меньше, а именно около 18 квтч на 1 кг хлеба. Неудобство таких печей заключается в том, что они должны быть приключены к сети в продолжение всего процесса печения.

исходить из конкретных данных, в основу подсчетов положена схема, доложенная В. А. Базаровым рабочей группе по строительству социалистических городов при Госплане СССР, а именно:

1) размер жилищного коллектива, ведущего на социалистических началах свое домашнее хозяйство, принимается в 3000 чел. (в том числе взрослое население—2000 чел.);

2) население это живет в нескольких крупных домах, образующих блок домов;

3) на каждого живущего в доме полагается комната индивидуального пользования полезной площадью в 12 кв.м;

4) помещения индивидуального пользования группируются в серии—в 4—6 комнат;

5) каждая серия имеет общую прихожую, уборную, ванну с душем, буфетный шкаф с оборудованием, делающим возможность подогреть пищу и воду для кофе и чая и приготовить наиболее простые блюда. Этот буфетный шкаф предусматривается на тот исключительный случай, когда кто либо из живущих в блоке по какой либо причине не может пойти в общую столовую;

6) в случае, если высота домов, входящих в блок, будет иметь больше 4 этажей, дома будут обслуживаться лифтами;

7) при каждом блоке домов будут следующие центральные учреждения:

а) столовая на 1000 чел. одновременно обедающих, площадью, примерно, 3000 кв.м,

б) варочная для изготовления горячей пищи из „полуфабриката“, доставляемого в блок центральной фабрикой-кухней,

в) прачечная для мелких постирушек,

г) распределитель—универмаг,

д) продуктовые, вещевые, разные кладовые,

е) клубный зал, могущий вместить одновременно 1500 чел., с кинопередвижкой,

ж) библиотеку—филиал центральной городской библиотеки—с рядом читальных комнат,

з) ряд помещений для групповых занятий,

и) залы для физкультуры (в каждом корпусе блока отдельные) и помещение для других видов спорта,

к) помещения для работы партийных и общественных организаций блока,

л) наконец, медицинский пункт и зубоврачебный кабинет, почтово-телеграфное отделение с сберкассой, гараж для автобусов и автомобилей коллективного пользования и для мотоциклов и велосипедов индивидуального пользования.

Вся совокупность помещений общественного пользования при блоке составляет 10 кв. м на душу. Обслуживающая площадь (корридоры и т. п.) 11 кв. м на душу. Общая площадь на взрослого живущего в блоке—33 кв. м. Та же норма и для детско-подросткового возраста.

Кроме перечисленных помещений, сосредоточенных в блоках жилых домов, при составлении схемы электрического обслуживания быта населения социалистических городов нужно принять во внимание те центральные предприятия города, на которые будет возложено выполнение обобществленных домашних процессов, а именно: центральную фабрику-кухню, центральный хлебозавод и центральную механическую прачечную.

Электрическое обслуживание быта в социалистическом городе мыслится в следующих формах:

Все помещения освещаются электричеством.

В домах устанавливаются:

в комнатах индивидуального пользования радиоприемники;

на каждую серию комнат электрический пылесос и телефон; электрическая печь для ванны и душа; в буфетном шкафу: электрическая плитка, электрический чайник, электрический кофейник, электрический утюг.

При блоке домов устанавливаются:

в варочной—электрические плиты; электрический кипятильник для приготовления горячей воды; электрический прибор для мытья посуды; электрический вентилятор; электрический холодильник; телефон.

В прачечной—электрическая стиральная машина; электрическая сушильная машина; электрическая гладильная машина; электрический вентилятор; телефон.

В распределителе-универмаге—электрический холодильник; телефон.

В клубном зале—громкоговоритель-радио; киноаппарат; электрический вентилятор; телефон.

В библиотеке—пылесос; электрический вентилятор; телефон.

В помещениях для групповых занятий—оборудование фотографической лаборатории (прибор для приготовления горячей воды, прибор для печатания при искусственном освещении); телефоны; вентиляторы.

В зале для физкультуры—электрические печи для теплых душей; электрические аппараты для массажа и для физкультуры; электрический пылесос; электрический вентилятор; телефон.

В центральных учреждениях города, выполняющих обобществленные домашние процессы, устанавливаются:

На центральной фабрике-кухне—электрические плиты; электрические котлы для приготовления супов, для варки овощей, для варки колбасы; электрические кипятильники для приготовления горячей воды; электрические моторы для мясорубок и овощерубок; электрические приборы для мытья посуды; электрические вентиляторы; электрический холодильник; телефоны.

На центральном хлебозаводе—электрическая печь для выпечки хлеба и других изделий из теста; электрические моторы для тестомешалок; электрические кипятильники для приготовления горячей воды; пылесосы; вентиляторы; телефоны.

На центральной механической прачечной—электрические стиральные машины; электрические сушилки для белья; электрические гладильные машины; электрическое оборудование дезинфекционных камер; электрические вентиляторы; телефоны.

Установка перечисленных электрических приборов должна быть учтена при устройстве электрической распределительной сети города и присоединении зданий к этой сети. В частности, домовые вводы должны быть рассчитаны на большую присоединенную мощность, чем это имеет место в настоящее время, когда учитывается только осветительная нагрузка в жилых домах. Так например, для серии комнат индивидуального пользования необходимо учитывать, что присоединенная мощность электрической плитки, электрического утюга, электрического кофейника и электрического чайника в среднем для каждого

перечисленного прибора равна 0,5 *квт*, а присоединенная мощность печи для ванны равна около 1,0 *квт*. Следовательно, если принять коэффициент одновременности равным 0,5, максимальная потребная мощность бытовой нагрузки „серии“ может достичь величины 1,5—2 *квт*. Если учесть еще и мощность, идущую на освещение, то вводы в „серии“ необходимо рассчитывать на мощность не ниже 2,5 *квт*.

Одновременно Советская электропромышленность в своих производственных планах должна учесть возможность роста спроса на нагревательные приборы для бытового потребления. В настоящее время на заводах ВЭО изготавливаются лишь мелкие нагревательные приборы индивидуального пользования (чайники, кофейники, утюги, плитки и т. п.). Крупные приборы, как то: кухонные плиты, кипятильники и т. п., не изготавливаются, главным образом, из-за отсутствия на них спроса. Конструкция крупных нагревательных приборов сравнительно проста и, по заявлению работников ВЭО, наладить производство их в СССР особых затруднений не вызовет. Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что хотя в электронагревательных приборах нагревательные элементы делаются из никрома, патентованного металлического сплава, импортируемого из-за границы, главное затруднение, которое испытывает производство электронагревательных приборов в СССР, заключается не в получении импортного сплава, которого для изготовления приборов идет очень немного и стоимость которого составляет ничтожную долю в общем импортном плане ВЭО, а в недостаточном снабжении слюдой, экспортируемой из СССР за границу. Попытки заменить слюду другими изолирующими веществами, в частности, миканитом, асбестом и т. п., пока положительных результатов не дали. Приборы с суррогатами слюды не отличаются прочностью и распространение их может посеять недоверие потребителей к нагревательным приборам и повредить делу в самом начале его развития.

Подсчет потребления электрической энергии на бытовые нужды

Основной расход энергии в домашнем быту будет на приготовление пищи, на нагревание воды (ванны, прачечные и другие хозяйственные нужды), на хлебопечение и на освещение помещений; менее значительный—на холодильники и на вентиляторы.

Потребление же энергии приборами, установленными в буфетных шкафах, пылесосами и т. п. будет сравнительно незначительным, в особенности если принять во внимание, что буфетными шкафами население будет пользоваться нерегулярно.

Учитывая централизованное приготовление пищи, примем потребление энергии на приготовление пищи на одного жителя города в 0,5 *квт* в день¹. Расход энергии на приготовление горячей воды—ванны и стирка белья—0,5 *квтч* в день на человека (в предположении, что каждый житель города ежедневно или, во всяком случае, не реже, чем через день, берет теплую ванну), горячая вода на кухне—0,5 *квтч* в день на жителя. Расход энергии на хлебопечение, исходя из потребления хлеба и разных кондитерских товаров в 0,8 *кг* в день на душу населения,—0,4 *квтч* в день на жителя. А всего на одного жителя в день около 2,0 *квтч* или в год 730 *квтч*.

¹ R. Galland 434—438 (La cuisine à l'électricité dans les restaurants. L'Electricien I Octobre 1929 t LIX p. 434—438 указывает, что на приготовление не очень изысканного обеда в ресторане следует считать 1 *квтч* на один обед. Для столовых расход энергии колеблется от 0,5 до 0,7 *квтч* на один обед, в зависимости от числа их.

Внутреннее освещение. Для определения мощности, потребной для внутреннего освещения, принимаем среднюю освещенность 1 *кв. м* площади пола для комнат индивидуального пользования 3 свечи, для подсобных помещений—2 свечи и для помещений общественного пользования, в среднем,—4 свечи. При размере площади, приходящейся на одного жителя—12 *кв. м* помещения индивидуального пользования, 11 *кв. м* подсобных помещений и 10 *кв. м* зданий общественного пользования, получаем, что на одного жителя города будет приходиться 98 свеч. Если принять расход энергии на 1 свечу, в среднем, в 1½ ватта, получаем мощность, потребную на внутреннее освещение, отнесенную на 1 жителя города, в 0,15 *квт*.

Принимая коэффициент одновременности для освещения в комнатах индивидуального пользования в 100%, в подсобных помещениях в 75% и в помещениях общественного пользования в 90% и годовое число часов использования *квт*, установленного для внутреннего освещения, равным 1200, получаем потребление электрической энергии на освещение в год, отнесенное к одному жителю, около 160 *квтч*.

Следовательно, полное потребление электрической энергии на бытовые нужды в год на одного жителя составит кругло 900 *квтч*.

Для сравнения представляется интересным привести данные о потреблении электрической энергии на одного жителя в настоящее время в наиболее электрифицированных городах Западной Европы и САСШ¹, включая потребление энергии общественными учреждениями, трамваем и т. п., исчисленное как частное от деления отпуска энергии в распределительной сети города на число жителей в городе.

Наименование города	Потребл. электр. энергии в год на 1 жителя <i>квт</i>	Процент жилищ, присоединенных к городской сети
Зап. Европа		
Базель	640	100,0
Цюрих	604	99,3
Стокгольм	296	88,8
Париж	279	63,8
Штутгарт	258	—
Берлин	252	50,0
Амстердам	236	96,0
Вена	210	—
Гаага	209	100,0
Гамбург	209	—
Копенгаген	196	89,8
Лондон	151	—
Будапешт	135	—
Сев.-Америк. Соед. Штаты		
Чикаго	1088 ²	96,3
Филадельфия	914 ²	—
Детройт	884 ²	—
Нью-Йорк	667 ²	—

¹ Revue general de l'électricité, 1929, t. XXVI, № 22 (Данные относятся к 1928 г.).

² Более высокое потребление электрической энергии на одного жителя в городах САСШ по сравнению с Западной Европой объясняется более интенсивным применением энергии в домашнем быту, а также и тем, что значительное число промышленных предприятий в этих городах присоединено к общегородской распределительной сети.

Приведенные данные о годовом потреблении электрической энергии на душу населения в городах Западной Европы значительно ниже намеченного годового потребления энергии на душу населения в новых социалистических городах, в особенности, если принять во внимание то, что для социалистического города не учтена энергия, идущая на освещение улиц, на внутреннее освещение центральных учреждений города (дома Советов, центральный городской клуб, городской театр, центральное кино, универмаг и т. п.), а также не учтено потребление электрической энергии такими городскими предприятиями, как водопровод, канализация, трамвай, мясохладобойня и друг. Если учесть все потребности городских предприятий, годовое потребление электроэнергии на душу населения в социалистическом городе должно значительно превзойти максимальное потребление электроэнергии в настоящее время в городах Северо-Американских Соединенных Штатов, если в социалистическом городе будет проведена намеченная полная электрификация быта (приготовление пищи для всего населения, стирка белья, хлебопечение), чего нет в настоящее время ни в одном городе ни в Западной Европе, ни в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Туркестано-Сибирская магистраль

История вопроса

Два-три года тому назад и Туркестано-Сибирская железная дорога, и Днепрострой стояли в центре общественного внимания, как первые опыты грандиозного строительства в условиях советского хозяйства. В настоящее время пятилетний план хозяйственного строительства открывает перед нами перспективу создания целого ряда мощных промышленных комбинатов, стоимостью в 200 и более млн. руб. каждый. На общем фоне реконструкции народного хозяйства, по масштабу работ, Турксиб скоро уже не будет единичным явлением. Обстоятельство это не должно, однако, ослабить наш интерес к нему. Прежде всего, сооружение Туркестано-Сибирской дороги уже близится к концу. 1-го мая настоящего года по новой магистрали пройдет первый сквозной поезд из Сибири в Туркестан. Таким образом, постройка Турксиба, произведенная, как известно, в исключительно трудной обстановке, явится блестящим доказательством возможности и необходимости подобного масштаба строительства в Советском Союзе. Вместе с тем, не закрывая глаза на преодоленные трудности, следует использовать приобретенный опыт для будущих, не менее важных задач. Наконец, что особенно важно, необходимо заранее подготовиться и обеспечить оптимальное использование вновь выстроенной магистрали для хозяйственного подъема обслуженных ею районов и всего Союза в целом.

Не претендуя, разумеется, на исчерпание имеющегося богатейшего материала, настоящий очерк является попыткой, в сжатом виде, изложить основные, наиболее интересные моменты в истории сооружения Туркестано-Сибирской железной дороги, охарактеризовать проделанную работу и достигнутые результаты, наметить стоящие перед нами, в связи с предстоящим окончанием постройки, задачи.

Идея соединения Сибири с Туркестаном имеет более, чем пятидесятилетнюю давность. Еще в 1878 году в б. Министерство Путей Сообщения был представлен проект сооружения железной дороги от Тюмени через Акмолинск до Ташкента¹. В то время, как известно, не существовало ни Сибирской, ни Ташкентской дороги, и проект, по вполне понятным причинам, не получил дальнейшего движения.

Впоследствии, начиная с 1898 г., вопрос о соединении Сибири с Туркестаном неоднократно ставился на обсуждение в различных инстанциях. Едва ли в настоящее время представляет большой интерес восстановление детальной хронологии и отдельных этапов прохождения этого вопроса в дореволюционное время. Существенно отметить, что дальше производства изысканий дело за долгие годы

¹ См. сборник „Туркестано-Сибирская магистраль“, статью А. А. Лазаревского стр. 236.

почти не пошло. Несмотря на колонизационные стремления царского правительства, оно оказалось слишком близоруким, чтобы оценить экономическое значение соединения Туркестана с Сибирью и пойти на необходимые финансовые жертвы (линия по данным б. М. П. С. должна была отличаться значительной дефицитностью).

В 1912 г. было образовано акционерное общество Семиреченской железной дороги, но и оно имело весьма ограниченные задачи — обслужить рельсовыми путями Семиречье. Деятельность этого общества была приостановлена войной, и к началу революции оказалось выстроенным лишь очень небольшой участок Семиреченской дороги Арысь—Бурное (237 км). Линия эта была доведена до Фрунзе в 1924 г.

Экономическая политика Советского правительства выдвинула вновь и с особенной остротой необходимость создания кратчайшего рельсового соединения Туркестана с Сибирью. Только таким путем можно было снабдить Ср. Азию дешевым хлебом из Сибири и Казахстана, освободив тем самым поливные земли Туркестана для широкого развития хлопководства, которое бы явилось базой для нашей хлопчатобумажной промышленности, до сих пор находящейся в зависимости от импортного хлопка. Вместе с тем, сооружение дороги должно было открыть новые рынки для сибирского хлеба и леса.

В результате изысканий 1925—26 г. было намечено несколько основных вариантов сооружения магистрали. Первый проект был первоначально выдвинут еще в 1907 г., когда предполагалось соединение Сибири с Туркестаном через Семипалатинск—Верный (ныне Алма-Ата)—Пишпек (ныне Фрунзе). Второй проект относится к 1913 г., когда было намечено направление Петропавловск—Акмолинск—Пишпек. Наконец, третий проект возник в процессе позднейших изысканий (1925/26 г.) и заключался в сооружении дороги через Акмолинск—Кзыл-Орду.

Туркестано-Сибирская дорога, помимо основной своей задачи — соединения Сибири с Ср. Азией — должна была выполнить другую, не менее важную задачу — обслужить местные интересы, поднять на должную высоту и реконструировать хозяйство непосредственно пересекаемых районов. В силу этого обстоятельства предпочтение было отдано первому из названных проектов, предусматривающему обслуживание плодородных районов Джетысу. Вместе с тем, сооружение магистрали по этому варианту должно значительно облегчить нашу экономическую связь с сопредельной западно-китайской провинцией Синь-Цзян.

В заседании Совета Труда и Оборона 3 декабря 1926 г. был заслушан доклад Госплана о перспективах крупного строительства в СССР на ближайшие годы. В своем постановлении Совет Труда и Оборона зафиксировал необходимость сооружения в пятилетний срок Туркестано-Сибирской дороги с примыканием ее к существующим железным дорогам в Семипалатинске и Пишпек (Фрунзе). Этим законодательным актом был положен конец длинной эпопее, предшествовавшей приступу к выполнению грандиозной задачи, оказавшейся не под силу довоенной России.

В соответствии с директивой правительства и в целях скорейшего приступа к работам НКПС'ом уже в феврале 1927 г. было организовано Управление по постройке Туркестано-Сибирской жел. дор. Помимо Центрального Управления, находившегося тогда в Москве, было организовано два местных Управления — в Семипалатинске и Фрунзе (постройку дороги решено было вести одновременно с севера и юга).

Изыскания 1927 г.

Поскольку решению о сооружении Туркестано-Сибирской жел. дор. предшествовали лишь предварительные экономические и технические изыскания, Управлению по постройке дороги пришлось потратить много времени и средств на производство окончательных изысканий. Работа эта не только послужила к уточнению проекта сооружения дороги, но и привела к значительным изменениям в трассе линии, выдвинула новые варианты и, в конечном итоге, сберегла для страны значительные суммы как непосредственно, путем удешевления постройки и сокращения транзитного пробега грузов, так и ускорением окончания постройки. Поскольку достигнутая этим путем экономия выражается во многих десятках миллионов руб., небезынтересно остановиться несколько детальнее на указанной стадии работы, тем более, что выводы, к которым удалось в конечном результате прийти, вызвали в свое время резкие возражения со стороны некоторых общественных кругов.

Прежде всего, возникает вопрос, почему же оказались возможными в стадии, когда надлежало уже приступать непосредственно к производству строительных работ, настолько значительные изменения на основании произведенных дополнительных изысканий, что они послужили основой для коренного пересмотра вариантов, общей стоимости дороги и т. д.

Причины, вызвавшие расхождения между первоначальными и дополнительными изысканиями, имеют в значительной степени объективный характер. Годы приступа к сооружению Турксиба могут быть охарактеризованы, как переломные в отношении темпов хозяйственного развития Союза. Если в 1925—26 г. темпы реконструкции народного хозяйства намечались еще с очень большой осторожностью, при чем теория «затухающей кривой» подъема являлась еще господствующей, то в 1927—28 г.г., когда производились дополнительные экономические изыскания, перспективы успели резко измениться в сторону ускорения темпов. В частности, определилась возможность значительно более энергичного вытеснения зерновых культур хлопком в посевном клине Ср. Азии, что привело к резкому увеличению дефицитности ее хлеба-фуражного баланса. Если первоначально потребность Ср. Азии в привозном хлебе определялась в 360 тыс. т, то, согласно позднейшим подсчетам, цифра эта возрасла до 850 тыс. т. Вместе с тем, намечалось увеличение потребности Ср. Азии и в другом массовом грузе Турксиба — лесных строительных материалах. В результате этих изменений (не касаясь пока более мелких) общий грузооборот Турксиба на первый нормальный год его эксплуатации возрос с 950 тыс. т до 1.325 тыс. т. Соответственно ускорился темп предполагаемого развития грузооборота в последующие годы (с 28% до 40—50% за первое пятилетие).

Если потребность Ср. Азии в привозном хлебе и лесе оказалась первоначальными изысканиями недооцененной, то нельзя сказать того же самого про возможности района, непосредственно примыкающего к Турксибу, в смысле снабжения Ср. Азии указанными товарами. В частности, произведенными в 1927 г. изысканиями было установлено, что вывоз леса из горных лесов Джетысу за пределы округа едва ли вообще будет целесообразен; развитие зернового хозяйства Джетысу, ограниченное, с одной стороны, недостатком в удобной земле, с другой, — целесообразностью использования ее для ценных технических культур, также лишь в незначительной мере будет покрывать потреб-

ности Ср. Азии. Центр тяжести снабжения Ср. Азии хлебом и лесом оказался, в результате, перенесенным в южные округа западной Сибири и прииртышские районы Казакстана, откуда эти важнейшие грузы будут следовать по Турксибу транзитом.

Таким образом, одновременно с значительным увеличением перспективных цифр общего грузооборота выявилось, что дорога, особенно в первые 5—10 лет своего существования, будет носить по преимуществу транзитный характер. Если по первоначальным подсчетам доля транзита в грузообороте Турксиба должна была составить всего 25%, то по данным дополнительных изысканий процент этот повысился до 64.

Таковы были важнейшие экономические предпосылки к пересмотру установленного первоначально направления магистрали, а равно и увеличению первоначальной ее провозной способности¹.

Еще большую роль в установлении окончательной трассы сыграли произведенные в 1927 г. технические изыскания. Туркестано-Сибирская магистраль, как техническая проблема, представляла собой весьма значительные трудности. Сооружение ее было связано с пересечением ряда горных хребтов, отличающихся твердыми и мало исследованными породами, а также песчаных пустынь и полупустынь с неблагоприятными условиями водоснабжения (в виду недостаточности или засоленности водных источников). Близость горных массивов с незаконченными процессами образования гор являлась также осложняющим моментом, в виду необходимости обойти наиболее опасные в сейсмическом отношении зоны.

Особенно значительные технические трудности представлял переход через горный хребет Чу-Илийский Алатау, разделяющий бассейны рек Чу и Или. Исследованиям 1927 г. предшествовал целый ряд изысканий, посвященных разрешению этой проблемы, в том числе: 1) инж. Голибмиевского в 1906 г., 2) инж. Глезера в 1907 г., 3) инж. Панфиловича в 1913 г., 4) инж. Дворниченко в 1914 г., 5) инж. Лемонюса в 1915 и 1916 г.г. и 6) инж. Сахарова в 1926 г.

Не останавливаясь на детальной характеристике результатов отдельных изысканий, следует в особенности подчеркнуть ту их общую черту, что они недостаточно учитывали сейсмические и гидрологические особенности края. В 1927 г., в целях наиболее правильного решения вопроса, к производству окончательных технических изысканий были привлечены при посредстве Академии Наук специалисты по геологии, сейсмологии и гидрологии.

В задачу сейсмической экспедиции, работавшей в южной части строительства, входило:

1) установление сейсмических линий в районе южной части строительства Турксиба, их относительной активности и взаимной связи, что явилось материалом для подразделения трассы на участки различных расчетных ускорений (норм сейсмичности);

2) определение влияния грунта на величину максимального ускорения под влиянием землетрясений и

3) определение устойчивости склонов и наносов под влиянием гидрогеологических и сейсмических факторов.

¹ Экономическая работа на Турксибе велась в 1927—29 г.г. специально образованным Экономическим Бюро под руководством Ю. Б. Малевского-Малевича. В заслугу Бюро должно быть поставлено выявление и защита наиболее целесообразным с экономической точки зрения вариантов Турксиба и установление будущего грузооборота магистрали. Впоследствии Бюро было расформировано, о чем приходится пожалеть в связи с предстоящим образованием в Алма-ата Правления Казакстанских ж. д.

Экспедицией были организованы три стационарных сейсмических станции в следующих пунктах: во Фрунзе, в Алма-Ата и на Курдае (главный перевал через горный хребет Ала-Тау). Между станциями была установлена постоянная телеграфная связь для обеспечения полной единовременности наблюдений. Сверх упомянутых стационарных станций была организована одна передвижная.

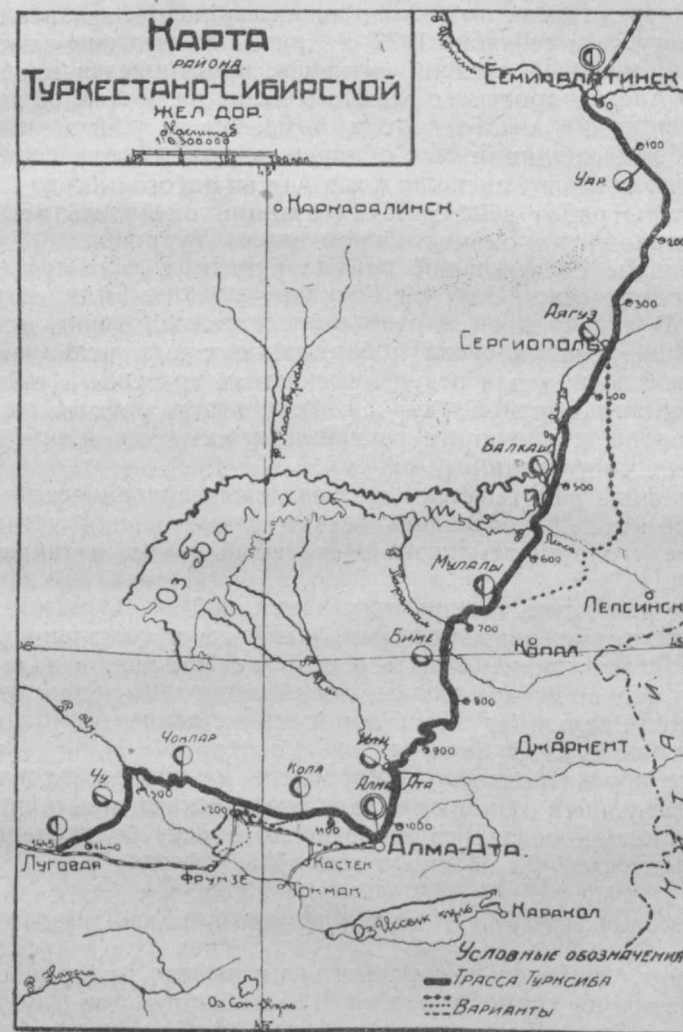

Рис. 1.

За время с 5 августа по 24 октября 1927 г. экспедицией записано 143 отдельных колебания почвы. Из этого числа 75% оказались местного происхождения. По нанесении вычисленных эпицентров землетрясений на карту весьма наглядно выступила зависимость распределения очагов землетрясений от видимых проявлений тектоники данной области. Можно с уверенностью утверждать, что с помощью примененных экспедицией методов представляется возможным действительно определить местоположение сейсмогенических линий изученного района.

Очаги землетрясений расположились вдоль хребтов Александровского, Кунгей-Ала-Тау, Заилийского Ала-Тау, Западных острогов Джунгарского Ала-Тау, близ реки Или, а также в центральных цепях Тянь-Шаня и по Северо-восточному склону Ферганской впадины. Частота землетрясений является показателем значительной сейсмичности района. Из ряда намечающихся, таким образом, сейсмогенических линий наибольшую активность проявила Ферганская линия, проходящая через Наманган и Ош, давшая серию Наманганских землетрясений в августе и сентябре 1927 г. Другая сейсмогеническая линия, в значительно меньшей степени активная, простирается вдоль северных склонов Александровского хребта и далее на восток вдоль хребта Ала-Тау и проходит южнее города Алма-Ата. В районе последнего в период работ экспедиции был обнаружен ряд землетрясений с эпицентрами, приближающимися к г. Алма-Ата на расстояние до 25—30 км.

Результаты работ сейсмических станций оказались весьма важными при установлении окончательной трассы Турксиба.

Специальное обследование района Турксиба было также произведено гидрологической партией Государственного Гидрологического Института. В задачу этой партии вошло исследование источников водоснабжения, условий стока поверхностных вод, величины максимального расхода вод для рек, пересекаемых трассой, а также ирригационных систем в районе дороги. Результаты работы гидрологов были использованы как при уточнении трассы, так и при расчетах искусственных сооружений.

Аналогичные работы были произведены геологической партией, исследования которой оказались весьма ценными при установлении размеров предстоящих земляных и скальных работ, а также качества грунтов.

При производстве технических изысканий на Турксибе впервые в СССР была применена аэросъемка, которую, к сожалению, не удалось в полной мере использовать в виду невыполнения заданной работы к сроку. Но, во всяком случае, самый опыт применения аэросъемки при изысканиях проектируемых дорог представляет большой теоретический и практический интерес.

В итоге перечисленных специальных научно-исследовательских работ, произведенных одновременно с техническими изысканиями, результаты последних оказались несравненно более убедительными, чем это имело бы место при обычных способах работы.

Основные варианты. Установление окончательной трассы

Особенно значительные разногласия вызвал вопрос о выборе вариантов перехода горного хребта Чу-Илийского Ала-Тау в южной части строительства. Участок магистрали, связывающий г. Алма-Ата с существовавшей ранее Семиреченской линией, мог быть сооружен по трем основным вариантам: Кастекскому, Курдайскому и Чокпарскому, получившим название от соответствующих горных перевалов.

С точки зрения удовлетворения местных интересов выбор между указанными вариантами имел особенное значение для северной Киргизии, расположенной в долине реки Чу. Долина эта окаймлена с юга горным хребтом Александровским, с севера — хребтом Чу-Илийским Ала-Тау, только что упомянутым выше. В целом район должен быть охарактеризован, как сельскохозяйственный, с удовлетворительными возможностями для развития ценных технических культур, ограниченного лишь недостаточностью естественного орошения.

Наиболее интересными в хозяйственном отношении частями долины являются южная ее часть, примыкающая к Александровскому хребту и обильно орошаемая речками, берущими начало в снегах этого хребта, а также непосредственное побережье р. Чу, где при условии капитальных затрат возможно в значительном масштабе искусственное орошение. До постройки Турксиба, сравнительно удовлетворительно обслуживалась путями сообщения южная часть долины до г. Фрунзе — конечной станции Семиреченской дороги. В худших условиях находилась северная часть долины, примыкающая к Чу-Илийскому хребту, в особенности, низовья р. Чу, а также восточная часть долины, начиная от города Токмака.

Наилучшим с точки зрения Киргизской республики являлся Кастекский вариант, дающий кратчайшее соединение столицы Киргизии, Фрунзе, с Алма-Ата и Сибирью, и, вместе с тем, обслуживающий плодородный Токмакский район и приближающий к железно-дорожной сети район озера Иссык-Куль с городом Караколом (б. Пржевальск). К сожалению, осуществление Кастекского варианта было сопряжено с исключительными техническими трудностями, крайне удорожающими стоимость постройки, а также риском, связанным с приближением к наиболее опасной в сейсмическом отношении зоне. Поэтому, этот вариант был отвергнут с самого начала.

Конкурирующими явились, таким образом, Курдайский и Чокпарский варианты (если не считать, так называемого, Кокпатаасского варианта, представляющего техническую разнородность Курдайского варианта). С точки зрения местной экономики преимущества Курдайского варианта сводились, главным образом, к тому, что город Фрунзе оказывался на магистрали, тогда как при Чокпарском варианте он оставался на ветке (Чокпарский вариант, как известно, примыкает к Семиреченской линии у ст. Луговой, в 150 км от Фрунзе). С число экономической точки зрения преимущество это сводилось к тому, что пассажиры и грузы, следующие из Фрунзе на Алма-Ата и далее на север, при Курдайском варианте сокращали пробег кругло на 300 км. Однако, помимо чисто деловых соображений, в местных общественных кругах, как это часто бывает в подобных случаях, создался своеобразный «фетишизм магистрали», который привел к переоценке значения прохождения магистрали через Фрунзе и особой настойчивости в защите интересов этого города.

Однако, Чокпарский вариант имел свои преимущества даже с точки зрения интересов местного хозяйства. Он обслуживал нижнее течение реки Чу, как упоминалось, совершенно лишенное усовершенствованных путей, тогда как Курдайский вариант пересекал Чу в среднем ее течении, уже обслуженном существующей Семиреченской линией. Кроме того, Чокпарский вариант давал возможность приступить к эксплуатации Коскудукской саксаульной дачи, расположенной в нижнем течении р. Чу. Использование этого массива дает до 100 тыс. т саксаула в год, что, при напряженном топливном режиме Ср. Азии, является не маловажным доводом в пользу Чокпарского варианта.

Таким образом, оценка вариантов с точки зрения местной экономики, еще до получения результатов окончательных технических изысканий представлялась по меньшей мере не ясной. Произведенные Управлением по постройке под руководством инж. Березина технические изыскания привели к весьма существенным выводам. Преодоление Курдайского перевала оказалось связанным с весьма большими техническими трудностями, зависящими как от твердости грунта, так и высоты хребта Ала-Тау в этом месте. Чокпарский обход давал воз-

возможность значительно уменьшить технические трудности и количество работ. Несмотря на то, что вариант этот увеличивал строительную длину линии с 292 до 429 км, стоимость земляных работ (по произведенным тогда расчетам) уменьшалась с 41,1 до 21,7 млн. руб., а стоимость искусственных сооружений — с 8,7 до 4,8 млн. руб. Общая строительная экономия при выборе Чокпарского варианта должна была составить кругло 23 млн. руб. В результате произведенных в 1928 г. дополнительных изысканий разница эта возросла еще больше.

Помимо строительной экономии, при выборе варианта было учтено (может быть, даже, не в достаточной мере) значение ускорения окончания постройки магистрали, приблизительно, на год, достигаемого принятием Чокпарского варианта. Очевидно, что весь экономический эффект сооружения Турксиба (снабжение Ср. Азии сибирским хлебом и лесом, развитие в ней хлопководства, эмансипация от импор-

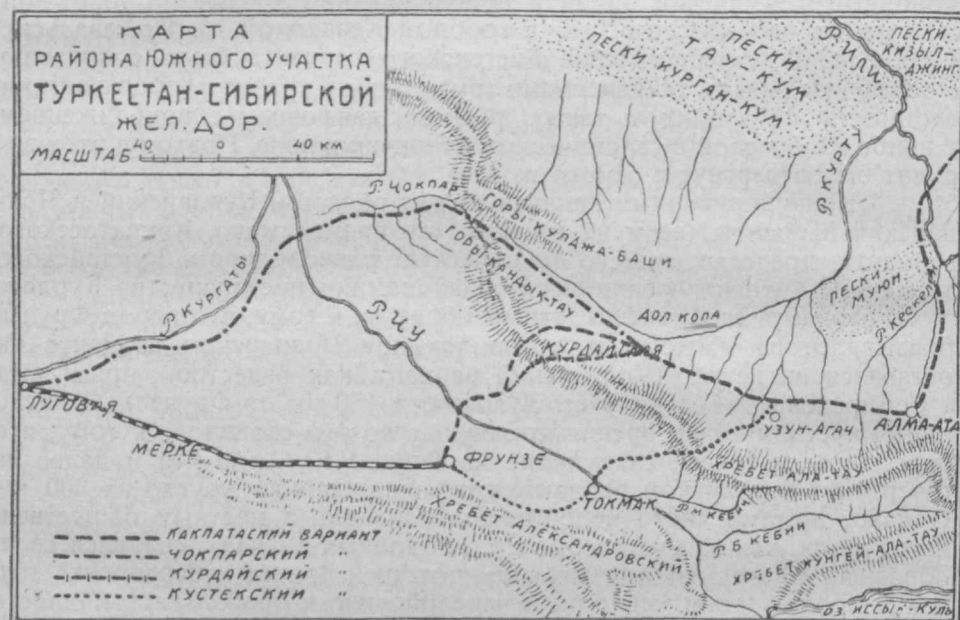

Рис. 2.

та хлопка и т. д.) мог быть реализован на год раньше. Выгоды народного хозяйства, связанные с ускорением окончания постройки, впоследствии определялись в сумме нескольких десятков млн. руб.

Транзитная длина магистрали от Луговой до Семипалатинска выбором Чокпарского варианта не увеличивалась (даже уменьшалась на несколько километров). Профиль пути при Чокпарском варианте значительно улучшался. Таким образом, целый ряд серьезных доводов говорил в пользу принятия Чокпарского варианта. Как показали дополнительные экономические изыскания, даже и местные интересы удовлетворялись наилучшим образом именно принятием Чокпарского варианта. Экономия на строительных работах по магистрали дала возможность выделить специальную сумму на сооружение ветви местного значения от Фрунзе к Токмаку (о чем подробнее будет сказано ниже). Формула «Чокпарский вариант плюс Токмакская ветка» дала несомненно лучшее, даже с местной точки зрения, решение вопроса, так как при этом оказалась обслуженной вся Чуйская долина, а не

только средняя ее часть, как это имело бы место при выборе Курдайского варианта. Единственным минусом Чокпарского варианта являлось то обстоятельство, что главный город Киргизии, Фрунзе, оставался на ветке.

Придавая, естественно, очень большое значение этому обстоятельству, представители Киргизии проявили максимум энергии в защите Курдайского варианта. После обсуждения, длившегося около двух месяцев и прошедшего целый ряд инстанций, спор был решен Советом Труда и Обороны, постановившим «утвердить Чокпарское направление для южного участка Туркестан-Сибирской дороги». Правильность этого решения впоследствии подтвердилась с полной несомненностью. В частности, осуществление «смычки» северного и южного строительства к 1 мая 1930 г. оказалось возможным, в первую очередь, благодаря принятию Чокпарского варианта.

Рис. 3. Буамское ущелье.

В средней части магистрали, в районе озера Балхаша, в результате произведенных экономических и технических изысканий, также был выдвинут новый вариант ее сооружения, дающий заметную строительную экономию и, к тому же, значительно уменьшающий общее протяжение линии. По первоначальным изысканиям магистраль должна была к югу от Сергиополя делать значительный загиб, приближаясь к китайской границе и земледельческому Лепсинскому району, дававшему в перспективе Туркестан-Сибирской магистрали до 50 и более тысяч т груза. Выпрямление магистрали с приближением ее к Балхашу, по данным первоначальных изысканий, не представлялось целесообразным в виду пустынного характера местности, который, лишая дорогу местных грузов, вместе с тем, создавал малоисследованные строительные и эксплуатационные затруднения (подвижные пески и пр.).

Произведенные дополнительно экономические изыскания выяснили, что примыкание магистрали вплотную к крайнему восточному берегу Балхаша превращает это озеро в естественный под'ездной путь к Турксибу. Район Балхаша, представляющийся в настоящее время

крайне экстенсивным в хозяйственном отношении, заселенный редким, почти исключительно кочевым населением, потенциально не был лишен перспектив хозяйственного развития. Помимо рыбы и соли, представляющих грузами второстепенного значения, Балхашское побережье могло дать Турксибу немалый груз в виде руд, наличие которых здесь было давно известно.

Вместе с тем, технические изыскания выявили возможность, путем принятия спрямляющего магистраль «Балхашского» варианта, сократить общую длину магистрали на 78 км и уменьшить ее строительную стоимость на 6,5 млн. руб. Получающаяся строительная и эксплуатационная экономия давала возможность в будущем соорудить за те же средства к выпрямленной магистрали подъездную ветку для обслуживания Лепсинского района. Таким образом, местные интересы не только не должны были ничего потерять от принятия Балхашского варианта, но и выиграть, так как первоначальный вариант оставался совершенно обойденным озеро Балхаш. С точки же зрения сокращения транзитного пробега грузов принятие Балхашского варианта давало совершенно бесспорные преимущества.

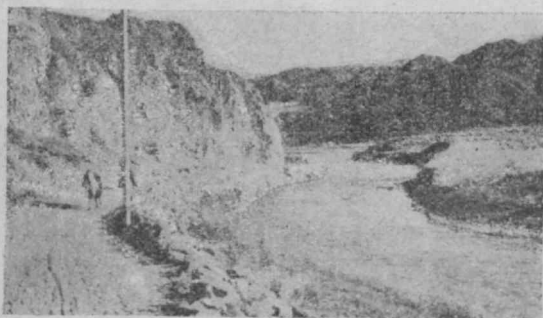

Рис. 4. Буамское ущелье.

В итоге состоявшегося обсуждения Балхашский вариант был утвержден постановлением СТО 9 марта 1928 г.

Тенденция к спрямлению магистрали и сокращению ее строительной стоимости, в результате технических изысканий подходов к городу Алма-Ата, привела к возникновению варианта обхода этого города, с устройством к нему подъездной ветви. Однако строительная экономия в результате обхода Алма-Ата выражалась в сравнительно незначительной сумме (около 2 млн. руб.), сокращение пробега транзитных грузов должно было составить всего 28 км. С точки же зрения удовлетворения местных интересов обход города Алма-Ата представлялся нежелательным и потому был отвергнут.

К сожалению, технические трудности подхода к Алма-Ата все же не остались без влияния на обслуженность этого города железной дорогой. При обсуждении летом 1928 г. деталей подхода к Алма-Ата выявилась техническая нежелательность непосредственного примыкания линии к городу в виду опасности, связанной с приближением полотна и искусственных сооружений к, так называемым, селевым (грязевым) потокам, характерным для горной речки м. Алма-Атинки. Удаление трассы от города, по мнению инженеров-строителей, в значительной мере уменьшало эту опасность. В данном случае техническая и экономическая точки зрения оказались прямо противоположными, так как было вполне очевидно, что интересы города весьма страдали вследствие удаления вокзала от города на 8 км. В этом споре победила техника, как это и имеет обычно место в истории нашего железнодорожного строительства.

В процессе завершения технических изысканий в течение лета 1928 г. удалось в значительной мере улучшить первоначально намеченную трассу. В частности, как будет указано ниже, ценные резуль-

таты были достигнуты на Чокпарском участке, где применение на небольшом протяжении двойной тяги позволило снизить еще более строительную стоимость вариантов, сократив вместе с тем, общее протяжение линии. Улучшения в деталях трассировки были достигнуты также и на других участках, в частности, в районе Сергиополя. Вообще, следует подчеркнуть, что настойчивая работа инженеров и экономистов в области дополнительных изысканий, в целом, увенчалась несомненным успехом и принесла государству экономию в несколько десятков млн. руб.

Утверждение проекта дороги весной 1928 г. Мероприятия к снижению стоимости ее сооружения и ускорению ее окончания

В результате изыскательных работ 1927 г. и начала 1928 г. был составлен окончательный проект дороги и расценочная ведомость, внесенные на утверждение СТО в мае 1928 г. В заседании 18 мая 1928 г. СТО принял решение строить дорогу по трассе от ст. Луговой на Чокпарский перевал, с заходом в Алма-Ата, оттуда на Сергиополь по Балхашскому варианту, и на Семипалатинск. Одновременно было решено принять, в качестве ориентировочной, стоимость Турксиба не свыше 203,7 млн. руб. Вместе с тем, СТО предложил НКПС принять меры к сокращению сметной стоимости дороги и доложить о результатах указанных мероприятий не позже 1 сентября 1928 г. В целях уменьшения строительной стоимости дороги СТО предложил НКПС «пересчитать стоимость работ при применении в порожнем направлении (на север) больших, по крайней мере, на 25%, против груженого (на юг) направления предельных подъемов....», а также «принять все меры к возможному снижению стоимости работ путем рационализации и механизации их и установления целесообразного, в течение постройки, соотношения местной и привозной рабочей силы».

Выполняя правительственную директиву, Управление по постройке Турксиба летом 1928 г. произвело дополнительные технические изыскания на всем протяжении линии за исключением головных участков (уже находившихся в постройке). Изыскания эти дали следующие результаты:

- 1) общее протяжение магистрали сократилось на 36 км;
- 2) объем земляных работ удалось снизить с 31,5 млн. куб. м по проекту 1927 г. до 21,9 млн. куб. м т.-е. на 30%;
- 3) объем кладки искусственных сооружений сократился на 64,6 тыс. куб. м.

В денежном выражении эти сокращения, явившиеся следствием изысканий 1928 г., определяются суммой порядка 20 млн. руб., тогда как производство изысканий обошлось, приблизительно, в 1 млн. руб.¹

К особенно значительным достижениям привели изыскания 1928 г. на южной части строительства, на Чокпарском перевале. Небезынтересно сопоставить главные показатели, характеризующие результаты изысканий на участке от Алма-Ата до примыкания к Семипалатинской линии.

¹ См. доклад НКПС об установлении окончательной стоимости Туркестано-Сибирской жел. дор.

При составлении окончательного проекта Турксиба, в соответствии с директивой СТО, были допущены следующие облегчения тех-

Руководители изысканий	Год изыск.	Предельный уклон		Длина линии в км	Среднее кол. зем- лян. раб. на 1 м ³
		На пере- вале	На других участках		
Голибиевский	1906	0,0127	0,008	440,7	28.400
Панфилович	1913	0,009	0,009	466,3	26.300
Лемониус	1914	0,009	0,009	467,2	24.900
Сахаров	1926	0,009	0,009	448,0	20.000
Березин	1927	0,008	0,008	433,0	18.000
Березин	1928	0,008	0,006	426,0	10.750
		один пере- гон 0,0145			

нических условий:

а) в негрузовом направлении допущен 10-тысячный подъем (в грузовом 8-тысячный);

б) на одном перегоне протяжением 9 км на Чокпаре допущена в негрузовом направлении двойная тяга при руководящем подъеме 14,5 тысячных;

в) ширина земляного полотна принята в 5 м (против нормы в 5,5 м);

г) допущено устройство деревянных мостов на барханном участке у оз. Балхаш с тем, чтобы по истечении первых лет эксплуатации можно было засыпать те из них, которые не будут работать во время весеннего таяния снегов;

д) отменена планировка откосов, выемок и резервов, разрабатываемых экскаваторами, применительно к американской практике;

е) выработаны экономические типы железобетонных труб для пропуска вод под полотном;

ж) разрешено применение открытых лотков для пропуска оросительных арыков и малых водотоков;

з) выработан тип низких водонапорных башен для малых станций;

и) разрешено применение местных материалов — ели, камышита — для гражданских сооружений¹.

Не входя в детальную оценку допущенных облегченных технических условий, следует все же отметить, что целесообразность применения многих из них представляется в данных условиях несомненной; необходимо, в будущем, учесть опыт Турксиба в данном отношении. В частности, применение в негрузовом направлении повышенного против грузового предельного подъема, при той неравномерности грузовых потоков, какая будет иметь место на Турксибе (негрузовое направление около 10% к грузовому), должно обязательно иметь место и с самого начала входить в технические условия. Применение двойной тяги, как видно из заграничной практики, ничего страшного из себя не представляет.

Облегчение технических условий на постройку временных жилищ было допущено по согласованию с Наркомтруда, с учетом бытовых особенностей местного населения.

Оборудование дороги было рассчитано в строгом соответствии с ожидаемыми перевозками. Как указывалось, грузооборот Турксиба окажется значительно выше первоначальных предположений. В соот-

¹ Приведенный перечень облегченных технических условий заимствован почти текстуально из цитированного выше доклада НКПС.

ветствии с этим пришлось усилить первоначальную провозную способность дороги. На пропускной ее способности это обстоятельство не отразилось, — так как оно устанавливается выше первоначальной потребности вне зависимости от экономических моментов.

В связи с ожидаемой малой коммерческой работой большинства станций, пассажирские здания и складочные помещения на них строятся в минимальном объеме.

В итоге всех мероприятий, направленных к снижению стоимости дороги, окончательная смета Турксиба была утверждена в 176 млн. руб. против первоначальных 204 млн. руб., что, разумеется, должно быть признано весьма существенной экономией.

Общая строительная экономия в результате изысканий 1927 г. (утверждение Чокпарского и Балхашского вариантов) и дополнительных изысканий 1928 г. может быть, ориентировочно, определена в сумме порядка 40 млн. руб. Однако, цифра эта должна быть заметно повышена, если учесть значение влияния сокращения строительных работ на срок окончания сооружения дороги. Ускорение это определяется минимум в год. Следовательно, народно-хозяйственный эффект Турксиба проявится на год раньше, а эффект этот также исчисляется в десятки млн. руб.

Исходным моментом при определении срока окончания постройки Турксиба (сдачи в эксплуатацию) явилось правительственное постановление, согласно которому сооружение магистрали должно было быть выполнено в течение пяти лет, к концу 1931 г. Необходимость ускорить реконструкцию народного хозяйства Ср. Азии путем достаточного снабжения ее сибирским хлебом и лесом привела к идее форсирования темпов строительства, на чем особенно настаивал Комитет Содействия Турксибу, в лице его председателя тов. Рыскулова. Постановлением СТО была зафиксирована необходимость добиться открытия сквозного движения по Турксибу не позже 1-го сентября 1930 г. Достигнутое путем произведенных изысканий общее уменьшение объема работ, а также успешный ход строительства позволяют в настоящее время рассчитывать, что «смычка» обоих строителей, а, следовательно, и установление временного сквозного движения действительно будут осуществлены к 1-му мая¹.

Небезынтересно остановиться на том, как же шло развитие строительства на Турксибе, как удалось его строителям, в лице инженерно-технических сил и рабочих, преодолеть исключительные трудности, стоявшие пред ними и с таким успехом приблизиться к намеченной цели.

Развитие строительства Турксиба. Трудности и их преодоление

Нам уже приходилось попутно касаться трудностей, возникших в связи с сооружением Турксиба. В основе их лежат природные особенности края, слабая его населенность экстенсивность местного хозяйства, удаленность от культурных районов и промышленных центров Союза. Горный характер местности, несмотря на достигнутые изыскателями успехи, привел к необходимости производства значительных скальных работ. Слабая населенность края, при почти полном отсутствии квалифицированных рабочих, вызвала необходимость ком-

¹ Эти предположения находят свое подтверждение в том напряженном темпе с каким проводятся работы на Турксибе. В 6-ю годовщину смерти В. И. Ленина строители Турксиба торжественным обещанием подтверждали срок «смычки» обоих строителей к 1 мая 1930 г.

плектования рабочей силы преимущественно за пределами района постройки. Полупустынный характер, свойственный большей части прорезаемого района, создал трудности в отношении снабжения рабочих продовольствием. Доставка материалов за тысячи километров, помимо удорожания постройки, приводила к затруднительности регулярного их подвоза.

Основной предпосылкой для возможности преодоления всех стоявших перед строителями Турксиба трудностей явилось плановое начало. Необходимо было создать детальный календарный план развития строительства и в точности следовать ему. Недостаток в том или другом элементе строительства (рабочей силе, тех или иных материалах) в условиях Турксиба неизбежно должен был привести к ощутительным перебоим в общем ходе постройки дороги. Поэтому, нужно было

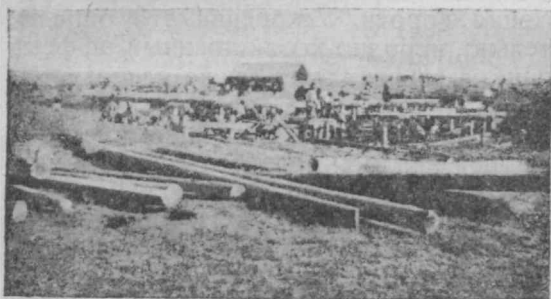

Рис. 5. Постройка деревянных мостов на южном участке.

тщательно координировать наем и доставку рабочей силы, снабжение ее продовольствием и одеждой, заготовку строительных материалов, инструментов, машин и т. д. В самом процессе постройки необходимо было строго следить за соответствием в развертывании отдельных категорий работ (сооружение мостов, скальные работы, подготовка земляного полотна, укладка рельсов, постройка временных жилищ для рабочих).

Не следует думать, что успех, достигнутый на Турксибе, достался сразу и легко. Особенно в начале нередко были случаи недостатка тех или других материалов и даже перебои в ходе строительства. Затянувшиеся на юге изыскания, давшие, как известно, весьма положительные результаты, в то же время привели к некоторой задержке в развертывании строительных работ. Имел место случай довольно длительного перерыва в работе укладочного городка из-за неподготовленности земляного полотна. В снабжении рабочих продовольствием на первых порах также наблюдались дефекты. Особенно тяжелыми были жилищные условия рабочих.

Тем не менее, совместными усилиями руководителей строительства и местной общественности, затруднения и неполадки были преодолены. Непосредственные строители, рабочие и инженерно-технический персонал, проявили исключительный героизм в преодолении зачастую весьма тяжелых условий работы.

Небезынтересно остановиться детальнее на организации отдельных элементов строительства, в первую очередь, на организации рабочей силы.

В интенсивные месяцы строительного сезона число рабочих на постройке доходило до 40 тыс. По последним имеющимся данным в ноябре 1929 г. работало 32.500 чел., в том числе 25% местного казакского населения. Привлечение коренного населения к работе на Турксибе диктовалось как хозяйственными, так и политическими соображениями. С хозяйственной точки зрения использование казак-

ского населения приводило к существенной экономии на расходах по доставке рабочей силы; кроме того, местное население, разумеется, должно было отличаться большей приспособленностью к специфическим условиям работы края (общая выносливость, привычка к резким колебаниям температуры, приспособленность к продовольственным и, в особенности, жилищным стеснениям). Политически привлечение коренного населения обуславливалось необходимостью создания в крае промышленного пролетариата, стремлением повысить культурный уровень населения, долгие годы находившегося в состоянии экономического угнетения и культурной изолированности, дать ему технические навыки к работе.

Рис. 6. Укладка пути.

Первоначально, казакское население, ввиду своей неподготовленности к специальным работам, применялось почти исключительно в качестве чернорабочих. В настоящее время квалификация его значительно повысилась. Помимо естественного приобретения навыков в процессе строительства, это было достигнуто устройством специальных школ и краткосрочных курсов для подготовки квалифицированных рабочих из числа казаков.

Помимо казакского населения, на постройке дороги нашло себе, конечно, применение и местное европейское население. Рабочих же высокой квалификации, как уже упоминалось, пришлось привезти из европейской части Союза.

Снабжение рабочих и служащих продовольствием и предметами первой необходимости было организовано через Транспортное Потребительское Общество, с которым Управлением по постройке был заключен договор, обязывающий ТПО снабжать строителей всем необходимым по твердым единым ценам. В местах наибольшего скопления рабочих организованы были столовые, общественные кухни и т. п.

Размещение рабочих производилось преимущественно в бараках обычного типа. В летнее время применялись также палатки датского образца и юрты. В помещениях постоянного типа для размещения инженерно-технического персонала и других служащих очень скоро

начал ощущаться недостаток, естественно усиливающийся в связи с общим оживлением края, связанным с сооружением дороги.

Медицинское обслуживание постройки в первый год было недостаточно. Однако, принятые своевременно меры позволили изжить недочеты и в настоящее время имеется следующая сеть лечебных заведений: 4 больницы на 225 коек, 12 участковых врачебных пунктов, 41 фельдшерский пункт, 6 санитарных вагонов и т. п. Если учесть общее количество обслуживаемых рабочих и неблагоприятные условия работы, способствующие развитию заболеваний, то подобное развитие медицинского дела на постройке не может считаться чрезмерным. Поддержанию санитарных условий на строительстве способствует организация сети бань стационарного и передвижного типа. Сеть бань развита настолько, что каждый рабочий имеет возможность мыться, по крайней мере, раз в неделю.

Впервые в истории железнодорожного строительства, на Турксибе организована школьная сеть для обслуживания детей рабочих и служащих строительства.

К учебному 1929/30 г. организованы и работают:

1) По Соцвосу:

Школ 1-го concentra	72 группы,
" 2-го "	21 группа,
" 3-го "	1 "
Интернатов—7 на	250 детей,
Детских садов—4 на	180 "

2) По Политпросвету:

а) по ликвидации неграмотности:

Ликпунктов—42 на	1.260 человек,
Индивидуально группового обучения	1.350 "
Групп малограмотных—14 на	420 "
Индивидуального обучения	100 "

б) по повышенному образованию:

Годичных курсов	2,
Школ повышенного типа	2.

Кроме того, за счет общественных организаций: Линотдела, ТПО, ОДН и ВЛКСМ, мероприятия по ликвидации неграмотности составляют 100% к сети ликпунктов Политпросвета.

В сезон 1928/29 г. только лишь по бюджету Цутранпроса ликвидирована неграмотность среди 3.000 рабочих, помимо ликвидации неграмотности силами местных общественных организаций.

Средний дневной заработок рабочих характеризуется следующими цифрами, относящимися к 1929 г. (по южному строительству):

Средняя дневная зарплата			Средняя дневная зарплата		
Наименование профессии	Повременная	Сдельная	Наименование профессии	Повременная	Сдельная
Арматурщики	4—01	5—50	Печники	2—43	5—93
Бетонщики	2—75	4—74	Плотники	2—23	4—60
Землекопы	1—86	3—05	Столяры	2—26	5—61
Каменщики	2—52	4—98	Слесари	2—38	3—83
Кровельщики	2—54	4—14	Штукатуры	2—13	3—40
Маляры	—	3—66	Чернорабочие	1—73	2—20
Пильщики	1—89	5—27			

Постепенному повышению производительности труда, имевшему место на постройке дороги, в значительной мере способствовало социалистическое соревнование, получившее значительное развитие среди строителей Турксиба. В том же направлении действовала механизация работ, к осуществлению которой были приняты меры с самого начала постройки. В 1928 г., в связи с сооружением Турксиба, была командирована группа специалистов и партийных работников (всего 4 человека) для ознакомления с методами строительных работ, применяемыми в Америке, а также для заказа необходимого импортного оборудования. Результатами этой поездки явилось, с одной стороны, допущение на Турксибе целого ряда облегченных технических приемов, применяемых в Америке (о чем уже говорилось выше);

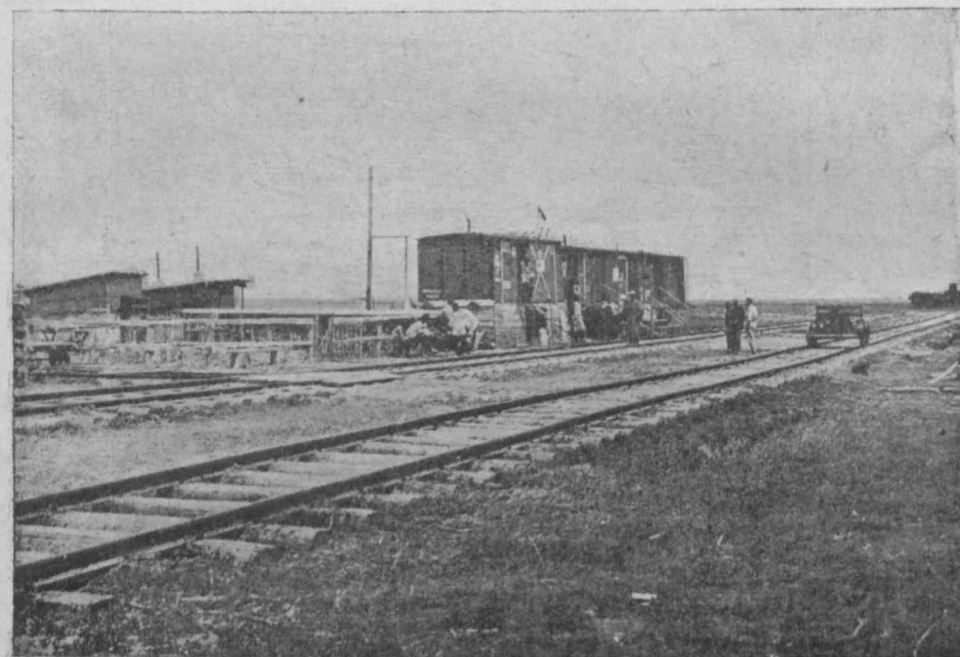

Рис. 7. Раз'езд Иман-бай.

с другой, — закупка в Соединенных Штатах экскаваторов, тепловозов, американских вагонеток и пр. оборудования, получившего широкое применение на строительстве.

Использование экскаваторов имело особенно большое значение при производстве скальных работ на Чокпарском перевале. Можно с уверенностью сказать, что осуществление намеченных сроков постройки является возможным в зависимости от механизации скальных работ, которые, при обычных приемах ручной работы, затянулись бы весьма значительно. Кроме того, применение экскаваторов, независимо от непосредственного экономического эффекта (стоимость произведенных работ оказалась высокой), имеет большое принципиальное значение, как первый опыт, в целом, безусловно, себя оправдавший.

Не имея возможности в настоящем очерке останавливаться на технических деталях сооружения магистрали, организации материального снабжения и т. п., мы хотели бы только еще раз подчеркнуть,

что успешный ход строительства подтверждается теми результатами, которые в настоящее время достигнуты. Наиболее напряженным годом строительства явился 1928/29 г., что подтверждается распределением по годам кредитов:

в 1926/27 г.	8 млн. руб.
" 1927/28 "	34 " "
" 1928/29 "	68 " "
" 1929/30 "	50 " "
" 1930/31 "	15 " "

Рис. 8. Сооружение постоянного моста на р. Иртыш (опускание кессонов).

Положение работ на 20 ноября 1929 г. характеризуется следующими цифрами:

	В абсолютных цифрах	В % от общего количества
Земляные работы	17 млн. м ²	80
Кладка искусств. сооружений	115 тыс. м ²	64
Уложено главного пути	1.188 км	82
Постройка зданий	40 тыс. м ²	18

В 1929/30 г. должны быть закончены все искусственные сооружения, земляные работы, уложен путь к 1-му мая, закончено устройство телеграфной связи, забаластирован путь на полслоя баласта на всем протяжении магистрали и выстроены гражданские сооружения—

80 тыс. кв. м. На последний год строительства останется баластировка на второй слой, окончание гражданских сооружений и оборудование водоснабжения.

К числу специальных достижений строительства следует отнести сооружение моста через р. Иртыш у Семипалатинска, отверстием $27 + 5.109 + 32 = 604$ м, осуществленное в течение неполных 18 месяцев. Для сравнения небезынтересно указать, что в довоенное время мост через р. Оку у г. Муром, близкий по отверстию к Иртышскому, строился 26 месяцев.

Стоимость Иртышского моста выразилась в 3.250 тыс. руб. Коэффициент вздорожания, сравнительно с довоенными постройками мостов, выражается в 2,25, что указывает на сравнительно дешевое выполнение сооружения моста.

В результате произведенных работ в настоящее время уже открыто движение и производится перевозка пассажиров и грузов на участках: Семипалатинск—Аягуз и Луговая—Алма-Ата. Установлено прямое беспересадочное сообщение между Алма-Ата и Москвой, а также Алма-Ата и Ташкентом.

Предстоящий грузооборот Туркестано-Сибирской жел. дор.

Приближение срока открытия транзитного движения по Турксибу обязывает нас обратить серьезное внимание на установление предстоящих по Турксибу перевозок. Для суждений на эту тему имеется довольно обширный материал в форме различных экономических записок, составленных в связи с постройкой Турксиба.

Будущий грузооборот подлежащей сооружению железной дороги является одним из важнейших факторов, определяющих необходимое техническое ее развитие. Началу постройки дороги предшествовало подробное экономическое обследование ее района. В результате был детально разработан грузооборот магистрали на 1930/31 г., т. е. к моменту ожидаемого окончания ее постройки. Однако, как нам уже пришлось отметить, впоследствии в эти первоначальные расчеты были внесены, путем дополнительных изысканий, значительные изменения, связанные с принятием более энергичных темпов хозяйственного развития Ср. Азии.

Уточнение предстоящего грузооборота Турксиба прошло несколько стадий. Первоначальные грубые поправки были внесены еще осенью 1927 г., в связи с обоснованием Чокпарского варианта. К маю 1928 г. были произведены более детальные расчеты, положенные в основу составления смет и расходов по сооружению дороги. Намеченные тогда цифры, хотя в целом и подтвердились впоследствии, но все же не могли в то время считаться достаточно обоснованными, так как по целому ряду важных экономических вопросов не было еще принято окончательных решений высшими планирующими органами. Для уточнения перспектив хозяйственного развития края зимой 1928/29 г. в Союзном Госплане было организовано специальное совещание, которое всесторонне проработало вопрос и дало возможность, основываясь на его решениях, весной 1929 г. дать более обстоятельный подсчет предстоящих перевозок. Используя эти последние подсчеты, произведенные Экономическим Бюро Управления по постройке, можно охарактеризовать в общих чертах ожидаемый грузооборот Турксиба. Однако, при этом следует помнить, что жизнь продолжает обгонять хозяйственные планы. Особенно это применимо к району Турксиба, природные богатства которого исследованы совершенно недостаточно и, несомненно, таят в себе огромные возможности.

В дальнейшем изложении мы попытаемся выявить наиболее характерные черты предстоящего грузооборота Турксиба, не имея, к сожалению, возможности, за недостатком места, привести подробное обоснование тех или иных цифр.

Важнейшими грузами Турксиба являются хлеб и лес. Преобладающая роль этих грузов с самого начала была правильно отмечена изыскателями НКПС и только абсолютные цифры, как указывалось, были первоначально приняты слишком скромными. Небезынтересно несколько детальнее остановиться на размерах перевозок именно этих главных грузов.

Рис. 9. Береговой устой Иртышского моста.

При обсуждении вопроса в Госплане потребность Ср. Азии в привозном хлебе (включая кормовые культуры) была принята в размере 850 тыс. *т* (на 1932/33 г.). Хлеб этот предполагалось ввозить из следующих районов:

Северного Кавказа	50 тыс. <i>т</i> ,
Актюбинской губ.	80 " "
Джетысу и Семипалат. губ.	250 " "
Сибири	470 " "

Доводом в пользу такого распределения снабжения хлебом между отдельными районами явилась необходимость в первые годы эксплуатации завозить некоторое количество хлеба из районов, где он скорее созревает. Однако, в последующие годы порядок этот должен измениться, так как он противоречит идее, положенной в основу постройки Турксиба—перевезти все снабжение Ср. Азии хлебом и лесом на Сибирь и восточный Казахстан, освободив такие районы, как Урал, Зап. Казахстан и Кавказ для снабжения центральных потребительских рынков и для экспорта. Каждая тонна хлеба, взятая из Актю-

бинска для Ср. Азии, создает перепробег в 1081 *км*¹, поскольку соответствующее количество хлеба придется везти из Сибири в европейскую часть Союза. Таким образом, в ближайшие годы всю тяжесть снабжения Ср. Азии хлебом придется возложить на Турксиб, при чем общее количество хлеба, перевозимого по Турксибу, выразится уже, примерно, к 1935 г. в цифре порядка 1 млн. *т*.

Как видно из приведенных цифр, возможности вывоза хлеба из округов, тяготеющих к Турксибу, были оценены на ближайшие годы, при обсуждении в Госплане, очень осторожно. При этом из района, тяготеющего в тесном смысле к вновь выстроенной магистрали, предполагалось получить всего 50 тыс. *т*; остальное количество (200 тыс. *т*) должно было следовать из Семипалатинского и Усть-Каменногогорского округов, поступая на рельсы в Семипалатинске и на ближайших к нему станциях Алтайской линии. Таким образом, подавляющая масса хлеба, предназначенного для Ср. Азии, должна была идти по Турксибу транзитом.

В настоящее время прошлогодние планы развития зернового хозяйства в округах Казахстана, тяготеющих к Турксибу, пересматриваются. Согласно представленной Казахским правительством в СТО записки, товарную продукцию зерна в районе Турксиба предполагается увеличить с 1928 по 1933 г.г. в 10 раз. Не входя в оценку осуществимости подобного увеличения продукции зерна, отметим только следующие два обстоятельства: 1) если бы осуществился даже такой рост зерновой продукции, он не отразился бы на общем размере перевозок хлеба по Турксибу, так как в абсолютных цифрах эта продукция не превысила бы потребность Ср. Азии в привозном хлебе; 2) главная масса зерна и муки все равно поступала бы на Турксиб в Семипалатинске и со станций Алтайской линии, т.е. шла бы по Турксибу транзитом, так как Алма-Атинский округ с его богатыми перспективами для развития технических культур и риса не должен получить слишком резко выраженного зернового уклона.

Потребность Ср. Азии в привозном лесе была определена первоначально в 270 тыс. *т* (на 1930/31 г.). Впоследствии, при обсуждении вопроса в Госплане, потребность эта была значительно повышена и установлена ориентировочно в 1.350 тыс. *т*. Цифра эта не может считаться окончательно зафиксированной, но в этом и не встречается особой надобности с точки зрения непосредственной нашей задачи—установления грузооборота Турксиба на ближайшие годы. Размеры перевозки леса по Турксибу в пределах пятилетки ограничены ресурсами Казахстана и Сибири, которые заведомо недостаточны для покрытия дефицита Ср. Азии. Горные леса Алма-Атинского округа (ель) могут эксплуатироваться в весьма ограниченных размерах, не удовлетворяющих даже местной потребности. Объясняется это тем, что горные лесные массивы Джетысу, общая площадь под которыми достигает 2 млн. *га*, расположены далеко от магистрали, в трудно доступных местах, что очень повышает стоимость их эксплуатации, а иногда делает ее просто невозможной. Вместе с тем, по качеству своему леса эти мало пригодны для строительства.

Из Сибири возможность вывоза леса по Турксибу, основываясь на данных Сибкрайисполкома, определялась на 1930/31 г. в 466 тыс. *км* или 280 тыс. *т*., в том числе пиломатериалов—261 тыс. *км* и круглого леса—205 тыс. *км*.

¹ См. расчет Ю. Б. Малевского-Малевича в „Ераткой эконом. записке к расчету грузооборота Т.-С. ж. д. на 1930—35 г.г.“.

Указанный лес должен пойти, в первую очередь, на удовлетворение нужд самого Турксиба и прилегающего к нему района. В Ср. Азию из Сибири пойдет около 200 тыс. *т* лесоматериалов.

Однако, в ближайшие годы, в связи с сооружением Томск-Енисейской жел. дор., возможности Сибири в отношении вывоза лесоматериалов должны сильно возрасти. Соответственно будет развиваться сибирская лесная промышленность. Поэтому, в первое же пятилетие эксплуатации Сибири следует ожидать резкого роста перевозок по нему леса.

Недостаток места позволяет лишь очень бегло остановиться на характеристике остальных грузов, которые будут следовать по Турксибу.

Рис. 10. Бык Иртышского моста во время ледохода.

По количеству тонн (но не по пробегу) довольно видное место занимает в числе этих грузов саксаул, который будет подвозиться к Турксибу из Коскудукской лесной дачи по специальной железнодорожной ветке. Возможность вывоза саксаула из этой дачи установлена по осторожным подсчетам, как мы уже отметили, в 100 тыс. *т* при чем количество это в последующие годы увеличиваться не будет.

Из сельско-хозяйственных грузов, следует ожидать поступление на Турксиб технических культур, развитие которых в Алма-Атинском округе, несомненно, будет иметь место. В долине реки Или, согласно пятилетнему плану, проектируются значительные посевы риса, который в большей своей части также будет поступать на железную дорогу для следования в Ср. Азию. Снабжение Ср. Азии рисом из Казахстана имеет большое значение для развития в Туркестане хлопководства, так как рис, требующий для произростания очень много воды, отнимает таковую у хлопка. Далее, из Алма-Ата, несомненно,

будет иметь место (и уже имеет) отправка фруктов, которыми этот город славится.

Установление количества грузов животноводства, которые могут ожидать к поступлению на Турксиб, встречает некоторые препятствия. Что касается животноводческого сырья (шерсть, кожи и пр.), то поступление их на рельсы не подлежит сомнению. Несколько иначе обстоит дело со скотом и мясом. В районе дороги в настоящее время практикуется гон скота по издавна установившимся ското-прогонным путям. Способ этот, на ряду с недостатками (частичная гибель скота, распространение эпизоотий, сезонный характер гона и т. п.), имеет и преимущества; он дешевле перевозки скота (или мяса) по железной дороге, дает возможность скоту нагуливать вес, мясо в пунктах потребления поступает потребителям парным (в про-

Рис. 11. Укладка пути на 13 км южного участка.

тивоположность охлажденному или замороженному мясу). С интенсификацией хозяйства гон скота, резюмируя, отойдет в область прошлого, но как скоро удастся перейти на перевозку скота и мяса по железной дороге — сказать сейчас затруднительно. Радикальным решением вопроса была бы организация в самое ближайшее время на Турксибе холодильного транспорта. Проект такой организации находится сейчас в разработке.

Специальную категорию грузов Турксиба составляют, так называемые, «китайские грузы», в число которых входят импортируемые нами хлопок, шерсть, кожа, скот и экспортируемые в обмен на эти товары и промышленные изделия. По вопросу об организации связи с Синь-Цзянской провинцией скажем несколько слов ниже, в связи с вопросом о развитии под'ездных к Турксибу путей.

Все перечисленные, относительно, ценные грузы (технические культуры, рис, фрукты, скот, продукты животноводства) в весовом выражении составят сравнительно небольшую величину и заметного влияния на грузооборот Турксиба в ближайшие годы не окажут.

В дальнейшем, поступление некоторых из них на рельсы, в случае благоприятного развития соответствующих отраслей хозяйства (например, рисосеяния), может приобрести массовый характер.

Напротив, резкое и притом не поддающееся сейчас даже приблизительному учету влияние на грузооборот Турксиба могут оказать перевозки, связанные с эксплуатацией медных и других руд, обнаруженных в северном Прибалхашье.

Остальных грузов, как мало характерных, входящих в том или ином количестве в грузооборот каждой дороги, мы касаться не будем. К таковым относятся строительные материалы, различные потребительские грузы и т. п.

Большинство грузов Турксиба, особенно таких, как лес, технические культуры, грузы животноводства, китайские грузы, фрукты, обнаружат в ближайшие же годы резкий рост, особенно, если будут осуществлены те мероприятия, которые для этого необходимы. По предположениям Экономбюро Турксиба развитие перевозок в течение пяти первых лет эксплуатации Турксиба выразится в следующих цифрах:

	1930/31 г.	1935/36 г.
Хлебные грузы	740	895
Лесные стройматериалы	240	660
Саксаул	100	100
Техн. культуры, фрукты, рис	40	100
Грузы животнов. и китайские	40	80
Прочие грузы	65	95
	1.225	1.725

Цифры эти, разумеется, могут быть приняты лишь в качестве ориентировочных, в особенности, применительно к тем грузам, возможности развития которых недостаточно еще исследованы (технические культуры, китайские грузы и т. п.).

В приведенный список вовсе не вошли грузы, связанные с эксплуатацией горных богатств Казакстана и развитием его крупной обрабатывающей промышленности. Можно думать, что фактически рост перевозок окажется большим.

Согласно имеющимся данным, роль транзита, по установлении нормального сквозного движения по Турксибу, выразится в 64%. В дальнейшем следует ожидать постепенного снижения этой цифры, которое будет, однако, замедлено сильным ростом транзитного грузового потока лесоматериалов из Сибири в Ср. Азию. Поэтому можно думать, что, несмотря на энергичный темп развития местного хозяйства в районе Турксиба, в ближайшие годы роль транзита все же будет составлять не менее 50—60% к общему числу перевозок.

В результате преобладания транзитных перевозок можно ожидать достаточной равномерности в развитии перевозок на отдельных участках Турксиба. Средняя напряженность грузового потока в первый год эксплуатации ожидается близкой к 1 млн. т (с севера на юг). Отклонения напряженности грузового потока по отдельным участкам едва ли превысят 5—10% в каждую сторону. Относительная равномерность будет наблюдаться на Турксибе и в отношении сезонных колебаний перевозок, так как важнейшие грузы дороги — хлеб и лес — будут перевозиться в наибольшем количестве в различное время года: хлеб — осенью и зимой, лес — весной и летом.

К сожалению, далеко не так благополучно обстоит дело в отношении равномерности грузового потока с севера на юг и с юга на север. Массовые грузы Турксиба — хлеб и лес — следуют исключи-

тельно с севера на юг. В результате, обратные грузы, следующие в Сибири, составляют очень небольшую долю по всему грузообороту (10—15%). Грузы эти состоят из таких товаров, как фрукты свежие и сушеные, хлопок, шерсть, вино, рыба и т. п., перевозка которых в большом количестве в данном направлении не может иметь места. Односторонность грузового потока, как известно, сопряжена с бесполезным пробегом порожняка и значительным повышением себестоимости транспортной продукции. Поэтому, правительством РСФСР было предложено НКПС, местным плановым органам и заинтересованным центральным ведомствам проработать вопрос о развитии на Турксибе грузооборота в порожнем направлении. Результаты предварительной проработки этого вопроса были обсуждены в упомянутой комиссии Госплана, при чем был намечен ряд мероприятий для усиления обратного грузового потока, в том числе: развитие в широком масштабе в Сибири хлопчатобумажной промышленности, содействие расширению садоводства и бахчеводства в районе дороги, интенсификация животноводства с направлением части продукции в центральные районы СССР через Семипалатинск и т. п. К сожалению, большинство этих мероприятий могут лишь в незначительной мере усилить обратный грузовой поток Турксиба. Более ощутительное заполнение порожнего направления могло бы иметь место, если бы оказалось возможным использовать для нужд Турксиба средне-азиатские угли; но эта проблема в настоящее время не может еще считаться решенной.

Финансовые результаты эксплуатации Турксиба. Вопрос об эффективности его сооружения

Основываясь на расчете грузооборота, приведенном выше, представляется возможным охарактеризовать финансовые результаты эксплуатации Турксиба на ближайшие годы. По калькуляции НКПС, финансовая сторона вопроса может быть иллюстрирована следующими данными (в тыс. руб.):

	1930/31 г.	1935/36 г.
Доход от перевозки грузов	16.603	27.253
Прочие доходы	3.149	5.443
	19.752	32.701
Эксплуатационные расходы	18.782	28.165
Результаты эксплуатации	+ 970	+ 4.419

Коэффициент эксплуатации за первое пятилетие понижается с 0,95 до 0,86. Доход от дороги уже к концу пятилетия покрывает с избытком амортизационные отчисления.

Финансовые результаты эксплуатации могут оказаться еще более благоприятными, если будут приняты и проведены в жизнь более энергичные, чем предполагалось ранее, темпы развития районов, обслуживаемых Турксибом. Одно только форсирование зернового хозяйства в районе дороги, если оно будет осуществлено в масштабе, намеченном Казакстаном, повысит доход от эксплуатации дороги до 7.140 тыс. руб. Объясняется это тем обстоятельством, что уменьшение транзитных перевозок хлеба приведет к сокращению эксплуатационных расходов; в то же время доход от перевозки хлеба (в части, падающей на Турксиб) не только не уменьшится, но даже увеличится, так как огромный пробег транзитного хлеба приводит к сильному снижению тонно-километровой ставки.

При этом условии коэффициент эксплуатации Турксиба понизится до 0,78, и дорога, за покрытием амортизационных отчислений, будет давать доход около 2% на вложенный капитал. Процент этот фактически окажется еще выше, так как во всех приведенных расчетах во все не учтен доход от тех местных грузов, которые должны возникнуть в связи с развитием обрабатывающей и добывающей промышленности в Казакстане, в частности, в связи с эксплуатацией медных руд, обнаруженных в северном Прибалхашье. Влияние этих перевозок на доходность дороги окажется особенно сильным, если удастся направить их в негрузовом направлении.

Следует заметить, что приведенный метод исчисления доходности дороги является весьма условным и мало показательным. При существующей системе установления тарифов по платежеспособности доходность Турксиба оказывается искусственно пониженной благодаря тому, что весьма значительная доля грузов (транзитные хлеб и лес) перевозятся по тарифу, заведомо не покрывающему даже себестоимости перевозки (ниже 1 копейки с тонно-километра).

Далее, что еще важнее, финансовый результат эксплуатации сам по себе мог иметь значение в прежнее время, с точки зрения частного предпринимателя или правительства, стоявшего на узко фискальной точке зрения. В настоящее время эффективность сооружения дороги должна определяться путем установления всей той пользы, которую получает, в связи с ее сооружением, народное хозяйство и, в особенности, обобществленный его сектор.

Расчет этот представляет исключительно большие трудности, так как повышение доходности сельского хозяйства и промышленности, связанное с сооружением новой дороги, в то же время находится в зависимости от самостоятельных капитальных вложений в области землеустройства, мелиорации, ирригации, строительства и т. д. Таким образом, рост доходности, связанный с постройкой Турксиба, должен быть отнесен на всю ту сумму капитальных вложений, которая произведена или будет произведена в зависимости от его сооружения.

В виду того, что место не позволяет нам остановиться подробнее на цифровом обосновании эффективности сооружения Турксиба, мы ограничимся лишь указанием тех основных областей, в которых эта эффективность может проявиться.

Интересно, прежде всего, выявить ту экономию, которая получится в результате сооружения Турксиба на перевозке хлеба и леса — этих важнейших для него грузов. В данном отношении мы опираемся на расчеты, произведенные в НКПС при рассмотрении сметы весной 1928 г. Правда, в то время задачей этих расчетов было установление экономии в подвижном составе, получающейся в результате постройки магистрали, но мы можем использовать эти расчеты и в своих целях.

Если бы Турксиб не был построен, то прииртышский и сибирский хлеб продолжал бы поступать в европейскую часть Союза, а Ср. Азия по-прежнему снабжалась бы хлебом из Северного Кавказа, Поволжья и др. районов. При установлении экономии в пробеге хлеба, получаемой от постройки Турксиба, было допущено, что поступление хлеба в Туркестан в связи с сооружением магистрали увеличится на 50% (при прочих равных условиях). Такой несколько преувеличенный процент роста завоза хлеба в Ср. Азию приводит к соответственному преуменьшению экономии в тонно-километрах. В итоге произведенных подсчетов (проверка которых не представляет никаких трудностей) было установлено, что экономия на перевозке одного только хлеба в результате постройки Турксиба составит в масштабе сети на

первые годы эксплуатации новой магистрали круглого, 1.300 млн. т/км. Считая себестоимость т/км в 1 копейку, получим на одном этом обстоятельстве экономию 13 млн. руб. в год.

Таким образом, экономия на пробеге одного только транзитного хлеба выражается в сумме, составляющей около 7% ко всему капиталу, вложенному в постройку Турксиба.

Лес, который пойдет по Турксибу, явится новым для сети грузом, так как будет поступать, главным образом, с Томск-Енисейской ж. д. Но если бы мы, эксплуатируя енисейские леса, захотели везти сибирские бревна и доски в европейскую часть Союза, а Ср. Азию снабжать с Урала и Средней Волги (или везти сибирский лес в Туркестан по Троицк-Орской ж. д.), то мы снова получили бы перепробег, стоимость которого выразилась бы в сумме порядке 7—8 млн. руб.

Таким образом, не выходя даже из узких рамок транспортной экономики, оперируя лишь с двумя важнейшими грузами Турксиба — хлебом и лесом, мы имеем ежегодную экономию, выражающуюся, примерно, в 20 млн. руб., т. е. превышающую 10% на вложенный в Турксиб капитал.

Разумеется, эффективность сооружения Турксиба неизмеримо увеличится, если учесть то огромное влияние, которое окажет постройка магистрали на экономику Ср. Азии, Казакстана и Сибири. Влияние это было в сжатой форме охарактеризовано еще два года тому назад тов. Рыскуловым в статье «Туркестано-Сибирская железная дорога и хозяйственное развитие ее районов»¹. Основные вехи развития экономики обслуживаемых Турксибом районов (только что перечисленных нами) остались в настоящее время теми же, что и два года назад. Изменились лишь темпы развития — в сторону их увеличения.

Подъездные пути к Турксибу.

Характеризуя грузооборот Турксиба, мы подчеркнули две его отличительные особенности: значительное преобладание транзитных грузов и одностороннее направление грузового потока. Для развития местного грузооборота и увеличения эффективности сооружения магистрали необходимо принять целый ряд мер в различных областях хозяйства прилегающего района.

Объем настоящей статьи не позволяет коснуться всей совокупности мероприятий, подлежащих осуществлению для развития хозяйства в районе Турксиба. Поскольку основной задачей настоящего очерка являлось освещение Турксиба, как транспортной проблемы, нам хотелось бы только в заключение коснуться тех мероприятий транспортного характера, которые являются логически связанными с сооружением магистрали и должны быть в ближайшие годы осуществлены.

К этой категории мероприятий следует прежде всего отнести те из них, которые должны обеспечить превращение в магистраль всего Турксиба, понимая под этим термином железную дорогу Новосибирск — Ташкент, а не только вновь выстроенное основное звено магистрали. На севере в данном отношении дело обстоит сравнительно просто и вся задача, вероятно, сведется к некоторому усилению пропускной и провозной способности линии Новосибирск — Семипалатинск. Гораздо сложнее представляется проблема на юге. Семиреченская линия требует коренного переоборудования на, так называемом, Машате, т. е. участке линии, пересекающем глубокую долину реки

¹ „Известия“, 17/II — 1928 г.

Машата. При сооружении этого участка на протяжении нескольких километров были допущены в обоих направлениях 17-тысячные уклоны, сохранение которых при магистральном значении дороги является недопустимым. Разрешение проблемы Машата потребует довольно значительных работ, которые будут закончены в ближайшее время.

Помимо этого, значительный интерес вызывает возможность спрямления Туркестано-Сибирской магистрали путем сооружения линии Ташкент—Чимкент. При отсутствии этой линии транзитные грузы Турксиба вынуждены делать значительный перепробег на участках Чимкент—Арысь и Арысь—Ташкент. Перепробег этот выражается, кругло, в 150 км. Сооружение линии Чимкент—Ташкент включено в пятилетний план развития путей сообщения в Ср. Азии.

Особенное значение для развития хозяйства в районе Турксиба и для увеличения местного его грузооборота приобретает создание сети под'ездных к Турксибу путей. До сооружения магистрали весь огромный край, пересекаемый ею, обслуживался конечными станциями Омской и Ташкентской дорог — Семипалатинском и Фрунзе. Эти пункты соединялись магистральным грунтовым трактом, идущим от Семипалатинска на Сергиополь, оттуда через Талды-Курган на поселок Илийский, далее на Алма-Ата и Фрунзе через Курдайский перевал. Кроме этого тракта, имеющего меридиональное направление, существовали следующие наиболее важные грунтовые пути: 1) Семипалатинск—Зайсан, 2) Сергиополь—Бахты-Урумчи (Западный Китай), 3) Талды-Курган—Абакумовская—Лепсинск, 4) пос. Илийский—Алтын-Эмель—Джаркент-Хоргос, 5) Алма-Ата—Чилик—Хоргос, 6) Фрунзе—Рыбачье—Нарын. Перечисленные пути имели наибольшее торговое значение. Помимо них существовал, конечно, целый ряд грунтовых дорог чисто местного значения, как, например, к озеру Балхаш, а также ряд горных троп, доступных только в летние месяцы.

Помимо грунтовых путей, некоторое значение для края имели водные пути, в особенности Иртыш, обслуживающий Семипалатинский и Усть-Каменогорский округа. Значительно меньшую роль играли река Или и озеро Балхаш вследствие своей изолированности и удаленности от железных дорог. В юго-восточной части района было развито в незначительном размере судоходство по озеру Иссык-Куль.

Проведение Туркестано-Сибирской магистрали радикально изменит значение отдельных путей в интересующем нас районе. Магистральный тракт Фрунзе—Семипалатинск потеряет почти всякое значение, лишившись большинства своих грузов. В таком же положении окажется северная часть Зайсан-Семипалатинского тракта, следующего почти параллельно Турксибу. Наоборот, значение тех путей, которые явятся по отношению к Турксибу под'ездными, сильно возрастет.

Каковы же основные задачи, которые должны быть осуществлены путем сооружения под'ездных к Турксибу путей?

На первое место должна быть выдвинута задача не только местного, но и государственного значения — создание связи с западно-китайской провинцией Синь-Цзян. Эта огромная область отделена от центрального Китая трудно проходимой пустыней Гоби, а от Индии — Гималайским горным хребтом. Связь ее с остальным миром издавна совершалась через Семиречье, несмотря на полное отсутствие в нем усовершенствованных путей сообщения. Сооружение Турксиба уменьшает расстояние между границами Синь-Цзяна и рельсовым путем до 300 км.

Синь-Цзян, как известно, представляет обширный край, в настоящее время в хозяйственном отношении весьма экстенсивный и слабо населенный. Однако, провинция эта не лишена экономических перспек-

тив. В южной ее части возможно значительное развитие хлопководства. Кроме того, из Синь-Цзяна издавна импортируется скот и животноводческое сырье в обмен на промышленные товары. Имеются также сведения о наличии в Синь-Цзяне довольно значительных месторождений каменного угля (в верхнем течении реки Или). Все это придает установлению тесной связи с Синь-Цзяном не только политическое, но и экономическое значение. Выше уже приводились данные, характеризующие предполагаемое поступление «китайских» грузов на Турксиб в первые же годы эксплуатации дороги. Размеры этих поступлений, по самым осторожным подсчетам, определяются в цифрах порядка 40 тыс. т. Таким образом, установление более тесной связи с Синь-Цзяном путем улучшения транспортных условий в районе Турксиба является весьма актуальным.

Второй задачей, также весьма существенной, является обслуживание под'ездными путями примыкающих к Турксибу сельскохозяйственных районов, в особенности тех из них, которые, в силу выпрямления магистрали, оказались удаленными от железной дороги на значительное расстояние. В таком неблагоприятном отношении оказался, как нам известно, Лепсинский район, в связи с принятием Балхашского варианта. Обойденным железнодорожным путем является также Токмакский район Киргизии. Из других сельскохозяйственных районов, оставшихся в стороне от магистрали, следует назвать Джаркентский район, в котором имеются благоприятные перспективы для развития хлопководства.

Наконец, третьей, также не менее важной задачей транспортного строительства в районе Турксиба, является присоединение к магистрали тех промышленных центров, которые уже существуют или должны будут возникнуть. К таким существующим центрам следует прежде всего отнести Риддер, в настоящее время связанный с Турксибом при посредстве Иртыша (связь эта не может быть признана достаточной). Необходимо также своевременно озаботиться установлением усовершенствованного сообщения с вновь открытыми месторождениями меди и других цветных металлов в северном Прибалхашье.

Развитие строительства под'ездных к Турксибу путей мыслится в разнообразнейших формах: в ремонте существующих грунтовых дорог, находящихся, как правило, в дурном состоянии, в устройстве новых грунтовых путей, в развитии судоходства на реках и озерах, в сооружении железнодорожных ветвей, организации автомобильных и даже воздушных сообщений. Односторонний уклон в выборе того или другого вида пути был бы, разумеется, неправилен. В частности, горный характер края и хозяйственная экстенсивность района служат препятствием к быстрому созданию в пределах края сети железнодорожных путей. В первую очередь должны быть использованы далеко не загруженные естественные водные пути края и приведены в порядок грунтовые дороги.

После этих общих замечаний, характеризующих транспортные условия края и стоящие перед нами в данном отношении задачи, представляется возможным перейти к рассмотрению отдельных наиболее важных проблем дорожного строительства в районе Турксиба.

Выше мы указывали, что выбор Чокпарского варианта, благодаря получившейся значительной экономии в строительной стоимости магистрали, дал возможность наилучшим образом разрешить транспортную проблему Чуйской долины путем сооружения железнодорожной ветви к востоку от Фрунзе до местечка Токмак. Одновременно с утверждением Чокпарского направления, правительством было

предложено НКПС «произвести экономические и технические изыскания по продолжению ветки Луговая—Фрунзе до озера Иссык-Куль»¹. Таким образом, имелось в виду поставить вопрос шире, подойдя вплотную к разрешению транспортной проблемы всей северо-восточной Киргизии. Доведенная до озера Иссык-Куль проектируемая линия создала бы смешанный водно-железнодорожный путь, обслуживающий, помимо Чуйской долины, Каракольский и Нарынский кантоны КирАССР, и облегчающий в то же время развитие наших сношений с западно-китайской провинцией Кашгарией (южная часть Синь-Цзяна).

К сожалению, произведенные изыскания выяснили, что доведение железнодорожной линии до Иссык-Куля экономически не может быть оправдано. Каракольский и Нарынский кантоны представляют из себя высокогорный край с редким населением (3 чел. на кв. км), крайне ограниченными возможностями для развития земледелия, почти недоступными для эксплуатации лесными массивами и совершенно не исследованными ископаемыми богатствами. При таких условиях вновь выстроенная железная дорога могла бы иметь груза не более 50 тыс. т с неопределенными возможностями дальнейшего развития перевозок. Вместе с тем, доведение линии до Иссык-Куля было бы сопряжено с исключительными трудностями (устройство целого ряда тоннелей), повышающими стоимости линии до 200 и более тыс. руб. за км.

Что касается доведения линии до Токмака, то оно оказалось вполне осуществимым. Грузооборот линии определился на ближайшие годы в размере не менее 100 тыс. т; сооружение в техническом отношении не представляет затруднений. Постройка ветки приведет к значительному оживлению местечка Токмак, к использованию этого района для развития свекловодства и других теплолюбивых культур. Одновременно с сооружением ветки в районе будет построен свекло-сахарный завод.

Для улучшения связи с озером Иссык-Куль необходимо привести в полный порядок грунтовый путь, связывающий Токмак с селом Рыбачьим. Путь этот проходит весьма трудно доступным Буамским ущельем и в настоящее время находится далеко не в удовлетворительном состоянии, так что проезд по нему связан даже с некоторой опасностью. Существующее автомобильное сообщение недостаточно хорошо организовано. На эту сторону вопроса следует обратить особое внимание, так как горное озеро Иссык-Куль представляет большой интерес не только для туристов, но и по своим далеко неиспользованным курортным возможностям.

Транспорт по самому озеру Иссык-Куль совершается в настоящее время при посредстве двух довольно ветхих пароходов. Улучшение связи с Рыбачьим должно, несомненно, привести к развитию судоходства по Иссык-Кулю и к этому также необходимо своевременно подготавливаться.

Другая существенная транспортная проблема — организация связи с Джаркентским районом и Кульджинской провинцией Синь-Цзяна. Связь эта до последнего времени осуществлялась несколькими путями: 1) гужевым путем от пос. Илийского через Алтын—Эмель—Джаркент—Хоргос (пограничный путь), 2) трактором Алма-Ата—Чилик—Хоргос, 3) водным путем по р. Или. В ближайшее время, в связи с сооружением Турксиба, должно приобрести наибольшее значение сообщение по р. Или, как наиболее дешевое. Размеры развития пароходства по

Или зависят, в первую очередь, от того, будет или нет иметь место поступление каменного угля из Кульджинской провинции. В случае благоприятного разрешения вопроса, перевозки эти могут принять массовый характер и даже ускорить сооружение железно-дорожной линии Алма-Ата—Кульджа, осуществление которой рано или поздно, несомненно, будет иметь место (Кульджа представляет из себя крупный город с населением свыше 100 тыс. человек). Что касается грунтовых трактов, то из них на первое время некоторое значение сохранит дорога Алма-Ата—Чилик—Хоргос, по которой будет производиться автомобильное пассажирское сообщение, а также, частично, перевозка грузов (особенно во время прекращения навигации).

В центральной части Турксиба в первую очередь должна быть установлена связь с Лепсинским районом. Для сооружения здесь железно-дорожной ветви пока нет достаточных экономических предпосылок. Что касается грунтового тракта, то устройство его является безусловно необходимым, так как существующее сообщение совершенно неудовлетворительно (в этой части района дороги особенно плохи). Указать станцию примыкания тракта представляется невозможным до выяснения результатов технических изысканий, производимых Управлением местного транспорта.

В равной мере представляется затруднительным разрешить проблему транспортной связи с Турксибом месторождений меди, обнаруженных в северном Прибалхашье. Вопрос этот находится в тесной связи с вопросом о местонахождении будущего медно-плавильного завода, который будет построен для эксплуатации обнаруженных руд, источником снабжения его топливом и т. п. На первое время связь эта будет облегчена организацией на озере Балхаш пароходного сообщения (хотя бы в скромных размерах), которое, помимо связи с будущими рудниками, обеспечит снабжение местного населения хлебом и облегчит сбыт животноводческого сырья.

Вполне установившимся является направление тракта Сергиополь—Бахты, связывающего с Турксибом большую часть Джунгарской провинции Синь-Цзяна. Тракт этот уже в настоящее время является весьма оживленным. Грузооборот его составляет около 15 тыс. т (хлопок, шерсть, кожсырье, импортируемые в обмен на сахар, посуду, металлические и другие изделия). В дальнейшем не исключена постройка здесь железнодорожной линии, но ближайшие перспективы развития торговли с западным Китаем не дают для этого достаточного основания. Логическим продолжением железно-дорожной линии Бахты—Сергиополь является линия Сергиополь—Каркаралинск—Кокчетав—Петропавловск (участок Кокчетав—Петропавловск уже построен и эксплуатируется). Линия эта пересекает Карагандинский угольный бассейн. При ее посредстве карагандинский уголь мог бы быть использован для нужд Турксиба. Вопрос о сооружении этой линии является сложным и детальное освещение его выходит за пределы задач настоящей статьи.

То же, в сущности, следует сказать и о Семипалатинском узле, проблема которого осложняется вопросом о способах разрешения транспортной проблемы Сибири, в частности, о сооружении Южно-Сибирской магистрали. В настоящее время естественным подъездным путем к Турксибу является пересекаемый им у Семипалатинска Иртыш. Главные грузы будут поступать по Иртышу с верхнего течения, в том числе хлеб из Усть-Каменногогорского округа, количество которого, по осторожным подсчетам, составит в ближайшие же годы до 100 тыс. т. Хлеб этот после перемола на семипалатинских мельницах пойдет

¹ Прот. заседания СТО, № 351 от 28/X—1927 г.

по Турксибу. Остальные грузы, поступающие с Иртыша, пойдут от Семипалатинска на север, в том числе цинковая и свинцовая руда в количестве также около 100 тыс. т. В дальнейшем, однако, подвоз руды по Иртышу отпадает в связи с сооружением ветки Риддер—Рубцовка (станция Алтайской линии). К станции Семипалатинка примкнет, вероятно, так называемая, Кулундинская ветка, связывающая железнодорожным путем Семипалатинск с Павлодаром и Омском.

Судоходство по верхнему Иртышу ограничено в настоящее время довольно тесными пределами, вследствие неустроенности реки. Организация судоходства до озера Зайсан-Нор представляется легко осуществимой. Не исключена, однако, возможность судоходства и в самой верхней части Иртыша (на Черном Иртыше) до китайской границы и даже в пределах Синь-Цзяна.

Река Иртыш ниже Семипалатинска не будет иметь особого значения в качестве под'ездного к Турксибу пути, особенно при условии сооружения Кулундинской линии.

Таковы в самых общих чертах перспективы развития транспортного строительства в районе Турксиба. Разумеется, приведенная характеристика путей не является исчерпывающей. Мы совершенно не коснулись ряда под'ездных путей местного значения¹. Кроме того, изучение природных богатств района, несомненно, выявит потребность в ряде других путей, предусмотреть которые в настоящее время является затруднительным. Но и сказанного достаточно для доказательства того, что транспортная проблема в районе Турксиба представляется сложной и подлежащей тщательному исследованию. Без разрешения этой проблемы Турксиб не сможет в полной мере вызвать к жизни природные ресурсы края, что, несомненно, является его существенной задачей.

Приступ к постройке Туркестано-Сибирской жел. дор., которая проходит по территории Казахской АССР, но оказывает также существенное влияние на развитие производительных сил Сибири, Киргизии и Ср. Азии, совпал с переездом столицы Казахстана в г. Алма-Ата.

Таким образом, вскрытие богатств самого района, как следствие проведения через него железной дороги, будет усилено непосредственным руководством реконструкцией всего хозяйства правительства Казахстана, находящегося ныне в самом центре дороги, где организуется и Правление Казахских железных дорог.

До сих пор отрезанный от других частей Союза край приобщается к новым формам социалистического строительства и, в свою очередь, вскрывает те тайники, которые, за отсутствием путей сообщения, были до сих пор недоступны и неизвестны (Балхаш, Коунрад и т. д.).

В настоящее время идет лихорадочная работа многочисленных учреждений по исследованию и изучению районов тяготения Турксиба, что, естественно, вызовет продуктивное использование громадных земельных пространств для усиления нашего зернового и животноводческого хозяйства и для создания как мелкой, так и крупной индустрии на базе больших природных богатств района Турксиба.

¹ В том числе упомянутой в начале настоящего очерка железнодорожной ветки к Коскудукской саксаульной даче.

В районах сплошной коллективизации¹

На 1-е января 1930 г. по СССР насчитывалось не менее 250 сел.-хоз. районов, в которых крестьянские хозяйства коллективизированы свыше 50%. В большинстве районов в течение 1930 г. поголовный охват коллективным движением бедняцко-средняцкого населения. К таким областям и районам, в первую очередь, относятся Нижняя и Средняя Волга, Сев. Кавказ и степная часть Украины.

На состоявшемся в январе тек. года при Колхозцентре совещании представителей районов сплошной коллективизации выяснилось, что всего успешнее и быстрее сплошная коллективизация проходит в районах наиболее резко выявленной товарной формы крестьянского земледелия, в районах отборных сортов пшеницы, с большими крестьянскими малоиспользуемыми крестьянством земельными территориями. Наиболее ярко выражен процесс сплошной коллективизации на Нижней Волге — в крае с большими крестьянскими земельными наделами, где высокоценная пшеница занимает 60% озимого и ярового клина, при чем впереди всех в этом крае по глубокому коллективному охвату населения идет Хоперский округ, где земельные наделы в крестьянском хозяйстве составляют в среднем 20 *а*, а освоенной земли — 7 *а*, при большом количестве безлошадных и безынвентарных хозяйств. В степной части Украины товарные крестьянские хозяйства со значительными наделами (в 10—20 *а* в среднем на хозяйство) концентрируются в Одесском и Николаевском округах. Здесь не только значительный товарный выход лучшей пшеницы, но и товарное продуктивное животноводство (немецкий красный молочный скот); количество безлошадных и безынвентарных хозяйств в этих округах с каждым годом возрастает и в настоящее время эти округа идут впереди всех округов Украины по сплошной коллективизации. Правда, в этих округах большую роль играет и другой важный фактор — крупные и старейшие машинно-тракторные станции, вокруг которых в лучшем пшеничном районе Нижней Волги — Самойловском и завершилась сплошная коллективизация, охватившая 98% всех крестьянских хозяйств этого района.

О темпах коллективизации на Нижней Волге можно судить хотя бы по одному тому, что план последней пересматривался краевыми органами в течение 1929 г. 14 раз, так как каждый раз с мест приходили сведения, что план коллективизации превзойден. В сущности, пересмотр плана лишь регистрировал каждый раз факт небывалого превышения плана. Некоторые округа Нижней Волги, как Аткарский и Пугачевский обнаружили со значительным опозданием, что колхозы уже охватили 60% крестьянского населения. В Пугачевском округе пытались даже задерживать стремительный процесс коллективизации;

¹ Печатаая настоящий очерк, редакция считает, что актуальность его заключается, главным образом, в значительном информационном материале о положении дел в ряде районов сплошной коллективизации. *Ред.*

в период усиленных хлебозаготовок здесь часто распускались крестьянские собрания по вопросам коллективизации по тем мотивам, что это отвлекает сельский актив от хлебозаготовительной кампании.

По всей Нижней Волге на 1 октября 1929 г. были объединены в колхозы 16% всех крестьянских хозяйств, на 1 декабря 1929 г. — 63% и на 1 января 1930 г. — 72%, что составляет 684 тыс. хозяйств. В ряде округов процент коллективизации на то же число значительно увеличился: в Аткарском — 76,6%, Пугачевском — 83,3%, Немреспублике — 76%, Хоперском — 79,5%. Как сообщают из области, «бедняки и середняки очень решительно идут за последнее время в колхозы». Идет строительство преимущественно высших форм коллективных объединений с большим процентом обобществления не только пашни и мертвого сел.-хоз. инвентаря, но и рабочего и продуктивного скота. По всему краю лишь 5% коллективизированного населения входят в товарищества по совместной обработке земли, 88% — в сел.-хоз. артели и 7% — в коммуны. В Хоперском округе коммуны 25% и сел.-хоз. артелей — 75,9%, товарищества же по совместной обработке земли почти совершенно исчезают.

По всему Нижневолжскому краю идет строительство крупных и крупнейших коллективов. Январские данные устанавливают, что 90% всего коллективизированного населения края входят в крупные колхозы и только 10% входят в мелкие, но и мелкие коллективы в дальнейшем быстро переходят в сложные формы и укрупняются. В Хоперском округе средняя величина колхоза — 12 тыс. га, хотя имеются колхозы с 35—40 тыс. га и с максимальной площадью 50—60 тыс. га. Непосредственным стимулом к укрупнению колхозов является возможность стягивания и концентрации при этом наличной механической и живой тяговой силы, ее маневрирования на разных участках колхоза во время посевной кампании, что позволяет окончить в срок все работы, связанные с посевами. Отсутствие автотранспорта и средств связи (телефонов и дорог) и недостаточность организационных, агрономических и технических сил кладет предел укрупнению колхозов, тормозит это укрупнение.

До сих пор механизация тяговой силы в крестьянском хозяйстве края составляла в среднем 5%. Однако, благодаря сплошной коллективизации и быстрому процессу укрупнения колхозов намечается довести механизацию тяговой силы еще к весенней посевкампании 1930 г. до 15%. Зяблевая вспашка проведена по краю на 50%, а в отдельных округах — на 90% всей площади посева, т. е. вдвое выше размеров зяби, произведенной единоличными хозяйствами за все прошлые годы, когда правильно и тщательно запахивали землю лишь зажиточные и середняцкие хозяйства, а большое количество бедняцких хозяйств фактически только «ковыряло» землю. К осени 1929 г., благодаря организации конных и воловых колонн и постановки в одну борозду, целиком запахана та площадь, которая была по плану намечена для ярового посева.

На совещании представителей районов сплошной коллективизации со всей очевидностью выяснилось, как стихийно и шестро идет процесс сплошной коллективизации. Участники совещания приводили много любопытных фактов и многообещающих данных и цифр, но их трудно было подытожить, окончательно проанализировать, дать им оценку. Идет спешная колоссальная стройка колхозов сплошными массивами. Работа местами еще проводится вчерне, еще много сырого строительного материала. Крайне необходимо уточнение и улучшение строительства. Еще не отстоялись, не определились организационные

формы сплошного коллективного строительства. В ряде районов они принимают самый разнообразный характер.

В одних районах существуют райколхозсоюзы, которые являются центрами управления и производственного снабжения колхозов; в этом случае в райколхозсоюз, в качестве его отделов, вливаются специальные союзы сел.-хоз. кооперации. В Шатровском районе (Урал) коммуны объединены Советом, а на Украине решили обойтись без районных и окружных колхозсоюзов, при чем их место занимают управления МТС, которые должны здесь совместно с колхозами образовывать единый комбинат.

В одних районах, в процессе организации крупнейших колхозов, охватывающих ряд селений, кустовые объединения колхозов постепенно отмирают, в других районах, наоборот, деятельность кустовых объединений в составе крупных и средних колхозов оживает, но это, вероятно, явление временное, пока более мелкие селения — колхозы производственно не сольются с ближайшим колхозом-гигантом в качестве его производственного участка, отделения. Образцом такого ядрового колхоза, вытесняющего кустовые объединения и непосредственно связывающегося с окрестными колхозами, является Краснополянский «Гигант» (Ирбитский округ). В сфере его производственного и хозяйственного влияния находятся 109 коммун, которые объединены в 5 производственных кустов. Связь этих коммун с «Гигантом» настолько усиливается, экономическое тяготение к нему настолько велико, что коммуны решили слиться с ним, с тем, чтобы совершенно стерлись границы всех этих колхозов и их нынешних кустовых объединений.

Но сам колхоз «Гигант» пока еще не коммуна именно потому, что это очень крупная коллективная организация. Выходит так, что входящее в состав «Гиганта» колхозы более совершенной формы организации, чем основное и крупнейшее ядро — «Гигант». Отсюда в «Гиганте» приходят к заключению о необходимости скорейшего перехода на устав полной коммуны. Таким путем в ближайшее время будет создана колоссальная сплошная Краснополянская коммуна районного значения.

«Гигант» управляется выборным советом, члены которого управляют отдельными «участками» (обычно прежними колхозами). При каждом заведующем участком состоят техник, агроном, животновод. Размеры каждого участка 5.000 га. На каждом участке (бывшем колхозе, селении), при заведующем обязательно имеется производственное совещание, решения которого входят в силу лишь после утверждения их советом «Гиганта».

Тяготение к «Гиганту» громадное. За последнее время в ближайших районах уже организовались 54 крупных сел.-хоз. артели, которые в своей производственной работе не только подражают «Гиганту», но стремятся с ним хозяйственно связаться, стать его членами. Это не то, что членство в кустовом объединении, которое лишь обслуживает своих членов в производственном, быто-снабженческом и агрикультурном отношениях. Дальнейшим следствием организационного и экономического вхождения в состав такого мощного объединения, как «Гигант», явится то, что члены совершенно сольются с ним на правах производственного участка с выборным производственным совещанием при нем. Таким образом, получатся производственные и хозяйственные самоуправляющиеся филиалы при основном ядре — «Гиганте», но с общим хозяйственным планом. Вот почему так колоссально растет Краснополянский «Гигант». Сейчас он располагает со

всеми своими участками — бывшими колхозами 105 тыс. га земли, а к осени 1930 г., при дальнейшем вовлечении старых колхозов и вновь коллективизируемых селений, его площадь составит не менее 275 тыс. га.

По примеру «Гаганта» идет строительство колхозов по всему Ирбитскому округу с перерастанием их в высшие формы, со слиянием менее крупных колхозов и селений с наиболее крупными коммунами.

В этом строительстве, в этом экономическом тяготении мелких и средних колхозов к мощному ядровому колхозу — коммуне, имеется, несомненно, своя закономерность. Например, в Таловском районе сплошной коллективизации (в ЦЧО) пытались ориентироваться на организацию кустовых объединений в составе мелких и средних экономически равносильных колхозов. Дробление получилось большое. Район разделили на 7 подрайонов, в каждом подрайоне — кустовое объединение, каждый куст объединяет до 24 колхозов. Слишком уж по-бумажному планировали, а жизнь опрокинула все надуманные планы, точнее говоря, все эти планы опрокинул процесс сплошной коллективизации. На 1 января во всем Таловском районе остались лишь 8 крупных колхозов; отдельные многочисленные мелкие колхозы окончательно слились с крупнейшими объединениями в качестве хозяйственных участков с общим производственным планом. Коллективизация здесь, действительно, сплошная, со стиранием не только внутриселенных, но и межселенных границ в каждом мощном объединении. Необходимо только, чтобы точный учет хозяйственного плана каждого филиала районного колхоза сочетался с единым и централизованным планом всего целого объединения, с точным учетом всех средств производства, ресурсов и рабочей силы. На совещании представителей районов сплошной коллективизации выражали справедливое опасение, как бы слияние отдельных колхозов с наиболее мощным не оказалось чисто формальным, без достаточной оперативной и хозяйственной увязки.

В то время, как на Нижней Волге колхозы организованы на территории в 15—20—40 тыс. га, в Одесском районе, как и в других районах сплошной коллективизации Украины, колхозы строятся на территории не более 5 тыс. га. Объединяют эти колхозы кустовые объединения, их всего в округе 67, при чем они заменяют собой колхозсоюзы. Но в ближайшее время и кустовые объединения должны отпасть, — их уже сейчас вытесняют и заменяют машинно-тракторные станции. К весне 1930 г. по всему округу ожидается функционирование 18 МТС. Все строительство сплошной коллективизации ориентируется здесь, как и в других округах Украины, на мощные МТС. Территория каждой МТС по существу является единым сел.-хоз. производством, с концентрацией при станции важнейших средств производства и организации труда. Территория машинно-тракторной станции делится на севооборотные участки — приблизительно в 5.000 га каждый, совпадающий с территорией каждого колхоза-селения, производственно и организационно связанного с МТС. Таким образом, последняя и является хозяйственным центром колхозов на территории ее деятельности. Получается комбинат с единым хозяйством и управлением.

На Кубани крупные колхозы-станции разбиваются на клетки, к каждой клетке прикрепляются по 20—50 дворов. Эти дворы и отвечают за работу каждой клетки. Особенно это практикуется при производственном направлении хозяйства. Работы по клеткам выполняются сдельно. Колхозы управляются институтом уполномоченных, которые

выбирают совет, правление и ревкомиссии колхоза. Кустовые объединения отпадают. Существует райколсоюз и крайколсоюз; окружные колхозсоюзы признаны лишним звеном.

На совещании районов сплошной коллективизации выявилась потребность унифицировать формы коллективного строительства в районах сплошной коллективизации. Основной формой организации колхозов признана сел.-хоз. артель. Нужно строить крупные колхозы, обобществляющие несколько тысяч га площади и крестьянские хозяйства ряда населенных пунктов. Колхозы делятся на участки, ведущие хозяйство по производственному плану, балансу и под управлением единого колхоза. Установление оптимума для крупных колхозов производится в зависимости от типа хозяйства, размещения населенных пунктов, технической базы, условий транспорта и т. д. Райколхозцентры руководят работой колхозов на основе единого плана реконструкции сельского хозяйства в целях перерастания колхозрайона в колхоз-гигант. Райколхозсоюз организует машинно-тракторные станции и машинно-конные базы и предприятия по переработке сел.-хоз. продуктов. Все остальные союзы сел.-хоз. кооперации вливаются в райколхозсоюз. Земельные общества по мере организации колхозов ликвидируются. Потребительские общества строятся в районах сплошной коллективизации на основе индивидуального членства в них членов-колхозов и со своими выборными органами. Колхозы принимают меры к вовлечению в состав потребительских о-в всех членов колхозов. Комитеты обществ взаимопомощи реорганизуются в кассы взаимопомощи при колхозах также на началах индивидуального членства и со своими выборными органами.

Сплошные районы коллективизации отличаются большей частью не только количеством колхозов, но и качеством коллективизации, высшими формами совхозов, полным обобществлением труда и инвентаря колхозов, в том числе и пользовательного скота. Выборочное обследование 100 колхозов Николаевского округа (район сплошной коллективизации Украины), произведенное в начале ноября 1929 г., установило, что в коммунах обобществление произведено полностью, по сел.-хоз. артелям посевы также обобществлены на 100%, лошади — на 63%, молодняк — на 61%, коровы — на 19,8%, телята — на 23%, свиньи — на 35,5%, овцы — на 65%. В этом районе наблюдалось такое явление: когда середняк «массой двинулся в колхозы», то начали практиковать слишком низкую оценку скота и инвентаря при включении их в капиталы колхозов. Там, лошадь, которая стоила свыше 100 руб., оценивалась при приемке в 25—30 руб., очень низко оценивались коровы, а также вейлки и пр. инвентарь. В результате инвентарь и особенно скот начали в значительной степени разбазариваться.

В старейшем Чапаевском районе (Средняя Волга) сплошной коллективизации продуктивный скот был обобществлен к концу лета 1929 г. лишь на 5%, а рабочий скот — на 3%. Усиленное обобществление скота сопровождалось затем низкой расценкой скота; в результате началось массовое истребление лошадей, так как страховые премии выдавались выше рыночной цены на лошадей. К этому нужно прибавить, что с осени местные организации, проводившие коллективизацию, слишком обнадежили крестьянство, что со сплошной коллективизацией связано значительное, если не стопроцентное, снабжение коллективизируемого крестьянства механической тяговой силой, сел.-хоз. машинами и прочим инвентарем. Население поэтому легко

расставалось со своим инвентарем, вместо того, чтобы направить его в коллективные хозяйства.

Большим тормозом в обобществлении скота во всех районах сплошной коллективизации является отсутствие общественных дворов и конюшен или крайняя нехватка их. Больше всего — на 80 % — обобществлен продуктивный скот на Нижней Волге, но лишь 10 % обобществленного скота помещены в общественных скотных дворах; остальной скот размещен по дворам.

В Самойловском районе (Нижняя Волга) обобществление скота, как и мертвого инвентаря, было произведено на 100 %, но, по признанию представителя этого района на совещании районов сплошной коллективизации, все было смешано в одну кучу, при чем «отсутствие счетовода» не дает возможности правильно учесть обобществленный скот, а отсутствие коллективных дворов, его правильно разместить и содержать. В результате, как это установлено последними данными, нигде сброска скота не приняла таких размеров, как на Нижней Волге. Конечно, тут больше всего сказывалась яростная кампания кулаков, которые использовали малейшие дефекты и затруднения, чтобы дискредитировать полное обобществление инвентаря¹.

Более осторожно и последовательно поступили украинские и другие районы сплошной коллективизации. В течение зимы они стремились обобществить не более 40—50 % крестьянского скота. Они начали с того, что обобществили корм колхозников и приступили к организации колхозной кормовой базы. Часто население в виде пая при вступлении в колхоз дает свой корм для скота. Колхозы охотно зачисляют корм в качестве пая. Это мобилизует кормовые ресурсы населения и обеспечивает прокорм колхозного скота.

Во всех районах сплошной коллективизации самым острым вопросом является хозяйственное и жилищное строительство. На это дело до сих пор не обращено должного внимания. Нет средств, нет кредитов, строительных материалов, нет планов строительства. Между тем, оно имеет громадное производственное значение. Нельзя без строительства сотных дворов широко и прочно ставить обобществление скотного двора, нельзя без конюшен организовывать конские базы, колонны. Часто батраки не имеют собственных квартир, и поэтому находятся в полной зависимости от зажиточных и кулацких хозяйств. Нельзя привлечь батраков в колхозы без широкого жилищного строительства для них. Там же, где строительство имеет место, оно обходится дорого и производится нерационально. В Одесском округе, например, новые общественные скотные дворы обошлись по 150—500 руб. на корову.

Увеличение кормовых средств колхозов на ближайшие зимние и весенние месяцы являются важнейшей задачей для закрепления обобществления скота, прекращения убоя и разбазаривания скота той частью крестьянства, которая поступает в колхозы. Члены колхозов охотно берут на себя прокорм обобществленного скота, но одновременно ими предъявляются повышенные требования на молочные продукты, что объясняется тем, что труд колхозников при организации откорма скота совершенно не установлен, не нормирован. Товарный выход мяса, молока и масла пока в ряде животноводческих районах сплошной коллективизи-

¹ Опубликованная 2 марта с. г. статья тов. Сталина дает исчерпывающую установку по основным вопросам темпа и характера коллективизации продуктового скота в соответствии с местными условиями.

зации понижается. Но правильная организация молочного хозяйства, интенсификация и укрупнение его, обеспечение сильными кормами при правильной организации труда, — должно вскоре привести к поднятию товарности коллективного молочного хозяйства при одновременном удовлетворении потребительского спроса самого производящего населения.

На том же совещании представителей районов сплошной коллективизации было высказано сомнение в целесообразности форсировать обобществление скота, особенно продуктивного. Дело это очень сложное и слишком ответственное. Как уже указывалось выше, в некоторых районах именно вследствие большой поспешности и стремления немедленно же добиться обобществления скота на 80 % и даже 100 %, получились большие неудачи и искривления, которыми воспользовались кулаки для злостной агитации. Вследствие необеспечения скота кормовой базой и соответствующим помещением, он заболел, содержался плохо и давал меньше удою, чем тогда, когда он не был обобществлен.

Совещанием признано, что полное обобществление рабочего и продуктивно-пользовательного скота должно быть полностью осуществлено лишь к моменту окончания весенней сел.-хоз. кампании. Содержание скота в коллективных дворах и приспособление имеющихся крестьянских построек для группового содержания скота должно быть за летние месяцы произведено в таких размерах, чтобы обеспечить к осени коллективную эксплуатацию всего стада. Кулацкому вредительству в области животноводства необходимо положить немедленно конец. Скот кулацких хозяйств должен быть немедленно взят на особый учет. Племенной и высокопродуктивный скот кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации должен в первую очередь, поступить в обобществленные стада.

Важнейшей задачей, вытекающей из общего процесса социалистического переустройства сельского хозяйства Союза и приобретающей в настоящее время исключительное значение для районов сплошной коллективизации является ликвидация кулака как класса. Соотношение классовых сил в районах сплошной коллективизации обеспечивает успешное и быстрое разрешение этой задачи. Середняк пошел в колхоз, и классовая борьба сейчас идет преимущественно между кулаком и колхозом, не только во вне, но и внутри последних. Еще недавно кулака открыто допускали в колхозы, считали, что с его зачислением в члены колхоза он растворится и окончательно исчезнет. Особенно широко практиковалось привлечение кулаков в сплошные районы коллективизации Средней Волги. Много кулаков в свое время сумели проникнуть и задержаться в колхозах и в других районах сплошной коллективизации, при чем часто двухкратная и более чистка колхозов не давало должного результата в смысле полного изгнания оттуда кулаков. И только теперь ошибки первого периода исправляются и колхозы постепенно очищаются от остатков проникшего в них кулачества.

В районах сплошной коллективизации чрезвычайную актуальность приобретает вопрос, куда девать кулака. Вопрос этот возник и на совещании представителей районов. В некоторых районах считают возможным допустить экспроприированного кулака (после отнятия у него всех средств производства) в колхозы на положении наемного батрака. Считают, что эта мера лучше, чем переброска кулака в другие районы, где он все же может опереться. В Самойловском районе (Н. Волга), например, кулакам отпускаются худшие клочки земли

в севооборотах данного колхоза, оставив им минимум инвентаря и семян и не разрешая переселяться на отводимые разрозненные клочки наделов, дабы они не превращались в отрубников. Указывают, однако, что оставлять кулака жить в коллективизированном селе вредно, так как он будет продолжать отрицательно влиять на жизнь села-колхоза.

Между прочим, в процессе обсуждения на этом совещании вопросов ликвидации кулачества как класса, выяснилось, что в ряде районов сплошной коллективизации в связи с раскулачиванием кулацких хозяйств в очень тяжелом положении оказываются батраки, которым на первых порах нигде найти работы. Безработных батраков в ряде районов остается не мало и это указывает на то, что батраки и бедняки районов сплошной коллективизации недостаточно быстро и не в полной мере вовлекаются в колхозы. Отсюда ясно, что необходимо усилить темп этого вовлечения с тем, чтобы батрачество полностью, на все 100%, было вовлечено в колхозы еще в период подготовки к весенней посевной кампании. Это явится наиболее верным разрешением задачи полной изоляции кулаков и уничтожения кулачества как класса. Директива ЦК партии об организации батрацко-бедняцких групп при колхозах должна быть неуклонно проведена в жизнь.

Во всех районах сплошной коллективизации взяты очень большие темпы расширения ярового клина и углубления агротехнических мероприятий. Значительные затруднения в этом деле вызывает недостаток механической тяговой силы и сложных сел.-хоз. машин. На это жалуются все районы. Даже в Одесском районе, где с начала весны тек. года будут функционировать 18 МТС, все же ожидается нехватка тяговой силы. Крайне недостаточно развернута работа по организации конских колонн, тракторно-конных баз. Лишь по Нижней Волге на 1-е января организованы конские колонны в количестве 1.000 голов. В остальных районах сплошной коллективизации этот вопрос в течение зимних месяцев лишь рассматривался в колхозных центрах и совершенно не доходил до мест. Между тем, именно районы сплошной коллективизации могли бы дать образцы массовых конно-тракторных и конных станций для широкой и своевременной запашки ярового клина.

Неблагоприятным признаком является также то, что при значительном, если не полном обобществлении средств производства в колхозах районов сплошной коллективизации, семена у них недостаточно обобществлены и мобилизованы. Лишь в колхозах Николаевского округа (Украина) семенной материал был свезен на 1-е января 1930 г. в количестве 40% посевной потребности. В большинстве же районов, в том числе на Кубани, Средней и Нижней Волге¹ семена обобществлены и приготовлены к севу на 1-е января лишь в размере 20—30%. Об'ективной причиной слабой мобилизации семенного материала в колхозах сплошных районов коллективизации является отчасти значительное расширение посевного плана по сравнению с перво-

¹ Данные НКЗема Союза на 20-е февраля устанавливают значительные улучшения в деле обобществления семенного материала. План засыпки по колхозам выполнен: по Украине на 141,1%, по Нижней Волге—на 56,6%, по Средней Волге—на 46,9%, по Сев. Кавказу—на 73,2%. По данным, опубликованным в газ. „Правда“, на 27 февраля ссыпано в колхозные фонды Нижней Волги 1.700 тыс. центи. семян. Краевой план обобществления семян выполнен без Республики Немцев Поволжья на 68,3% и вместе с Немреспубликой—56%. По всем колхозам РСФСР собрано 73,2%, по колхозам СССР—83,6%. Всего колхозы СССР должны были собрать семян для ярового сева 39 млн. центи., собрано ими на 1 марта 36 млн. Совнарком СССР отметил эту величайшую победу колхозного движения.

начальной наметкой. Так, по Хоперскому округу в начале хлебозаготовительной кампании план весеннего посева определялся с превышением против прошлого года на 15%; соответственно этому были сданы хлебные излишки. Затем при дальнейшем громадном росте коллективизации, план весенней посевной кампании был увеличен по сравнению с прошлым годом, на 41%. Размеры семенных фондов требуют поэтому значительного увеличения.

Бросается в глаза отсутствие во многих колхозах районов сплошной коллективизации производственных планов к весенней посевной кампании. Нет сил и раньше всего агрономических сил для разработки этих планов¹. В показательном Самойловском районе во многих даже крупных колхозах нет агрономов, в лучшем случае имеются практиканты—агрономы. Местные земельные органы со своими агрономическими силами не спешат переключить свою работу в соответствии с новыми условиями и задачами этих районов. Полное отсутствие или плохая разработанность производственного плана колхозов и подготовка его к весеннему севу и является причиной недостаточного реального учета живой тяги, учета важности заблаговременной организации и подготовки ее. Этим же объясняется и слабая организация и недостаточное обобществление труда в районах сплошной коллективизации. Дело это все еще хромает; учета опыта лучших коммун нет. До сих пор распределение продукции производится местами по количеству земли, по размерам наделов каждой семьи колхоза. В условиях сплошной коллективизации, когда межи совершенно уничтожаются, это самый недопустимый классово-невыдержанный способ организации труда, который хранит в себе все признаки эксплуатации бедняцкой части села, так как последняя, разумеется, всегда пользовалась по тем или другим причинам меньшим наделом земли. Большие дефекты в организации труда имеются в Чапаевском округе (Средняя Волга). С большим трудом осуществляется в районах сплошной коллективизации оплата вознаграждения по трудовым и за сельщину. Там, где это начинают проводить, нет гибкого подхода, не выделяется определенный минимальный заработок для многосемейных с большим количеством детей, для вдов, для нетрудоспособных семей.

Организация и обобществление труда в сплошных районах коллективизации чрезвычайно злободневны и в зимний период, когда нужно организовать массовый откорм и содержание молочного и рабочего скота. Повидимому, необходимо организовать в колхозах кустарный промысел, дабы в зимний период максимально занять рабочие руки. Во многих районах коллективизации кустарного промысла является составной частью коллективизации крестьянского хозяйства. Так, при осуществлении массовой коллективизации в Немреспублике возник общий вопрос об организации массы земледельцев-кустарей, с целью занять их в течение значительной части года производством сарпинок. В данном случае особенно остро стал вопрос об организации труда в этих промыслах и о принципе оплаты труда.

Организация труда, наибольшее привлечение средств самого населения, правильная организация неделимых капиталов, учет труда и средств производства—все это вызывает необходимость правильной постановки отчетности в колхозах районов сплошной коллективизации. Однако, не только опытных бухгалтеров, но сколько-нибудь грамотных счетоводов нет даже в крупных колхозах. С особой остротой

¹ Произведенная в начале марта мобилизация с.-х. специалистов, работающих в центральных учреждениях и канцеляриях, должна усилить приток агрономов в колхозы и уточнить производственный план ярового сева в последних.

стоит вопрос об обеспечении колхозов этих районов счетоводами. Счетоводы оказываются самым «узким» местом в колхозных кадрах. Возникает крайняя необходимость в срочной организации курсов для подготовки не менее 15.000 дополнительных счетоводов для районов сплошной коллективизации.

Большую актуальность получает вопрос об определении взаимоотношений совхозов и колхозов в районах сплошной коллективизации. Директива ЦК Партии об организации объединенных совхозно-колхозных комбинатов должна в первую очередь и с наибольшим успехом осуществляться именно в этих районах. Между тем, до последнего времени (до февраля) в районах сплошной коллективизации этот вопрос недостаточно широко ставился на практические рельсы, точно так же совершенно недостаточно разработан вопрос об индустриализации крупнейших районных колхозов, о развитии в них предприятий по переработке и утилизации сырья и отходов. Это должно явиться ближайшим этапом в работе колхозов на почве организации разного рода перерабатывающих и подсобных предприятий, должно установиться самое тесное производственное сотрудничество и взаимодействие совхозов и колхозов.

На Сев. Кавказе крупнейшим совхозом «Хуторок» организован агроиндустриальный комбинат, в котором принимают активное материальное и финансовое участие колхозы всего прилегающего района. Комбинат располагает винокурным, маслобойным и галетными заводами и приступает к организации консервного завода. Колхозы являются поставщиками сел.-хоз. сырья и рабочей силы для предприятий комбината.

Большой интерес представляют также организуемые в настоящее время в районе сплошной коллективизации ЦЧО два совхозно-колхозных комбината на базе интенсивного свеклосеяния—в районе Копышевка и близ сахарного завода «Коллективист».

По Копышевскому району в процессе организации индустриального совхозно-колхозного комбината были выявлены три микрорайона, из которых один—центральный свекловично-молочно-свиноводческий с посевом 5.000 га в 1930 г. (против 500 га в 1929 г.) при 7.000 га всего проектируемого севооборота; другой район конопляно-мясо-свиноводческий и третий конопляно-огородно-молочно-птицеводственный. Все три микрорайона в плане связаны единым свекловичным молочно-конопляно-животноводческим хозяйством. Имеющиеся в районе 103 карликовых колхоза сведены в 23 колхоза, которые в свою очередь за период между 1930 г., сводятся в 6 предприятий единого колхоза.

По району завода «Коллективист» в результате построения совхозно-колхозного комбината, территория сырьевой базы завода уплотняется с 70 тыс. га до 39 тыс. га, что избавляет возку свеклы на далекое расстояние, но в то же время увеличивает посев свеклы с 943 га до 6.000 га, с повышением свеклоинтенсивности с 5 до 22%. Хозяйство комбината—однорайонное, т.е. свекловично-молочно-свиноводческое и с откормом мясного скота на жоме и патоке, и птицы—на зерне. В настоящее время в этом районе 19 колхозов, которые в период между 1930 г. сводятся в 7—8 предприятий.

В обоих районах—Копышевки и «Коллективист»—колхозы увязаны реконструктивными планами с местными совхозами и сахарными заводами. Электрические установки для переработки сел.-хоз. сырья и для подсобных предприятий устраиваются на средства сахарного завода, совхозов и укрупненных колхозов. Последние снабжают заводы

и совхозы сахарной промышленности рабочей силой. Копышевский комбинат составляет площадь в 99 тыс. га, а «Коллективист»—в 49 тыс. га. В результате реконструкции хозяйств, входящих в эти агроиндустриальные комбинаты, продукция полеводства должна удвоиться, а продукция животноводства увеличиться в 3½ раза; товарность хозяйства повышается в 8 раз, доходность 1 га пашни увеличивается, главным образом, за счет животноводства, почти в 3 раза, годовая выработка сел.-хоз. продукции на 1 рабочего увеличивается в 2½ раза, поголовье молочного скота возрастает почти в 3 раза, а поголовье свиней—в 1½—2 раза.

Любопытно, как строится управление вышеописанных индустриальных совхозно-колхозных комбинатов. Во главе каждого комбината стоит совет уполномоченных из представителей сахарного завода и колхоза по расчету один представитель на 500 колхозников. Совет уполномоченных выбирает центральное правление комбината. Председателем совета уполномоченных комбината является директор сахарного завода, а председатель колхоза является заместителем директора сахарного завода.

Крайне важно активизировать роль сельсоветов в районах сплошной коллективизации. В ряде районов крупные колхозы стараются приспособить районы деятельности своих участков к границам деятельности сельсовета. Это не всегда совпадает с районом экономического тяготения колхоза и его участков. На Украине выдвигают вопрос, чтобы район деятельности новых (и обновленных) сельсоветов совпадал с районом деятельности данного колхоза-гиганта, кустового объединения или машинно-тракторной станции. Нужно одновременно, чтобы сельсовет осуществил более полный контроль и более активную помощь колхозам в плановом, производственном, административном и культурно-бытовом отношениях. Для этого важно, чтобы сельсовет располагал самостоятельным бюджетом и работоспособным составом.

Строительные проблемы Закавказья

Бурный рост народного хозяйства во всех отраслях Союза находит полное отражение и в развитии капитального строительства ЗСФСР. До наступления Советской власти закавказские республики, как известно, не имели возможности развивать свою индустриальную жизнь и были зажаты в узкие рамки сел.-хоз. деятельности с культивированием при этом самых отсталых средств земледелия.

Промышленность строительных материалов насчитывала всего лишь два незначительных цементных завода около Баку и на ст. Тауз, Закавказских ж. д., с общей производительностью не более 200 тыс. бочек цемента. Добыча извести, алебастра и производство кирпича выполнялись почти исключительно кустарным образом и качественно давали плохой и неравномерный материал. Производство пиловочного леса было организовано в микроскопических размерах и не оказывало сколько-нибудь заметного влияния на удовлетворение местной потребности.

Таким образом, все довоенное строительство ЗСФСР базировалось на силикатных материалах своего кустарного производства, а все остальные материалы получало из России.

Рабочая сила набиралась как среди местных (армянские каменщики, рачинские плотники), так и среди приезжавших на заработки рабочих Севера.

Климат, сейсмические явления, бытовые особенности и наличие определенных материалов создали в гражданском строительстве республик, входящих в состав ЗСФСР, свои характерные конструкции. К ним относятся, напр., плоская асфальтовая и кировая кровли в Азербайджане, деревянные досчатые дома на столбах в Западной Грузии и туфовые здания с плоской крышей в Армении. Стены бакинских зданий выкладывались из местного пористого известняка (гюши), добывавшегося ручным способом из ближайших к городу каменоломен. Строительство Тифлиса и ближайших городов велось из кирпича, а в Батуме и вообще на Черноморском побережье из бетонитовых камней с использованием морского песка и гравия. Сейсмичность многих районов заставляет предъявлять к строительству в них особые требования прочности и вырабатывать специальные сейсмостойкие конструкции.

Вступив сейчас в период широкого развития, строительство ЗСФСР прежде всего встретилось с необходимостью поставить на твердую базу вопрос производства строительных материалов и подготовить соответствующую квалифицированную рабочую силу.

Обладая большими богатствами необходимого для промышленности стройматериалов сырья, в особенности силикатного происхождения, закавказские республики имеют полную возможность совершенно освободиться от ввоза целого ряда главнейших строительных мате-

риалов из других районов Союза и, наоборот, сделаться в этом отношении их поставщиком.

К работе насаждения промышленности стройматериалов в настоящее время приступлено с большой энергией, и сейчас в постройке находится целый ряд соответствующих заводов. Так, по цементной промышленности в Грузии строится цементный завод на ст. Каспи, Закавказских ж. д., производительностью на 700 тыс. бочек, затем развиваются на тройную мощность (до 900 тыс. бочек) азербайджанские цементные заводы и с 1930 г. приступают к сооружению цементного завода в Армении (на 700 тыс. бочек).

По известковому и кирпичному производствам выстроено и строится ряд известковых и кирпичных заводов. Помимо того, в Армении, Грузии и Азербайджане с 1930 г. строятся заводы гажевые (смесь алебастра с глиной), продукт которых в Закавказьи служит обычным штукатурным материалом.

Постройка всех намеченных заводов позволит ЗСФСР по прошествии первых трех лет пятилетки совершенно освободиться от ввоза указанных строительных материалов и, благодаря этому, сократить стоимость строительства, на удорожание которого до сих пор сильно влияли значительные транспортные расходы ввозимых материалов (цемент, напр., снизится в цене на 50%).

Освобождение от ввоза указанных выше материалов силикатного происхождения, разумеется, не разрешает вопроса снабжения ЗСФСР другими материалами, в отношении которых строительство ЗСФСР до конца пятилетия остается в полной зависимости от рынков РСФСР и Украины.

Самую существенную роль в этом ввозе играют лес и металлы. Производство лесных материалов в ЗСФСР крайне затрудняется отсутствием в удобных для разработки районах строительного леса мягких пород, почему, при все возрастающем объеме, строительству ЗСФСР освободиться от ввоза леса с рынков РСФСР не удастся еще долгое время.

В несколько иной плоскости стоит вопрос о снабжении строительства черным металлом, производства которого на территории ЗСФСР пока совершенно не имеется.

К насаждению черной металлургии в Азербайджане и Грузии приступают лишь с текущего года, но практическое разрешение этого вопроса требует длительного времени и во всяком случае в текущую пятилетку строительство в ЗСФСР должно будет пользоваться исключительно привозным металлом.

Первые шаги строительства ЗСФСР при Советской власти сопровождались, как и во многих других районах Союза, рядом неудач и прорывов, проистекавших, главным образом, от бесплановости и недостаточной обследованности технических и экономических условий.

Задаваясь широким размахом и не учитывая действительных возможностей, эти начальные строительства вскоре же попадали в полосу всевозможных кризисов, затягивавших на долгое время сроки их выполнения. Первоначально составленные сметы оказывались совершенно не реальными и возрастали в период исполнения часто в несколько раз.

К такого рода не обеспеченным разработанными техническими проектами и реальными сметами строительства относятся: незаконченная еще и по настоящее время постройка Аджарис-Цхальской гидростанции, ведущаяся с 1923 г. (по первоначальной смете эта постройка оценивалась в 4.760 тыс. руб., в настоящее же время стоимость ее определяется в 14 млн. руб.); Нухинская шелкомотальная фабрика, за-

проектированная самой большой в мире, Тифлисская суконная фабрика, стоившая по смете 2,5 млн. руб. и обошедшаяся фактически в 7 млн. руб., Ленинанканский и Ганджинский текстили¹ и ряд объектов, менее значительных по объему. Все они начаты были в 1923—25 г.г. и по настоящее время еще не закончены.

Сейчас бесплановость в строительстве ЗСФСР почти ликвидирована и оно полностью введено в надлежащее русло. По отношению к указанным выше объектам приняты меры по упорядочению, и в ближайшие годы эти строительства будут закончены.

Объем строительства по ЗСФСР в денежном выражении, не считая крестьянского, определяется следующими цифрами:

1927/28 г.	140 млн. руб.
1928/29 г.	179 „ „
1929/30 г.	270 „ „

Размер крестьянского строительства считается стабильным и определяется Госпланом ЗСФСР суммой порядка 20 млн. руб. в год.

По отдельным отраслям народного хозяйства вложения в строительство распределяются следующим образом:

Отрасли	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
	Тыс. руб.	%	Тыс. руб.	%	Тыс. руб.	%
Промышленность	43.000	30,7	55.650	31,2	60.240	22,3
Электрификация	12.000	8,6	12.303	6,9	24.345	9,0
Водное хозяйство	6.540	4,7	15.300	8,6	23.000	8,5
Транспорт	26.360	18,9	36.960	20,7	55.030	20,4
Гражданское стр-во	49.500	35,3	46.900	26,3	75.210	28,0
Сельское и торговое стр-во	—	—	8.500	4,8	29.360	10,8
Прочее	2.600	1,8	2.640	1,5	2.810	1,0
	140.000	100,0	178.250	100,0	270.000	100,0

Приведенные цифры даны без стоимости оборудования, а обнимают собою только чистые строительные работы и капитальный ремонт.

Рассмотрение этих цифр позволяет сделать вывод, что в последнее время в общей массе строительства ЗСФСР значительно повышается удельный вес сельского и торгового строительства и, отчасти, строительства водного хозяйства. Видимое понижение удельного веса промышленного строительства и уменьшение вложений в 1929/30 г. объясняется окончанием в 1929 г. большой работы по сооружению нефтепровода Баку — Батум и выпадением имевшихся на нее в предыдущие годы значительных ассигнований (по 20 млн. руб.). В целом же и в этой части строительства мы имеем определенный рост.

Развитие работ по водному хозяйству связано с проведением в жизнь директив правительства об интенсивном орошении хлопковых

¹ Ганджинская фабрика первоначально определялась суммой 6.840 тыс. руб. и дошла теперь до 18 млн. руб.

земель, повышение же роста сельскохозяйственного и торгового строительства является следствием усиленного развития сейчас чайного и экспортного дела.

К концу пятилетия, т. е. к 1932/33 г., объем строительства по варианту, составленному в 1928 г., должен будет возрасти до 278 млн. руб. в год. В действительности этот объем, в особенности по отдельным отраслям народного хозяйства, оказался значительно выше и уже в 1929/30 г. он близко подошел к цифре последнего года пятилетки.

Быстрые шаги роста строительства последних лет (объем строительства 1929/30 г. удвоился против 1927/28 г.) естественно сопровождаются значительными затруднениями по его выполнению как в отношении материалов, так и в отношении рабочей силы и в особенности обеспечения инженерно-техническими кадрами.

Снабжение строительства ЗСФСР основными строительными материалами характеризуется следующими данными, сопоставляющими потребность и производство, а именно:

Камень строительный

в тыс. куб. м.

Республики	1928/29 г.			1929/30 г.		
	Потребность	Производство		Потребность	Производство	
		Заводск.	Кустар.		Заводск.	Кустар.
Азербайджан	730	200	530	1.391	236	1.130
Армения	290	1	289	519	150	469
Грузия	613	—	613	1.012	4	983
Всего по ЗСФСР	1.633	201	1.433	2.922	390	2.582

Кирпич обыкновенный

в тыс. шт.

Республики	1928/29 г.			1929/30 г.		
	Потребность	Производство		Потребность	Производство	
		Заводск.	Куст.		Заводск.	Куст.
Азербайджан	34.500	18.000	15.500	49.300	29.000	20.300
Армения	2.000	—	2.000	9.700	—	9.700
Грузия	42.000	30.000	12.000	70.000	45.000	20.000
Всего по ЗСФСР	78.500	48.000	29.500	130.000	74.000	50.000

И з в е с т ь
в т

Республики	1928/29 г.			1929/30 г.		
	Потреб- ность	Производство		Потреб- ность	Производство	
		Заводск.	Куст.		Заводск.	Куст.
Азербайджан	60.000	27.500	32.500	76.000	41.500	34.500
Армения	22.000	14.000	8.000	32.000	22.000	10.000
Грузия	55.000	33.500	21.500	72.000	44.500	27.500
Всего по ЗСФСР . .	137.000	75.000	62.000	180.000	108.000	72.000

Ц е м е н т
в бочках.

Республики	1928/29 г.		1929/30 г.	
	Потребность	Производ- ство в ЗСФСР	Потребность	Производ- ство в ЗСФСР
Азербайджан	361.000	270.000	459.000	465.000
Армения	106.650	—	153.000	—
Грузия	283.000	—	420.000	75.000
Всего по ЗСФСР .	750.650	270.000	1.032.000	540.000

Лес круглый и пиленный (без пиал и переводных брусьев)
в куб. м.

Республики	1928/29 г.		1929/30 г.	
	Потребность	Производ- ство	Потребность	Производ- ство
Азерб. { кругл.	112.000	—	115.000	—
{ пилен.	158.000	2.000	246.500	3.000
Армен. { кругл.	40.000	—	54.500	—
{ пилен.	74.000	1.000	109.000	2.000
Грузия { кругл.	81.000	4.000	97.500	4.000
{ пилен.	160.000	45.000	194.000	50.000
Всего по ЗСФСР { кругл. . .	232.000	4.000	303.000	4.000
{ пилен. . .	392.000	48.000	618.500	55.000

Приведенные данные, а также отсутствие производства в ЗСФСР черного металла и его изделий, показывают, что строительство ЗСФСР более или менее удовлетворительно снабжается только камнем, кир-

пичем и известью, все же прочие материалы должны в значительной степени поступать с рынков Союза.

В ближайшие годы, благодаря указанным выше мерам по развитию цементной промышленности, из числа привозных материалов удастся, повидимому, вычеркнуть только цемент. Все остальные строительные материалы и, главным образом, лес и металлы, вплоть до конца пятилетки и в начале следующей пятилетки останутся для ЗСФСР подлежащими ввозу.

С другой стороны, уже с 1930 г. из ЗСФСР начнется массовый вывоз в другие районы Союза, а может быть и за границу, двух новых видов строительных материалов. К ним принадлежат вступающий в текущем году в эксплуатацию Арктикский розовый туф и Анийская строительная пемза. Вывоз Арктикского туфа уже в текущем году предполагается произвести в размере около 100 тыс. куб. м, что по значению его в строительстве соответствует объему около 60 млн. штук кирпича. Вывоз пемзы, более транспортабельной, чем туф, будет развиваться в дальнейшем еще быстрее туфа, в особенности, если удастся урегулировать в Союзе цементный вопрос, с которым применение пемзы весьма тесно связано, так как пемзобетонное строительство основано на расходовании дефицитного сейчас цемента.

Кроме отмеченных материалов, ЗСФСР располагает еще одним видом строительного материала, могущего найти широкое применение не только в республиках Закавказья, но и далеко за их пределами. Мы говорим о кровельном сланце, залегающем в громадных количествах в Кахетии, вблизи от жел. дороги. Разработки кровельного сланца начинают развиваться усиленным темпом и на 1929/30 г. (по контрольным цифрам) была намечена добыча его в количестве до 5 тыс. т, достаточном для покрытия около 220 тыс. кв. м кровли. Осуществить полностью наметку контрольных цифр 1929/30 г., повидимому, не удастся вследствие выяснившейся теперь недостаточно проведенной предварительной подготовки. Тем не менее, этот ценный материал, до сих пор еще не применявшийся в строительстве ЗСФСР (имеется лишь несколько древних сооружений с крышей из сланца), уже в текущем году может начать завоевывать строительные рынки как самого ЗСФСР, так и других районов Союза и сократить потребность в ввозе кровельного железа. В текущем году, напр., Азнефть в виде опыта предполагает использовать кровельные сланцы на строительство вышек, поглощающее сейчас в больших размерах дефицитное кровельное железо.

Особенностью многих районов строительства Азербайджана и Армении является применение плоских кировых и земляных крыш, весьма распространенных в прежнее время в городском и особенно сельском жилищном строительстве. Теперь же, в виду укрупнения строительства и перехода его в руки общественных и кооперативных организаций, плоские кровли не находят себе применения и все новое строительство базируется, главным образом, на кровельном железе.

Черепичная кровля применяется сравнительно широко лишь в западной Грузии, причем, ввиду недостатка заводского производства черепицы (имеется только один завод под Тифлисом с очень дорогой продукцией 140 руб. за тыс. шт.), в дело идет желобчатая или плоская черепица кустарной выработки. Вновь строящиеся теперь кирпичные заводы в Грузии и Азербайджане рассчитаны также на параллельную выработку марсельской черепицы и появление их продукции на рынке ожидается с большим нетерпением.

Из строительных материалов, заслуживающих особенного внимания по своему удельному весу, необходимо несколько подробнее остановиться на лесе. Хотя годные для разработки лесные массивы имеются во всех трех республиках, входящих в состав ЗСФСР, тем не менее получить на рынках ЗСФСР в нужном количестве годного на строительство леса весьма затруднительно. Почти весь лес на территории ЗСФСР относится к, так называемым, твердым породам — дуб, граб, бук и проч., — в общем негодным для строительного дела.

Сосна и ель встречаются или в курортных районах и вырубке поэтому не подлежат, или же в таких местах, которые трудно доступны для разработок. Большое распространение в строительстве ЗСФСР находит пихта, растущая по горным хребтам Черноморского побережья и сплавляемая пока, в виду неурегулированности сплава, в весьма ограниченных размерах. Самой распространенной в ЗСФСР породой является бук, не находящий сейчас применения в строительстве, в виду твердости и быстрого загнивания в сырых местах. Разрешение, так называемой, «буковой проблемы» могло бы в значительной степени улучшить для ЗСФСР вопрос о лесе и сильно сократить ввоз последнего из других районов Союза, но пока что этот вопрос остается открытым. Пропитывание бука противогнилостными веществами могло бы значительно расширить круг его применения в строительном деле, но, к сожалению, пропитка бука упирается в недостаток соответственных пропиточных установок (их имеют лишь Закавказские ж. д.) и задерживается, главным образом, из-за отсутствия подходящих антисептиков.

Действительно, наиболее удобным из употребительных антисептиков для пропитки бука является креозот, но он обладает свойством сильной пахучести, что делает невозможным употребление пропитанного им леса в большинстве строительных конструкций; других же прочных антисептиков для бука пока не найдено.

Переходя к вопросу обеспечения строительства ЗСФСР рабочей силой, необходимо отметить недостаток кадров квалифицированных рабочих и констатировать, что проводимое сейчас усиление этих кадров не поспевает за ростом самого строительства.

Общая потребность в рабочей силе для строительства ЗСФСР на 1929/30 г. при составлении контрольных цифр была исчислена Госпланом ЗСФСР и Стройкомом ЗСФСР в следующих размерах:

Рабочие	Число раб. дней по объему работ тыс.	Число ¹ рабочих по объему работ	Фактическая потребность в рабочих ²	Имеющееся в строительстве количество рабочих в 1929 г.
Квалифицированные	16.812	67.200	44.800	34.000
Неквалифицированные	21.909	87.600	70.000	70.000

При исчислении фактической потребности в рабочей силе приняты во внимание сделщина, непрерывная неделя, введение в работу механизмов и проч. меры, влияющие на перевыработку и уменьшение числа уроков.

¹ Число рабочих исчислено исходя из 250 раб. дней в году.

² Фактическая потребность принята с учетом увеличения уроков на 50% для квалифицированных и на 25% для неквалифицированных рабочих.

Из той же таблицы видно, что недостаток в квалифицированных рабочих на 1929/30 г. намечается в количестве до 10.800 чел., или около 25% от общего числа потребных рабочих. Из числа 100 тыс. чел., подлежащих обучению в тек. году, согласно постановления СНК Союза ССР, на долю ЗСФСР отведено 5 тыс. чел. и к подготовке их в настоящее время приступлено. Тем не менее, рассчитывать, что в 1930 г. вступят на работу полностью новые 5 тыс. квалифицированных рабочих, несомненно, не приходится и таким образом заметный дефицит в квалифицированных строительных рабочих в 1929/30 г. останется.

Необходимо однако иметь в виду, что кроме постоянного кадра на работы в ЗСФСР ежегодно прибывает самостоком некоторая часть ищущих высоких заработков рабочих из других районов Союза; однако, полностью заполнить пробел в квалифицированных рабочих этой частью обычно не удастся, как это не удалось и в истекшем 1928/29 г. Значительное снижение дефицита строительных рабочих возможно было бы достичь посредством удлинения строительного сезона и более равномерного распределения работ, чем это практикуется в настоящее время.

В связи с улучшением финансирования строительства, выражающимся в перенесении времени открытия кредитов на более ранние сроки, а также в виду принимаемых всех других мер по подготовке к строительному сезону, вопрос более полного использования сезона в ЗСФСР с каждым годом улучшается и, если в 1928/29 г. строительство могло развернуться полным ходом лишь в середине III квартала, то в наступившем 1929/30 г., на основании имеющихся от стройкомов республик сведений, этот срок передвинется, повидимому, к началу III квартала.

Большие затруднения испытывает строительство ЗСФСР из-за отсутствия достаточных транспортных средств для перевозки строительных материалов. Цена на гужевой транспорт в истекшем 1929 г. поднялась в среднем не менее чем на 20%, что весьма отрицательно отразилось на ценах стройматериалов особенно массовых заготовок. Кирпич, камень, песок, гравий по этой причине поднялись в цене, причем некоторые постройки все время были под угрозой срыва из-за невозможности получить необходимые транспортные средства.

В наступившем 1930 г. принимаются меры по организации гужевых артелей с установлением твердых тарифных ставок, развивается автотранспорт и перевозка водой. Эти мероприятия, повидимому, дадут положительные результаты и в известной мере улучшат вопросы транспорта.

Вопрос с техническими кадрами стоит в ЗСФСР особенно остро. Потребность в техническом персонале в 1928/29 г. исчислялась в количестве до 520 инженеров и 1.550 техников при наличии инженеров, занимающихся строительством — 360 чел. и техников — 720 человек. Недостаток технических кадров пришлось восполнять практиками из десятников и недостаточно опытными студентами из вузов, что несомненно отрицательно отражалось и на качестве, и на стоимости работ.

Для подготовки технических кадров в ЗСФСР — во всех трех республиках, входящих в ее состав, — имеются следующие, выпускающие инженеров-строителей, высшие технические учебные заведения: политехникумы — Тифлисский, Бакинский, Академия Художеств Грузии и технический факультет при госуниверситете в Эривани. К сожалению, размер выпусков инженеров до сих пор был весьма незначителен и составлял лишь десятка два человек в год. Так, в 1928/29 г. выпуск инженеров-строителей по Тифлисскому политехническому институту со-

стоял из 8 человек, по Азербайджанскому — из 21, а по Эриванскому техническому факультету выпуска не было.

Принятые сейчас по директивам правительства меры увеличат число выпускаемых новых инженеров; тем не менее, вся потребность ЗСФСР в техническом персонале в ближайшие годы не будет удовлетворена и потому до конца пятилетия строительство ЗСФСР будет проходить при недостатке квалифицированного командного состава.

Сейчас в период коренной реорганизации строительного дела этот недостаток будет ощущаться особенно остро и неизбежно придется прибегать к приглашению специалистов из других районов Союза. Тяжелые климатические и жизненные условия некоторых местностей в ЗСФСР особенно осложняют вопрос привлечения технического командного состава на работы таких весьма важных объектов, как орошение Муганской или Мильской степи в Азербайджане или ленинканские работы в Армении, — все время страдают от недостатка технического персонала.

Производство работ по капитальному строительству совершается в ЗСФСР, главным образом, так называемым, хозяйственным способом. Попытки проведения подрядных работ господрядными организациями упираются пока в недостаточно развитую сеть и малую техническую и финансовую мощность имеющихся в ЗСФСР строительных организаций.

Подрядных контор имеется всего четыре и их работа за 1928/29 г. видна из следующей таблицы:

Район деятельности	Название строительной конторы	Производственная программа на 1928/29 г. тыс. руб.	Фактически выполнен. программа тыс. руб.	Капитал конторы руб.	Отнош. капиталов к производ. программе.
Грузия	Самшени	5.945	2.201	250.000	$\frac{1}{24}$
Азербайдж. . .	Бакгорстрой	11.841	11.240	1.198.000	$\frac{1}{10}$
„ . .	Азгостехстрой	4.000	3.000	204.000	$\frac{1}{20}$
Армения	Армгорстрой	3.200	2.560	190.400	$\frac{1}{17}$
Всего		24.986	19.001	—	—

Как видно из таблицы, общая сумма работ, выполненных указанными конторами, исчисляется всего лишь в 19 млн. руб., что составляет 10,7% от общего объема строительства ЗСФСР и потому существенного влияния на все строительство не имеет. Правда, кроме указанных местных строительных организаций, на территории ЗСФСР работали и некоторые общесоюзные строительные конторы, как-то: «Тепло и Сила», Стромстрой, Русгерстрой, Парас, Альтебауаг и некоторые другие, но объем работ этих организаций был также незначителен и не превышал 4% от всей стоимости строительства ЗСФСР.

В текущем году в ЗСФСР взята твердая линия на усиление деятельности господрядных организаций. В настоящее время производится укрупнение существующих и создание новых строительных контор. В Грузии образован Грузпромстрой для промышленного строительства Грузии с капиталом в 500 тыс. руб., затем создается Закавказская строительная контора для торгового и промышленного строительства по всему ЗСФСР и Водстрой — для мелиорационного и гидротехнического строительства. Рабочими программами всех контор в 1929/30 г. намечено охватить уже не менее 25%, а к концу пятилетия этот охват довести до 60% от всего объема строительства.

В виду отсутствия мощных строительных организаций, чрезвычайно слабо по строительству ЗСФСР проводится механизация работ. Обзор этого дела показывает, что только крупные строительства обзаводятся простейшими приборами в роде бетономешалок, подъемников, вагонеток и проч., большинство же строительных работ ведется в ручную с подачей материалов на спинах рабочих.

Стоимость механических приспособлений в настоящее время не превышает 1% от стоимости работ и лишь на отдельных строительных (Тифлиссский водопровод) поднимается до 5%. Не лучше положение и в отношении внедрения в строительство стандартных частей и типизации проектов. Методы стандартизации проводят лишь крупные строительные организации и то только в отношении оконных и дверных переплетов, изготавливаемых на их деревообделочных заводах в Тифлисе, Баку и Эривани. Остальные части зданий работают по-прежнему кустарным образом и по разнообразным размерам.

Поставленные еще в 1928 г. твердые директивы правительства о снижении стоимости строительства по ЗСФСР в истекшие два года пятилетки выполнены полностью не были.

Отсутствие учета не дает возможности установить размеры снижения точным образом, ориентировочно же в 1928/29 г., по исчислениям Стройкома ЗСФСР, стоимость строительства понизилась от 4 до 6%, при чем все снижение прошло по линии проектировки и применения более дешевых материалов. Стоимость же самих материалов в общем не изменилась (привозные хотя и понизились, но местные в цене возросли), равным образом не уменьшилась и величина заработной платы.

На текущий 1929/30 г., если будут выполнены все намеченные мероприятия по развитию заводской промышленности стройматериалов, по реконструкции транспорта материалов, по усилению механизации строительных процессов и проч., намечается уменьшение стоимости строительства на 11—16% против цен 1927/28 г. В остальные годы пятилетки снижение должно пойти более интенсивно, ибо, во-первых, строительству ЗСФСР удастся освободиться от ввоза некоторых массовых материалов, а, во-вторых, в связи с ростом строительных организаций будет полнее проведена механизация работ и стандартизация частей зданий — области, почти не затронутые реорганизацией.

Сравнение установленных Стройкомом ЗСФСР лимитов стоимости зданий в ЗСФСР с ближайшими районами Союза показывает, что существенной разницы в стоимости гражданского строительства, несмотря на завозные материалы, в ЗСФСР в общем не имеется.

В самом деле, как видно из приводимой ниже таблицы, стоимость куб. м каменных зданий колеблется в пределах 17—18 руб., что отвечает ценам в ближайших районах Северного Кавказа.

Республики	Районы	Стоимость 1 куб. м каменных зданий
РСФСР	Ростов н/Д.	20.00
	Грозный	18.50
	Владикавказ	17.00
	Нальчик	17.00
ЗСФСР	Армения	17.58
	Эривань	17.04
	Азербайджан	18.10
	Баку	18.64
	Грузия	17.58
	Тифлис	17.04

Заканчивая этим краткий очерк состояния строительства в ЗСФСР и его ближайших перспектив в текущую пятилетку, в заключение следует отметить, что трудности начального периода безусловно преодолены и, пользуясь широкой сырьевой базой стройматериалов и учитывая энтузиазм рабочих-строителей, намеченное пятилеткой строительство ЗСФСР будет выполнено в четыре года.

Необходимо, однако, иметь в виду зависимость строительства ЗСФСР от ввоза леса и металла из других районов Союза ССР и в этом отношении на 100% обеспечить исчисленные потребности.

Строительство истекшего 1928/29 г. не было выполнено полностью (85%) только потому, что не удалось обеспечить строительство в должном количестве завозными материалами и никакое напряжение местных работников не могло, разумеется, изменить создавшегося положения.

Проф. С. И. Солнцев. «Земельная рента в крестьянском хозяйстве». Изд. Государственного Института опытной агрономии — Ленинград. 1929 г., стр. 243. Ц. 3 руб.

Имя автора рецензируемой книги достаточно известно широкому кругу экономистов. Проф. Солнцев известен своими теоретическими работами по политической экономии. На сей раз проф. Солнцев избрал темой своей исследовательской работы конкретную разработку и исследование категории ренты в крестьянских хозяйствах советской экономики. В этом отношении книга эта представляет несомненный интерес в том отношении, что дает возможность, с одной стороны, проследить, как увязывает автор исследователь свои теоретические абстрактные рассуждения с конкретной действительностью, и с другой стороны, проверить истинную ценность и сущность его понимания марксовской политической экономии.

Ставя себе задачей «статистический учет земельной ренты вообще в крестьянских хозяйствах» (19), автор явно чувствует, что без того, чтобы не осветить, хотя бы кратко, свое понимание категории ренты, не изложить теоретическое понимание этой сложной и труднейшей проблемы политической экономии, все его статистические построения и исчисления повиснут в воздухе.

Как же справился автор с этой частью своей работы? Явно неудовлетворительно. Проф. Солнцев, со всей очевидностью, категорию ренты не понимает, содержания ее не усвоил и дал такую трактовку, которая никак не может быть квалифицирована как марксистский анализ категории и тех производственных и социальных отношений, которые за ней скрываются. Автор вынужден не справиться с этой задачей, ибо доказать наличие земельной ренты ему приходится не «вообще», а в конкретных условиях советского хозяйства. А это требует особого умения оперировать марксистско-ленинским методом. Истинная природа советской экономики, все ее новое экономическое и социальное содержание остались непонятными и неосознанными... «Как правильно, — пишет он, — жизнь в переходном периоде идет в старых формах, и понять явления и категории переходного периода

можно, не игнорируя старых форм капиталистического уклада, а на основе этих старых форм, на основе старых отношений» (разр. наша. А.) (25). Или дальше: «Главное в анализе земельной ренты при советских условиях, на наш взгляд, сводится к определенному и четкому установлению того положения, что земельная рента неразрывно связана с явлениями рынка и меновой ценностью прежде всего, а уже на втором плане — с особенностями земледелия и землевладения» (25—26). Можно было бы привести еще достаточное количество цитат, из которых с несомненностью видно, что автор не понял и не воспринял всей глубины классового переворота, пришедшего вместе с Октябрьской революцией. Цепляясь за внешние формы (рынок, цена и т. п.), скользя по поверхности, автор не потрудился даже установить самое «бытие в тос» этих категорий в двух разных социальных формациях — капиталистической и советской. Для проф. Солнцева никакой принципиальной разницы между капиталистической и советской экономической не существует... Там, где есть рынок с фетишистской стихией, где есть цена с капиталистическими, специфическими законами своего образования, присущего капиталистическому рынку, где хлеб и другие продукты земледельческого производства выбрасываются на рынок, проходят через капиталистический аппарат ценообразования, сохраняя при этом специфические особенности старого порядка, — там не может не быть земельной ренты, понимаемой в капиталистическом смысле» (26). Нет нужды вскрывать всю эту антимарксистскую, насквозь схоластическую установку на содержание советской экономики. В многочисленных работах доподлинных марксистов-исследователей с достаточной ясностью и глубиной вскрыто все отличительное многообразие нашей экономики. Октябрьская революция, установление диктатуры пролетариата означают одновременно устранение форм и содержания капиталистической эксплуатации. Национализация и переход в руки пролетариата промышленности, национализа-

ли земли, уничтожение частной собственности на нее, уничтожение классов капиталистов и значительное умножение кулацкой верхушки деревни,—все это вместе взятое наложило свой социальный и производственный отпечаток на характер советской экономики. Через план, через систему планирования хозяйствующий субъект-пролетариат приводит в движение отдельные элементы советского хозяйства, увязывает их в систему и тем самым руководит распределением производительных сил, а поскольку это распределение производительных сил происходит в противоречивых условиях классовой борьбы и ожесточенного сопротивления остатков капиталистических элементов, в основном определяет и расстановку классовых сил в стране. Не рынок и, уж во всяком случае, не стихия, не «капиталистический аппарат ценообразования» решают и определяют пропорции народного хозяйственного развития,—а план, плановые установки и перспективы. Только буржуазный последователь может отождествить капиталистическое и советское хозяйства, не подмечать в них различий и присущих каждому специфичностей. Такому «аналитику» Октябрьская революция и еще социально производственное преобразование, последовавшее за ней, являются чуждыми, непонятными и несоединяемыми.

Не имея природы советского хозяйства, отождествляя последнее с капиталистическим способом производства, проф. Солнцев, конечно, не мог справиться и с пониманием ренты.

Рента в его представлении—категория не социального порядка и не отражает определенного типа производственных отношений. Категория эта, по Солнцеву, не историческая. Маркс неоднократно подчеркивал (т. III ч. 2, стр. 319, 341, 366), что рента неразрывно связана с капиталистической формой эксплуатации. Рента в марксовом понимании вырастает и базируется на основе законов, выведенных им в политической экономии—стоимости и прибавочной стоимости (т. III, ч. 2, стр. 172, 174, 300). Так что мало еще того, что существует рынок, цена, надо еще доказать, что в основе их лежит стоимость, что распределение и присвоение продукта тогда происходит на основе распределения прибавочной стоимости. Собственно, Солнцев это и «доказывает», когда заявляет, что «мы будем исходить в дальнейшем, как из данной предпосылки, из того положения, что анализ цен, дохода, издержек производства, земельной ренты, прибыли в крестьянском хозяйстве как для деревни дореволюционного, капиталистического периода, так и для деревни переходного периода, по крайней мере в ее первых фазах, один и тот же, а что этот анализ покоится на общих законах капиталистического рынка» (32). Нет уж, давайте дальше разбирать эту явно буржу-

азную теоретическую странню, да и сам Солнцев, чуждый слабости своих теоретических доказательств, вынужден в конце концов признать, что «находила ли себя земельная рента в крестьянских хозяйствах советского периода и в действительности,—это вопрос, требующий специального «индуктивного» исследования» (разр. наша А.).

Индуктивно же (т. е. статистически) проф. Солнцев определяет ренту путем выведения средней нормы прибыли в промышленности и чистого дохода в отдельных группах крестьянства и, сопоставляя одно с другим, определяет как величину, так и самый размер ренты. То, что понимает проф. Солнцев под средней нормой прибыли, далеко от истинного марксистского ее определения. Как он ее получает? То, что дано в опубликованных материалах Г. В. Щуб, это вовсе не норма прибыли, а доли прибыли и прочих элементов (налоги, оборы и пр.), идущих за счет *m* (прибавочной стоимости). В цене у Маркса мы имеем точное определение нормы прибыли... их продажные цены равны элементам издержек их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и не потребленный» (т. III, ч. 2, стр. 180. Разр. наша А.). Определяя ренту, как «сверх-средней нормы прибыли» (заставляя говорить, хоть не в том, что рента есть сверхприбыль, а в том, что она есть особый вид прибавочной стоимости, выражающей определенные классовые взаимоотношения—частная земельная собственность), Солнцев принимает повышенный процент этой нормы прибыли, ибо он относит элемент накопления в цене не ко всему капиталу промышленности, а к издержкам производства. Что же касается чистого дохода в крестьянских хозяйствах, то здесь, наоборот, он его сильно уменьшил. В основу исчисления чистого дохода проф. Солнцев положил данные крестьянских бюджетов, собираемые и обрабатываемые органами ЦСУ. Общеизвестно, что бюджетный материал страдает целым рядом дефектов, и для пользования им обычно необходимо проделать солидную работу, но то, что проделал с ним проф. Солнцев, требует всяческого осуждения. Для того, чтобы получить чистый доход, необходимо было к издержкам производства (фигурирующим в бюджетах в виде затрат) причислить и оценить труд в крестьянском хозяйстве и стоимость тяговой силы. Автор поступил правильно, когда оценил затраченный труд в крестьянском хозяйстве по рыночной цене, но существующей заработной плате наемных рабочих. Но мы считаем, что это сделано им небрежно и несправедливо. За основу рыночной оценки труда проф. Солнцев принял подценную

заработную плату. Мы считаем, что поденная заработная плата является невысшей оплатой труда в сельском хозяйстве. Здесь сказываются в значительной мере сезонные влияния, критические моменты в потребности рабочей силы. Крестьянство же занято в течение круглого года, и для оценки его труда правильнее брать заработную плату рабочих, занятых более продолжительное время. Такой платой мы считаем сенокосную. Расхождения по отдельным губерниям довольно существенные, так например, по данным ЦСУ СССР (данные эти для 1925/26—26/27 гг. приводим в целях сравнения), мы имеем по Воронежской губ. сенокосную 90 коп., поденную 1 р. 18 коп.; по Орловской губ. соответственно—74 к. и 89 коп.; по Украине (Полесье)—79 к. и 1 р. 40 коп.; по Вологодской губ.—65 к. и 1 р. 39 к. Таким образом, издержки на труд, при правильном методологическом подходе к этому вопросу, оказались преувеличенными, а следовательно, за этот счет несколько уменьшен чистый доход¹.

В отношении же тяговой силы, то, что проделал профессор, обнаружил его полное незнание как с методологией, так и с содержанием тех источников, которыми он оперирует. Проф. Солнцев почему-то считает, что в бюджетах не фигурируют затраты на тяговую силу в виде кормов. Это не соответствует действительности. В бюджетах учитывались и учитываются не только затраты на корма, но и прочие расходы. Взять хотя бы на выдержку бюджет Орловской губ., которым оперирует автор: на стр. 123 мы находим затраты на корм (гр.гр 408—421), на стр. 124 затраты на прочие расходы (пастух, кузнец, на быка) гр.гр. 471—474). Таким образом при помощи весьма несложных арифметических манипуляций наш автор дважды подсчитал издержки на тяговую силу и тем самым сильно преуменьшил чистый доход. Но допустим на минуту, что действительно затраты на тяговую силу целиком не учтены в бюджетах. Как поступил автор? Беря рыночную стоимость для тяги с работником, он, вычитая стоимость работника, находит цену для тяговой силы. Далее. Так как корм в бюджетах учтен, то надо, во избежание двойного счета, вычесть и стоимость кормов. Стоимость же кормов на один «ското-день» получается делением всех затрат на корма на количество рабочего скота, а затем—на 365, число дней в году. Такой способ калькуляции никуда не годится. Когда исчисляешь стоимость единицы продукта, исчислять затраты необходимо на время действительной работы, пошедшей на его изготовление, а не на все время года.

Рабочий скот участвовал только, по той же хотя бы Орловской губ., всего 62,2 дня, и стоимость кормов надо определять, исходя из этой цифры работы лошадей, и тогда получается, что стоимость кормов по этой губернии не 21 коп. в день, как получил профессор, а 1 р. 24 коп., а на все прочие расходы падает только 29 коп. Ведь проф. Солнцев, как только он получил стоимость корма в 21 коп., что составляет в общих затратах на тяговую силу 13,7%, должно было быть ясно, что это явная несуразица. Такой структуры затрат мы пока что не знаем,—обычно считается, что доля кормов—это основной и решающий элемент затрат на тягу и составляет она, примерно, 70—80% от всех издержек. Это новое откровение проф. Солнцева в области экономики сельского хозяйства, его организации и производственной структуры, целиком происходит от полного незнания природы крестьянского хозяйства, его экономики и тех материалов (бюджетов), которые учитывают и наблюдают состояние и движение в крестьянских хозяйствах.

В результате этих грубейших теоретических, методологических и статистических ошибок, которые в конечном счете привели к сильному снижению чистого дохода в отдельных группах крестьянства к непониманию категории ренты и ее исчисления, автор делает целый ряд экономических и политических выводов. Основным лейт-мотивом этих выводов является дефицитность большинства крестьянских хозяйств (233), (т. е. «деградация», недоучет элементов эксплуатации, смазывание классового строения советской деревни (235).

На примере этой книги можно воочию убедиться, как теория правого уклона сростается с явно буржуазными воззрениями на природу советского хозяйства и на процессы, происходящие в сельском хозяйстве. Работа эта демонстрирует, какими экономическими материалами и построениями доказывается эта пресловутая «деградация» сельского хозяйства, этот упор в трудовое направление кулацких хозяйств.

Книга эта—теоретически и статистически безграмотная, а политически вредная, льющая воду на мельницу тех элементов, которые находятся в явно враждебном отношении к мероприятиям советской власти и партии.

Немало еще подобных «теоретиков» сидят в наших учебно-исследовательских учреждениях, подобно тому институту, который издал эту книгу. Немало их еще и в наших советских учреждениях, которые прикладывают свой штамп к подобного рода продукции.

Решительная борьба с буржуазными и мелко-буржуазными теоретиками и практиками должна стать, как актуальнейшая задача, в порядок дня.

¹ Метод оценки труда в крестьянском хозяйстве, предлагаемый т. Авербух, редакция считает спорным.

Г. Сафаров. «Сельско-хозяйственная экономика и социалистическая реконструкция». Государственное Издательство, Москва, 1929 г. Стр. 180, цена 1 р. 25 к.

В наш переходный период от капитализма к социализму, в период коренной и решительной ломки старых устоев и создания новой экономики, научное обоснование совершающихся процессов ставит перед теорией ряд актуальнейших задач. Можно определенно сказать, что еще никогда не было такой потребности в теории, какая ощущается в настоящий период. Сейчас мы имеем прямой заказ со стороны пролетариата на теорию. Ленин, а вслед за ним и т. Сталин уже неоднократно подчеркивали всю значимость теории. «Известно, что теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность в перспективе, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (Сталин, «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 1). Но тут же т. Сталин прямо ставит вопрос, что нам нужна не всякая теория, а «действительная теория», т. е. теория борющегося революционного пролетариата. И это подчеркивание вполне закономерно. Сельско-хозяйственная экономика больше, чем какая-либо наука, до самого последнего времени была поприщем подвизания всякого рода буржуазных и мелко-буржуазных экономистов. В сельско-хоз. экономике мы больше чем где-либо имеем всякого рода «справых» и «левых» записок. Поэтому от автора-марксиста при освещении вопросов сельско-хоз. экономики и реконструкции сельского хозяйства требуется самая решительная, жесточайшая критика не только всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных теорий в аграрном вопросе, но не менее строгая критика всякого рода «подпевал» «справа» и «слева». Тысячу раз прав Сталин, что «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (Сталин, там же, стр. 1).

Что дает с этой точки зрения рецензируемая книга?

Книга т. Сафарова называется «Сельско-хозяйственная экономика и социалистическая реконструкция», между тем из десяти глав книги вопросам социалистической реконструкции уделены всего-навсего две главы, и то не полностью. Прежде всего автор останавливается на понятии сельско-хоз. экономики. Превращение сельскохозяйственного продукта в товар не нарушает закона стоимости, и это обстоятельство совершенно определенно указывает на недопустимость обособления самостоятельного предмета сельско-хозяйственной экономики из общего учения политической экономии. Только как составная и подчиненная часть общего учения политической экономии, как определенная ступень конкретизации его, может существовать сельско-хозяйственная экономика» (стр. 17).

Сафаров критикует, и правильно критикует проф. Лященко, штыкавшегося обособить сельско-хоз. экономику от общего учения политической экономии, ссылаясь на особую роль торгового капитала в земледелии.

Автор правильно критикует Фридриха Эребю, утверждающего, что «наука о сельском хозяйстве есть частная специальная наука» и строящего свою теорию на той основе, что «сельское хозяйство навсегда останется такой частью народного хозяйства, которая не поддается влиянию ни широкого разделения труда, ни скопления больших масс труда» (цит. по Сафарову, стр. 19).

Автор дает краткую критическую оценку буржуазных и мелкобуржуазных экономистов-теоретиков типа Тюнена, Макарова, Чаянова, значительно засоривших теорию сельско-хоз. экономики. Наконец, он белло останавливается на установках правых и троцкистов в аграрном вопросе.

Значительную часть своей книги автор посвящает рассмотрению отдельных элементов сельско-хоз. экономики в капиталистических условиях. Он подробно разбирает положение Ленина о выделении рынка в сложном сельскохозяйственном хозяйстве основных денежных, ведущих отраслей. При этом остальные отрасли не уничтожаются, не исчезают, а подчиняются главной денежной отрасли. «Рынок служит основой общественного разделения труда при капитализме» (стр. 1). В каждом районе при помощи рынка в полеводстве и животноводстве выделяется одна какая-либо главная денежная, ведущая отрасль, к которой приспосабливаются все остальные отрасли. Этот тезис и ряд вытекающих из него положений иллюстрируются в книге богатым материалом САСШ.

Верными являются замечания автора об изжитии сезонности сельского хозяйства. «В особенности отчетливо различия между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве» (Маркс, Капитал, т. II, стр. 213). Вопрос более равномерного распределения труда в течение года в сельско-хоз. производстве, играющем громадную роль в настоящий период, поставлен уже в повестку дня.

Разнообразие отраслей (их комбинация в различных районах при наличии специализации), разнообразие полевых культур (за счет усиления доли трав и пропашных культур)—колхозная промышленность—дает возможность распределить труд и поступление дохода в течение года более или менее равномерно.

Автор правильно отмечает, что индустриализация сельского хозяйства, достигшая в последние годы гигантских размеров, ведет к стиранию граней между промышленностью и земледелием. Но было бы больш-

шой ошибкой утверждать, что тем самым капитализм уничтожает разницу между городом и деревней. Наоборот, по мере развития капитализма, разницы между городом и деревней растет; капитализм не в состоянии уничтожить этой разницы. Только пролетариат, реконструируя сельское хозяйство, коренным образом ломая существующую его основу, подтирает его к городу, а затем стирает всякие грани.

По вопросу об экономике переходного периода т. Сафаров удачно изучает несколько общезвестных положений. В реконструктивный период классовая борьба обостряется. Борьба классов за реализацию товарной продукции все больше и больше перерастает в борьбу за самую организацию производства, при чем классовая борьба происходит на новой основе. «Расчленению производителя и средств производства при капитализме пролетариат противопоставляет постепенное и планомерное соединение этих двух факторов на кооперативной основе» (стр. 7). Строительство колхозов и совхозов уже достаточно убедительно опровергнуто всякие разговорчики о неэкономности кулака и др.

Вместе с тем у автора имеется ряд неверных толкований.

Неверно, будто «разделение труда между социалистическими формами и мелким товарным производством более или менее совпадает с разделением труда между промышленностью и сельским хозяйством» (стр. 1). Если раньше «более или менее» совпадало, то теперь совершенно не совпадает. Очень мудро, легко выразаясь, не видеть в настоящее время социалистических форм хозяйства в деревне. Широкий размах колхозного и совхозного движения лишний раз еще противопоставление всякого основания.

Автор в критике установок троцкистской оппозиции в аграрном вопросе (в том числе и своих собственных 1925—27 года) ограничивается только кратким замечанием, что он переоценил «торгашескую» сторону кооперации и недооценил кооперацию как проводника организационного влияния социалистической промышленности. Сказано довольно скромно, а не грех бы сказать больше. Вот как характеризует XV съезд партии топонимическую установку троцкистской оппозиции: «Характерной чертой оппозиции является ее неверие в возможность вовлечения основной массы в русло социалистического строительства через кооперацию. Это есть отказ от ленинского кооперативного плана и, стало быть, прямой отказ оппозиции от ленинизма» (Резолюция и постановления XV съезда ВКП(б) (стр. 96).

Здесь кое-что не больше переоценки «торгашеской» стороны кооперации. Троцкисты признавали при диктатуре пролетариата капиталистический путь развития нашей деревни (вымысливание середняка),

они не верили в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, они не понимали и отрицали кооперативный план Ленина. Отсюда их лозунг о сверхмаксимальной перекачке крестьянских средств в город. Отсюда противопоставление ленинского кооперативного плана плану электрификации. Оппозиция не понимала, что кооперативный план Ленина и план электрификации являются неразрывными частями общего плана Ленина о строительстве социализма в нашей стране (см. резолюции XV съезда партии). Гораздо лучше было бы, если бы автор вместо беглых, лично своих «покааний» дал бы всестороннюю критику троцкистских установок по аграрному вопросу, в частности, по кооперации и в особенности по колхозному движению.

Он этого не сделал.

Автор останавливается на том, что в колхозном движении есть своя разновидность правого уклона. «Ее отличительной чертой автор считает забвение границы между мелкой собственностью и социализмом» (стр. 169). Сказано довольно туманно. Прежде всего спрашивается: о какой разновидности правого уклона в колхозном движении идет речь?

В качестве иллюстрации этого самого уклона автор приводит контрреволюционную программу бакинских агрономов в вопросах коллективизации и встречающиеся попытки со стороны кулацких элементов завуалирования колхозной формой, чтобы получить лучшие земли и вообще поживиться за счет государства. Но можно ли это считать разновидностью правого уклона в колхозном движении? Конечно, нет. Когда мы говорили о правом или «левом» уклоне в том или другом вопросе, мы говорили о проведении коммунистами, там работавшими, линии, отличной от генеральной линии партии. Когда же мы имеем противопоставление решениям партии, советской власти в вопросах коллективизации—своей антипартийной и антисоветской программы, это уже не правый уклон, а контрреволюция.

Когда же контрреволюционные взгляды пытаются выдать за правый уклон, тем самым отвлекают внимание партии от действительно правых извращений в колхозном движении, которые более завуалированы и не поддаются такому сравнительно легкому разоблачению, как открытая контрреволюция.

Революционизирующее воздействие индустрии и в особенности сельской индустрии на сельское хозяйство—неоспоримо. Крупная промышленность представляет из себя основу перехода к социализму» (Ленин). Правильно замечает автор, что «перелом в колхозном движении, переизданий его на новые рельсы, создателем трактора, вышедший из недр промышленного подема» (стр. 165). Во всей книге значение сельско-хоз. индустрии выдвигается на первый

план и в этом ее положительная сторона. Но в этом выдвигании, само по себе очень правильном, социальные моменты как-то отодвигаются на второй план. А им принадлежит далеко не последнее место—этого забывать не следует. Сделав упор только на машину, автор невольно приближается к критикуемому им Чаянову, у которого пока не было тракторов—все было хорошо (с его точки зрения), появились тракторы и комбайны—сразу создалось преимущество крупного хозяйства, низвергнуто народничество, победил марксизм.

Роль машины исключительная—это несомненно, но не в этом только причина быстрой коллективизации. Тов. Сталин на съезде аграрников-марксистов наметил целый ряд причин быстрой коллективизации у нас. Практика уже показала, что простое обобществление крестьянского инвентаря, имеющихся уже средств производства, дает громадный эффект. Грубейшим недомыслием и косностью является взгляд о том, что организация колхозов на машинно-кон., а тем более не смешанной

конно-тракторной базе не является достаточно эффективной». («Правда» от 6 янв. 1930 г.). «Простое сложение крестьянских орудий в недрах кохозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». (Сталин). Ориентировать сейчас внимание только на трактор, только на комбайн—политически вредно, это попросту бы затормозило, задержало колхозное движение.

Можно было число неверных положений и формулировок продолжать, но уже сказанного достаточно. Марксистская теоретическая литература по сел.-хоз. экономике нужна нам дозареза. Нужна «действительная» теория, нужна теоретическая работа, которая разгромила бы в пух и прах буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, дала жесточайшую критику правых и левых установок. Приходится пожалеть, что с этой задачей Сафаров не вполне справился.

В. Баранов.

«Статистика и народное хозяйство» (сборник статей и материалов—вып. 5—9 за 1929 г.). Изд. ЦСУ РСФСР.

Продолжавшееся в 1929 г. периодическое издание рецензируемых сборников дало читателю статистику массу самого разнообразного материала. Всего за год вышло из печати пять выпусков, причем последние три (7, 8 и 9) выходили ежемесячно, а первые два (5 и 6) в течение первого полугодия. Меняются и разделы сборника: в пятом выпуске еще имеется самостоятельный раздел—«Вопросы рационализации статистических работ», в шестом он заменяется специальным приложением под аналогичным названием, а в последующих выпусках исчезает вовсе; в пятом шестом и седьмом выпусках имеется табличное приложение (ряд случайных в конце копцов, таблиц, посвященных, верно, весьма существенным проблемам, но не объединенных ни единой мыслью, ни единым планом)—они исчезают, начиная с восьмого выпуска; наконец, в девятом выпуске раздел «На местах» объединяется с прежде самостоятельным разделом «Из жизни ЦСУ», а на его месте появляется новый раздел—«Хроника». Такого неустойчившегося и меняющегося лица этих сборников. Но не более установившимся является и их содержание. Лишь два круга вопросов находят отражение во всех без исключения выпусках: во-первых, руководящие статьи и, во-вторых, вопросы сельского хозяйства. Все остальные вопросы представлены случайными статьями, освещающими отдельные и подчас не наиболее существенные проблемы.

Несмотря на такой разношерстный состав материалов, даваемых сборниками, их все же нельзя отказать в наличии опре-

деленно проводимых тенденций. От выпуска к выпуску красной нитью проходит постановка наиболее острых и актуальных проблем современной советской статистики. Они находят отражение в ряде статей: тов. С. Середы «Основные задачи госуд. статистики в 1929 г.» (вып. 5-й), «О задачах госстатистики в пятилетнем плане развития народного хозяйства» (вып. 6-й), «Об организации социалистической статистики» (вып. 9-й); тов. Н. Кострова—«Перспективный план сельского хозяйства и задачи сел.-хоз. статистики»; М. Михайлова—«Организация статистических наблюдений по общественому сектору сельского хозяйства» (вып. 8-й); И. Писарева—«На пути к социалистическому учету» (вып. 7-й); Я. Каца—«К вопросу о задачах и методах статистического учета социалистического соревнования» (вып. 7-й).

С. Середя намечает в своих статьях следующие основные задачи современной этапа деятельности советской статистики: необходимость увязки статистической работы с пятилетним планом народного хозяйства, о построении статистического плана работ, о проблеме кадров и т. д. Автор остро ставит вопрос о таком построении статистической работы, которое могло бы обеспечить своевременную информацию правительства и плановых органов о состоянии народного хозяйства и о происходящих в нем динамических процессах. Отсюда—вопрос об усилении конъюнктурной статистики, о расширении объема ее работ и о включении в круг ее охвата существеннейших хозяйственных кампаний (не-

прос относительно роли мест в овладении статистическим материалом. Места должны стать «хозяевами статистического материала»—таков выдвигаемый С. Середой лозунг. В конечном счете все эти вопросы этими статьями только ставятся.

В статьях Н. Кострова и Н. Михайлова часть намеченных С. Середой проблем получают дальнейшее оформление. Оба автора выдвигают актуальнейшую проблему о постановке учета обобществленного сектора сельского хозяйства. Можно сомневаться в целесообразности намечаемого, в частности, Н. Михайловым выделения самостоятельной ветви сел.-хоз. статистики обобществленного сектора, но предлагаемая им программа и система организации учета безусловно зрелы, они исходят из правильной оценки подготовленности объекта обследования к учету и в связи с этим модифицируют и самую программу последнего: полную отчетность от совхозов и крупных колхозов, статкоровский учет слабых и молодых колхозов и, в качестве базы дальнейших исследований, организацию первичных сел.-хоз. кооперативных объединений.

Значительно менее удачной является попытка И. Писарева и Я. Каца построить схему учета социалистического соревнования (вышеназванные статьи в 7-м вып.). Пока речь идет о необходимости постановки учета объема и форм движения, положения авторов не вызывают никаких сомнений, но как только авторы пытаются сконструировать систему учета результатов движения,—реальных достижений,—они неизбежно отходят от точных формулировок и превращают учет социалистического соревнования либо во всеобъемлющий учет всех элементов производства, либо только прокламируют задачу, не вливая в нее никакого конкретного содержания.

Непосредственно к этой серии статей примыкают статьи по вопросам конъюнктуры: Е. Волкова—«Место госстатистики в системе конъюнктурных наблюдений и сводный план конъюнктурной статистики», С. Шура—«Качественные показатели низовых процессов», и проф. С. А. Первухина—«К вопросу о методах изучения районной конъюнктуры» (все статьи в 9-м вып.). Первые два автора в своих построениях исходят из одной и той же (хотя и разн обоснованной) предпосылки недостаточности статистического метода познания для характеристики качественных народно-хозяйственных процессов. Исходя из этой предпосылки, оба они выдвигают необходимость построения системы качественных показателей конъюнктуры, причем С. Шура делает даже попытку конкретизации этой системы. Е. Волков помимо этого обосновывает комплексный метод конъюнктурного исследования, необходимость районного разреза конъюнктурных показателей и, наконец, необходимость

привлечения в качестве базы конъюнктурного исследования установок перспективного плана. К сожалению авторами обходится те организационные проблемы, которые возникают в связи с таким расширением задач конъюнктурной статистики. Проф. С. А. Первухин в своей содержательной статье развивает схему построения районной конъюнктуры.

Если к перечисленным статьям прибавить хорошо составленные разделы сборников «Из жизни ЦСУ» и «На местах», в которых, с одной стороны, освещается процесс конкретизации текущих задач советской статистики, а, с другой,—как воспримут их места, и как будут они подчас над их выполнением, то всем этим завершается та часть сборника, которая придает ему своеобразную свежесть и делает его своего рода боевым журналом советской статистики.

Наибольшая по объему часть сборников посвящена статьям по вопросам сельского хозяйства РСФСР. Попытаемся разобратся во всем этом громадном материале. Возьмем сначала группу статей, трактующих по преимуществу вопросы методологического характера. Несмотря на то, что глубина этих статей заставляет желать многого, все они рассматривают проблемы первостепенной практической важности.

В пятом выпуске опубликована статья А. Кустарного—«Пол-балла», в которой он оспаривает правильность применяемой ЦСУ поправки к местным показаниям подесятничных сборов, и ответ на нее А. Брянского—«К вопросу об определении урожайности и о качестве данных бюджетных обследований». Как убедительно показывает в своем ответе А. Брянский, упреки А. Кустарного в оглульном применении ЦСУ поправок весьма примитивны, его предложение варьировать размеры поправок в зависимости от периода наблюдения и от способов учета хотя и подкреплены рядом иллюстраций, но не могут считаться достаточно обоснованными. В одном только А. Кустарный безусловно прав: положение, когда исчисление баланса сел.-хоз. производства на местах и в центре всегда дает различные результаты,—больше потерпимо. Однако, выход из этой коллизии, как он намечается практикой, будет, по видимому, найден по иному пути, чем тот, который указывает А. Кустарный.

Последняя небольшая статья этой серии—«Как оценивать рабочий день тяговой силы в бюджетных записях» (вып. 8), принадлежащая перу Г. Аникина, правильно ставит вопрос о дефектах принятого ЦСУ метода оценки (всегда по себестоимости содержания лошади). Но то решение вопроса, которое дает автор, вряд ли может считаться удовлетворительным, ибо он впадает в противоположную ЦСУ крайность, предлагая ввести самостоятельный производственный счет рабочего скота, как производительной отрасли крестьянского хо-

зяйства. Между тем, правильное разрешение проблемы лежит в дифференцированном подходе, в зависимости от той роли, которую рабочий скот играет в крестьянском хозяйстве.

Гораздо более широко представлены статьи, полностью или частично отображающие результаты отдельных научных исследований, и обзоры, освещающие подчас наиболее существенные вопросы современных процессов в сельском хозяйстве.

Из последней группы статей надлежит отметить две статьи Ф. Сальникова, подытоживающие результаты двух кампаний по контрактации—весенней и осенней—1928 г. (выпуски 5 и 8), две статьи С. Шура, из которых одна подводит итоги кампании по хлебозаготовкам за первые пять месяцев 1928—29 г. (вып. 5), а другая посвящается итогам весенней посевкампании 1929 г. (вып. 6) и много других.

Нельзя сказать, что все эти статьи одинаковы по качеству, или что все они достаточно полно и разносторонне освещают свою тему. Статьи Ф. Сальникова, например, производят впечатление не более, чем добросовестных отчетов, дающих хорошее количественное изображение кампаний, но несколько не отображающих тех качественных процессов, которые они обуславливают в крестьянском хозяйстве. Статьи С. Шура (как о хлебозаготовках, так и о посевкампании) наоборот, рассматривают описываемые ими явления в их взаимодействии со всею совокупностью процессов, происходящих в сельском хозяйстве. Особо должны быть отмечены также хорошо сделанные обзоры двух специальных отраслей сельского хозяйства: Ф. Сальникова—«Промышленное огородничество в РСФСР» (вып. 9-й) и И. Халдеева—«Баланс продуктов птицеводства РСФСР в 1925—26 и 1926—27 гг.» (вып. 8-й). Что выгодно отличает обе статьи—это всесторонний охват вопроса, завершающийся балансовой улавкой производства и потребления. В меру наличия материала, освещающего эти мало исследованные области сельского хозяйства, оба автора прекрасно справились со своей задачей.

Однако, наряду с обзорами подобного рода, в сборниках имеются также статьи, как Б. Перфильева—«Состояние посевов и урожай в РСФСР в 1928 г.» (вып. 5-й) и А. Овчинникова—«Состояние посевов в РСФСР в 1929 г.» (вып. 8-й), уместность которых здесь весьма сомнительна. Не то, чтобы они сами по себе были низкого качества, но их специфически конъюнктурный характер, при нерегулярном выходе сборника, делает их публикацию лишеной всякого резона. Наоборот, крайне желательны обзоры о состоянии и динамике полеводства в сборниках нет совсем.

Большим количеством статей представлены исследования, и некоторые из них заслуживали бы по существу специального

отзыва. К их числу безусловно следует отнести работу Г. Чубакова—«Эволюция русск. урожайности в 1883—1915 гг.» (вып. 6). Затрагивая актуальнейшую и в современных условиях тему, автор дает ей самостоятельную трактовку и интересное описание. Сам автор следующим образом формулирует задачу исследования: «изучить эволюцию урожайности на фоне эволюции сельского хозяйства, связать ход урожайности с ходом земледельческой техники и условий сел.-хоз. конъюнктуры». Автор строит кривые урожайности (по работе 2-го порядка) и анализирует их в связи с системами сельского хозяйства, принятыми в разных районах. Понятно, конечно, что применение этого метода не дает возможности выделить «чистое» воздействие на урожайность изменений сел.-хоз. техники, но он все же оказывается достаточно плодотворным, чтобы наметить основные тенденции в изучаемом явлении. Автор устанавливает, что при качественном улучшении системы наблюдается кривая повышающихся темпов роста урожайности, при изживании системы—затухающая волна кривой, могущая перейти и (переходящая подчас) в кризис. Интересна также трактовка связи урожайности с общими конъюнктурными условиями, которые автор дает в схеме соотношения ренты и заработной платы. Заслуживает внимания, наконец, констатируемая автором на примере трех губерний различная динамика урожайности отдельных культур и выдвигаемая им в связи с этим мысль о значении «ведущей» культуры, в качестве базы для роста всего хозяйства.

Тот же вопрос, но в ином—статистическом, а не динамическом—разреze трактует статья А. Тарасова—«Севообороты и влияние их на урожай» (вып. 7). Анализируя по бюджетным материалам влияние севооборота на урожайность, он прекрасно иллюстрирует преимущество многопольной системы, которая в отношении зерновых хлебов даже в наших условиях дает такое повышение урожайности, с лихвой компенсирующее относительное сокращение посевной площади. Вторая часть статьи, связанная с первой лишь механически, дает на основании специального исследования географию севооборотов и как бы подчеркивает те колоссальные возможности, которые сулит Советскому Союзу переход на многополье.

Интересна хорошо сделанная работа Н. Кострова—«К вопросу о себестоимости молока» (вып. 7). Автор не делает практических выводов из приводимых им районных данных о себестоимости молочной продукции. Но факт абсолютной убыточности молочного хозяйства в громадном большинстве районов говорит за себя сам, снова сигнализируя глубокий внутренний кризис, который издавна переживает индивидуальное бедняцкое и середняцкое хозяйство.

Статья Н. Михайлова—«Некоторые черты современного колхозного движения» (вып. 6) посвящена исследованию значения колхозов для бедняцких хозяйств. Он констатирует ведущую роль государственных вложений в деле формирования колхозов и освоения ими средств производства.

Менее удачными представляются нам обе статьи Л. Платова—«Наемная рабочая сила со скотом и инвентарем» (вып. 7) и «Об изучении товарности крестьянского селянского хозяйства» (вып. 8). Хотя они и трактуют различные темы, но, повидимому, являются результатом одной и той же работы. Автору не удается сочетание статистико-математического и экономического анализа материала, и тщательная и точная статистическая работа поражает скудостью и неопределенностью выводов.

Статьи, освещающие другие отрасли народного хозяйства, по сравнению с относящимися к сельскому хозяйству, поражают своей скудостью. Вопросам промышленности посвящена лишь одна статья, да и та информативного характера (о переписи мелкой промышленности—вып. 8-й). Вопросам труда посвящены две статьи Я. Каца, причем одна из них определяет учет численности и состава батрачества на средину августа 1927 г. (дается в на-

чале 1929 г.), а другая называется «Об итогах перевода промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день» (вып. 6), но представление о вопросе дает в минимуме, ибо ограничивается фактически констатацией того, что рабочее время на соответствующих предприятиях сократилось. Основная проблема темы—определение народнохозяйственного эффекта 7-часового рабочего дня—остается вне рассмотрения автора.

Лучше представлены другие вопросы. Имеются статьи, посвященные вопросам статистики местного хозяйства, кредитному делу и т. д., но значительная их часть вряд ли может быть признана особо удачной.

Остов сборников безусловно составляют статьи и материалы, посвященные вопросам сельского хозяйства. И при этом быть может ничто так не характеризует рецензируемых сборников, как то обстоятельство, что в них нет обобщающих статей по сельскому хозяйству. Можно сказать, что у сборников «Статистика и народное хозяйство» есть все данные, чтобы превратиться в полезный и необходимый журнал. Ему лишь не хватает плана.

В. Л.

«Народное хозяйство Средней Азии». Ежемесячный журнал. Издание Средне-Азиатского Экономического Совета, Ташкент, 1929 г. №№ 1—11.

Вводная статья в № 1 «Народного хозяйства Средней Азии» за истекший год озаглавлена: «Пятилетку—на общественное обсуждение». В соответствии с этой установкой и составлен первый номер журнала, который знакомит широкие круги советской общественности с пятилетним планом Средней Азии и дает материал для обсуждения этого плана. В этом номере журнала помещены доклад протекции Средне-Азиатского Госплана: «Перспективы индустриализации Средней Азии», статья «Пятилетний план развития сельского хозяйства» (излагающая контрольные цифры пятилетнего плана, принятые Средгоспланом осенью 1928 г.), статьи о балансах Средней Азии—хлебобуражном, сырьевом и мясном, а также тезисы секций и комиссий Госплана СССР о пятилетнем плане Средней Азии.

Редакция считала, что на основе этого материала пятилетний план развития будет обсужден в местных партийных, общественных и научных организациях, и «не мало ценных указаний, соображений и расчетов по вопросу о перспективе развития... края возникнет в результате такой общественной проработки».

К сожалению, организация этого общественного обсуждения редакции рецензи-

руемого журнала не вполне удалась, и обсуждение некоторых исключительно важных вопросов перспективного плана развития Средней Азии прошло в известной степени мимо журналиста.

Остановимся прежде всего на хлопке. После статей в № 1 журнала мы читаем ряд статей о хлопке в следующих номерах, но все эти статьи исходят в основном из намеченных ранее темпов развития.

Как известно, многие средне-азиатские работники считали эти расчеты преуменьшенными и доказывали возможность как более быстрого повышения урожайности, так и более быстрого прироста посевных площадей. Журнал не привлек к сотрудничеству этих работников, не развернул обсуждения предложений о реальности более быстрых темпов развития хлопководства и путей их осуществления. Более того, постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г., дающее ряд заданий о коренном пересмотре всех расчетов по хлопководству, до сих пор (т.-е. до № 11 включительно) не нашло в журнале достаточного отражения. Мы считаем, что редакция журнала должна была организовать обсуждение дополнительных мероприятий, которые необходимы для развития хлопководства, в соответствии с постановлением ЦК.

В №№ 8 и 9-10 этого нет. Лишь в статьях № 11-го ставится вопрос о мероприятиях по ускорению темпа развития хлопководства. Необходимо, чтобы в следующих номерах журнала вопрос об этих дополнительных мероприятиях был подвергнут детальной проработке, с привлечением к обсуждению местных работников.

При этой проработке особо внимательно должны быть рассмотрены вопросы ирригации и применения искусственных удобрений. Если вопросы ирригации находят в журнале более или менее достаточное освещение, то по применению искусственных удобрений во всех рецензируемых номерах журнала нет ни одной специальной статьи.

Большие и сложные проблемы продовольственных и кормовых культур и животноводства Средней Азии в журнале также отображаются недостаточно.

К положительным сторонам журнала следует отнести помещение статей и обзоров, характеризующих социальные отношения сельского хозяйства Средней Азии. В «Материалах к изучению расслоения узбекского кшлака до земельной реформы», опубликованных в № 8 журнала, рассматриваются история развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Средней Азии и формы этих отношений¹. Характеристика современного положения дана при изложении пятилетнего плана развития сельского хозяйства (в № 1). Показательные материалы приведены в статье о распределении между различными социально-экономическими группами деканства сел.-хоз. инвентаря и об его использовании (в № 8 журнала).

Вопросы обобществленного сельского хозяйства рассматриваются в статье о хлопковых семхозах (в № 8), в обзорах «Хлопководческая кооперация Узбекистана и ее перспективы» (№ 2-3), «Колхозы в Туркменистане» (№ 4-5), «Машинизация хлопководства и машинно-тракторная станция» (№ 9-10) и др.

Переходя к вопросам промышленности, мы должны прежде всего отметить недостаточное внимание редакции к некоторым отраслям промышленности, имеющим для Средней Азии особое значение (электро-станции, туки и Карабугазская проблема, сахарная промышленность Киргизии).

Проблема энергетики рассматривается в статье «Внимание средне-азиатскому углю» в № 8 журнала. Автор заостряет, повидимому, с достаточным основанием, вопрос о разведках

углей. Наряду с этим отмечаются трудности внедрения местного угля. Туркешек не хочет работать на отсеве, хотя отсев по калорийности всего максимум на 200-300 кал. менее отборного угля, по цене же — в 4 раза дешевле. Более полугода идет спор — может ли работать на местном угле паровоз на ветке Кизил-Кий-Горчаково, на том самом участке, где до 1926 г., когда ветка была в едином управлении с рудником, паровозы работали на местном угле.

Вопросы географического размещения текстильной промышленности рассматриваются в статье «О выборе места для текстильного комбината в Фергане» (в № 4-5). Автор дает подробный обзор топливных и водных ресурсов. Зато экономические и политические задачи, связанные со строительством крупного текстильного комбината, автором не разрешаются. Автор отказывается разбирать вопрос о снабжении комбината местной рабочей силой, высказывая сомнения в разрешимости его («в случае, если бы можно было действительно рассчитывать на местную рабочую силу» (стр. 77) (разр. наша. А. Б.). Мы считаем, что такие обоснования, как соображения автора, что «население кшлаков (сел) сплошь тяготеет к земледелию... населения туземных частей... городов точно так же тяготеет к земледелию», не могут быть признаны достаточными. Вопрос о создании в Средней Азии пролетариата из местных основных национальностей заслуживает особо тщательного анализа².

Хлопкоочистительной промышленности посвящен интересный очерк в № 11 журнала.

Укажем еще на статью «Рыбная промышленность Туркменистана» (в № 2-3), за которой должны последовать дальнейшие статьи о состоянии рыболовства и рыбной промышленности и о путях их развития.

Далее следует отметить обзор рынка труда строительных рабочих (в том же № 2-3) и статью «Вопросы строительства» (в № 9-10). В последней статье автор высказывает опасение, что вместо снижения себестоимости строительства в сезоне 1928-29 г. будет повышение. Мы надеемся увидеть в следующих номерах журнала более подробный анализ итогов строительного сезона 1929 г. (по местным материалам) и обсуждение путей снижения стоимости строительства. Совершенно не ставится в журнале вопрос о себестоимости промышленной продукции. Единственное исключение — очерк деятельности хлопкоочистительных заводов, в котором приведены данные по себестоимости за последние годы. Между тем для

² В частности автор должен был рассмотреть вопрос о проблеме избыточной рабочей силы в «старых» городах.

характеристики значения проблемы себестоимости для средне-азиатской промышленности достаточно указать, что размотка шелка в Анхабаде обходится в двое дороже, чем в промышленном центре¹.

Вопросы мелкой промышленности рассматриваются в рецензируемых номерах журнала в статье «К вопросу о мероприятиях для развития художественной кустарной промышленности» (в № 6-7) и в кратком очерке «Ковровое производство Туркмени» (в № 2-3). Было бы очень ценно впредь не ограничиваться ознакомлением с художественными промыслами, но помещать также очерки и заметки о других промыслах, о местном ремесле как городском, так и сельском (по приводимым в № 1 журналу данным за 1926-27 г. потребность Средней Азии в изделиях удовлетворялась на $\frac{1}{4}$ изделиями средне-азиатской мелкой промышленности), кооперировании промыслов, вытеснении частника. На особое внимание местных работников вправе претендовать кузнечно-слесарное ремесло. В упоминавшейся нами статье об использовании сельскохозяйственного инвентаря (в № 8) отсутствие в кшлаках ремонтных мастерских и кузнецов отмечается как одна из причин недостаточного использования инвентаря (в коренных хозяйствах Узбекистана, по данным гнездового обследования, не использовывалось 27% общего количества однолемешных плугов).

В связи со статьями о транспорте, рассматриваемыми отдельными вопросами железнодорожного и автомобильного транспорта (две статьи в № 2-3) и дающими ценные отчетные материалы по железным дорогам и водным путям (обзор в № 4-5), следует пожелать, чтобы впредь, наряду с подобными статьями, помещались и специальные статьи по вопросам строительства отдельных железно-дорожных линий и ветвей, создания регулярного паромовства на недостаточно до сих пор обслуживаемых участках водных путей и влияния транспортного строительства на эко-

¹ См. И. Зеленский. Об очередных задачах партийных организаций Средней Азии, Ташкент, 1929 г., стр. 15.

«Народное хозяйство Закавказья». Двухнедельный политико-экономический журнал — орган ВЭСа ЗСФСР, Тифлис, 1929 г., №№ 1-11.

«Народное хозяйство Закавказья» выводит вместо прежде издававшихся «Экономический Вестник Закавказья» и «Ноты хозяйства» и по прежнему насчитывает уже шестой год издания. Хотя «Народное хозяйство Закавказья» называется двухнедельным журналом, но выходит оно обычно двойными номерами, являясь фактически месячным журналом. Весь характер журнала — большие статьи, и относительно не-

помногу районов. В единственной статье подобного рода, помещенной в рецензируемых номерах журнала, — о сооружении Чарджуй-Хорезмской железной дороги (в № 11) рассматриваются почти исключительно вопросы строительства. Между тем вопрос о влиянии новых путей на хозяйственную и культурную жизнь районов требует особо тщательного рассмотрения. В статье «Перспективы индустриализации Средней Азии» намечаются весьма большие темпы прироста грузооборота по водным путям. Необходимо, чтобы редакция организовала обмен мнениями о том, чем должно быть обеспечено выполнение этих больших планов по водному транспорту, и как эти планы увязываются с планом развития железнодорожного транспорта.

Для того, чтобы организовать этот обмен мнениями, необходимо привлечь к участию в журнале работников с мест, из районов. Это же участие мест необходимо и для плодотворного обсуждения всякого из вопросов хозяйственной (и не только хозяйственной) жизни Средней Азии. Между тем на недостаточную связь с районами мы наталкиваемся при рассмотрении журналом чуть ли не всякого вопроса. Хозяйственной жизни районов в журнале уделяется совершенно недостаточное внимание. Во всех рецензируемых номерах опубликована лишь одна статья, посвященная вопросам экономики района, да и эта статья рассматривает специальный вопрос — место постройки текстильного комбината в Ферганской долине. Вопросам хозяйства Таджикской ССР посвящена специально всего одна статья. Мы считаем, что необходимо скорейшее выделение в журнале специального отдела, в котором должна отображаться жизнь районов и должен производиться обмен хозяйственным опытом, при чем особое внимание должно быть направлено на привлечение к сотрудничеству в этом отделе местных работников.

Но помимо участия в этом специальном отделе, местные работники должны быть привлечены к обсуждению всех основных проблем народного хозяйства Средней Азии.

А. Брауде.

¹ Должны отметить, что формулировки автора не всегда точны. Неправильно, например, писать о «вытесненном со всех рынков» русском капитале в 70-х годах пр. столетия (стр. 57).

вопросов реконструкции хозяйства, еще проблемы рационализации и экономических процессов, происходящих в закавказской деревне. Нужно отметить, однако, что четкого разграничения различных отделов в журнале не существует. Вряд ли, например, имеются основания для того, чтобы статью «Индивидуальное обложение в ЗСФСР в 1927/28 г. (№ 17-18) отнести к отделу «Вопросы и практика рационализации».

Переходя к рассмотрению содержания журнала за 1929 г., выделим в первую очередь, статьи, характеризующие основные особенности социалистического строительства Закавказья. В статье Ш. Элиава «Социалистическое строительство ЗСФСР» (№ 11-12) отмечается, что «Закавказье—страна без промышленного наследия, если не считать нефтяной промышленности Баку и отчасти Чиратурской промышленности. Мы в нашей стране строим индустрию почти на чистом месте... Базой развития индустрии и сельского хозяйства является база энергетическая. Поэтому мы в Закавказье начали строительство специально с обеспечения нашего хозяйства новой энергетической базой, начали с электрификации». Эта четкая постановка расширяется на дальнейших страницах, где подчеркивается ряд интереснейших моментов хозяйственной жизни ЗСФСР, как, например, то, что Закавказье является районом, наименее насыщенным сел.-хоз. машинами.

Строительство новой жизни требует развития плановых органов. Между тем, этот участок в Закавказье, как, впрочем, и в ряде других окраинных республик, находится в неудовлетворительном состоянии. Передовая в № 3-4 специально посвящена проблеме организации планового дела. При этом особо подчеркивается отсутствие координированности в плановой работе различных закавказских республик и отсутствие центра у закавказских статистических органов. Очередной задачей является поэтому усиление Загосплана и создание общесоюзного Загосплана. ЦСУ и Загосплан для укрепления хозяйственного единства ЗСФСР.

Работа Госплана ЗСФСР в финансовой области освещена в статье И. Авербаха (№ 3-4) «Вопросы финансирования народного хозяйства в пятилетнем плане ЗСФСР». Госплан ЗСФСР, подходя к составлению единого финансового плана, ограничился на первых порах построением пятилетнего плана государственного (конституционного) и местного бюджетов и некоторых элементов плана кредитной системы. Даже построение территориального бюджета пока не могло быть достигнуто Госпланом ЗСФСР. Характерной чертой этого финансового плана, изложенного в статье И. Авербаха, является то, что он построен, в значительной мере, на притоке средств общесоюзных источников. При общей бездефицитности государственного бюджета по всему Союзу колоссальная дефицитность бюджета ЗСФСР не может

считаться допустимой. Поэтому, признавая интерес работы по составлению финансового плана ЗСФСР, освещенной в статье И. Авербаха, приходится подчеркнуть необходимость ее пересмотра под углом зрения возможного уменьшения и ликвидации дефицита.

Для характеристики основных проблем экономики Закавказья остановимся еще на статье Буниад-Заде (№ 9-10) «Мероприятия по поднятию урожайности в ЗСФСР» и статье П. Федорова (№ 13-14) «Капитальное строительство и финансирование промышленности в ЗСФСР».

Буниад-Заде справедливо считает, что для повышения урожайности необходимо изменение методов обработки земли, и подчеркивает значение создаваемых в Закавказье опытных сельскохозяйственных учреждений. Недаром академик Вавилов писал: «Рост опытных учреждений в Европе мне достаточно известен за последние 20 лет, но ни в одной стране, при моих объездах, я не видел такого роста опытных учреждений, какой имеется в Азербайджане». П. Федоров перечисляет такие работы, как расширение разработки марганцевых месторождений, капитальные работы по Азрыбе, капитальные работы по нафталану, постройка фторидного завода в Грузии, планетарного завода в Армении, указывая, что на этих работах базируется экспортная промышленность ЗСФСР.

Природные условия ЗСФСР благоприятны для развития индустриализации. П. Федоров правильно подчеркивает высокий удельный вес нового строительства, превышающий соответственные цифры по всему СССР.

Специфические условия Закавказской федерации, в которую входят многие разнородные по экономике районы, диктует необходимость особого внимания к местным особенностям. Очерк В. Худадова «Хевсуретия», помещенный в отделе «На местах» (в № 15-16), рисует такую своеобразную, дику жизнь Хевсуретии, что представляет интерес не только для чисто-экономического журнала, но и для общего ознакомления со специфическими особенностями окраин Союза.

Для рецензируемого журнала показателем своеобразия «отрыв» от работы центральных органов, планирующих хозяйство. Ни перспективы пятилетнего плана, составленные Госпланом Союза в районном разрезе, ни контрольные цифры Союзного Госплана в районном разрезе не получили ни освещения, ни критики на страницах рассматриваемого журнала.

Подводя итоги, можно констатировать, что «Народное хозяйство Закавказья» принадлежит к числу серьезных журналов, освещающих вопросы строительства экономической жизни ЗСФСР. К недостаткам журнала приходится отнести не всегда внимательное отношение к согласованию хозяйственных интересов Закавказья с

развитием народного хозяйства всего СССР, текучесть материалов статейного характера, приводящую к отсутствию единого стержня в отдельных номерах журнала, и полное

отсутствие специальных статей по анализу характерных черт и изменений в экономике Закавказья.

Я. Августов.

«Среднее Поволжье». Ежемесячный планово-экономический журнал. Самара. 1929 г. №№ 1—11. Год издания второй.

Издаваемый Средне-Волжской Краевой Плановой Комиссией журнал «Среднее Поволжье» посвящен вопросам планирования хозяйственного строительства, вопросам районирования и изучения производительных сил края.

Рассматривая «Среднее Поволжье» номер за номером, приходишь к выводу, что «Среднее Поволжье» принадлежит к числу тех местных журналов, которые нашли свое лицо и широко откликаются на экономическую жизнь края.

Содержание журнала разбито не на чересчур общие группы, «статьи», «обзоры», а детализировано по отдельным основным отраслям. Такое деление облегчает читателю ориентировку в журнале. Обычно в каждом номере имеются отделы: методика и практика планирования, сельское хозяйство, промышленность, торговля и кооперация, изучение производительных сил края (экономика краеведения), конъюнктурные обзоры различных отраслей, «те области» и хроника. В некоторых номерах добавляется еще одна другая статья по вопросам коммунального хозяйства. Вместе с тем, некоторые отрасли освещены весьма недостаточно. Так, почти совершенно отсутствуют статьи по вопросам транспорта, кредита; отдел библиографии также почти отсутствует. За весь год помещены лишь несколько заметок, рецензирующих местные ведомственные издания.

«Среднее Поволжье» посвятило вопросам пятилетнего плана в областном разрезе специальный номер (№ 3) и ряд статей в следующих номерах журнала. В результате пятилетние перспективы освещены с разных сторон: сельского хозяйства, промышленности, товарооборота, коммунального хозяйства, дорожного хозяйства, социально-культурного строительства, местного бюджета. Всестороннее освещение пятилетнего плана особенно важно для Средне-Волжской области, потому что «пятилетка» в области начала разрабатываться, по сравнению с другими областями, очень поздно» при отсутствии «достаточно серьезной и большой исследовательской работы» как в отношении экономики области, так и в отношении естественных богатств ее» (С. Казацкий «Основные позиции областной пятилетки»).

Что касается промышленности, то в этом отношении край вообще развит более слабо, чем РСФСР и весь Союз. Так, удельный вес края в Союзе по стоимости валовой продукции государственной ценовой промышленности (вместе с мукомольем) выражается всего в 2,2%, тогда как по

Сев. Кавказу—6,6%, по Уралу—5,4% и т. д. Правда, в течение 1928—29 г. удалось добиться некоторых успехов на промышленном фронте, в частности, прирост продукции по сравнению с 1928—29 г., составил по местной промышленности 43,2% и по союзной и республиканской—27%, но в области качественных показателей работу промышленности, планируемой краевым совхозом, нельзя признать удовлетворительной. Задания по снижению себестоимости и повышению производительности труда остались невыполненными. Одной из основных причин общего отставания промышленности Средне-Волжского края является отсутствие прочной энергетической базы. Поэтому следует обратить особое внимание на изучение энергетических ресурсов края, в частности, на рост электрической энергии. В этом отношении край очень отстал от всего Союза (35 квтч на одного человека по Союзу и 3,5 квтч по краю).

Жилищное хозяйство области также отстало от средней жилищной нормы (по всему РСФСР—5,65 кв. м, по области—5,25 кв. м. Зато строительство произведено за 1928—29 г., с превышением плана на 54%.

Сопоставляя различные номера журнала, между которыми имеется промежуток всего в полгода, убеждаешься, как далеко палили за эти полгода планы коллективизации сельского хозяйства Средне-Волжской области. По пятилетнему плану (№ 3 журнала) намечалось, что к 1933 г., примерно, 20% сельского населения будет объединено в коллективные хозяйства. В статье «Основные установки по контрольным цифрам Средне-Волжского края на 1929—30 год» (№ 10) уже подчеркивается, что «необходимо осуществить переход на сплошную коллективизацию трех округов—Оренбургского, Самарского и Бугурусланского и добиться максимально возможных пределов по остальным округам. Средний процент коллективизации по краю к моменту весеннего опроса должен быть не менее 50%. Этот темп перестройки основной отрасли всей экономики края не получил, однако, почти никакого освещения в журнале. Можно поставить в несомненную вину редакции такое игнорирование важного социально-экономического процесса.

Статьи по сельскому хозяйству, регулярно помещаемые из номера в номер, характеризуют, главным образом, узко-технические процессы (см. напр., «о культуре твердых пшениц на мягких землях в Поволжье» (№) и, несомненно, отстает от социально-технической реконструкции

средне-вожжской деревни. Более того, в № 11 (т.е. уже в начале 1929—30 г.) помещается статья Р. Артищева «Отношение населения к различным формам землепользования и землеустройства», которая, несомненно, запоздала с характеристикой отношения населения к коллективизации сельского хозяйства. Статья эта указывает, что лишь 23,7% хозяйств края желает вести коллективную форму землепользования. Такое расхождение между включением средне-вожжской деревни в план сплошной коллективизации в 1929—30 г. и статей, помещенной в № 11 журнала, является вредным.

Возвращаясь к характеристике контрольных цифр края на 1929—30 г., которая дана в нескольких статьях, помещенных в №№ 10 и 11, остановимся сперва на отмеченных в этих статьях «узких местах» областной экономики. Такова, прежде всего неудовлетворительность проведения осенней посевной кампании 1929 года: прирост озимого ячменя, по сравнению с предыдущим, по предварительным данным на 1 ноября оказался равным 3,6% вместо 6,8%, предполагавшихся по плану. «План ячневой вспашки... по неполным данным, выполнен только на 75%, что объясняется крайне слабым развертыванием массовой работы среди бедняцко-середняцкого крестьянства и вообще недостаточным вниманием партийных, советских и кооперативных органов к задачам проведения осенней посевной кампании (№ 10 «Основные установки по контр. цифр. С.-В. края на 1929—30 г.»).

Для общей характеристики экономики края любопытна статья Г. Ситникова «Среднее Поволжье в системе контрольных цифр РСФСР и смежных районов» (№ 10). Самая тема ее уже достаточно любопытна. Несомненно, что для смежных районов существует ряд сложных проблем, которые желательно сопоставить на опыте нескольких районов. Такова, напр., для Среднего и Нижнего Поволжья проблема организации животноводческих совхозов, для всех волжских районов—проблема энергетического баланса, в связи с необходимостью изжить топливный дефицит.

Рассматриваемая статья Г. Ситникова показывает, что контрольные цифры, устанавливая прирост посевных площадей под зерновыми культурами для всего РСФСР—8,7%, для Башкирской АССР—8,0%, для Нижне-Волжского—12,5%, намечает прирост для Среднего Поволжья в 12,1%. При этом важно подчеркнуть, что ни один из районов во всем РСФСР не получает такого количества тракторов, как Средне-Волжский край. Далее, ни в одном из районов обобществленные хозяйства не охватывают столь большого количества посевов, как в Средне-Волжском крае. Процент обобществленной посевной площади во всей посевной площади района по Сред-

не-Волжскому краю достигает 20,2%, по Сев. Кавказу—19,6%, по ЦЧО—19,6%, по Нижне-Волжскому—12,8%. Вместе с тем, в отношении затрат на новое промышленное строительство Средне-Волжский край отстает от большинства смежных районов. Объясняется это отчасти тем, что естественные ресурсы области (сланцы, фосфориты, цветные металлы, нефтяные месторождения) еще недостаточно выявлены и изучены.

Аналогичная статья «Средне-Волжская область в системе районов Поволжья по пятилетнему плану» помещена тем же автором в № 5—6 рассматриваемого журнала. Значительная часть статей, помещенных в журнале, характеризуется «ведомственным» характером. В частности, это относится к статье Н. Лабенцова «О задачах нового областного комбанка», кстати, единственной статье в рассматриваемом журнале, посвященной вопросам кредита. Дав обзор фактических данных о направлении кредитов коммунальным банком, автор не остановился на анализе относительной роли комбанка по сравнению с однородной сетью Госбанка и на связанных с этим перспективах ликвидации коммерческих операций коммунального банка.

Почти весь материал, напечатанный в «Среднем Поволжье», носит местный характер. Исключением является большая, растянувшаяся на два номера (№ 1 и № 2) статья С. Вейнгартена «Основные проблемы методологии планирования». Статья эта по существу является сводным рассмотрением основных этапов развития планового дела в СССР и основных проблем, которые при этом возникали. Автор подчеркивает, что «всякий хозяйственный план должен обеспечивать: 1) на основе индустриализации оптимальное развитие производительных сил страны, 2) более быстрый темп роста социалистических элементов в народном хозяйстве, чем несоциалистических, 3) удовлетворение материальных и культурных потребностей в расширенном масштабе. Наиболее приемлемым методом в разрешении в плане этих принципиальных вопросов является балансовый метод, получивший за последнее время довольно широкое, но все еще недостаточное применение. До сих пор не имеется единого баланса народного хозяйства СССР (если не считать попытки ЦСУ). Разработка методологии баланса народного хозяйства требует к себе максимального внимания.

Не представлял ничего существенно нового, статья Вейнгартена полезна для общей ориентировки местных плановых работников в основных проблемах методологии планирования.

Интерес журнала для края поддерживается, помимо статей и обзоров, довольно широко поставленной хроникой, освещающей деятельность краевых органов в области экономики.

О. Куперман.

Jürgen und Marguerite Kuczynski. Der Fabrikarbeiter in der amerikanischen Wirtschaft. Verlag C. L. Hirschfeld, Leipzig 1930.

Юрг. и Марг. Кучинские. Фабричный рабочий в американском хозяйстве. Лейпциг, 1930 г., 268 стр.

Вышедшая недавно в Германии рецензируемая книга немецкого статистика-экономиста Юргена Кучинского, автора Antikritik der Studien zur Theorie des Marxismus. Zurück zu Marx и Маргариты Кучинской посвящена положению рабочего класса в Американской промышленности за последние 30 лет.

Юрген и Маргарита Кучинские работали в САСШ в течение ряда лет. Первый-статистиком American Federation of Labor вторая—ассистентом американского экономиста Лео Боллмана из National Bureau of Economic Research автора солиднейшего американского труда по вопросам зарплаты. Авторы широко использовали богатый статистический материал как указанных выше, так и других американских научных институтов, занятых проблемой труда.

От большинства европейских паломников в Мекку американского капиталистического прогресса, авторы рецензируемой книги выгодно отличаются тем, что они не находятся под гипнозом больших рекордных чисел американской промышленности и критически подходят к анализу ряда показателей хозяйственной жизни САСШ.

Мы, конечно не можем разделить всех выводов авторов в том числе уже опровергнутую жизнью о чем свидетельствует последний хозяйственный кризис САСШ теорию о перерастании в «организованном» капиталистическом государстве общего хозяйственного кризиса в кризис безработицы. С другой стороны, нужно отметить, что некоторые явления американской хозяйственной жизни, тесно связанные с рабочим вопросом, в рецензируемом труде не нашли своего отражения. Но основные проблемы, поставленные авторами, методологически правильны, и выводы их вносят ценнейший материал в интересную проблему труда в американской промышленности.

Мы не будем останавливаться на вступительной части книги, в которой авторы с весьма сомнительным успехом хотя бы доказать практическую пользу точных статистических данных в деле регулирования производства, на основе изучения нужд потребителей. Авторы явно переоценивают регулирующие факторы в хозяйственной жизни САСШ и не дооценивают стихийные силы капитализма и все возрастающую тенденцию империализма к завоеванию внешних рынков. Вместе с тем они находят возможным регулировать на основе тех же статистических данных и вопросы уровня зарплаты, забывая о том, что высоту последней определяет соотношение классовых сил.

Гораздо больший интерес представляет общая характеристика динамики развития американской промышленности XX века, основанная на точных цифровых данных.

В 1899 г. в американской промышленности работало 4.712 тыс. чел., ценностное выражение всего промышленного производства составляло 11.407 млн. дол. при капиталовложениях в 8.975 млн. дол. За период с 1899 по 1914 г.г. число промышленных рабочих возросло до 7.036 тыс. человек.

Интересно отметить, что в первые два пятилетия число занятых рабочих характеризуется показателями роста в 16 и 21%, в то время как тот же показатель для пятилетия в 1909—1914 г.г., снизился до 6,4%. Причина этого лежит в общей хозяйственной депрессии 1914 г.

Параллельно числу занятых в промышленности рабочих рос и физический объем промышленного производства. Если принять таковой в 1899 г. за 100, то соответствующие показатели для 1904, 1909 и 1914 г.г. составляют 122,2 159,2 и 169,4. Ценностное выражение всего промышленного производства росло быстрее, чем физический объем его, и достигло в 1914 г. 24.246 мил. долларов, приросте с 1899 до 1904 г.г. на 29,7%, с 1904 по 1909 г.г. на 39,7% и с 1909 по 1914 г.г. на 17,3%. Это свидетельствует о значительном росте цен на предметы промышленной продукции.

Еще разительнее был рост инвестирования в промышленность капитала. Последний достиг в 1914 г. суммы в 22.790 мил. дол. при увеличении трех довоенных пятилетий на 41,2%, 45,4% и 23,7%.

Мировая война имела огромное влияние на развитие промышленности САСШ. Военные заказы форсировали во всех важнейших отраслях промышленности как объем производства, так и рост цен. За период времени с 1914 по 1919 г.г. число промышленных рабочих возрастает до 9.096 тыс. т.е. увеличилось на 29,3%. Увеличение это является рекордным по отношению к предшествующим годам. Физический объем продукции возрос на 26,1%.

Ценностное выражение промышленной продукции возросло на 157,4% и достигло 62½ млрд. дол. Инвестированный в промышленность капитал возрос на 95,1% и достиг 44½ млрд. дол. Таким образом, мы видим, что рост цен значительно обгоняет рост физического объема производства промышленности, что свидетельствует о нездоровой хозяйственной конъюнктуре.

О нездоровых тенденциях промышленности САСШ в военные годы свидетельствует также и то, что при увеличении капиталовложений на 95%, ценностное выражение продукции возросло на 157%. В то же время повышение физического объема продукции на 26,1% сопровождалось ростом числа промышленных ра-

бочих на 29,3%, что свидетельствует о падении производительности труда. Развитие промышленности продолжается в первые послеповенные годы, достигает своего кульминационного роста в 1920 г. и заканчивается в конце того же года колоссальным промышленным кризисом.

Число рабочих в 1921 г. падает до 6.946 тыс., т. е. на 22,8%, физический объем производства промышленности падает на 20,6%, ценностное выражение на 29,6% и составляет 45.653 млн. дол.

Период 1921—1928 г. характеризуется в САСШ словом «prosperity», которая только раз была нарушена кратковременным и сравнительно незначительным кризисом 1923/24 г. Конечно, «prosperity» нужно понимать в чисто капиталистическом смысле этого слова. Характерно для этого периода, что рост физического объема промышленности производства обгоняет ее ценностное выражение, соответственный индекс которого возрос с 1921 по 1925 г. только на 44,4%. Другой характерной особенностью этого периода является рост производительности труда, как результат капиталистической рационализации. Производительность труда возросла настолько, что за ней не может поспеть рост самой промышленности и в результате мы видим за последние годы в САСШ падение числа промышленных рабочих. Число их равнялось: в 1921 г. — 6.946 тыс., 1922 г. — 8.136 тыс., 1923 г. — 8.778 тыс., 1924 г. — 7.635 тыс., 1925 г. — 8.384 тыс., 1926 г. — 8.401 тыс., в 1927 г. — 8.076 тыс. и в 1928 г. — 7.866 тыс.

Таким образом, мы видим, что число промышленных рабочих за все последние восемь лет не достигает уровня 1919 г., а три последние года показывают медленное, но неуклонное падение числа рабочих, занятых в промышленности.

Переходя к основной тематике труда — положению рабочего класса в промышленности, авторы устанавливают, путем деления общей суммы зарплат, выплаченной во всей промышленности, на число занятых в ней рабочих, индексы зарплат. Индекс абсолютной суммы зарплат имеет тенденцию непрерывного роста и соответственно выражается в 1899 г. — 100; 1914 г. — 136,0; 1920 г. — 326,4; 1928 г. — 307,5. Если мы сопоставим абсолютные индексы роста зарплат с ростом цен предметов первой необходимости (1899 г. — 100, 1914 г. — 150,7, 1920 г. — 311,6, 1928 г. — 248,7), то, принимая индекс 1899 г. за 100, получим следующее изменение индексов реальной зарплат:

1904 г. — 100,4, 1914 г. — 90,3, 1924 г. — 121,6, 1928 г. — 123,6.

Таким образом, мы видим, что за 30 лет реальная зарплата промышленного рабочего в САСШ возросла только на 23,6%, что составляет в среднем $\frac{3}{4}\%$ в год. Нужно оговорить, что эта зарплата в 1928 г. покрывает в среднем только 56% расходов

нормально живущей семьи, состоящей из пяти человек.

Конечно, нас интересует не только динамика реальной зарплаты американского рабочего, но и тенденция развития соотношения между его зарплатой и национальным продуктом промышленности для установления того, что авторы труда справедливо называют социально-экономическим положением рабочего класса. Для этой цели индекс физического объема производства промышленности (1899 г. — 100; 1914 г. — 169,0; 1924 г. — 241,8; 1928 г. — 283,3) делится на индекс роста населения (1899 г. — 100; 1914 г. — 130,9; 1924 г. — 152,0; 1928 г. — 160,4).

Таким образом, получается индекс физического объема производства промышленности на душу населения (1899 г. — 100; 1914 г. — 129,1; 1924 г. — 159,1; 1928 г. — 176,6). Путем нового деления индекса реальной зарплаты на индекс физического объема производства промышленности на душу населения авторы выводят индекс покупательной способности рабочего класса в его взаимоотношениях к национальному продукту (в розничных ценах).

Последний индекс, справедливо называемый ими индексом социально-экономического положения рабочего класса, ярко иллюстрирует картину относительного материального регресса последнего.

Если рост продукции промышленности на душу населения в САСШ повысился за 30 лет на 76,6% и реальная зарплата возросла на 23,6%, то индекс социально-экономического положения за 30 лет падает на 30%: 1899 г. — 100; 1904 г. — 91; 1924 г. — 76; 1928 г. — 70. Иными словами, рост промышленного производства страны не сопровождается для рабочего класса увеличением его участия в успехах промышленной цивилизации, напротив, положение рабочего в отношении к национальному продукту производства и положению остальных классов населения за 30 лет ухудшилось на 30%.

Выводы авторов подтверждают приводимую ими формулу Карла Маркса об относительном обнищании рабочего класса даже в условиях капиталистического прогресса.

Придерживаясь вышеприведенной методологии, Ю. и М. Кухинские выводят далее индексы покупательной способности американского рабочего в отношении к объему производства промышленности в оптовых ценах. Последний индекс выше первого и выражается следующими величинами: 1899 г. — 100; 1904 г. — 95; 1909 г. — 81; 1914 г. — 84; 1927 г. — 95; 1928 г. — 92.

Соотношение двух приведенных индексов — покупательной способности к объему промышленного производства в розничных и оптовых ценах — показывает на то, какая значительная часть национального дохода остается в руках торгового класса, который изымлет у рабочего часть тех возмож-

ностей, которые оставляет на его долю капиталист-производитель.

Участие посредника в национальном продукте или расхождение «ножниц» между оптовыми и розничными ценами имеет в последние годы тенденцию непрерывного роста.

Интересно еще отметить, что годы, отмеченные капиталистической «prosperity», характерны уменьшением доли участия рабочего класса в национальном продукте. Напротив, в тяжелые годы кризисов 1921 и 1924 г.г., доля участия рабочего класса в национальном продукте повышается как в отношении оптовых, так и розничных цен.

Таким образом, ясно видно, что рабочий класс может иметь сравнительно более высокую долю участия в относительно меньшем национальном продукте. Ослабление покупательной способности рабочего класса — основного потребителя страны — представляет собой серьезную угрозу для всего хозяйства САСШ и таит в себе угрозу кризисов перепроизводства.

Путем ряда сопоставлений авторы приходят к выводу, что отрасли промышленности непосредственно связанные с потребителем, реагируют на падение покупательной способности населения скорее, зато влияние падения покупательной способности населения на несвязанные непосредственно с потребителем отрасли промышленности глубже и значительнее.

К сожалению, авторы совершенно не касаются того, насколько ограничение емкости внутреннего рынка отражается на возрастающем стремлении САСШ к завоеванию внешних рынков и росту протекционизма.

Остановившись на вопросах производительности труда американского рабочего и приняв показатель таковой для 1899 г. за 100, авторы выводят увеличение производительности труда для 1920 г. только на 13%. Настоящий рост производительности труда начинается только в послевоенные годы, как результат капиталистической рационализации, и обгоняет в своем темпе как рост физического объема промышленного производства, так и рост покупательной способности населения. Соответствующие показатели для 1923 г. выражаются — 139, 1925 г. — 151, 1926 г. — 156, 1927 г. — 158, и 1928 г. — 169. В результате на лицо перепроизводство и структурная безработица.

Установивши средневзвешенные показатели положения всего рабочего класса, авторы переходят к рассмотрению отдельных групп его.

Сопоставляя высоту зарплаты на севере и юге САСШ, мы видим, что в то время, как на севере рабочий мог тратить в год 1418 дол., на юге же только — 916 дол.

Еще резче сопоставление реальной зарплаты в различных отраслях промышленности. При росте ее для всей промышлен-

ности за 30 лет на 23,6% по отдельным отраслям промышленности мы наблюдаем очень пеструю картину. В то время как в автомобильной промышленности реальная зарплата возросла на 13,6%, в химической и пищевой — на 18,1%, в металлической — на 25,5% и в полиграфической и бумажной — на 36,1%, в табачной промышленности за то же время она падает на 6,5%.

Не менее извилиста для отдельных отраслей промышленности кривая социально-экономического положения рабочего класса. При среднем падении ее для 1928 г. по сравнению с 1899 г. на 30%, по отдельным отраслям это падение выражается: для автомобильной промышленности — 36%, химической и пище-вкусовой — 33%, металлической — 29%, кожевенной — 39%, деревообделочной — 31%, полиграфической и бумажной — 23%, текстильной — 32% и табачной — 47%.

По мере сопоставления зарплаты сравнительно небольших групп рабочих еще резче выступает вышеуказанная разница. Достаточно сравнить зарплату рабочего хлопчатобумажной промышленности и газетного наборщика. Первый получал в 1927 г. в неделю — 19,14 дол., второй — 41,57 дол. В 1925—26 г. рабочий в консервном производстве в год зарабатывал 774 дол., в то время, как годовая зарплата квалифицированного рабочего полиграфической промышленности достигла 2.464 дол.

Таким образом, создается аристократическая прослойка внутри рабочего класса, уровень зарплаты которой позволяет этой группе вести жизнь среднего интеллигента в САСШ. Эта прослойка в рабочем классе САСШ хотя и больше, чем в любой из капиталистических стран Европы, но все же бесконечно мала по сравнению со всем рабочим классом страны.

Описывая положение этой группы рабочих — владельцев собственных коттеджей и фордов, буржуазные экономисты забывают об удельном весе этой группы в рабочем классе САСШ. Несравненно большая часть его, вследствие относительного и абсолютного ухудшения своего положения, показатели которого были приведены выше, обречена на полную деградацию. Около 700 тыс. рабочих или 9% всего пролетариата САСШ получает в 1928 г. более низкую реальную зарплату, чем в начале столетия. Их положение ухудшилось не только относительно, но и абсолютно (стеклянная, табачная и деревообделочная промышленность).

Размеры настоящей рецессии не позволяют коснуться подробно данных о положении рабочих в отдельных отраслях промышленности, равно и сопоставить положение организованных и неорганизованных рабочих.

Интересны приведенные авторами данные о социальном законодательстве САСШ, которое далеко отстает от большинства ка-

питалистических государств Европы. Причину отсталости американского социального законодательства авторы основательно видят в том, что только 12% американских рабочих профессионально организованы.

В общем рассматриваемая нами работа при сравнительно небольшом объеме ее,

может явиться источником всестороннего изучения проблемы труда в САСШ. Следует пожелать ей широкого распространения в СССР, для чего было бы весьма целесообразен перевод этого интересного труда на русский язык.

Б. Г. Быховский.

К вопросу об изучении издержек обращения

1. Постановка вопроса

Вся ныне действующая система изучения издержек обращения не только в капиталистических странах, но и у нас, сохранивших в основном те же капиталистические методы и приемы учета, построена на двух, взаимно связанных, предпосылках: во-первых, объектом ее изучения является не самый процесс продвижения товаров, со всеми его техно-экономическими особенностями, а лишь процесс наращивания цены; разница между себестоимостью и продажной ценой, — вот что интересует и практика, и исследователя; во-вторых, — и это естественно вытекает из первой предпосылки — цель исследования, все приемы и методы изучения и самого первичного учета строятся, исходя из единственной установки: учета прибыли, остающейся у торговца (предприятия или лица) в результате наращивания цены. Установить размеры прибыли предприятия — такова конечная задача учета торговой накладки, смысл постановки учета издержек предприятия; этой задаче подчинены все методы учета; для нее вводится особый счет торговых расходов, как часть счета прибылей и убытков; сама номенклатура статей составляется таким образом, чтобы с наибольшей простотой и наглядностью изобразить процесс получения прибыли; в силу этой задачи вводится деление на накладные и общеторговые расходы. Этой постановке подчиняется вся система учета издержек торговли и в СССР.

Между тем, в настоящее время уже с достаточной очевидностью ощущается неудовлетворительность такой постановки вопроса. Совершенно назрела не только теоретическая, но и практическая потребность в иных методах учета, в иных приемах исследования. Интересно, что эта неудовлетворенность ощущается и проявляется не только в СССР, где старая система учета приходит в прямое, все более обостряющееся, противоречие со всей системой народного хозяйства, но и в капиталистических странах, по преимуществу, в САСШ. Эта неудовлетворенность исходит в САСШ из того, что действующими приемами учета не удается проникнуть в глубь процесса ценообразования, происходящего в аппарате обращения, что они (эти приемы) скользят по поверхности ценностных процессов и не обнаруживают тех факторов, которые создают рентабельность или убыточность отдельных товаров, отдельных операций, отдельных категорий клиентов для данного предприятия. В тисках все обостряющейся конкуренции, в погоне все за той же прибылью, развитая капиталистическая торговля наших дней переходит к изучению процесса продвижения товаров, как самостоятельного техно-экономического явления, для того, чтобы в рационализации этого процесса найти новые, до сих пор неизвестные источники частно-капиталистического накопления. С интенсификацией

фикацией процессов обращения происходит также интенсификация процессов изучения; намечается новое направление в изучении товарооборота и издержек обращения, в частности.

Процесс товарного обращения в СССР освобождается от окутывающей его почти целиком в капиталистическом хозяйстве денежной оболочки. Технический процесс продвижения товара, его перемещение по железным дорогам, на автомобилях и гужом, его пребывание на складах, упаковка и рассортировка, дробление на партии, отпуск за прилавком потребителю — все это ощущается как общественно-необходимая функция, как естественный элемент механизма обращения общественного продукта, неизбежный для реализации трудовой стоимости в потребительную, все это становится предметом внимательного самостоятельного изучения. Фетишизм торговли, скрывавший от глаз исследователя происходившие в нем технические процессы, отмирает; функция обращения выступает наружу, как естественное продолжение процесса производства и как элемент воспроизводства. Но инструмент для изучения этой функции отсутствует. Производство изучает себестоимость, как важнейший элемент ценообразования; транспорт начинает отчетливо отделять цену своей «продукции» — тариф — от себестоимости. Этой проблемы аппарат распределения еще не поставил; здесь все остается скрытым за оболочкой цены и прибыли.

Совершенно, несомненно, что момент решительного пересмотра системы учета издержек обращения наступил; не может быть также никаких сомнений в том, что принципиальный метод подхода должен быть однороден со всей постановкой учета в системе советского хозяйства. Необходимо вылучить физический процесс обращения из окружающей его денежной ценностной оболочки; необходимо всю систему учета подчинить единому принципу — возможно большему приближению к трудовой единице измерения.

Оклонение цены товара от ценности, являющееся основным отличительным признаком товарно-денежного хозяйства, происходит на всех ступенях производственно-распределительного процесса; совершенно бесспорно, что надбавка к цене товара, происходящая в распределительном аппарате, менее, чем где бы то ни было, связана со стоимостью трудовых затрат в процессе пребывания и обращения товара в этом звене. Торговая наценка определяется в условиях капиталистического хозяйства, в первую очередь, соотношением спроса и предложения; введение монопольных цен изменяет калькуляцию продажной цены, но, понятно, вне всякого соответствия с реальными издержками. Даже влияние учитываемых торговым аппаратом денежных издержек на размеры торговой наценки в капиталистических условиях ограничено; продажная цена определяется не на основе калькулируемой себестоимости, а на основе законов спроса и предложения. Конечно, отдельное предприятие не может существовать, если его издержки постоянно выше торговой наценки; но для отдельных товаров даже это положение не имеет места. «Ставки торговых наценок выросли на почве старых обычаев; первоначально они устанавливались, так сказать, на глазок. Так, напр., булочник издавна считал 100 фунтов муки за 100 фунтов хлеба; при выпечке получается добавочный вес, примерно, в 30%; за счет этого излишка булочник и сам живет, и покрывает свои расходы на подмастерьев и т. д. Подобным же простейшим путем возникли и прочие торговые наценки... Торговец колониальными товарами обыкновенно наценка четверть покупной цены, торговец мануфактурными товарами — максимум треть,

трактирщик — 100%¹. Даже крупно-капиталистические современные предприятия (универмаги и др.) мало изменили эти соотношения. Вместе с тем, существует ряд товаров, заведомо убыточных для купца. «В колониальной торговле всего мира сахар никогда не приносит прибыли, что часто имеет место и в отношении соли и некоторых текстильных товаров, напр. ниток. Это, так называемые, «конкурентные товары»², т.-е. такие, в которых нет больших качественных отличий, которые каждый может сам сравнить и которые, вследствие этого, купец стремится сбыть по возможно более низкой цене, т.-е. нередко ниже себестоимости. Выпадающая здесь прибыль компенсируется зато повышенными наценками на другие товары»³.

Регулирование цен и планирование ценообразующих факторов в СССР, внося коренные изменения в процесс ценообразования, все же до настоящего времени не устранило двух основных явлений, общих с капиталистическим хозяйством: во-первых, размеры наращивания цены в процессе обращения остаются вне соответствия с трудовыми затратами в этом процессе и не стоят ни в каком соотношении с приращением стоимости товара, имеющим место в этом процессе, и, во-вторых, остается в силе резкое несоответствие наценок на отдельные товары с фактическими издержками, падающими на этот товар, вследствие универсализма распределительного аппарата (не следует забывать, что, так называемая, специальная торговля на деле тоже всегда имеет место с десятками и сотнями разнородных товаров: мануфактурная — с разными видами текстильных товаров и изделий, с разным весом, разным объемом и т. д.; продуктовая — с сотнями и тысячами наименований разных товаров и т. д.). Проблема потоварной дифференциации издержек обращения и приближения к учету трудовых затрат в процессе обращения тесно связаны друг с другом; в отношении обеих проблем мы чрезвычайно мало продвинулись вперед.

Попытки изменения системы учета издержек обращения обычно упираются именно в универсализм торгового аппарата. Если в промышленности специализирована работа и отдельного рабочего, и целого цеха, — здесь не представляет большого труда найти цифровое выражение для работы данной части предприятия, то распределительный аппарат, как мы видели, фактически не знает специализации. Помимо этого, сами трудовые процессы в торговле распылены между множеством разнородных объектов, а характер этих процессов чрезвычайно разнообразен для отдельных рабочих единиц (продавец в розничном магазине не только отпускает товар покупателю за прилавком, но и выписывает чек, передвигает товар с полки на прилавок и обратно, а нередко и со склада в магазин, взвешивает продукты и т. д.). Наконец, роль трудовых процессов в общей сумме процессов обращения ограничена; издержки обращения, как известно, переплетены и в условиях переходного хозяйства с целым рядом факторов, не связанных непосредственно с затратой труда (проценты на капитал, хранение запасов сверх нормальных и т. д.). Все это делает проблему научного изучения издержек распределения очень сложной и трудной.

В чем же при этих условиях смысл изменения системы учета издержек обращения? Мы оставляем в стороне интерес чисто теоретический, при всем огромном значении его. Изменение системы учета

¹ Ю. Гирш «Экономика торговли», стр. 260.

² «Проводники» товаров по русской терминологии.

³ Доклад Ю. Гирша в германской анкетной комиссии.

имеет и практический интерес. Он, конечно, не состоит в том, чтобы на основе изучения реальных издержек немедленно же перейти к перестройке всей системы цен; мы далеки от того, чтобы предложить немедленно систему тарификации торговых услуг, наподобие жел.-дор. и складских тарифов, и тем более, от того, чтобы в основу этой тарификации положить принцип себестоимости (денежной, а тем менее — трудовой). Несомненно, что идея тарификации (оплаты услуг), построенной на принципе себестоимости, должна лежать в основе политики издержек обращения так же, как и политики тарифной. Но здесь можно применить то, что говорил т. С. Струмилин в полемике о реформе тарифов с т. Бессоновым: «Конечно, мы чрезвычайно нуждаемся в доброкачественной тарифной арифметике, точно определяющей стоимость перевозок в различных транспортных условиях, но не для того, чтобы автоматически фиксировать эти нормы, а лишь для того, чтобы сознательно отступать от них в ту или другую сторону, в связи с намеченной хозяйственным планом экономической политикой».

«Сознательно отступать» нужно не только в тарифном деле, но и в политике цен в целом, в маневрировании этим важнейшим орудием перераспределения народного дохода. Без такого «сознательного отступления» не может быть и планирования накопления в торговле, где мы до сих пор идем ощупью, вслепую, нередко совершая крупнейшие ошибки из-за недоучета влияния ассортимента на уровень издержек. Изучение фактической стоимости распределения нужно и для того, чтобы на основе изучения издержек и рентабельности отдельных операций с отдельными товарами — по-научному правильно поставить проблему рационализации распределительного аппарата.

II. Методы изучения издержек обращения

Сфера обращения охватывает бесчисленное множество разнообразнейших процессов, имеющих задачи: с точки зрения капиталиста, изменение форм стоимости, в целях извлечения прибыли; с точки зрения народного хозяйства — гетерогенные для товарно-торгового капитала задачи: продвижение товара от производителя к потребителю, в целях реализации потребительной стоимости продукта. Научное изучение этих процессов должно состоять в том, чтобы расчленив их на отдельные операции, положив в основу классификации отношение этих процессов к трудовой стоимости продукта. Этому требованию, как мы видели, совершенно не удовлетворяет современный учет; он объединяет все издержки, связанные с доставкой на склад данного предприятия и могущие быть учтенными для данной партии товара, в одну рубрику, называя их накладными (прямыми) расходами; все остальные расходы относятся к общеторговым.

Неудовлетворительность этой классификации очевидна; сами принципы деления на эти две группы совершенно не соответствуют действительным потребностям народно-хозяйственного учета. Разница эта возникла исторически: «покупную цену и расходы по приобретению и доставке товара в его предприятие купец рассматривает, как совершенно от него независимые и данные ему волей других; поставленное же им самим дело, выбор его характера, размера оборотов, штатов, рекламы и т. д., получают свое оправдание лишь тогда, когда, реализуя товар, покрывает все «общеторговые» расходы и получает

прибыль»¹. Эта естественная для своего времени позиция должна быть теперь изжита. Народно-хозяйственная точка зрения требует учета всех операций, связанных с физическим обращением товара, независимо от их связи с калькуляцией прибыли данного предприятия. Граница между накладными и торговыми расходами должна быть взорвана.

Каким же образом осуществить научное изучение издержек обращения? Как перебросить мост от теории к практике, установить научные методы учета, все же доступные для бухгалтерии и калькуляции (понятно, не современной, в ее настоящем виде, но все же реально приспособленной к условиям существующего денежного хозяйства с его «хозрасчетными» единицами)?

Здесь, прежде всего, бросается в глаза одна особенность: оторванность приемов калькуляции в торговле от калькуляции промышленной, оторванность явно устаревшая, покоящаяся лишь на традиции. Она нагляднее всего отражается на терминологии: в то время как в промышленности прямые и накладные расходы — термины разные, друг другу противостоящие, в торговле они — синонимы; прямым (накладным) расходам противопоставлены общеторговые.

Смысл выделения прямых издержек в промышленности состоит в том, что сюда относятся «лишь те материалы и тот живой труд, которые непосредственно обращаются на производство данного рода и сорта изделий»; это — «индивидуально разложимые по ступеням производства и конкретным видам изделий основные материалы и производственная зарплата»². Прямые цеховые расходы дают максимальное приближение учитываемых (в ценностных единицах) издержек к трудовой стоимости. В дальнейшем идет, уже начиная с цеховых накладных (косвенных) расходов, отклонение учитываемых издержек от непосредственного овеществленного или живого труда, затраченного на данные изделия; при этом в накладных цеховых расходах еще имеются чисто производственные издержки (вспомогательных цехов — силовых станций, ремонтных цехов и т. д.). Остальные общецеховые, общезаводские, общетрестовские издержки, будучи накладными (косвенными), могут быть лишь косвенно относимы к непосредственным издержкам данного, воплощенного в изделия труда. С этой точки зрения, благодаря обществу характеру производства, «необходимыми накладными издержками» для всего народного хозяйства, как формулирует С. Струмилин, становятся издержки транспорта и — добавим мы — издержки дальнейшего физического перемещения и хранения товара, вплоть до передачи его потребителю. Правда, издержки транспорта увеличивают стоимость товара. «Если взглянуть на этот процесс (процесс перевозки) с точки зрения товара, то здесь в процессе труда, во всяком случае, происходит перемена с предметом труда, с товаром. Изменяется его пространственное бытие и тем самым вызывается изменение его потребительной стоимости... Его меновая стоимость возрастает в размере количества труда, нужного на это изменение его потребительной стоимости, в размере той суммы труда, которая определяется, с одной стороны, изнашиванием постоянного капитала..., с другой стороны, суммой живого труда». (К. Маркс, «Теории», спец. глава, т. I, стр. 335). Таким образом, и в транспортной промышленности, как «и для всех других отраслей материального производ-

¹ А. Фишгендлер «К методологии исчисления накопления в торговле» («Вопросы торговли» № 9—10 за 1929 г., стр. 16).

² С. Струмилин «Процессы ценообразования в СССР» («Плановое Хоз.» № 7, за 1928 г., стр. 31).

ства..., труд воплощается в товаре, хотя бы и не оставляя заметного следа в его потребительной стоимости».

Издержки по физическому обращению и хранению (в пределах общественно-необходимых) товаров, не будучи издержками особой производственной отрасли, — только транспорт может быть здесь выделен — все же носят характер, аналогичный транспортным издержкам. К. Маркс рассматривает не только транспортную промышленность, но и «сохранение и распределение товаров, обладающих свойством делимости» (Капитал, т. III, гл. XVI), как «процессы производства, продолжающиеся в процессе обращения».

Однако, с точки зрения народно-хозяйственной калькуляции, суть вопроса состоит в том, что ни транспортные расходы, ни прочие реальные (дополнительные) издержки обращения не могут быть непосредственно относимы к данному роду и сорту изделий; затрачиваемый в них труд (овеществленный и живой) не может быть разложен по конкретным видам изделий; это, с указанной точки зрения, расходы «накладные».

Такова основная отличительная особенность калькуляций промышленной и транспортно-торговой. Если к этому прибавить огромную массу нетрудовых затрат, сопровождающих процесс обращения; если учесть, что транспортные расходы учитываются не непосредственно, по себестоимости, а по цене перевозки, по тарифу; если вспомнить, что в калькуляции разных отраслей неразложимые по элементам ценообразования расходы по оплате услуг других отраслей играют значительную роль, — то станет ясно, что построить учет издержек обращения по признаку трудовых затрат не представляется возможным; отклонение от основного ядра трудовой стоимости здесь огромно. Сохраняя идею трудовых затрат, как регулятивную идею, необходимо практически систему учета строить по другим признакам.

И тут — в пределах данной отрасли — идея производственной калькуляции не должна быть отброшена. Вспомним основную практическую задачу, которая перед нами стоит. Она заключается в том, чтобы перейти от учета результатов (прибыли) к самим процессам обращения, к стоимости технических операций продвижения товаров, стоимости всего того сложного комплекса явлений, который составляет технико-экономическое содержание процесса обращения. Задача учета здесь — определить «себестоимость» работы отдельных предприятий, отдельных операций, аналогично тому, как учитывается себестоимость в промышленности, как пытаются это теперь определить на транспорте¹. Распределительный процесс должен здесь рассматриваться, как продолжение процесса производства в сфере обращения, с учетом всех тех издержек по управлению и учету, которые связаны с этими «гетерогенными» для капиталистического хозяйства функциями товарно-торгового капитала.

Таким образом, основная задача учета — изучение себестоимости распределительных процессов (в денежном выражении) как в отношении всего процесса обращения, рассматриваемого, как обособленная сфера народного хозяйства, так и в отношении отдельных торговых предприятий; целевая установка этого учета — планирование процессов распределения под углом зрения их рационализации и удешевления для всего народного хозяйства, а также планирование накопления в процессе распределения. Здесь частно-хозяйственный

¹ Именно в этом смысле мы и будем дальше употреблять этот термин, а не в его нынешнем бухгалтерском понимании.

метод не устраняется, но подчиняется народно-хозяйственным задачам; хозрасчет предприятий здесь понимается, как заданная (регулируемая) себестоимость, подлежащая контролю со стороны государства, плюс установленная норма прибыли.

Как же подойти к разрешению этой новой задачи? Здесь необходимо положить в основу производственный принцип. Система учета должна исходить из возможно более дифференцированного учета стоимости отдельных функций обращения, которые в основном могут быть разбиты на три группы: физическое обращение товара, управление аппаратом обращения, учет (включая учет спроса, собирание заявок, заключение гендоговоров и т. д.)¹. Если в капиталистической торговле особой функцией выделяется продажа, то у нас, в условиях переходного хозяйства, она растворяется в учете; отделов продажи, аппарата вояжеров, рекламы наш распределительный аппарат не знает.

При конкретном построении системы учета необходимо избежать одной часто делаемой ошибки: смешения теоретической номенклатуры издержек с практической номенклатурой операций, на которые производятся затраты. Нельзя подменять одно другим. Схема Маркса — вещь прекрасная; но от того, что мы ее механически перепишем, мы еще не получаем статистически-развернутой классификации. Нужна научная классификация торговых процессов во всех конкретных технико-экономических особенностях; заготовительная, сбытовая, оптовая, розничная торговля, складская и конторская работа и т. д., все эти операции, во всей их конкретной сложности, во всем разнообразии их ежедневной практики должны быть изучены. В каждом из этих этапов происходят и непосредственные операции над товаром (отборка, отсортровка, упаковка, погрузка, выгрузка, перемещение и т. д.), и операции подсобные — по учету, по управлению, финансированию и т. д.; учету подлежит совокупность процессов и затрат по каждой из этих операций.

Практическое проведение такой системы учета связывается с одним очень существенным моментом: производственный подход к процессу обращения требует выделения в учете отдельных хозяйственных единиц, на которые распадается технический аппарат обращения. Пока установкой учета являлось лишь выявление результатов работы (прибыли), учет мог ограничиться одним объектом — хозяйственным предприятием в целом; при новой же установке учет расходов каждой единицы аппарата — склада, магазина, транспорта, конторы — становится существеннейшим его элементом. И здесь-то оказываются результаты применения производственного принципа: расходы склада или магазина мы можем рассматривать как расходы цеховые; вполне закономерен тогда вопрос: а нельзя ли внутри них выделить прямые и накладные расходы — прямые — разложимые по отдельным товарам, и накладные — общие, неразложимые?

Вопрос о распределении расходов по отдельным товарам имеет при практическом пересмотре системы учета издержек огромное значение, и мы его рассмотрим в дальнейших главах. Здесь же продолжим рассмотрение общей системы. Мы установили, что в основу номенклатуры должен быть положен признак функциональный и что для его осуществления необходимо перейти от учета по предприятию в целом к отдельным составным его частям. Каково же отноше-

¹ От этих элементов издержек должны быть четко отделены элементы прибыли, проценты на капитал, налоги, коммерческая прибыль.

Табл. 1.

Анализ ценообразования в оптовом продуктовом предприятии САСШ (в % к итогу расходов).

И з д е р ж к и Элементы цены	Дополнительные издержки				Ч и с т ы е и з д е р ж к и					И т о г о
	Упаковка, приемка, отправка	Сортировка, хранение	Переброска товаров	Всего	Обществ.-необходимые			Купеческие, (продажа, кредитова- ние)	Всего	
					Управ- ление	Учет	Всего			
I. Воспроизведенные ценности:										
Материалы	0,06	—	—	0,06	—	1,48	1,48	—	—	—
Топливо и энергия	—	—	1,90	1,90	—	—	—	1,62 ¹	3,10	5,06
Амортизация и страхование	—	3,74	2,54	6,28	—	0,61	0,61	1,73 ²	2,34	8,62
Оплаченные услуги проч. отраслей	—	—	1,62	1,62	1,07	1,58	2,65	2,93	5,58	7,20
Всего	0,06	3,74	6,06	9,86	1,07	3,67	4,74	6,28	11,02	20,68
II. Новые ценности:										
Оплаченный труд	3,08	4,08	4,08	11,24	—	—	—	—	—	11,24
Прибавочная стоимость:										
а) чистые издержки (труд)	—	—	—	—	10,66	7,62	18,28	19,84	38,12	38,12
б) накопление	—	—	—	—	0,45	—	0,45	28,26 ³	28,71	28,71
В том числе проценты	—	—	—	—	—	—	—	23,30	—	23,30
Всего	3,08	4,08	4,08	11,24	11,11	7,62	18,73	48,10	66,83	78,07
Итого (I+II)	3,14	7,82	10,14	21,10	12,18	11,29	23,47	54,38	77,85	98,93
Нераспределенные	—	0,50	—	—	0,52	0,01	0,53	0,02	0,55	1,05
Итого	3,14	8,32	10,14	21,10	12,70	11,30	24,00	54,40	78,40	100,00

¹ Материалы и топливо по раз'ездам вояжеров (1,41); потери на образцах (0,21).² Автомобили вояжеров.³ В т. ч. 4,96% потери по кредиту.

ние предлагаемой системы учета к научному изучению издержек, построенному на теории трудовых затрат?

Во-первых, сама классификация функций, нами предлагаемая (физическое обращение товаров — перевозка, упаковка и затаривание, приемка, погрузка, выгрузка, отправка, очистка, сортировка, дробление, хранение и т. д., — далее, управление и учет), построена на их отношении к трудовой стоимости. Необходимо, однако, иметь в виду этот вопрос и в другом аспекте: в его отношении к воспроизводимым и вновь создаваемым ценностям.

Практические трудности построения номенклатуры лежат, как раз, в комбинировании этих элементов, в расчленении затрат на отдельные функции (напр., перевозка, хранение) по элементам ценообразования (по их отношению к труду — труд овеществленный, вновь оплаченный, прибавочный продукт). Между тем, только при этом расчленении мы получим не только практически пригодную систему учета издержек, но и такую научную систему учета, которая даст возможность непосредственно включить анализ издержек обращения в общую систему народнохозяйственной калькуляции.

Разложение расходов по элементам ценообразования возможно, конечно, только в их условном, денежном выражении. С точки зрения каждой данной отрасли ряд расходов останется неразложимым, напр., оплата тарифа, это — оплата услуг других отраслей. При таком условном подходе трудности остаются не столько методологические, сколько чисто практические: дороговизна дифференцированного учета. Пользуясь очень детальным учетом в САСШ, мы, в виде иллюстрации, приводим проведенный нами анализ ценообразования (без учета прибыли) в американской оптовой торговле (продуктовой). Табл. 1 вскрывает многие любопытные моменты ценообразования в капиталистической торговле.

«Дополнительные» издержки, т. е. издержки по физическому обращению товаров, составляют всего 21,6% всех расходов; $\frac{1}{5}$ всех расходов относятся к категории чистых, связанных лишь с изменением форм стоимости; более половины всех расходов составляют расходы по продаже (главным образом, раз'езды и содержание вояжеров—20%) и проценты на капиталы (23,3%). Воспроизведенные ценности составляют всего 20,7% всех издержек, в т. ч. амортизация и страхование помещений и транспортного оборудования—8,6%, оплаченные услуги прочих отраслей (транспорт, реклама, почтово-телеграфные расходы и пр.)—7,2% и материалы (тара, топливо, вкл. автомобильное, и энергия)—5,1%. Труд составляет 49,4%, но в нем непроеводительный труд составляет львиную долю (38,1% всех расходов).

Конкретное разрешение степени дифференциации каждой из статей расходов на элементы ценообразования (материалы, амортизация, зарплата, прибыль, услуги прочих отраслей) в наших предприятиях зависит от степени их мощности и состояния техники учета.

III. Потоварная дифференциация издержек обращения в оптовой торговле

Изучение издержек обращения непосредственно связывается с проблемой потоварной их дифференциации. Выше мы уже указывали, что ценообразование в распределительном аппарате ни в коем случае не основывается (даже в плановом хозяйстве) на тарификации себестоимости распределения отдельных товаров, но дифференцированный по товарам учет себестоимости является существенно-важным элементом рационализации и планирования накопления в торговле;

незнание роли ассортимента в образовании расходов и прибыли нередко на практике сказывалось у нас отрицательно.

Вопрос о методах распределения расходов по отдельным товарам ставился не раз, но лишь за последнее время он начал получать в капиталистических странах конкретное разрешение. Необходимо при этом подчеркнуть, что речь идет не о прямом учете непосредственных расходов, падающих на тот или иной товар — даже при нынешнем учете, так называемых, «накладных расходов», лишь часть расходов может быть точно отнесена к данной партии товара (напр., тариф), — а только о методах распределения расходов по товарам. Вопрос стоит так: можно ли при той системе учета, о которой говорилось в предыдущей главе, выделить такие расходы, которые, аналогично прямым расходам в промышленной калькуляции, войдут в непосредственную калькуляцию данного товара.

В виду того интереса и новизны, которые представляют опыты в этом направлении, мы остановимся на них подробнее. Речь будет идти о ряде американских работ, преимущественно Министерства Торговли. Последнее уже давно ведет ряд работ, направленных к увеличению прибыли торговых предприятий за счет рационализации торговли. В поисках этих путей оно должно было углубить методы изучения издержек обращения. Направление этих поисков нашло следующую формулировку в устах директора западной Электрической Компании (1923): «Если бы мы могли знать себестоимость производства и распределения каждого товара, обращающегося на рынке, если бы мы знали рентабельность каждого счета оптовика, которого мы обслуживаем, и если бы оптовики знали рентабельность каждого счета розничника, которому они отпускают товар, тогда и только тогда сократилось бы число фабрик, поставляющих данный товар, число оптовиков, сбывающих его, и число розничников, обслуживающих покупателей. Тогда и только тогда сумели бы мы разрешить проблему высоких издержек производства и распределения».

Как видит читатель, цель поставлена очень почтенная; а метод ее разрешения — изучить себестоимость распределения и рентабельность каждой дробной операции в отдельности, это — задача достаточно смелая и благодарная даже для советского хозяйства. Перед нами любопытная диалектика: капиталистическое хозяйство, в основе своей анархичное, в поисках удешевления распределительного аппарата, изыскивает сложные, дорого стоящие, методы учета, о которых мы и мечтать не можем; мы же, для которых учет должен быть основой социализма, пользуемся самыми грубыми средними показателями — и все же с большим успехом добиваемся разрешения наших задач. Социальная обстановка нашего планового хозяйства действует сильнее всяких приемов капиталистического учета. Все же использование опыта капиталистических стран должно сослужить нам большую пользу в деле построения социалистических форм учета.

Первым по времени исследованием в интересующем нас направлении надо считать исследование Западной Электрической Компании (1921 г.), о котором, к сожалению, подробных данных у нас не имеется. Нам известен план Electrical Jobbers Association, в котором предлагались следующие методы учета: расходы по получению распределялись по товарам — по числу полученных единиц; хранение товаров — по числу хранящихся в запасе единиц; содержание складского персонала сначала распределялось по этажам и потом исчислялось по товарам — по числу полученных и отпра-

вленных единиц; расходы по контролю и отправке товаров — по числу отправленных единиц. Арендная плата, страхование и налоги на оборудование исчислялись по пространству, обычно занимаемому каждым товаром; страхование, налоги и проценты на товарные запасы — по средней стоимости запасов каждого товара. Расходы по продаже распределяются по затраченному для каждого товара времени продавцов, вояжеров и управляющих, на основе специальных отчетов, получаемых от них. «Этот метод», прибавляет автор (J. Millard), изложению которого мы следуем, «повидимому, содержит в себе столько трудностей, что может отпугнуть даже наиболее смелого оптовика от его применения». В печати результаты работ были опубликованы применительно к размерам сделок (в группировке по их величине); при этом была выявлена убыточность мелких сделок (до 25 долл.)¹.

Следующим шагом была работа, предпринятая Министерством Торговли в лице J. Millard, давшая анализ расходов отдельных товаров в оптовом металлическом предприятии². И эта работа остается еще дефектной. Ее слабое место лежит, во-первых, в условности разбивки расходов по операциям и, во-вторых, в условном определении размеров расходов, падающих на каждый товар по данной операции. Кроме обычных операций по продаже товаров, конторе, управлению, рекламе и «разных», авторы исследования ввели четыре оперативные группы: «объем», «экспедиция», «оборот», «склад». Расходы на содержание персонала склада и транспорта, на фрахт и экспедицию были условно разделены пополам между «объемом» и «экспедицией», статья «экспедиция» давала возможность исчисления расходов в зависимости от качества товара (тщательность упаковки, разбивка на партии и т. д.), в то время, как расходы по объему распределялись по товарам лишь в зависимости от величины средней продажной партии (напр., болты с низкой стоимостью партии, даже при большом заказе, дают большие расходы на единицу, чем дорогие жатвенные машины и т. д.). Также условно делилась арендная плата за склад пополам между «оборотом» и «складом»; одна половина («склад») распределялась по емкости (объему), другая — вместе с процентами на капитал и страхованием — по оборачиваемости.

Помимо этой далеко не обоснованной условности, само определение размеров расходов, падающих на каждый исследуемый товар, происходило по условному методу; все расходы, разбитые по указанным группам, были разнесены на шкалу следующим образом: при среднем расходе в 16% все статьи расходов были распределены в соответственных пропорциях (10/16, 12/16, 14/16 ... до 22/16). Получилась следующая шкала (в % %):

Всего	Продажа	Контора	Объем	Экспедиция	Склад	Оборот	Реклама	Управление	Разные
22	4,80	3,80	1,82	1,82	0,51	2,75	1,17	3,67	1,79
20	4,35	3,45	1,65	1,65	0,47	2,51	1,06	3,33	1,62
18	3,92	3,11	1,48	1,48	0,43	2,26	0,96	3,00	1,46
16	3,49	2,77	1,32	1,32	0,38	2,01	0,85	2,67	1,30
14	3,05	2,42	1,16	1,16	0,33	1,75	0,74	2,34	1,14
12	2,62	2,08	0,99	0,99	0,29	1,51	0,64	2,00	0,98
10	2,18	1,73	0,83	0,83	0,23	1,25	0,53	1,67	0,81

¹ См. «Вопросы Торговли» № 8—9 за 1928 г., стр. 153.

² J. Millard «Analyzing wholesale Distribution Costs»; на правах рукописи.

Затем, на основе тщательного изучения документов, других фактических данных и экспертных показаний каждый товар оценивался по каждой из групп расходов и относился по ней к тому или иному ряду. Таким образом, складывая эти расходы, авторы и получили общий размер расходов, падающих на данный товар.

Несмотря на все условности метода, он дал блестящие результаты. После изучения в течение нескольких лет, обследованная фирма приступила к пересмотру ассортимента, сократив число артикулов с 12 тыс. в 1919 г. до 6,5 тыс. в 1927 г.; число поставщиков она довела до 450 (против 700, из которых 638 давало всего 29% оборота). Исходя из того, что сделки ниже 600 долл. были нерентабельны, фирма сократила число клиентов вдвое (с 1432 до 700); сократив оборот на 33%, она увеличила рентабельность на 68%, при чем ее расходы упали на 4% ниже аналогичных предприятий. Наконец, она пересмотрела цены, приведя их в большее соответствие с расходами.

В 1927 г. Министерство Торговли в лице того же J. Millard, совместно с «комиссией эффективности» Национального Союза оптовых продуктовых торговцев, предприняло новое обследование оптового продуктового предприятия, которое и по результатам, и по методологии представляет наибольший интерес; правда, отрасль эта относительно легче других поддается учету, поскольку поштучный признак здесь заменяется в основе весовым. На этом обследовании мы остановимся подробнее.

Обследованное предприятие представляется достаточно типичным для оптовой продуктовой торговли; это видно из следующего сделанного нами сопоставления с итогами обследования Гарвардского Университета (по 501 предприятию в 1923 г.)²:

Расходы по:	501 фирма (1923 г.)	Обследов. фирма
продаже	2,75%	2,65%
складским операциям	3,89%	3,55%
доставке розничникам ³	0,90%	1,03%
конторе	1,27%	1,15%
кредиту	0,40%	0,53%
управлению	1,35%	1,30%
Всего	10,56%	10,21%

Как же было произведено распределение расходов по отдельным товарам? Авторы исследования стремились, прежде всего, создать такую схему, которая оказалась бы практически приемлемой; они поэтому устраняли такие моменты, которые теоретически необходимы, но усложнили бы учет. Если бы оптовое предприятие, рассуждали авторы, было только складским, можно было бы ограничиться потребным объемом для хранения и стоимостью этих операций; если бы оно было только транспортным, в основу исчисления можно было бы положить вес перевозимых грузов. В торговом предприятии дело сложнее. Было решено для оперативных торговых расходов положить в основу следующие показатели: об'ем (в куб. футах) для операций по хранению, стоимость запасов (в долл.) для распреде-

¹ J. Millard „The Wholesale Grocer's Problems“, 1929.

² Номенклатура статей очень близка или даже полностью совпадает.

³ Оптовая продуктовая сеть в САСШ очень разветвлена (средний радиус от 60 до 100 верст); в расходах оптовиков учитывается доставка розничникам товара на автомобилях.

ления процентов, налогов и страхования товаров, вес продажных товаров для распределения складских и транспортных расходов, количество партий (сделок), подлежащих бухгалтерской обработке — для конторских операций. Далее было приступлено к исчислению соответствующих величин по товарам, точнее товарным группам (для упрощения); исчислялся средний вес и об'ем для каждой товарной группы; это удалось сделать для 88,9% всего ассортимента, по отношению к которым и велись дальнейшие расчеты. В виду стандартности большинства товаров (сгущенное молоко по 48 однофунтовых банок в ящике и т. д.), это удалось сделать с достаточной точностью.

После этого было произведено исчисление «средней стоимости» веса, об'ема и запасов по всему ассортименту и по отдельным товарам и, далее, исчислялась стоимость операций на 100 долл. оборота. Эти расчеты сведены нами в табл. 2 и 3.

Табл. 2.

Исчисление „средней“ стоимости операций в оптовом продуктовом предприятии САСШ.

Операция	База исчисления	Всего единиц	Единиц на 100 долларов оборота	Всего расходов	Расходов на 1 единицу	
					Наименов. единиц	Стоимость расходов (долл.)
Оборот	Ценностное выражение	2.500.000 долл.	—	136.500 дол.	—	—
Хранение	Вес	30.000.000 фунт.	1.200 ф.	35.000 „	1 фунт	0,0012
Финансирование запасов	Об'ем	100.000 куб. фт.	4 куб. ф.	15.000 „	1 куб. ф.	0,1500
Доставка товаров	Ценностное выражение	400.000 долл.	16 долл.	25.000 „	1 долл.	0,0625
Конторские операции	Вес	30.000.000 фунт.	1.200 ф.	24.000 „	1 фунт	0,0008
	Число един. товара	402.975	16,1 ед.	37.500 „	1 един.	0,0930

Содержание операций определялось следующим образом:

- 1) складские операции — содержание персонала по приемке и отправке товаров, складского персонала, уборка помещения;
- 2) хранение — арендная плата, содержание помещения;
- 3) финансирование запасов — проценты, налоги, страхование.

Исчисленные на 100 долл. оборота (в целом и по каждому отдельному товару) величины и дают соотношение расходов по данной операции и данному товару к обороту (в %).

Из принятых условностей отметим еще расходы по перевозке. В них за базу исчисления взят только вес перевозимых грузов; расстояние и количество (по числу выполняемых заказов) применительно к отдельным товарам, исходя из существующей практики невзимания особой оплаты услуг, авторами не принято во внимание. Если же учесть эти условия, то необходим специальный учет расстояний и размеров партий.

Кроме оперативных торговых расходов, авторами делалось исчисление по отдельным товарам и для конторских расходов. Здесь за базу исчисления принято количество товарных единиц (сделок)

Табл. 3.

Исчисление расходов по отдельным товарам в оптовом продуктовом предприятии САСШ.
(без расходов по продаже и управлению)

Операция	Средняя стоим. 1 един. (в долл.)	Все товары		Т а б а к		С а х а р		Консервн. фрукты		Консервн. овощи	
		Единиц на 100 долл.	Расходы в %%	Единиц на 100 долл.	Расходы в %%	Единиц на 100 долл.	Расходы в %%	Единиц на 100 долл.	Расходы в %%	Единиц на 100 долл.	Расходы в %%
Складские опера- ции	0,0012	1.200 фунт.	1,40	50 фунт.	0,06	1.667 фунт.	1,95	1.042 фунт.	1,22	1.593 фунт.	1,96
Хранение	0,1500	4 куб. фут.	0,60	0,214 куб. фут.	0,03	1.003 куб. фут.	0,15	17.894 куб. фут.	2,70	17.405 куб. фут.	2,61
Финансирование запасов	0,0625	16 долл.	1,00	8,56 долл.	0,54	3,44 долл.	0,21	68,6 долл.	4,28	46,99 долл.	2,9
Доставка товаров	0,0008	1.200 фунт.	1,00	50 фунт.	0,06	1.667 фунт.	1,39	1.042 фунт.	0,87	15,93 фунт.	1,33
Конторские опера- ции	0,0930	16,1 един.	1,50	10 един.	0,93	8,33 един.	0,77	25 един.	2,33	25 един.	2,33
Всего .	—	—	5,50	—	1,62	—	4,47	—	14,40	—	11,07

(units). В среднем на 100 долл. приходилось 16.119 един.; расходы по ним составляли 1,5 долл. (1,5%). Средняя партия сахара составляла 200 фун. за 12 долл.; таким образом, на 100 долл. приходится 8,33 «единиц» (партий) с расходами в размере 0,774 долл. (0,774%). Для консервов это составляет на 1 партию 1 ящик по 4 долл., или на 100 долл. оборота расходов в размере 2,325%. Здесь все исчисления сделаны на средние размеры партии и не учтена их группировка по размерам; между тем, она играет решающую роль для конторских расходов и довольно значительную и для некоторых других (транспортно-экспедиционных). От дифференциации расходов по продаже и управлению по отдельным товарам обследователи отказались, распределив их пропорционально продажной цене товара.

Примененный метод распределения расходов по товарам является, конечно, условным; он исходит из допущения, что фактические расходы на «единицу операции» по каждому данному товару действительно равны средне-взвешенной абстрактной «единице». Все же этот метод, по нашему мнению, представляет значительный интерес. Исчисленная нами табл. 4 дает наглядно представление о соотношении издер-

Табл. 4.

Расходы по отдельным товарам в оптовой продуктовой торговле и в САСШ.

Товары	Расходы (в % к обороту)					Состав расходов (в % к итогу)				
	Складские операции	Доставки	Хранение	Финансиров. запасов	Всего	Складские операции	Доставки	Хранение	Финансиров. запасов	Всего
Табак	0,06	0,06	0,03	0,54	0,69	8,7	8,7	4,3	78,3	100,0
Мясо, ветч., сыр	0,48	0,32	0,05	0,21	1,06	45,3	30,2	4,7	19,8	100,0
Сладости	0,50	0,33	0,14	0,54	1,51	33,1	21,9	9,3	35,7	100,0
Кофе и чай	0,36	0,24	0,16	0,87	1,63	22,1	14,7	9,8	53,4	100,0
Зерновые (кроме муки)	0,69	0,46	1,55	0,75	3,45	20,0	13,3	44,9	21,8	100,0
Сахар	1,95	1,39	0,15	0,21	3,70	52,6	37,6	4,1	5,7	100,0
Рис	1,33	0,89	0,96	0,96	4,14	32,1	21,5	23,2	23,2	100,0
Молоко сущ.	1,60	1,07	0,60	1,02	4,29	37,2	25,0	14,0	23,8	100,0
Бобы сушен.	1,78	1,19	0,65	1,04	4,66	38,2	25,5	14,0	22,3	100,0
Сироп	1,81	1,21	1,03	0,96	5,01	36,1	24,2	20,6	19,1	100,0
Мыло	1,94	1,39	0,60	1,10	5,03	38,6	27,6	11,9	21,9	100,0
Мясо копс.	1,01	0,67	0,94	2,47	5,09	19,9	13,2	18,4	48,5	100,0
Мука	2,81	1,87	0,46	0,45	5,59	50,2	33,5	8,2	8,1	100,0
Приправы	1,03	0,69	1,90	3,58	7,20	14,3	9,6	26,4	49,7	100,0
Фрукты сущ.	2,33	1,56	0,98	2,79	7,66	30,4	20,4	12,8	36,4	100,0
Овощи конс.	1,86	1,33	2,61	2,94	8,74	21,3	15,2	29,9	33,6	100,0
Фрукты конс.	1,22	0,87	2,70	4,28	9,07	13,5	9,6	29,8	47,1	100,0
Соль	13,83	9,22	4,64	0,96	28,65	48,2	32,2	16,2	3,4	100,0
В среднем	1,40	1,00	0,60	1,00	4,00	35,0	25,0	15,0	25,0	100,0

жек по отдельным товарам и о факторах, образующих величину этих издержек. Правда, в продуктовой торговле, где, как мы уже указывали, весовой показатель играет первенствующую роль, эти факторы более элементарны, чем, напр., в металлической торговле. Все же мы здесь имеем впервые статистическое выражение факторов веса, объема и оборачиваемости в распределительном аппарате.

В изложенной работе нет, конечно, непосредственного учета прямых расходов, связанных с обращением данной партии товара. В ней применен метод дифференцированного распределения общеторговых расходов по отдельным товарам (по соотношениям ценностных и весовых единиц, ценностных и объемных единиц и т. д.). Но ведь и наши, так называемые, «накладные расходы» содержат в себе в значительной мере условно-разнесенные (по весу, по покупной стоимости) суммы. Метод непосредственного учета прямых расходов практически не может быть применен; но введение системы условных коэффициентов для распределения возможно большей части «общеторговых» расходов по товарам (с выделением их в группу «прямых» расходов) является, несомненно, задачей дня. С этой точки зрения и приобретают большой интерес сообщенные нами итоги американских работ.

IV. Трудовые затраты и издержки в розничной торговле

В оптовой торговле, где основные трудовые процессы сводятся к складским операциям, включая хранение и доставку, дополнительные издержки, пропорциональные весу, объему и расстоянию, являются решающими для их потоварной дифференциации. Понятно, что здесь следует учитывать и ломкость товара, и подверженность товара порче и т. д.; особенное значение имеют процессы дробления.

Специфический характер имеют процессы обработки товара (дробления и перемещения, включая передачу потребителю) в розничной торговле. Показатель веса и объема не имеет значения для преобладающей доли носителя трудовых процессов в розничном распределителе (магазине) — для труда продавца. Его работа представляет своеобразную форму трудовой деятельности, аналогичную процессу перемещения, но далеко не адекватную. Предмет труда в розничном распределении, как и в транспорте, является овеществленный в другом процессе труд — товар, ждущий последнего этапа реализации своей потребительской стоимости; «продукцией» розничного распределителя является товар, хранящийся на прилавке и «изменяющий свое пространственное бытие» путем отпуска товара потребителю (мы опускаем все моменты акта купли-продажи).

В конкретной современной экономике функции розничной торговли, однако, шире. Одно из американских обследований так определяет функции розничной торговли. Они состоят: 1) в концентрации разнообразного ассортимента товаров в одном месте, удобном для потребителя, 2) в поддержании запасов в размере, необходимом для ежедневного обслуживания потребителей, 3) в отборке, сортировке и приготовлении товаров в состоянии, пригодное для отпуска потребителю, 4) в расположении товара в порядке, удобном для обозрения покупателю, 5) в дроблении товаров на единицы, испрашиваемые покупателем, и в отпуске ему товара, со всеми связанными с этим операциями, 6) в ожидании покупателя. Последняя функция вносит особое своеобразие в экономику розничной торговли.

Особенностью промышленного производства является непрерывность (по крайней мере потенциально) трудовых процессов; отсюда внедрение конвейера в промышленность. Транспорт, даже складское дело (вспомним конвейер на шерстяной базе ВТС в Москве, на элеваторах и т. д.) применяют конвейерный метод в труде; в условиях советского хозяйства мы легко можем иметь и нередко имеем непрерывное единство процессов производства и обращения вплоть до розничного магазина. Однако, здесь в стыке с потребителем, непрерывность

прекращается. Даже у нас, при наличии бешеной нагрузки магазинов, очередей и т. д., процесс розничного отпуска дает резкие перерывы. В последнее время изучению нагрузки магазинов по сезонам, дням и часам дня уделяется большое внимание как у нас, так и за границей (Германия). В нашу задачу не входит освещение этого вопроса; мы остановимся лишь на одной иллюстрации, по данным обследования, произведенного Оргстроем¹. Простой за отсутствием покупателей составлял:

В мясном отделении	8,00%	рабочего дня
„ гастрономическом отделении	9,38%	„ „
„ зеленном отделении	9,88%	„ „
„ бакалейном отделении	12,49%	„ „
„ хлебном отделении	14,50%	„ „
„ молочно-масляном отделении	14,83%	„ „
„ хлебно-бакалейном отделении	16,15%	„ „
„ бакалейно-кондитерск. отделении	16,73%	„ „
„ фруктовом отделении	17,42%	„ „
„ винно-гастрономическом отделении	17,45%	„ „
„ мясо-рыбн.-зеленом отделении	18,85%	„ „
„ рыбном отделении	23,62%	„ „
„ винном „	28,66%	„ „
„ кондит.-парфюм.	31,28%	„ „

При средней перегруженности ряда важнейших отделений и магазинов наличие указанных простоев объясняется резкой недогруженностью в определенные часы дня. Разные отделения и магазины имеют свою вполне закономерную кривую распределения числа отпусков по часам дня².

Издержки, вытекающие из недогрузки магазина, несомненно, относятся к накладным расходам розничной торговли; они, с известными ограничениями, должны быть отнесены и к чистым издержкам, — с ограничениями, ибо некоторый «общественно-необходимый» простой при данной организации распределения неизбежен. Мы в дальнейшем остановимся на цифровой его оценке; теперь лишь отметим, что организация распределения в будущем может представляться как некоторая фабрика-распределитель, по предварительному заказу доставляющая — аналогично почтово-пересылочным предприятиям САСШ — продукты на дом; или же для потребителей, желающих предварительно осмотреть товар, — как центральный распределитель.

Что же представляют собой прямые издержки розничного магазина? Они определяются затраченным полезным трудом продавца, связанным с непосредственным отпуском товара потребителю. Очень ценное обследование, произведенное Оргстроем в лице М. Андреева (см. вышеупомянутую книгу)³, дает следующую группировку трудовых процессов продавца, «объем которых пропорционален объему непосредственного отпуска» (не считая непосредственного отпуска):

Подсчет
Дополнительная упаковка.
Выдача товара.

¹ М. Андреев] „Нагрузка продавцов продуктовых розничных магазинов“ М. 1929 г.

² См. в русской литературе еще „Вопросы Торговли“ №№ 1—2 за 1928 г. А. Визгалия и др. „Организация розничного магазина“ М. 1928 г.

³ М. Андреев, стр. 54.

Работа с инструментом.
 Вывешивание посуды.
 Обратный транспорт товара.
 Ожидания у весов.
 Выдача расписок.
 Уборка прилавка.
 Разборка и раскладка товаров.
 Подготовка товара.
 Прием товара и тары.
 Операции с чеками.

Здесь есть операции, являющиеся продолжением процесса перемещения (п. 12, 10); все они, однако, связаны непосредственно с отпуском продуктов; процесс самого отпуска является, несомненно, прямым расходом, учет которого в качестве прямых издержек требует, однако, утонченной техники (хронометража), в отличие от поддающихся легкому учету — применительно к данному продукту — производственных процессов. Здесь, в технике учета, но не в принципе, лежит граница между прямым и накладным расходами в отношении непосредственного отпуска. Распределение трудовых затрат по отдельным товарам (кроме непосредственного отпуска) не удалось и при этом утонченном учете; перечисленные операции учтены лишь применительно к отделениям, т.е. аналогичны общецеховым накладным издержкам. Табл. 5 дает представление о балансе рабочего времени продавца, исчисленном Оргстроом.

Чем же определяются размеры трудовых затрат продавца? Двумя факторами: во-первых, экономическим — частотой обращения потребителя к магазину (частота покупок, определяемая средним количеством отпуска в час), и, во-вторых, технологическими факторами — особенностями самого товара, его стандартностью, громоздкостью и т. д. Решающим для розничного предприятия, в отличие от производственного, является, как это вытекает из сказанного нами выше, экономический фактор, а не технологический, т.е. фактор, зависящий от социально-экономического строя общества. Проблема издержек розничного предприятия здесь непосредственно связывается с экономикой приобретения, зависящей от покупательной мощности населения, его привычек и быта, обусловленных данным уровнем социальных отношений и т. д. Это — предмет специального, подготавливаемого нами исследования. Здесь же укажем на связь этой проблемы с теорией издержек обращения.

«Продукция» розничного предприятия — его оборот — согласно трудовой теории, должна определяться не по методу ценностному — производству ценности одной единицы товара на количество единиц, а производением ценности среднего размера партии на число партий (отпусков). Американское обследование, опубликованное в № 11 «Вопросов Торговли» за 1929 г.¹, показывает все значение этой единицы измерения для издержек обращения. Оно установило, что колебания накидок в плодово-овощной розничной торговле (в процентном отношении) зависят не от денежного оборота (или другими словами, ценности единицы продукта) и не от количественного оборота, а являются результатом комбинации постоянства (приблизительного) абсолютной накладки на розничную партию и колебаний в ценности этой партии. Только отнесение процентной накладки к стои-

¹ Крон — „Цепообразующие факторы в городской торговле скоропортящимися продуктами в Нью-Йорке“, стр. 85—90.

Сравнительная таблица балансов рабочего дня—продавцов по отделениям магазина.
(Весь рабочий день принят за 100%)

Отделения		Гастроно- мия	Вино-гаст- рономия	Виное	Бакалей- ное	Бакалейно- кондитерск.	Хлебно-ба- калейное	Хлебное	Кондитер- парфюмерн	Молочно- масл.	Мясное	Мясо рыб- но-зелен.	Рыбное	Зеленое	Фруктовое
Вспомогат. работы	Осн. раб. не Основ. раб., связан. связ. с непоср. с непосредств. отп.														
	Непосредственный отпуск	54,81	39,52	13,84	58,68	49,25	51,72	63,34	25,19	48,11	52,48	46,31	31,38	63,97	19,06
работа	Разговор с покупателем	1,22	2,98	4,00	3,20	1,25	0,92	1,32	3,84	1,77	2,80	3,05	2,80	1,75	3,97
	Подсчет	0,92	1,34	0,90	1,42	1,41	0,87	0,18	0,97	0,63	1,78	1,31	1,00	1,17	0,02
	Дополн. упаковка	1,38	0,59	1,18	1,01	0,10	0,11	0,08	0,42	0,64	0,75	0,35	1,00	0,25	1,33
	Выдача товара	0,94	0,42	0,17	1,11	0,28	0,19	0,14	0,55	0,81	6,72	4,25	3,72	0,77	0,42
	Работа с иностр.	0,13	0,10	—	0,03	—	0,15	0,06	0,05	0,27	0,50	0,36	0,10	—	—
	Вывешивание посуды	—	0,01	—	0,56	—	—	—	—	0,29	—	0,42	—	1,57	—
	Обратн. транспорт. товара	0,36	0,09	—	0,04	0,07	0,09	0,06	0,38	0,09	0,83	0,45	0,24	0,03	0,01
	Ожидание у весов	0,19	0,01	—	0,07	0,06	0,05	0,02	0,09	0,04	0,06	0,03	0,01	0,05	—
	Выдача расписки	0,13	0,72	1,28	0,24	0,03	0,25	0,20	0,10	0,65	0,18	0,22	0,09	0,22	0,07
	Уборка прилавка	1,76	5,67	5,92	0,64	3,46	2,78	2,84	3,23	4,49	2,49	2,67	2,20	1,65	4,58
	Разборка и раскладка товара	7,30	11,24	13,39	0,95	4,79	2,31	4,09	7,22	3,31	2,08	1,26	3,32	0,86	20,00
	Подготовка товара	4,20	6,09	4,85	2,20	5,05	3,86	1,34	7,45	7,07	9,04	7,83	3,74	3,50	21,37
	Служебные разговоры	2,01	1,74	2,20	0,82	0,72	1,69	0,99	0,34	2,28	0,24	0,75	1,12	0,15	1,89
	Прием товара и тары	2,07	1,60	1,78	0,18	0,97	3,18	3,36	0,91	0,70	1,12	0,93	0,57	0,02	0,18
	Операции с чеками	0,27	0,70	0,43	0,44	0,74	2,22	0,56	1,84	3,15	0,28	0,27	0,52	0,40	0,20
	Хождение в склад	3,95	1,87	15,50	5,61	4,65	4,23	1,63	0,36	1,13	2,40	1,26	4,85	3,54	2,28
	Уборка помещения	0,26	0,54	0,23	0,36	0,79	1,17	0,78	0,68	0,45	0,57	0,72	1,65	0,78	0,39
	Случайные работы	1,13	2,51	1,43	1,27	1,99	1,36	0,86	5,76	1,21	2,04	0,91	3,24	1,25	1,63
	Работа в других отделениях	0,03	0,38	0,66	—	0,02	—	—	5,23	0,02	0,11	0,27	10,86	0,05	0,60
Простой:															
Отдых	Отсутствие продавца	3,40	1,61	0,96	3,09	3,32	3,32	0,72	3,22	2,91	1,70	2,95	0,77	3,90	2,73
	Отсутствие покупателя	9,38	17,45	28,66	12,49	16,73	16,15	14,5	31,28	14,83	8,00	18,85	23,62	9,88	17,42
	„ товара	—	—	0,12	0,66	—	0,04	0,04	0,01	0,88	0,01	—	0,13	0,03	—
Отдых		4,14	2,83	2,51	4,93	4,32	3,24	2,79	1,28	4,27	3,45	3,98	3,06	4,21	2,34

Из кн. М. Андреева „Нагрузка продавцов продуктовых розничных магазинов“, М., 1929.

мости партии, а не единицы веса, могло объяснить резкие колебания самой (относительной) накладки, как это видно из следующей таблицы:

Наименование товаров	Средн. раз- мер рознич- ной покуп. в фунт.	Средн. раз- нич. цена за 1 фунт (в цент.)	Стоим. стан- дарт. розн. покупки (в цент.)	Накладка в %	Накладка на стандарт. розн. покуп- ку (в цент.)
Северный картофель	6,50	4,1	26,7	37	9,9
Южный "	3,70	7,4	27,8	38	10,6
Калифорн. апельсины	2,50	11,9	27,5	41	11,3
Сладкий картофель	2,75	8,9	24,5	45	11,0
Персики	2,25	11,9	26,8	44	12,1
Яблоки в ящиках	2,25	10,9	24,8	46	11,4
Дыни	3,25	7,6	24,7	46	11,4
Южная капуста	2,75	9,4	25,9	48	12,4
Яблоки в бочках	3,00	8,0	24,0	49	11,8
Восточн. латук	1,75	13,0	22,8	51	11,5
Западн. "	1,50	14,7	22,1	52	11,6
Желтый лук	3,25	7,1	23,1	53	12,2
Северная капуста	4,00	5,2	20,8	58	12,1
Белый лук	2,25	9,0	20,3	63	12,8
Ср.-взвешенная	3,28	7,7	25,3	45	11,3

Объяснение этой закономерности лежит в двух факторах: а) в однородной группе товаров количество приобретаемых единиц обратно пропорционально ценности этих единиц — фактор экономический (однородная по покупательной мощности группа потребителей за один и тот же доллар приобретает дешевых товаров больше, а дорогих — меньше)¹, и б) на отпуск однородных товаров затрачивается, примерно, продавцом одинаковое время, чем и объясняется приблизительная устойчивость абсолютной суммы накидок.

Исходя из этих положений, мы можем принять, что издержки на розничный отпуск (продажу) исчисляются полезным трудом продавца (временем на непосредственный отпуск и связанные с ним операции); показателем же затраченного полезного времени можно принять число отпусков в час.

Применяя метод, предложенный J. Millard, получаем следующую табл. 6 потоварных издержек на отпуск товаров в розничном бакалейном отделении магазина (зарплата 1 продавца взята по данным на март 1928 г., число отпусков в час — по данным Оргстроя) (таблица имеет лишь иллюстративное значение).

Учитывая решающее значение зарплаты продавцов в розничных предприятиях (не менее 50% всех издержек), мы можем легко теперь установить одну из важнейших причин высокого уровня розничных накидок за границей по сравнению с нашими, а также роста накладки за границей. В самом деле, если расходы универсального магазина в САСШ поднялись с 9,9% в 1883 г. до 18,9% в 1913 г.², при почти равномерном росте всех статей, если издержки продолжали расти в послевоенные годы, то этот факт, вытекающий из общей обстановки капиталистической конкуренции, с точки зрения «производ-

¹ Эта закономерность подтвердилась в отношении овощно-зеленных товаров и по обследованию Оргстроя.

² Сообщено W. Sammons в книге „Keeping up with rising costs“ 1915 г.

ственной» объясняется, в первую очередь, уменьшением полезной нагрузки предприятия. Число жителей на одну продуктовую лавку составляло:

В 1850 г.	960 чел.	В 1910 г.	423 чел.
„ 1860 „	850 „	„ 1910 „	470 „
„ 1870 „	527 „	„ 1920 „	310 „
„ 1880 „	490 „	„ 1925 „	208 „
„ 1890 „	574 „		

Вот разгадка роста издержек обращения!

Табл. 6.

Исчисление расходов на зарплату, падающих на отдельные товары, в бакалейном отделении продуктового магазина.

Т о в а р ы	Число отпусков в час	Выручка в час (в коп.)	Число отпусков на 1 руб. оборота	Расход на 1 руб. оборота
Грибы сушеные	1,08	127,3	0,85	0,59
Чай	3,22	364,1	0,88	0,61
Сахар-песок	14,10	756,2	1,86	1,28
Свечи (пачками)	0,19	9,9	1,92	1,32
Сахар-рафинад	9,76	481,2	2,03	1,40
Рис	3,68	177,4	2,07	1,43
Перец молотый (в шт.)	0,54	24,2	2,23	1,54
Масло подсолнечное	2,78	119,9	2,32	1,60
Компот	2,45	92,9	2,64	1,82
Мука белая	4,75	174,5	2,72	1,88
Мыло для стирки	3,77	131,5	2,87	1,98
Крупа гречневая	2,68	74,6	3,59	2,48
Изюм	0,90	25,04	3,59	2,48
Макаронны	0,47	12,8	3,67	2,53
Крупа манная	1,99	52,7	3,78	2,61
Синька	0,91	22,9	3,97	2,74
Кофе (в шт.)	0,94	21,2	4,43	3,06
Горчица (в банк.)	0,38	8,36	4,55	3,14
Фасоль	0,61	13,0	4,69	3,24
Вермишель	0,92	18,5	4,97	3,43
Орехи грецкие	0,66	12,8	5,16	3,56
Гуталин	0,48	9,25	5,19	3,58
Горчица (в шт.)	0,72	12,74	5,65	3,90
Подсолнечное масло	0,73	9,86	7,40	5,11
Сода для стирки	1,61	20,0	8,05	5,55
Горох очищенный	1,15	7,32	15,71	10,84
Соль	2,57	15,47	16,61	11,46
Дрожжи	5,30	31,25	16,96	11,70
Спички	0,35	1,9	18,42	12,71
Всего	87,00	2.967,0	2,93	2,02

Обследованный Берлинским Конъюнктурным Институтом средний универмаг в одном из городов прусской Саксонии, по теоретическим исчислениям исследователя Грюнбаума, показывает следующие коэффициенты «полезного действия» фирмы:

Использование труда служащих	50%
„ капитала	28%
„ помещения	22%

Итого 37%

И это — типичная для Германии фирма!

Произведенное нами сопоставление нагрузки универмага в Берлине (по данным Ю. Гирша) с нагрузкой универмага Мосторга (быв. Мюр и Мерилиз) дало следующие результаты (число покупателей в день на 1 продавца):

	Универмаг в Берлине	М о с т о р г	
		1926/27 г.	1927/28 г.
Готовое платье	5 — 7	14,5	21,0
Текстильные изделия	10 — 18	51,0	48,0
Домашняя утварь, керам. и проч.	7 — 15	60,0	62,0
Предметы питания	82	165,0	230,0

Вопрос особый — о качестве обслуживания потребителя у нас и за границей. Мы характеризуем сейчас влияние нагрузки на издержки розничной торговли; мы полагаем при этом, что повышенные — против заграницы — коэффициенты использования розничных предприятий и, следовательно, пониженные нормы издержек могут быть достигнуты и при нормальном качестве обслуживания потребителя.

Приведенные нами конкретные работы показывают, что реорганизация системы учета издержек не только необходима, но и возможна. Эффективность «производственного» метода анализа издержек обращения несомненна. Мы не строим себе иллюзий, что эта реорганизация — задача легкая и быстро осуществимая. Мы, в частности, не предлагаем все выводы из настоящей работы претворить немедленно в жизнь. Реорганизация системы учета — дело длительное; бухгалтерия и даже калькуляция и не в состоянии немедленно осуществить эту реорганизацию. Участие исследовательских институтов и таких органов, как Оргстрой, проводший прекрасно исследование в чисто практических целях, здесь должно стоять на первом месте. Но независимо от этого, к пересмотру системы учета должно быть приступлено немедленно.

В частности, первоочередным является пересмотр номенклатуры расходов и переход на систему учета по хозяйственным единицам, о чем речь шла в гл. II. Что же касается потовой дифференциации, то она пока не может выйти за пределы экспериментального изучения. Перестроить калькуляцию по этому методу на данной стадии, понятно, не представляется возможным. Но на очередь дня, несомненно, следует поставить переход на количественный учет товаров. Укрупнение торговых предприятий и повышение техники учета, в частности, механизация учета, являются предпосылками для осуществления этой назревшей задачи.